

Михаил Елизаров (род. 1973, Ивано-Франковск) — русский писатель.

Окончил филологический факультет университета в Харькове и музыкальную школу по классу оперного вокала. На Украине писал стихи. С 1995 года жил в Ганновере, где учился в киношколе на телережиссёра. В настоящее время живёт в Москве[2].

В 2001 году в издательстве Ad Marginem вышел сборник «Ногти», привлёкший внимание к писателю. В сборник вошли 24 рассказа и одноимённая повесть, главными героями которой являются два воспитанника интерната для слабоумных детей. По словам автора, рассказы из сборника он писал с девятнадцати до двадцати семи лет. Повесть попала в шорт-лист литературной премии Андрея Белого, Лев Данилкин в журнале «Афиша» отнёс сборник к лучшему дебюту года.

Неоднозначные оценки получил роман Елизарова «Pasternak» (2003), где поэт Борис Пастернак представлен в образе демона, «отравляющего» сознание интеллигенции своими произведениями. Часть критиков назвала книгу «трэшем», «тошнотворным романом». Журнал «Континент» в обзоре литературной критики писал, что «когда коричневый цвет входит в моду, появляются его поклонники и в литературных кругах», называя автора НГ Ex libris Льва Пирогова, положительно отзывавшегося о романе, «идеологом нацистского толка». При этом, отмечал журнал, лейтмотивом критики сезона были «кризис либеральных ценностей, выход на арену врагов свободы».

С другой стороны, писатель Владимир Бондаренко в газете «Завтра» высоко оценил роман: «Вот уж где явил себя в полном блеске необузданный русский реванш, как ответ на все унижения и оскорбления русской нации, русского характера, русской веры и русской мечты... Сквозь весь набор авангардных литературных приёмов, сквозь филологичность текста и густую эрудицию молодого писателя, не уступающую ни Умберто Эко, ни Милораду Павичу, идёт яростная защита незыблемых вековых духовных ценностей русского народа». Лев Данилкин назвал роман «православным философским боевиком». Как сказал сам Елизаров, Пастернак ему никогда не нравился: «Человек талантливый, но какие-то отвратительные поэтические принципы плюс такие же человеческие качества. Смотрю дальше — а там целый айсберг, за которым стоит поганая либеральная гнусь».

В 2007 году был опубликован роман Елизарова «Библиотекарь», включённый в лонг-лист премии «Русский Букер». Главный герой романа узнаёт, что несколько книг забытого советского писателя обладают мистическими свойствами, и различные группы читателей ведут за них ожесточённую борьбу. Как отмечалось в журнале «Знамя», «проза Михаила Елизарова, похоже, эволюционирует подобно прозе В. Сорокина: от скандальной эпатажности к интеллектуально насыщенной беллетристике». В декабре 2008 года роман стал лауреатом «Русского Букера»

Писатель Михаил Елизаров стал лауреатом независимой литературной премии "Русский Букер" за роман "Библиотекарь".

В 2008 году для участия в конкурсе было номинировано рекордное число произведений - 91. С этого года организаторы "Русского Букера" впервые ограничили лонг-лист - теперь он может включать не более 23 романов.

Из них жюри под председательством литературного критика Евгения Сидорова составило "короткий список", в который вошли шесть авторов - Илья Бояшов ("Армада"), Михаил Елизаров ("Библиотекарь"), Елена Некрасова ("Щукинск и города"), Герман Садулаев ("Таблетка"), Владимир Шаров ("Будьте как дети"), Галина Щекина ("Графоманка").

Помимо Сидорова, в составе жюри вошли критик Сергей Боровиков (Саратов), прозаик Марина Вишневецкая, актриса театра и кино Евгения Симонова, прозаик Леонид Юзефович.

Среди авторов, претендовавших на звание финалиста, были Александр Архангельский ("Цена от сечения"), Юрий Вяземский ("Сладкие весенние баккуроты"), Андрей Тургенев ("Спать и верить"), Михаил Липскеров ("Белая горячка"), Татьяна Москвина ("Она что-то знала...") и другие.

В этом году дальнейшее развитие получил и проект "Студенческий Букер", в рамках которого работает параллельное студенческое жюри и выбирает своего лауреата. С этого года конкурс стал общероссийским - в нем могут участвовать студенты и аспиранты всех вузов.

Лауреатом премии 2007 года стал Александр Иличевский с романом "Матисс".

"Русский Букер" - первая негосударственная литературная премия в России с 1917 года. Она была учреждена в декабре 1991 года. Первое вручение премии состоялось в 1992 году, и с тех пор она вручается ежегодно.

Непосредственное руководство деятельностью премии осуществляет Букеровский комитет, в который входят видные писатели, представители литературной общественности, деятели культуры. С 2004 года его воз-

главляет британский журналист, литератор, дипломат Джордж Уолден. Комитет устанавливает правила конкурса и приглашает членов жюри, состав которого меняется каждый год. Михаил Елизаров — типичный представитель когорты авторов, пестуемых издательством "Ад Маргинем". То есть он чуть-чуть скандален, чуть-чуть циничен, хорошо владеет пером. Немножко усердия — и можно попробовать дотянуться до Сорокина, но Елизаров по-хорошему брезглив в описаниях, к тому же если автор "Голубого сала" апеллирует к самым разнообразным жанрам, то автор "Ногтей" предпочитает стилистику социально-фантастического ужасика. В "Библиотекаре" можно найти следы пародии на "Лед" и издевку над массовыми движениями, от "толкнуток" и поклонников фантастики до убежденных партийцев любых мастей.

Поклонники не Громова, а самого Елизарова уже поспешили назвать его книгу летописью последних двадцати лет нашей жизни. И правда, герои, как главный, так и второстепенные, несмотря на всеобщее помешательство, хорошо встроены в действительность. Смущает только итог, вытекающий из книги. Елизаров хочет сказать, что главная опасность для современного человечества — это именно чтение? Автору рубрики "Книги" с этим согласиться трудно. Остается читать "Библиотекаря" как пародийный триллер. Под таким соусом он идет отлично.

Аннотация к книге

«Библиотекарь» — четвертая и самая большая по объему книга блестящего дебютанта 1990-х. Это, по сути, первый большой постсоветский роман, реакция поколения 30-летних на тот мир, в котором они оказались. За фантастическим сюжетом скрывается притча, южнорусская сказка о потерянном времени, ложной ностальгии и варварском настоящем. Главный герой, вечный лузер-студент, «лишний» человек, не вписавшийся в капитализм, оказывается втянут в гущу кровавой войны, которую ведут между собой так называемые «библиотеки» за наследие советского писателя Д.А. Громова.

Громов — обыкновенный писатель второго или третьего ряда, чьи романы о трудовых буднях колхозников и подвиге нарвской заставы, казалось, давно канули в Лету, вместе со страной их породившей. Но, как выяснилось, не навсегда. Для тех, кто смог соблюсти при чтении правила Тщания и Непрерывности, открылось, что это не просто макулатура, но книги Памяти, Власти, Терпения, Ярости, Силы и — самая редкая — Смысла... Вокруг книг разворачивается целая реальность, иногда напоминающая остросюжетный триллер, иногда боевик, иногда конспирологический роман, но главное — в размытых контурах этой умело придуманной реальности, как в зеркале, узнают себя и свою историю многие читатели, чье детство началось раньше перестройки. Для других — этот мир, наполовину собранный из реальных фактов недалекого, но безвозвратно ушедшего времени, наполовину придуманный, покажется не менее фантастическим, чем умирающая профессия библиотекаря. Еще в рукописи роман вошел в лонг-листы премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга».

Содержание:

Герой книги, молодой человек по имени Алексей, живет в одной из соседних с Россией постсоветских республик. Где-то в российской глубинке у него умер дядя и оставил двухкомнатную квартиру в хрущобе. Алексей приехал в городок вступить в наследство и тут же стал свидетелем тройного убийства. Это разбилось между собой две банды-читальни, одна мстила другой за убитого дядю, который, оказывается, был гуру городского масштаба и библиотекарем местной читающей общины. А по сложным читательским законам на место умершего героя должен теперь встать его племянник, который ни про Громова, ни про его книги никогда не слышал...

БИБЛИОТЕКАРЬ

Часть I

ГРОМОВ

Писатель Дмитрий Александрович Громов (1910—1981) дожил свои дни в полном забвении. Книги его бесследно канули в макулатурную Лету, а когда политические катастрофы разрушили советскую Родину, о Громове, казалось, вспомнить было некому.

Громова мало кто читал. Конечно, редакторы, определявшие политическую лояльность текстов, а потом критики. Вряд ли кого-нибудь могли насторожить и заинтересовать названия «Пролетарская» (1951), «Счастье, лети!» (1954), «Нарва» (1965), «Дорогами труда» (1968), «Серебряный плес» (1972), «Тихие травы» (1977).

Биография Громова шла бок о бок с развитием социалистического отечества. Он закончил семилетку и педагогический техникум, работал ответственным секретарем в редакции заводской многотиражки. Чистки и репрессии не коснулись Громова, он спокойно дотянул до июня сорок первого года, пока его не призвали. На фронт он попал военным корреспондентом. Зимой сорок третьего Громов отморозил руки. Левую кисть удалось спасти, а вот правую ампутировали. Так что все громовские книги были созданы вынужденным левшой. После победы Громов увез семью из ташкентской эвакуации на Донбасс и до пенсии оставался в редакции городской газеты.

За перо Громов взялся поздно, зрелым сорокалетним человеком. Он часто обращался к теме становления страны, воспевал ситцевое бытие провинциальных городков, поселков и деревень, писал о шахтах, фабриках, бескрайней целине и битвах за урожай. Героями громовских книг обычно бывали красные директора или председатели колхозов, солдаты, вернувшиеся с фронта, вдовы женщины, сохранившие любовь и гражданское мужество, пионеры и комсомольцы – решительные, веселые, готовые к трудовому подвигу. Добро торжествовало с мучительным постоянством: в рекордные сроки поднимался металлургический комбинат, недавний студент за полгода заводской практики превращался в закаленного специалиста, цех перевыполнял план и брал новое обязательство, зерно по осени золотыми реками текло в колхозные закрома. Зло перевоспитывалось или упекалось в тюрьму. Разворачивались и любовные страсти, но очень целомудренные – поцелуй, заявленный в начале книги, по аксиоме театрального ружья стрелял холостым чмоканьем в щеку на финальных страницах. И Бог с ними, с темами. Написано это было заунывным слогом, добротными, но пресными предложениями. Даже обложки с тракторами, комбайнами и шахтерами были из какого-то сорного картона.

Страна, породившая Громова, могла публиковать тысячи авторов, которых никто не читал. Книжки лежали в магазинах, их уценивали до нескольких копеек, сносили на склад, сдавали в утиль и выпускали новые никому не нужные книги.

Последний раз Громова напечатали в семьдесят седьмом году, а потом в редакциях сменились люди, знавшие, что Громов – это безобидный словесный мусор ветерана войны, в котором общественность не особо нуждается, но и не имеет ничего против его существования. Громов отовсюду получал вежливые отказы. Государство, празднуя грядущее самоубийство, высиживало бесноватую литературу разрушителей.

Овдовевший одинокий Громов понял, что отпущенное ему время истекло, и тихо умер, а через десять лет вслед за ним ушел СССР, для которого он когда-то сочинял.

Хоть и было выпущено Громова общим числом больше чем полмиллиона, только отдельные экземпляры чудом осели в клубных библиотеках в далеких поселках,

больницах, ИТК, интернатах, гнили в подвалах, схваченные накрест бечевкой, стиснутые материалами какого-нибудь съезда и ленинским многотомьем

И все же у Громова имелись настоящие ценители. Они рыскали по стране, собирая оставшиеся книги, и ничего не пожалели бы за них.

Это в обычной жизни книги Громова носили заглавия про всякие плесы и травы. Среди собирателей Громова использовались совсем другие названия – Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла...

ЛАГУДОВ

Валериана Михайловича Лагудова без сомнения можно отнести к числу самых влиятельных фигур громовского универсума.

Родился Лагудов в Саратове в семье учителей, был единственным ребенком. С детства отличался хорошими способностями В сорок пятом семнадцатилетним юношей он отправился добровольцем на войну, но до фронта не добрался – в апреле заболел воспалением легких, месяц пролежал в госпитале, а в мае война завершилась Эта тема опоздавшего на войну солдата была для Лагудова чрезвычайно болезненной.

В сорок седьмом Лагудов поступил в университет на филологический факультет Успешно защитив диплом, он двенадцать лет проработал журналистом в провинциальной газете, а в шестьдесят пятом году его пригласили в литературный журнал, где он возглавил отдел критики

Предшественник Лагудова расстался со своей должностью, прозевав сомнительный по лояльности роман Хрущевская оттепель миновала, но границы цензуры оставались довольно размытыми – поди разберись, то ли текст в духе нового времени, то ли антисоветчина. В итоге, и журнал, и издательство получили серьезный нагоняй Поэтому Лагудов был внимателен ко всему, что ложилось на его стол Он, мельком проглянув повесть Громова, решил в один вечер разделаться с книгой и больше к ней не возвращаться В голове он заведомо держал теплую рецензию – критиковать бывшего фронтовика, пусть и написавшего с художественной точки зрения посредственный, но зато политически корректный текст о зенитчиках, Лагудову не позволяла совесть. К ночи с книгой было покончено Сам того не подозревая, прилежный Лагудов выполнил Условие Непрерывности Он не забывал о бдительности и прочел повесть от первой строки до последней, не пропуская заунывные абзацы с описанием природы или какой-нибудь патриотический диалог Так Лагудов выполнил Условие Тщания.

Прочел он Книгу Радости, она же – «Нарва» По воспоминаниям бывшей жены, Лагудов перенес бурное эйфорическое состояние, не спал всю ночь, говорил, что подверг бытие всеобщему анализу и у него появились великолепные мысли, как принести пользу человечеству, раньше он был запутан в жизни, а теперь все стало ясно, при этом громко смеялся К утру эмоции утихли, и он сухо сообщил встревоженной жене, что его идеи рано подвергать оглашению. В тот день он не смог выйти на работу, настроение было подавленным, и мыслей о всеобщей гармонии он больше не высказывал

Содержательная сторона эйфории, которую пережил Лагудов, не имела смысловых пересечений с громовским сюжетом, и Лагудов никак не связал ночные события с прочтением книги Но в душе все же остался некий эмоциональный рубец, благодаря которому Лагудов запомнил писателя по фамилии Громов

Спустя восемнадцать лет Лагудов увидел в захудалом вокзальном магазинчике повесть Громова Ностальгируя по далекому ночному счастью, Лагудов купил книгу – она стояла после всех уценок пять копеек и была невелика, две сотни страничек – как раз на предстоящую дорогу

В электричке обстоятельства опять помогли Лагудову выполнить два Условия. В одном вагоне с ним ехали подвыпившие парни, донимавшие пассажиров Немолодой и не особо сильный Лагудов предпочел не связываться с рослыми хамами. Ему было по-мужски стыдно, что он не может окоротить негодяев, и он уткнулся в страницы, изображая человека, предельно увлеченного чтением

Лагудову тогда досталась Книга Памяти – «Тихие травы», от которой он ненадолго впал в дремотное состояние Книга подложила Лагудову ярчайший фантом, несуществующее воспоминание. Лагудова захлестнула такая сокрушающая нежность к той приснившейся жизни, что он в слезливом восторге оцепенел от всепоглощающего чувства светлого и чистого умиления

С прочтением второй громовской Книги судьба Лагудова круто изменилась Он оставил работу, развелся с женой, и следы его затерялись Через три года Лагудов снова возник, и вокруг него уже сформировался мощный клан, или, как они сами себя называли, – библиотека Именно этот термин со временем распространился на все организации подобного толка.

В библиотеку Лагудова в первую очередь вошли люди, на которых он проверял Книгу Памяти. Лагудов поначалу самонадеянно связывал чудесный эффект с личными качествами. Опыты же показали, что при соблюдении Условий Книга безоговорочно воздействовала на всех Ближайшим сподвижником Лагудова стал психиатр Артур Фризман – Лагудов первые месяцы сомневался в своем психическом здоровье

Лагудов проявлял осторожную избирательность, приближая людей мирных обнищавших профессий – учителей, инженеров, скромных работников культуры – тех, кого наступившие перемены запугали и морально подавили Он полагал, что униженная новым временем интеллигенция окажется податливым и надежным материалом, не способным на бунт и предательство, в особенности, если восполнит через Книги, а косвенно и Лагудова, свою извечную классовую тоску по духовности.

Во многом этот домисел был ошибочным Громовские Книги полностью меняли личность, просто осмотрительному Лагудову преимущественно везло с новыми товарищами, кроме того, ему квалифицированно помогал Фризман, который вербовал далеко не всех подряд

Попавшие в библиотеку обычно испытывали к Лагудову глубокое уважение и преданность, и это было объяснимо – большинству отчаявшихся, измученных нищетой людей Валериан Михайлович возвратил надежду, смысл существования и сплоченный единой идеей коллектив.

Первые два года Лагудов в основном собирал под знамена униженных и оскорбленных интеллигентов, потом он решил, что библиотеке явно не хватает жесткой силы. Тогда Лагудова выручил Фризман. В диспансер частенько обращались за помощью люди, надломленные афганской войной Таких вначале обрабатывал Фризман, а затем передавал Лагудову В девяносто первом году библиотека пополнилась отставниками, не пожелавшими изменить советской присяге Бывшие офицеры превратили интеллигентов в серьезную боевую структуру с жесткой дисциплиной, разведкой и службой безопасности. Библиотека всегда могла выставить до сотни бойцов

Разумеется, система отбора давала сбои. Появлялись беспечные болтуны, почем зря треплющие языком о Книгах Несколько раз пробивались ростки заговора Доля смутьянов была одинаково трагична – они исчезали бесследно

Случались и похищения Книг Лагудова предал рядовой читатель – некто Якимов. Получив в порядке очередности из запасников Книгу Памяти, он обманул хранителя и бежал в неизвестном направлении. Книг у Лагудова имелось достаточно, и библиотека не обеднела, но сам по себе прецедент был отвратителен, и вдобавок предателю удалось скрыться

По следам удавшегося преступления пошли и другие читатели Этих удалось изловить. Ради пошатнувшегося авторитета Лагудова и острастки будущих злоумышленников книжных воров четвертовали на глазах всей библиотеки

Якимова же случайно обнаружили спустя год после дерзкой кражи Он укрылся в Уфе. Туда был немедленно отправлен карательный десант с заданием уничтожить похитителя и вернуть Книгу. Каково же было удивление бойцов Лагудова, когда они выяснили, что Якимов, находясь в Уфе, не терял времени зря и организовал собственную библиотеку.

Небольшой лагудовский отряд принял мужественное решение не выжидать подкрепления В лаконичной манере «иду на вы» они открыто оповестили Якимова о разборке Было оговорено холодное оружие, выбрано загородное, глуше место

Стоит заметить, что и читатели библиотеки Якимова существовали по принципу «мертвые сраму не имут». В ту ночь победа не досталась никому. Противники, утомленные кровопролитной схваткой, отступились.

На новую карательную экспедицию Лагудов не осмелился. Нужно было защищать книгохранилище от ближнего врага, а не рассылать отряды за тридевять земель, губить верных читателей ради удовлетворения амбиций Библиотеку без того окружали многочисленные и агрессивные конкуренты

Долгое время Лагудов полагал, что распространение знаний о Громе происходит за счет предателей из его библиотеки. Он слишком верил в свою избранность и не допускал мысли, что кто-то, кроме него, оказался способен самостоятельно проникнуть в Книги Всех же, кто строил могущество на его, лагудовском, открытии, Лагудов относил к людям второго сорта, нечистоплотному ворью И впоследствии, когда пришлось расстаться с идеями исключительности, Лагудов, хоть и скрепя сердце, шел на равноправный контакт только с первичными, натуральными библиотекарями – теми, кто своими мозгами, без подсказки разгадали тайну Книг

Процент приобщившихся к Грому через утечку информации был довольно велик, и многие новые кланы организовывались вокруг беглых читателей, причем воровство было не обязательным – еще в конце восьмидесятых обзавестись Книгой Памяти при сильном желании не составляло большого труда. Основную роль сыграли не перебежчики и не сплетни, а миссионерская деятельность первых «апостолов», чьи имена давно заняли посмертные места в пантеоне этого жестокого и закрытого общества Стоит назвать некоторых

Шепчихин Петр Владимирович Он работал в типографии и набирал Книгу Памяти. Перепутав обложки, он унес домой не присмотренный детектив, а Громова По случайности он застрел на полночи с Книгой в лифте, и под утро освобожденный лифтерами, вышел другим человеком. Натура чувствительная, Шепчихин сразу понял – дело не в его физиологии, а в таинственной Книге Потрясенный тайной, он бросил работу и побрел по стране, став одним из самых ярых пропагандистов Громова

Шепчихин погиб, и убрали его, вполне вероятно, те самые неопиты, которым он когда-то рассказал о Книге. Они расправились с ним, решив, что просветительская активность Шепчихина слишком опасна для герметичности громовского мира.

Дорошевич Юлиан Олегович. Находился на принудительном лечении в ЛТП и, чтобы не сойти с ума от трезвой скуки, читал В таких полутюремных библиотеках оседал всякий хлам, мало-мальски стоящие книги там не задерживались Но благодаря ЛТП Дорошевич узнал о Громе и Книге Терпения «Серебряный плес». Эта Книга дарила любому страждущему ощущение великого утешения и примирения с жизнью Говорили, она помогает при боли физической, действуя как общая анестезия На остальные чувства, кроме горя, страха и боли, Книга вроде бы не оказывала существенного влияния, просто примораживала их до общего равнодушия Душевный склад Дорошевича

способствовал специфичной избирательности миссионерства Он открывал Книгу только самым несчастным, на его взгляд, людям Жизненный путь Дорошевича оборвался при невыясненных обстоятельствах, кто убил его, неизвестно, – наверняка тот, кто посчитал грех убийства много меньше своего страдания

Возможно, история преувеличивает душевные качества бродячих «апостолов», и на самом деле хотели они, как и все библиотекари, личного господства, также пытались создать книжные общины, но не справились с миссией.

Это странное бескорыстие несколько противоречило специфике тайны Всякий новый читатель, приобщенный к Громову, понимал, что Радости, Терпения или Памяти на всех не хватит и лучше о Громове помалкивать. В коллективе проще было сохранить Книги и приумножить их число, поэтому и перевелись эти одинокие бродячие открыватели. Новых же читателей выбирала сама библиотека. Охотнее вербовали людей одиноких, бессемейных, с душевным надломом, долго присматриваясь к кандидату: достоин ли тот стать причастным чуду, сможет ли его хранить и оберегать, а если надо, отдать жизнь

Словом, конкурентов у Лагудова оказалось достаточно. Вскоре из всех мало-мальски значимых мирских библиотек вместе с Книгами таинственным образом пропали библиографии Громова Даже в Ленинке кто-то изъясил всю информацию в картотеке. После компьютеризации данные об отсутствующем авторе, соответственно, никуда не вносились, и Громов формально исчез На стеллажах тоже похозяйничали. Без картотеки оставалось лишь гадать о подлинном количестве публикаций

У собирателей Громова к началу девяностых был условный перечень из шести уже опробованных Книг. Еще имелись сведения о седьмой, которую называли Книгой Смысла Считалось, с ее обнаружением прояснится истинное назначение творчества Громова Пока никто не мог похвастать найденным Смыслом, а некоторые скептики утверждали, что такой Книги просто не существует

Полное собрание сочинений рассматривалось всеми библиотеками как гигантское заклинание, которое должно было дать некий глобальный результат.

Лагудовские теоретики говорили о «состоянии богоподобия», длящемся в таком же временном отрезке, как действие любой отдельной Книги Какие выгоды можно извлечь из этого состояния, никто не знал, справедливо полагая, что в шкуре Бога в голову придут идеи надчеловеческие. Рядовым читателям сообщалось: Лагудов, ставший Богом, сразу позаботится о своих соратниках.

Велись разговоры о конце света, «книжной интоксикации», грозящей смертью читающему, или о том, что все Книги, прочитанные зараз, поднимут мертвых. Но это были лишь гипотезы.

Предполагалось, полное собрание сочинений могло находиться у самого Громова, но когда Лагудов приступил к поискам, Громов давно умер, квартира отошла посторонним людям, которые в первую же неделю избавились от хлама

Единственная дочь Громова, Ольга Дмитриевна, проживала с семьей на Украине. Под видом журналистов ее посетил человек Лагудова и с огорчением узнал, что имевшиеся у нее две Книги она подарила случайному посетителю, который представился литературоведом, изучающим творчество ее отца Названий книг Ольга Дмитриевна тоже не запомнила. Вроде бы это были Книги Памяти и Радости

Лагудов, конечно же, выяснил, кто опередил его, но проку в том было немного Идти на вооруженный конфликт с конкурентами Лагудов не стал В конце концов, его никто не обманывал, противник просто оказался проворнее, и винить стоило только себя. Лагудов сделал выводы на будущее и утроил усилия

У Громова был брат Вениамин, которому он тоже слал свои книги С этим братом

Лагудову повезло – кроме имеющихся уже Книг Памяти и Радости, нашлась довольно редкая и ценная Книга Терпения «Серебряный плес» Действуя как морфий, Книга намертво удерживала в библиотеке всех страждущих...

Годы систематических поисков не прошли бесследно В лагудовском хранилище, по слухам, находилось восемь Книг Радости, три Книги Терпения и не меньше дюжины экземпляров Книги Памяти – «Тихие травы» издали последней, и она сохранилась лучше других: ее в мире насчитывалось до нескольких сотен экземпляров. Книга Памяти была полезна стратегически – с ней легко вербовались и удерживались читатели, падкие на чувство умиления.

Две Книги Памяти и квартира в центре Саратова были обменены на опасную Книгу Ярости «Дорогами труда», способную пробудить состояние боевого транса даже в самом робком сердце.

Остальные Книги надо было еще поискать. Большие надежды возлагались Лагудовым на дальние регионы страны и ближнее азиатское зарубежье, где Книги Громова теоретически могли сохраниться, потому что к началу девяностых на территории Центральной России, Восточной Украины и Белоруссии все лежащие «на поверхности» Книги были подобраны собирателями различных библиотек

Когда же поиск затруднился, в ход пошли средства далеко не самые благородные Все чаще практиковались разбойные нападения на хранилища.

Примерно в то же время активизировались так называемые переписчики – читатели, копирующие Книги для продажи и личного обогащения. Переписчики утверждали, что действие копии не отличается от печатного оригинала

Рукопись почти всегда содержала какие-нибудь ошибки или пропуски слов и оказывалась пустышкой Не действовали и вроде бы исключаяющие погрешности ксероксы. Думали, решающее значение имеет полиграфия, и некоторые Книги были подпольно переизданы. О качестве репринтной «липы» ходила противоречивая информация. В любом случае повсеместно утверждалась мысль, что копия никогда не сравнится с подлинником

Фальшивки спровоцировали множество стычек, в результате которых не одна оступившаяся библиотека прекратила существование Переписчики были вне закона, их уничтожали свои и чужие Но в одном они преуспели – появилось довольно много подделок

Тогда же начались случаи вандализма. Продавались и обменивались оригинальные Книги с искусно удаленной страницей, вместо которой клеивалась любая другая из похожей бумаги Понятно, изувеченная Книга не действовала. Если раньше обычно ограничивались беглым просмотром Книги, то после таких инцидентов пересчитывали страницы, сличали их на предмет шрифта, качества бумаги

Между библиотеками никогда не существовало особого доверия, никто не желал усиливать мощь конкурента Обмены или продажи были весьма редки, и любое мошенничество вызывало кровопролитный конфликт.

Бой проводился в глухом месте, обставлялся торжественно – представители библиотек несли Книги, закрепленные на шестах, как хоругви. Вначале это были оригиналы, затем их частенько заменяли муляжами. Огнестрельное оружие категорически запрещалось Речь шла не только о своеобразном ратном благородстве Резанные или дробленные раны для внешнего мира, с его моргами, больницами и правоохрательными структурами, всегда было проще замаскировать под несчастный случай, обычную «бытовуху» Пулевые ранения исключали любую иную трактовку. Кроме прочего, этот вид оружия был шумным.

Обычно в бою использовались предметы хозяйственного обихода – ножи мясницких

размеров, топоры, молотки, ломы, вилы, косы, цепи. В целом, отряды вооружались на манер крестьянского воинства Емельяна Пугачева или чешских гуситов, и вид этих людей неизменно возвращал к идиоме «смертельный бой», потому что с косой и разделочным топором смерть была особенно ощутимой...

Лагудова же в последние годы, кроме ближайших соратников, никто не видел. Поговаривали, Валериан Михайлович затаился, опасаясь наемных убийц из конкурирующих библиотек.

ШУЛЬГА

Николай Юрьевич Шульга был пятидесятого года рождения. Рос пугливым и застенчивым, в школе учился хорошо, но отличался нерешительностью. В результате простудного заболевания у Шульги развился лицевой тик. Ему сделали несколько неудачных операций, оставивших глубокие шрамы. Шульга очень стыдился своего недостатка, усугубленного громоздкими очками. Товарищей он практически не имел. В шестьдесят восьмом году Шульга поступил в пединститут, но на третьем курсе бросил учебу и завербовался на северную комсомольскую стройку, где, по его словам, «людей ценят не по внешности, а за трудовое мужество».

Пару лет Шульга, ломая интеллигентскую натуру, был разнорабочим в нефтеразведке, труд оказался тяжел и неинтересен, над ним все равно посмеивались, потому что отнюдь не героического вида Шульга объяснял происхождение тика и шрамов неудачной охотой на медведя.

В семьдесят втором Шульга подрядился в партию промысловиков по пушному зверю. В бригаде было еще два охотника и проводник из местного населения. Метель загнала их в избу и на месяц похоронила под снегом. Многовековой таежный опыт предупреждал об опасностях коллективного заточения. Проводник сотворил заговор, чтоб люди от замкнутого отчаяния не постреляли друг друга.

Народное колдовство не сработало, пересиленное более могучим средством. Все кончилось бедой. Прошлый жилец оставил, кроме солонины и дрови, с десяток книг, вперемежку с газетами – на растопку. Шульга от скуки принялся за Громова. Ему досталась Книга Ярости «Дорогами Труда». В литературе он понимал мало, и унылость текста соответствовала его темпераменту. Так Шульга выполнил два необходимых условия – Тщания и Непрерывности.

А после прочтения Книги в избушке началась смерть. Пытаясь скрыть преступление, Шульга расчленил убитых и отнес в тайгу. Останки были обнаружены поисковой группой. Трупы удалось опознать. Шульга предстал перед судом. Вины он не отрицал, искренне раскаиваясь в содеянном. Чудовищный свой поступок истолковывал отравлением «соболиным ядом», который был у промысловиков – чтобы не портить ценные шкурки, зверьков травили. Он утверждал, что яд каким-то образом попал ему в пищу.

Шульга рассказал, как при свече читал, а потом почувствовал «измененность состояния», будто по всему телу пробежал кипяток.

Скорее всего в адрес Шульги слетело обидное слово. К примеру, сказали: «Хватит, мудила дерганный, свечи на херню переводить». Озлобленные вынужденным заточением люди особо не церемонятся с выражениями, а теснота дает достаточно поводов для грубости.

Шульга испытал всплеск нечеловеческой агрессии, схватился за топор и порешил проводника и охотников. Через несколько часов гнев выветрился, пришло осознание содеянного.

Шульге сделали соответствующие анализы и никаких последствий яда в организме не обнаружили. Учитывая его раскаяние, помощь следствию и психогенный клаустрофобический фактор преступления, высшую меру заменили пятнадцатью годами

строгого режима

Грозная статья не помогла Шульге в лагере. Далекий от уголовной казуистики, он, простодушно отвечая на расспросы, упоминал, что проучился «два года в Педе» Долговязый, щуплый, в очках, с прыгающей щекой, еще в следственном изоляторе получивший кличку Завуч, Шульга был идеальным объектом глумления Подавленным невзрачным видом он сам определял себе статус в лагере – где-то между забитым «чушком» и «шнырем», вечным уборщиком

Отчаяние и страх терзали Шульгу. Исправить что-либо в своей жизни он не мог. Это на фронте из разряда трусов реально было перейти в герои, совершив подвиг Подвига или хотя бы поступка, сразу поменявшего бы его положение в уголовном мире, он не знал, да и не существовало, вероятно, подобного поступка

Шульга сдружился в основном с такими же несчастными, как он, «чушками» или «обиженными» Соседи по бараку, рядовые «мужики», общались с Шульгой крайне неохотно, понимая, что тот дрейфует по иерархии вниз, и старались лишний раз не пересекаться с человеком, которому того и гляди за излишнюю беспомощность подарят «тарелку с дыркой» – то есть опустят

Шульга, не знакомый с лагерной кастовостью, в расчете на сокращение срока и какие-то поблажки, клюнул на предложение администрации и вступил в секцию профилактики правонарушений. А потом выяснил, что перешел в разряд «козлов» – так называли зэков, согласившихся сотрудничать с лагерным начальством.

Шульга попал в «актив» С повязкой на рукаве он дежурил на КПП между «жилухой» и «промкой» – жилой и промышленной частями зоны Учитывая хоть и незаконченное, но все же гуманитарное образование и состояние здоровья – обострился лицевой тик, – Шульгу перевели на работу в библиотеку. Там было полегче.

Он сидел шестой год В свободное время Шульга запоем читал, причем все подряд, лишь бы занять ум Страх поутих, и в минуты душевного или ночного затишья он часто задумывался над тем, что сделало из него, незлого робкого человека, убийцу. Воспоминания приводили к той погибшей в огне книжке в грязно-сером переплете

В лагерной библиотеке Шульга обнаружил громовскую повесть «Счастье, лети!» Это была совсем другая книга, не та, что он прочел, но фамилию автора он не забыл Воскресным вечером со свойственной ему дотошностью Шульга прочел Книгу Власти. В какой-то момент он ощутил произошедшую с ним душевную трансформацию, его ум вдруг наполнился пульсирующим ощущением собственной значимости Это новое ощущение Шульге очень понравилось и, главное, он понял его источник и причины.

Шульга заметил: благодаря Книге, он способен оказывать воздействие на окружающих, диктовать свою волю Разумеется, менялся не мир вокруг, а человек, прочитавший Книгу, – таинственная сила временно преображала мимику, взгляд, осанку, воздействовала на оппонента жестами, голосом, словами. Можно сказать, Книга помогала Шульге вербовать души тех, кто входил в его круг общения – «козлов», «чушковых», «обиженных», «парашников», «шнырей», «петухов» – неприкасаемых уголовного мира

Тем временем в лагере старую воровскую элиту постепенно вытеснило новое поколение молодых бандитов. Эти уже не чтит прежний неписанный закон, запрещающий унижать кого бы то ни было без причины Школа беспредела, зародившаяся в лагерях общего режима, переходила и на относительно благополучный «строгач». Низшим кастам жилось теперь намного горше. Опускали ради забавы, от скуки. Поводом могло послужить все что угодно, – миловидная внешность, хилость, излишняя интеллигентность.

Однажды в лагере случился из ряда вон выходящий инцидент. Опущенный Тимур Ковров законтачил молодого, подающего надежды авторитета – Ковров бросился на него и стал облизывать. Блатной до полусмерти избил «петуха», но бывшее уважение он

навсегда потерял, и более того, «зашкваренный» сам пополнил ряды отверженных, и вскоре его нашли повесившимся Ковров же отлежался в госпитале, и, как увечному, срок ему, по слухам, сократили

Вряд ли кто обратил внимание – за два дня до странного покушения Шульга провел беседу с Ковровым и подбил его на поступок. Этого Коврова опустили по подставе – как новичка усадили на «петушиный» стул в лагерном кинотеатре. И уж совсем никто не помнил, что еще раньше тот самый авторитет открыто измывался над Шульгой, обещая «вогнуть очкастому козлу ума в задние ворота».

Так Шульга изобрел свой способ защиты от уголовного мира – через бессловесных, грязных, замученных существ, с отдельной униженной дырявой посудой, отчужденным местом, чьим уделом было открывать рот и становиться в позу

За месяц были законтачены несколько уважаемых людей, все те, кто когда-либо досадил Шульге. Надо заметить, блатные, опущенные «петухом-камикадзе», потом долго не жили, они резали вены, вешались, иначе бы их с изощренной жестокостью насиловали давешние жертвы...

Шульга регулярно читал Книгу, дарящую ему на каждый день искусственную, но от этого не менее действенную харизму. Даже матерые зэки, не понимая, что с ними происходит, пасовали перед Шульгой.

Информация о том, кто настраивает «опущенных» против братвы, дошла до самого пахана – среди изгоев нашлись доносчики. Пахан недоумевал, как чмошник вдруг начал излучать такую душевую мощь. Нутром он чувствовал: Шульга непостижимым образом мухлюет – и после долгих размышлений пришел к правильному выводу. Ночью у Шульги выкрали Книгу Пахан не разобрался с ее секретом, но по сути оказался прав с источником таинственного морака.

Утром Шульга обнаружил пропажу. А барачный шестерка передал, что старшие вызывают Завуча на разговор Шульга догадывался, чем закончится встреча, но неоднократно пережитое ощущение власти сделало его незаурядной личностью

Разборка произошла на лесоповальном участке. Был февраль и темнело рано. Пахан не ожидал сопротивления. С ним были всего один боец из ближайшего окружения и «бык», проигравший жизнь и ставший «торпедой», – он должен был устранить зарвавшегося Завуча. Впрочем, пахан предполагал, что до этого не дойдет. Он собирался предложить Шульге повеситься, чтобы «бык» не брал грех на душу. Петлю уже приладили на подходящую ветку

Шульга выглядел настолько поникшим, что никому не пришло в голову проверить его на предмет оружия. И напрасно. В рукаве ватника он спрятал увесистый обрезок стальной трубы, в который для тяжести был забит песок.

Пахан с удовлетворением отметил: Завуч больше не пульсирует самоуверенностью, и лишний раз удостоверился, что имел дело с шулером, жульничающим при помощи какого-то необычного гипноза.

Выслушав приговор, Шульга лишь поинтересовался, где находится сейчас Книга, обещая открыть ее фантастический секрет. Заинтригованный пахан вытащил Книгу.

Шульга неторопливо зачерпнул рукой пригоршню снега, подождал, когда тот растает до воды, взмахнул рукавом, так, что труба скользнула ему в руку и намертво примерзла к мокрой ладони. Первый удар он обрушил на голову «торпеды». Вору вытащили ножи, но дробящее оружие доказало свое преимущество Шульге тоже досталось изрядно. Ему только хватило сил подобрать Книгу, затем он лишился сознания

У поединка был тайный свидетель – заключенный Савелий Воронцов. Он уже давно

находился под магическим влиянием Шульги и, чувствуя неладное, решил проследовать за ним, и не ошибся. Помощь Воронцова очень пригодилась истекающему кровью библиотечарю. Выкорчевав из руки Шульги обрезок трубы, Воронцов подкинул его убитому «торпед» и дал сигнал тревоги

После инсценировки картина была иной: проигравшийся в карты «бык» учинил расправу над воровской элитой, Шульга пытался вмешаться и получил ранение.

Начальство не особо поверило в эту байку, но приняло ее как основную версию, тем более свидетелей было всего двое – Воронцов и раненый Шульга, и говорили они одно и то же Месяц Шульга провел на больничной койке, потом вернулся в лагерь

Второе покушение Шульга смог пресечь превентивными мерами Вор, готовящий ночное нападение на Завуча, днем был зашварен пидором Волковым, на месте погибшим от ножа, но спасшим своего хозяина.

Блатные разумно предпочли больше не связываться с Шульгой Уважать его не могли, но трогать человека, по одному слову которого авторитетного вора могли бы опозорить, тоже было легкомысленно

С тех пор жизнь Шульги была подчинена однотипному уставу – утром он перечитывал Книгу и остаток дня властвовал над униженными. Администрация посчитала нужным не вмешиваться в сложившуюся ситуацию Шульга в роли социального противовеса наводил в лагере спокойствие и порядок, необходимые начальству, а за это ему оказывалась негласная помощь Пока Шульга находился в лагере, блатные старались больше не допускать беспредела, и все касты относительно мирно сосуществовали

Ближайшими соратниками Шульги по будущей библиотеке стали когда-то опущенный Тимур Ковров, чушки Савелий Воронцов, Геннадий Фролов и Юрий Ляшенко Они освободились на несколько лет раньше Шульги Сам он вышел в восемьдесят шестом, отсидев четырнадцать лет из пятнадцати положенных

Шульга разыскал своих лагерных товарищей В компании с ними он сразу приступил к активному собирательству Книг, раз сама судьба назначила его «библиотечарем» Поначалу в тайну он никого не посвящал, говорил иносказаниями и недомолвками Даже преданному Коврову Шульга долго не раскрывал всей правды Когда были найдены первые Книги Памяти и Радости, Шульга всегда присутствовал на чтениях, упирая на то, что эффект Книг достигается его присутствием

Окружал себя Шульга привычным человеческим материалом, добывая его на социальном дне, по притонам и помойкам Бывшие «парашники», «козлы», «вафлеры» стали под руководством Шульги опасной силой. Лагерные унижения породили у них лишь чувство сплоченности, непримиримой ненависти к обществу и одно большое желание мстить – кому угодно, всем сразу Именно в контингенте было принципиальное отличие шульгинской библиотеки от других подобных образований.

В сравнении с тем же Лагудовым, делавшим ставку на интеллигенцию, Шульга опирался на отверженных Кроме опущенных криминалов, рекрутов также набирали из разочаровавшихся сектантов, бомжей, собирателей бутылок, спившихся люмпенов последнего разбора, работоспособных инвалидов. Известно, что в библиотеку попала целая плотницкая артель глухонемых – полтора десятка здоровенных мужиков, ловко орудующих топорами. К началу девяностых количество читателей перевалило за сто пятьдесят

Для финансирования клана «штатские» умело занимались привычным попрошайничеством, мелким грабежом, вымогательством «Пехота» – посвященные поисковики – добывала Книги.

Шульга не ошибся в выборе социальной среды. Великое заблуждение социума предполагало в отверженных душевную слабость, ненадежность, трусость Наоборот,

отверженность сама по себе уже граничила с избранностью Люди Шульги, ежедневно причастные Тайне, были по-своему не менее духовны и интеллигентны, чем те же инженеры Лагудова. С книгами Громова им открывался вход в иной универсум – таинственный, грозный, полный загадок и будоражащей мистики, там тоже шла борьба, было много опасных соперников, существовал житейский и боевой кодексы, оставалось место благородству, отваге. Все решалось в честной, лицом к лицу, схватке, как в старинные времена. Была там душевная награда, куда более сильная, чем водочный приход, – надежда и вера в то неизведанное, что подарят в будущем найденные, еще не прочитанные Книги.

Нет, конечно, не все шло гладко. В восемьдесят девятом библиотека пережила раскол. Инициировали его Фролов и Ляшенко. Они утаили Книги Власти, найденные в одном из многочисленных поисковых походов. Фролов и Ляшенко возглавляли тогда экспедицию и, заполучив Книги, захотели личного лидерства.

Шульга понимал: любое жесткое вмешательство в ситуацию только навредит. Раскол был неминуем, и чтобы он не закончился кровавым финалом, Шульга сам решил возглавить его. Было проведено всеобщее собрание, на котором провозгласили образование еще двух библиотек.

Разделение произошло мирно. По слухам, Фролов увел сорок человек в Свердловск. Три десятка последовали за Ляшенко в Сочи. Шульга не обделил новых библиотекарей, выдал каждому стартовый капитал – по три Книги Памяти и Радости, чтобы новые библиотеки могли беспрепятственно вербовать читателей.

Из старой лагерной гвардии с Шульгой остались Ковров и Воронцов. Клан сократился наполовину, но единовластие Шульги на ближайшие сроки ничто не угрожало, Ковров и Воронцов были надежны и никогда бы не помыслили занять его место. Библиотека Шульги обладала шестью Книгами Памяти, девятью книгами Радости, четырьмя книгами Терпения, Книгой Ярости и Книгой Власти.

МОХОВА

В конце восьмидесятых и в начале девяностых межклановые стычки за Книги были особенно кровавыми и частыми. Злобность библиотеки Елизаветы Макаровны Моховой стала легендарной. На истории этой женщины, во многом определившей судьбу всех собирателей Громова, следует задержаться особо, тем более, что известно многое.

Мохова выросла в семье без отца, была замкнутой девочкой, училась средне, близких друзей не имела, с начальных классов отличалась болезненным самолюбием. Закончив медицинское училище, она два года была на иждивении матери, числясь где-то уборщицей, затем сдала экзамены в фармакологический институт на вечернее отделение. Днем работала в аптеке.

Получив в восемьдесят третьем году второй диплом, Мохова устроилась в дом престарелых.

Приготовление лекарств ей нравилось, в лаборатории было прохладно и тихо. Среди порошков и пробирок Мохова тайно упивалась скрытой властью над дряхлыми подопечными, осознавая, что одного ее желания достаточно, чтобы превратить лекарство в смертельный яд, причем без возможности уличить отравителя, – Мохова была прилежной студенткой и разбиралась в тонкостях своего ремесла.

Иногда Мохова, шутки ради, подсыпала в кожную протирку от пролежней какой-нибудь едкой дряни, воображая, как скребется в постели та или иная бабка, пытаясь дотянуться артритной лапкой до источника огненного зуда, или часами тарасится в черный потолок, пытаясь заснуть после успокаивающего порошка, наполовину состоящего из возбуждающего организм кофеина.

В таких забавах прошло еще несколько лет. Замуж Мохова не вышла, причем обвиняла

она в этом мать, с которой проживала совместно То ли от упреков, то ли от внутренней тоски мать умерла Без ее пенсии денег на жизнь уже не хватало, и Мохова дополнительно устроилась на полставки медсестрой в женское отделение

Там пришлось поначалу несладко В палатах стоял тяжелый смрад – лежачие старухи опирались под себя. Ежедневно подмывать по несколько раз добрую сотню пациенток не представлялось возможным, и некоторые санитарки предпочитали держать окна открытыми, чтобы обеспечить приток свежего воздуха Поначалу старухи простужались и мерли, но оставшиеся в живых, наоборот, закалились, и в холода больше коченел персонал

Борясь с вонью в ее первопричине, санитарки частенько недокармливали особо неопрятных. Единственное, в чем старухам не отказывали, так это в пище духовной. Им всегда выдавали газеты, журналы «Здоровье», «Работница» или книги, имевшиеся в библиотеке

Мохова быстро освоилась с новой работой, причем проблему тяжелых запахов она устранила много гуманнее своих коллег Профессия подсказала выход. Мохова приготовила крепительное средство, которое санитарки добавляли старухам в пищу, после чего даже самые заядлые какуны опирались козьим пометом, причем не чаще раза в неделю.

Решающей вехой в жизни Моховой стал день, когда в руки восьмидесятилетней Полины Васильевны Горн попала редчайшая Книга Силы, в миру «Пролетарская».

Горн второй год как впала в старческое слабоумие. Она мало говорила, потеряв навыки речи, но память сохранила возможность читать. Она плохо понимала слова, но еще умела строить их из графических знаков Смысл ей был уже не нужен От бессонницы Горн прочла всю Книгу Силы, выполнив два Условия, и встала как Лазарь Книга возвратила ей на время прыть и часть разума

Мохова заглянула на шум и увидела дикую сцену.

Всегда лежащая в обмаранной ночнушке, Горн носилась между коек семенящим аллюром, хватала все, что попадется под руку Вдруг неожиданно остановившись посреди палаты, Горн мучительно выкрикнула, словно выбила пробку из немого горла: «Илья Эренбург!» – и насильственно захохотала Потом слова посыпались одно за другим, точно градины по жестяной крыше: «Давненько! Получилось! Военный, военный! Дамский! Сырой! Дамский! Что называется, забыла!! „Она пыталась называть встречающиеся ей предметы, но память плохо подчинялась, и Горн вслух описывала их свойства. Выхватив из-под соседкиной головы подушку, она рычала: „Кубашка?! Кадушка?! Мягкое, удобненько!! Заспанка!“ Или, опрокинув коробку со швейными принадлежностями, выкрикивала: „Персток, пересток! Чтоб не колко! Уколка!“

Начали просыпаться другие старухи, и Мохова собралась подвязать Горн и сделать ей инъекцию успокоительного

Горн увидела мутный шприц в руке Моховой, и глаза ее вспыхнули злобой Она не отважилась напасть на Мохову и предпочла отступательную тактику. Горн, точно коза, легко скакала через тумбочки и койки. Мохова, которая была моложе ее на полвека, просто не поспевала, ей было стыдно за свою медлительность и она срывала злобу на проснувшихся бабках, которые наблюдали за погоней, поднявшись на кроватях, как игрушечные встаньки: она развешивала во все стороны хлесткие пощечины, зная – склероз несчастных старушек не выдаст правды

Мохова долго бегала со шприцем за прыткой Горн, мечтая побыстрее вколоть леденящее бодрость лекарство Наконец, Мохова загнала Горн в угол и повалила на тумбочку. Горн яростно отбивалась, скинув тапки, по-звериному царапаясь сразу четырьмя конечностями Хрипела она почти осмысленно: «Измажешь! Проститутка! Заразишь! Блядь! Сколько тебе лет?!» – и крючковатые ногти, похожие на янтарные

наросты, драли медицинский халат Моховой

После ночного укола Горн пролежала неподвижно два дня, чуть ожила и к третьему вечеру потянулась за книжкой. Мохова не мешала ей, лишь иногда приходила в палату и слышала прорывающееся бормотание – Горн монотонно читала книгу

Около полуночи из палаты снова донесся грохот История повторилась с той разницей, что Горн еще более окрепла и уже не убегала, а приняла фронтальный бой

Вскоре Горн лежала, прикрученная ремнями к кровати, и дико ворочала головой, на которой вспухал багровый ушиб

Моховой досталось не меньше, чем лермонтовскому Мцыри от битвы с барсом: на шее, лице, груди, руках кровоточили глубокие царапины Мохова придирчиво следила за своей внешностью, и раны привели ее в ярость

Мохова подскочила к кровати и с размаху треснула Горн в челюсть. Кулаком она почувствовала, как кракнул, ломаясь, зубной протез

Старуха вытолкнула опухшим языком два обломка и вдруг внятно сказала: «Не бей, Лизка!»

Мохова было занесла руку для второго удара... Старуха заворочалась и решительно добавила, члени предложения на рыкающие слова: «Буду. Слушаться. Читать. Книгу. Там Сила»

Горн рассказала Моховой все, что она поняла о Книге Мохова не сразу поверила словам Горн, но утерла ей кровь и приложила к ушибу холодный компресс Весь следующий день Мохова что-то обдумывала, затем вызвалась вне очереди на ночную смену. Санитарка, полагавшаяся Моховой в помощь, была отпущена домой.

Мохова не собиралась читать Книгу сама, рассчитывая, что это еще раз проделает Горн, за которой она приготовилась вести наблюдение. Но ушиб сказался на здоровье Горн: когда действие Силы кончилось, Горн не пришла даже в прежнее вялое состояние полубезумия, а только спала и постанывала.

Усевшись неподалеку от Горн, чтобы следить за ее реакцией, Мохова стала читать вслух. Это оказалось непросто, голос постепенно становился хриплым, внимание улетучивалось. Но Мохова, проучившаяся в училище и вузе, умела зубрить.

К началу ночи Мохова одолела Книгу. В палате царил тишина. Мохова посмотрела на Полину Горн и вздрогнула от неожиданности. Старуха уже сидела на кровати, свесив ноги, похожие на черные ветки

«Лизка!» – рывкнула Горн, впрочем, вполне миролюбиво, и заметалась по палате от переизбытка силы

Вдруг остальные старухи стали подниматься Спина Моховой похолодела. Книга еще не начала действовать на нее. Чтение вслух, направленное не в себя, а наружу, замедлило эффект.

Выскользнув в коридор, Мохова закрыла палату на ключ и приставила к двери стул, чтобы через верхнюю застекленную часть дверной рамы наблюдать за происходящим

Увиденное было и страшным, и забавным Старухи совершали чрезвычайно сильные, размашистые движения руками, похожие на самообъятия, ноги выскакивали вперед, точно у сторожевых солдат Мавзолея. На лицах при этом сменялись самые невозможные гримасы Иногда старухи выпаливали какие-нибудь слова: «Кишечник», «Здоровье», «Трудовые заслуги» – или просто хохотали

Как и Горн в первую ночь, они называли окружающие их предметы

«Кандаш, Ракандаш! – выкрикивала кудлатая старуха, глядя на шариковую ручку. – Письма делать!»

«Лампонька!» – вопила другая, уставясь в потолок

Третья скандировала: «Чайникчек! С водичкой теплой!»

Четвертая, схватив будильник, сосредоточенно хрипела: «Хон! Хон! Телехон! Не помню!» – И рычала от ярости: «Времечко!»

Сталкиваясь между собой, старухи пытались знакомиться: «Как фамилия? Анна Кондратьевна! Забыла, что хотела! Сколько лет? А меня зовут Тарасенко! А фамилия?! Крупникова В общем, хорошее было платье! И питались хорошо! Что вы ели? Ваша фамилия Алимова? Галина! Алимола? Я же сказала, казала, лазала! Зовут Галина? Галила Далила. Сколько вам лет? Шесть и два рубля Нет, и три рубля!»

Увидев прильнувшее к дверному стеклу лицо Моховой, старуха с будильником свирепо закричала: «Зеркало!»

Страх покинул Мохову Она почувствовала Силу С той секунды Мохова уже думала над тем, как применить открывшееся свойство Книги. Уж конечно, она не собиралась писать сенсационную статью в медицинский журнал

Мысли ее оборвал тяжелый удар в дверь Старухи построились живым тараном, намереваясь выйти на свободу.

Мохова не боялась встречи Она уже знала, что озверевших старух можно усмирить и подчинить. Горн была тому примером Мохова заранее приготовила дубинку – обрезок высоковольтного кабеля с тяжелой оловянной начинкой проводов

Дверь сотряс удар Заскрипели по линолеуму колесики кроватей. Мохова поняла этот тактический замысел, когда вылетело стекло над дверью и в оконном проеме повисла старуха Панцирная сетка койки отлично выполнила функцию батута и подбросила старуху на два метра вверх. В раме были остатки стекла, и старуха напоролась на них животом. Блея от ярости, она однако же пыталась ползти Кровь перевернутыми гималаями медленно заливала дверь, и казалось, что старуха пустила красные корни.

Второй десант был послан более удачно Сначала в разбитом окошке засновала швабра, выбивая осколки. Скрипнула панцирная сетка, в проем влетела новая старуха и полезла вниз по двери в коридор

Мохова не дала ей выползти и оглушила ударом дубинки Затем сама открыла дверь и отскочила на несколько метров

Старухи кубарем выкатились из палаты и окружили Мохову Горн встала возле двери, показывая, что в схватке не участвует

Старухи бесновались и выли, но не решались напасть Каждую, кто скалился, как перед прыжком, ожидал тяжелый удар дубинки Наконец, старуха по фамилии Резникова взяла на себя лидерство

Выступив вперед, она шваброй отбила удар. Подняла руку, призывая к тишине Мохова не торопилась и дала ей высказаться. Послышалось какое-то подобие речи: «Тут, во-первых, первым делом! Нужно делать! Так же, как и у вас, в тот раз! Сегодня я делала, как называется, забыла! Я сегодня очень плохо делала!»

Старухи одобрительно зашумели в ответ на эту галиматью, только Полина Горн насмешливо спросила: «Резникова, ты замужем?»

«Пятый год!» – огрызнулась та, потом свирепо обернулась к Моховой, вскинув швабру

Свистнул тяжелый кабель, и на стену изо рта Резниковой плеснуло бурой дрянью. Мохова повторно замахнулась, и старухи, недовольно поскуливая, поплелись в палату

Усмирение обошлось малыми жертвами: у Резниковой была сломана челюсть; старуха, застрявшая на стеклах в дверном оконце, получила глубокие порезы на животе Их перенесли на кровати, и Мохова оказала раненым первую помощь.

Вскоре действие Книги исчерпалось, и старухи, словно механические куклы, в которых закончился завод, попадали там, где стояли.

Мохова перетаскала тела в палату и уложила в койки, отмыла от крови дверь и подмела стекла.

Второе коллективное прочтение уже не сопровождалось вспышками агрессии против Моховой. Старухи полностью покорились ей, и во многом это была заслуга Горн, воздействующей на товарок и уговором, и дубинкой, которую Мохова лично передала ей, наделяя местной властью

К Полине Горн не вернулась прежняя болтливость, ум ее стал рациональным, а мысли лаконичны.

По совету Горн Мохова всю неделю проводила новые чтения в разных палатах. Для подавления возможных очагов бунта на чтениях присутствовала сама Горн и с десяток укрошенных старух.

Дружина росла с каждым дежурством Моховой. Книга действовала на дряхлые организмы благотворно В обычном состоянии старухи, конечно, не обладали и сотой частью той силы, которую им давала Книга, но ум пребывал в относительной ясности.

Чудесный эффект Книги они частично перенесли на Мохову. Они были старые, одинокие, позабытые собственными детьми, и в сердцах их теплилось нерастраченное материнство. Но не крикливо повелевающее, а жертвенное.

Горн уловила эти настроения в среде старух. В ближайшую ночь Мохова была наречена «дочей», а старухи назвались «мамками» Горн тщательно продумала ритуал удочерения Он был не особенно приятен и гигиеничен, с точки зрения Моховой, но Горн уговорила ее послушаться

Каждая старуха мазнула Мохову по лицу своими влажными выделениями, как бы символизируя этим, что Мохова появилась на свет через ее утробу, и поклялась оберегать «дочу» до последнего вздоха.

Ритуал прошли шестьдесят старух Два новообращенных десятка следили за ними, беснуясь и рыкая, – их тем временем умирляли надсмотрщицы, вбивая подзатыльниками мысль, что наибольшее счастье, которое им может выпасть, – это вскоре стать «мамкой».

В ту же ночь Горн сказала Моховой: «Персонал! Убрать!» – и провела ладонью под горлом, имитируя ход мясницкого ножа.

Пришла пора действовать решительно Кто-то настучал директору о ночном шуме, разбитых стеклах и синяках. Было очевидно, эти ЧП происходили в смену Моховой, и ей могли грозить серьезнейшие неприятности Для операции у Моховой была верная Горн и дружина общим числом около восьмидесяти старух.

Мохова сообщила директору Аванесову, что собирается провести в выходные в женском отделении развлекательное чтение, по ее мнению, необходимое старым пациенткам. Аванесов не возражал

В одиннадцать часов дня женская половина дома престарелых пришла в движение В коридорах стоял непрекращающийся скрип перекатываемых коек Ходячие старухи везли лежащих подруг к месту общего сбора.

Мохова уже приобрела опыт внятного скорочтения и уложилась в рекордные сроки. С верхнего мужского этажа несколько раз спускались любопытные медсестры Им отвечали, что обо всем договорено с начальством Так или иначе, Мохова выиграла три часа И когда дежурная медсестра позвонила директору домой и доложила о столпотворении, устроенном Моховой, было поздно

Аванесов подъехал к заключительным страницам Он коротко приказал развести пациенток по палатам. Мохова только возвысила голос. Аванесов повторил приказ – и снова безрезультатно. Он пригрозил Моховой увольнением за творящийся произвол. На его крики сбегались медсестры и санитарки. Взявшись за спинки кроватей, они покатали старух в палаты Видя, что Мохова не реагирует на его слова, директор направился к ней. И тут Мохова выкрикнула: «Конец!», – и захлопнула Книгу В ту же секунду старуха Степанида Фетисова выхватила из вены своей соседки Ирины Шостак подведенную капельницу и ловко набросила эту импровизированную удавку Аванесову на шею Лишившись притока лекарства, Шостак впала в кому, из которой вышла спустя минуту, после того как подействовала Книга

Восставших было не остановить. Началась бойня, и задушенный капельницей Аванесов стал первой жертвой

Армия Моховой получила боевое крещение по месту жительства. Для расправы достались четыре медсестры, пять санитарок, три поварахи, две посудомойки-раздатчицы, завхоз, сторож, он же по совместительству электрик и сантехник, и все пациенты мужского отделения, общим числом до пятидесяти

Старух заранее поделили на десятки. Во главе каждого стояла «мамка-десятница», которая, в свою очередь, управлялась приказами Моховой или Горн.

Два отряда срочно отправили во двор – охранять ворота и забор – никто не должен был улизнуть

Были блокированы подступы в кабинет директора и приемную, чтобы исключить возможность телефонного звонка В подсобке у сторожа Чинова, где тот в последний раз в жизни распивал горькую, изъяли колун, плотницкий топор, небольшую кувалду, отвертку с длинным стержнем, лом, совковую лопату и лопату для уборки снега

Старухи проникли на кухню. Там нашлось полдюжины ножей и разделочный топорик, которым сразу же безжалостно порешили двух поварих и посудомоек. Третья повариха, по фамилии Анкудинова, здоровенная баба, раскидав могучими руками старух, смогла пробиться к выходу и скрылась где-то на этаже Ее пока не преследовали.

Режущее оружие выдали самым сильным старухам, привыкшим в прошлой сельской жизни резать скотину и птицу Кувалду получила крупная особь пролетарского происхождения, бывшая монтажница.

Отряды смерти рассыпались по этажам. Напрасно медсестры думали спастись, запираясь на ключ в палатах Кувалда вышибала дверь, и в брешь, толкаясь и рыча, лезли старухи Они валили женщин на пол и, не имея холодного оружия, рвали руками, грызли вставными челюстями или, сняв с костыля резиновый набалдашник, смягчающий удары, били деревянным основанием в лицо, грудь, живот

Трем санитаркам удалось пробраться на крышу и задрать за собой люк. Они

попытались спуститься по пожарной лестнице. Старухи, готовые сами погибнуть, но не допустить побега, выпрыгивали из ближних окон, намертво цепляясь за халаты беглянок Санитарки, увлеченные дополнительной тяжестью, с визгом срывались с лестницы и падали, ломая кости

В мужском отделении десяток старух с подушками бегали от койки к койке и душили парализованных стариков Ходячих, по приказу Горн, сбивали в кучу и гнали на ножи. Старики покорно шли, как бараны, не предпринимая попыток спастись.

Только одному удалось сбежать – ветерану войны, полковнику в отставке Николаю Каледину. Он, несмотря на возраст, сохранил способность думать и сражаться.

Каледин, повариха Анкудинова, санитарки Басова и Шубина, завхоз Протасов оказали достойное сопротивление. Они сумели пробиться к пожарному щиту, и добыли два лома и багор.

С мужеством, достойным Евпатия Коловрата, маленькая группа несколько раз прорывалась сквозь строй старух, но уйти было некуда. Первой пала Шубина, потом погиб завхоз Повариху Анкудинову, санитарку Басову и полковника приперли к стене и удерживали выпадами костылей на расстоянии, пока не подтянулись старухи с топорами и ножами.

На койки навалили трупы, чтобы усилить ударную мощь. Груженные телами, они врезались как мчащиеся на таран грузовики. Полковник, Анкудинова и Басова были вмяты в стену. Упавшего Каледина сразу прикончили, а мужественных повариху и санитарку Мохова приказала не добивать.

Женщины были немолоды, отличались выдающейся силой и боевой хваткой – об этом сообщила Моховой Горн, и она же предложила переманить Анкудинову и Басову на свою сторону.

В итоге, Дом был взят меньше, чем за час. Армия Моховой потеряла убитыми всего шестерых «мамочек». С десяток получили несерьезные ранения.

В понедельник на работу вышла новая смена – докторша, старшая медсестра, санитарки. Этих уже просто взяли в плен, запугали и поработили. Новые жертвы были не обязательны, старухи и так почувствовали силу.

Парадоксально, но о кровавом захвате никто не узнал. Здание находилось на городском отшибе. Стариков мало кто навещал. Последняя проверка была за месяц до захвата, и комиссию следовало ожидать не раньше нового года. Да и время наступало смутное, властям было не до престарелых.

Мохова внимательно ознакомилась с личным делом каждого убитого работника Дома. Персонал подобрался бессемейный.

Пожилой директор Аванесов был одинок. В его квартиру подселили старуху, назвавшуюся родной сестрой. Для возможных посетителей и ревизий имелись сломленные докторша и старшая медсестра. На совещания в собес Мохова ездила сама, предоставив фальшивое письмо с печатью Аванесова.

Благодарным материалом оказались санитарки – женщины, приехавшие двадцать лет назад из глухих деревень, полностью списанные родней со счетов. Жизнь их не сложилась, они тяжело работали, замуж не вышли, прозябали в общагах. Туда Мохова направила соответствующие письма, мол, такая-то, наконец, получила площадь.

Сторож Чижов, две одиноких медсестры и посудомойки временно проживали во флигеле на территории Дома, так что с ними проблем вообще не возникло. Мертвецам еще долгие годы начисляли зарплату, а потом задним числом уволили.

От имени завхоза Протасова состряпали документ, что он завербовался на работу где-то на Урале В какую-то глушь по фиктивным бумагам спроводили умерших поварих Сожителю одной медсестры послали поддельное письмо якобы от нее, что она уезжает с любовником на Дальний Восток У второй разведенной медсестры из родственников были лишь мать и сын. С ними покончила подосланная старуха-смертница, отравившая своих жертв и себя угарным газом

Оставались многочисленные мертвые старики и связанные с ними погребальные проблемы Старухи, даже усиленные Книгой, не смогли бы оперативно закопать столько покойников. Мохова просто договорилась об экскаваторе, пояснив, что нужно рыть котлован для новой прачечной.

Экскаватор вырыл за день яму, и в нее свалили трупы. Близких у стариков не было, а если таковые бы вдруг и объявились, то на этот случай была соответствующая запись о смерти

Захваченный Дом стал цитаделью Моховой – с гражданской точки зрения, практически неприступный, с трехметровым забором и прочными воротами На проходной всегда сидела бессонная вахтерша, забор патрулировал вооруженный наряд.

Армия отличалась железной дисциплиной и послушанием. Моховой нашлось, что противопоставить и сборной интеллигенции Лагудова, и люмпенам Шульги, – принцип коллективного материнства оказался надежной идеологической платформой.

Бывшая доцент кафедры марксизма-ленинизма Полина Васильевна Горн знала многое, в частности и то, что без генеральной линии ни одна организация долго не просуществует «Обещай им вечную жизнь. А там посмотрим», – надоумила Мохову Горн.

Мохова построила во дворе свою дружину и поведала о Книгах и Великой Цели Из ее рассказа получалось, что всякий, кто пребудет с Моховой до конца, получит в награду вечность. Старухи, услышав это сомнительное благовестие, огласили плац ликующим рыком. У них появилась Великая Мечта.

МОХОВСКАЯ УГРОЗА

Книги Громова еще надо было разыскать, и в этом деле Мохова достигла необыкновенных успехов. Она начала значительно позже своих конкурентов, но довольно быстро наверстала упущенное и обогнала ведущие библиотеки в собирательстве

Старухи, как в песне о «стальной птице», проникали туда, где не промчится бронепоезд, не проползет угрюмый танк и не пройдут поисковые отряды вражьих кланов

Старушечий мир был отдельной вселенной, обширной и богатой возможностями и связями. Знакомства старух опутывали страну «Мамки» писали письма, садились за телефон, слали телеграммы приятельницам Нередко банальные посиделки у подъезда приносили больше пользы, чем месячные рейды, предпринимаемые поисковиками того же Шульги или Лагудова Везде находились Марьи Ивановны, имеющие доступ к информационным закромам: скромные уборщицы, вахтерши библиотек и архивов, прирабатывающие жалкие полставки к пенсии Этих всюду проникающих женщин соперники Моховой с ненавистью называли «швабрами»

Старухи опутали шпионской сетью громовский мир Они легко перехватывали вражеских добытчиков, когда те, ничего не подозревающие, с добычей возвращались домой Опаивали до смерти в поездах, подстерегали на ночных полустанках, в черных подъездах, на безлюдных улицах Книги потекли к Моховой

Если бы библиотеки не предприняли контрмер, Мохова наверняка бы получила собрание сочинений. Говорят, что именно для нее похитили список громовских книг

из Ленинки, но он не дошел до Моховой – и в этом была заслуга не существующего ныне клана Степана Гурьева, бывшего золотодобытчика

Его библиотека обитала на Алтае, возле приисков Багряный и Северный. Прииски были давно оставлены, и «читатели» разработали их по новой, добывая средства на жизнь и поиск Книг. Люди в гурьевской библиотеке попадались бывалые. Известно, что приисками случайно заинтересовались залетные чеченцы Самонадеянных выходцев Кавказа сожгли, заманив в барак-ловушку...

Гурьевцы поймали курьершу с материалом. Старуха проявила исключительную жертвенность и успела съесть картонные таблички. Курьерше вскрыли пищевод, надеясь как-нибудь восстановить карточки. Были извлечены совершенно изжеванные, нечитаемые клочки, но по числу карточек можно было предположить, что Книг в природе семь.

Поиски требовали не только терпения, но и денег. Мохова своевременно устроила главным бухгалтером в собес своего человека. Ловкая бухгалтерша сделала так, что Дом как бы исчез из поля зрения официальных властей и при этом еще многие годы находился на государственном финансировании.

Дом вмещал до четырехсот «мамок». Поток пенсионеров не прекращался: мужчин, по установившейся привычке, сразу морили, а женщин ставили под ружье.

Через два года Мохова обладала самой многочисленной и мощной армией среди всех кланов. Кроме прочего, возрастной состав «мамок» сравнительно помолодел. Мохова, на примере поварихи Анкудиновой и санитарки Басовой, поняла, что армия нуждается в более молодых рекрутах. Ветхие старухи показали себя отличными бойцами, но лишь когда Книга преображала их. В остальное время армия слабела. В большинстве своем на две трети. Буквально через неделю после захвата Дома пошла вербовка свежих сил.

Идея вечной жизни в собственном теле во многом пересекалась с идеологией «Свидетелей Иеговы». Может, поэтому Мохова часто пополняла ряды средних лет сектантками – те охотно переметывались на ее сторону, предпочтя нож и топор распространению глупых брошюр.

Старухи привлекли своих пожилых, но еще крепких дочерей. Полуспившиеся, разведенные, просто одинокие, озлобленные на весь мир, они навсегда оставались в Доме, выбрав борьбу за бессмертие.

Сражаться никого не учили. Горн разумно допустила, что нет смысла нарушать старые рефлексы. Женщины получили в руки то, с чем имели дело всю жизнь. Деревенские бабы одинаково хорошо управлялись с топором, ножом, косой и цепом. Бывшим труженицам депо, заводов,строек, дорожным работницам выдали родные оранжевые безрукавки, ломы, кувалды, лопаты и кирки.

Надо сказать, вера в женскую слабость всегда была серьезным заблуждением. За годы тяжелого труда каждый организм накапливал в себе огромные мускульные силы. Женщины дряхлели психологически, забыв, что раньше они без усталости махали ломом и топорами на стройках, таскали шпалы и части рельсов на железнодорожных работах, волокли ведра и носилки, полные неподъемного раствора.

Никого же не удивляла способность китайского мастера боевых искусств, тщедушного дедка, управляться с десятками молодых противников. Всю жизнь проработавшие женщины тоже обладали огромным физическим потенциалом. Нужная Книга только помогала вспомнить притупившееся ощущение Силы.

Пехота дорожных работниц и колхозниц, чьи тела, казалось, состояли из налитого, как свинец, мяса, разгромила кланы бывших соратников Шульги – Фролова и Ляшенко. Особенно отличилась в кровопролитных походах пятидесятилетняя крановщица.

Данкевич Ольга Петровна Она настолько окрепла, что предпочла себе в оружие крюк от подъемного крана, который держался на трехметровом тросе Удар этого кистеня уложил бы и носорога. Не один десяток читателей, включая и библиотекарей, приняли смерть от ее чудовищного крюка

Когда был ликвидирован клан Гурьева, – Мохова жестоко отомстила за вскрытый пищевод курьерши, – стала очевидна нависшая угроза. Именно с того времени пожилая женщина надолго сделалась символом опасности, синонимом жестокого коварства.

В девяносто пятом году библиотеки объединились против тирании Моховой. У коалиции имелась еще одна немаловажная задача – отбить Книгу Силы, находящуюся в распоряжении Моховой. Поговаривали, все всплывающие Книги Силы старательно уничтожаются, и, возможно, эта и без того редчайшая Книга теперь в единственном экземпляре. Как потом ее собирались делить между собой библиотеки – не ясно.

Высказывалось мнение, что Книгу Силы надо будет сжечь, либо она должна стать общей, правда, никто не уточнил, каким образом Этот вопрос замяли, чтобы не вносить сумятицы. В любом случае, все были единодушны – с Моховой надо покончить.

Коалиционное войско включало в себя отряды шестнадцати библиотек – около двух тысяч человек из различных городов: Саратова, Томска, Перми, Костромы, Уфы, Красноярска, Хабаровска, Липецка, Свердловска, Пензы, Белгорода, Владимира, Рязани, Воркуты, Казани, Челябинска. К ним присоединились шестьсот ополченцев, выставленных читальнями

Мохова бросила в бой почти тридцать сотен мамок Сама она благоразумно не участвовала в битве Дружиной командовала Полина Горн.

БИБЛИОТЕКИ И ЧИТАЛЬНИ

Читальней называлось небольшое формирование вокруг какой-нибудь Книги – Радости, Памяти, реже – Терпения.

Весь громовский мир начинался с таких маленьких общин Появлялся одиночка, проникший в тайну Книги, и вокруг него образовывалась читальня – товарищи, которым он решил довериться Если кто-то семейный попадал в читальню, то вскоре его близкие тоже оказывались там, и к этому относились терпимо У каждой веревочки был свой конец, и на определенном этапе коллектив переставал пополняться

Читальня была фундаментом, на основе которого могла со временем возникнуть библиотека. Случалось и обратное В результате разборки небольшой по размерам клан сокращался до читальни

Публика подбиралась разная, всех возрастов и профессий. Каждый читатель был свободен морально и, что немаловажно, финансово Этим читальня выгодно отличалась от библиотеки, где люди отдавали часть зарплаты, так называемый взнос, на поиск Книг и поддержку организационных структур.

Как и в библиотеке, в читальне имелся руководитель – он назывался библиотекарем Это был владеец Книги либо тот, кому читальня Книгу доверила. В планы читален не входил поиск Книг, люди удовлетворялись тем, что имели, соблюдая честную очередность.

Поначалу библиотеки и читальни не пересекались, хотя и знали друг о друге Потом библиотеки накопили силы и Книги. Существование конкурентов противоречило их тоталитарным планам

Читальни шантажировали и запугивали. Предлагали добровольно сдать Книгу, обещая место в библиотеке Иногда Книги экспроприировали. У откровенного разбоя имелось

официальное объяснение: читальни были объявлены рассадником переписчиков, и руководители крупных библиотек призывали остановить копирование любой ценой

Из черного ниоткуда появились факельщики – исчадия, порожденные волей больших кланов. Факельщики нападали на читальни, выкрадывали Книги и сжигали. На библиотеках эти потери практически не отражались, в хранилищах во множестве имелись запасные экземпляры, а вот обездоленным читателям, лишенным единственной Книги, была одна дорога – в библиотеку.

На фоне этой противоречивой ситуации вознеслась на громовский небосклон звезда Моховой. После нескольких удачных налетов старух на хранилища влиятельных библиотек стало понятно – большой битвы не избежать. В северной полосе России нашли подходящее поле возле заброшенной деревни Невербино.

И тогда представители нескольких кланов, в том числе Лагудова и Шульги, обратились к читальням. За помощь в борьбе с Моховой в будущем им обещалась полная неприкосновенность. Поэтому под Невербино собралось столько добровольцев. Они съехались из всех уголков страны, чтобы с оружием в руках постоять за свои читальни и Книги.

НЕВЕРБИНСКАЯ БИТВА

Отряды коалиции были организованы примитивно, по образцу русских войск на Куликовом поле. В штабе сидели люди далекие от современной тактики, но, как выяснилось позже, довольно практичные.

Авангардом построения были сторожевой и передовой полки, состоявшие из читален. За ними располагался большой полк, укомплектованный дружинами шести библиотек, с боков его прикрывали полки правой и левой руки, в каждом по четыре сводных отряда. За большим полком укрывался клан Шульги, назвавшись запасным полком, а засадным полком в леске неподалеку стал отряд клана Лагудова, чья отборность в качестве войск была тоже относительной.

Из потайных хранилищ были извлечены Книги Терпения. Специальные чтецы, собрав вокруг себя группы человек по пятьдесят, срывая голос, прочли Книги, зарядив тела невосприимчивостью к ранам.

Аллюзии Куликовской битвы отразились в несостоявшемся поединке, на который вызвала всех желающих крановщица Данкевич, вращая над головой жутким крюком. Но в библиотеках не отыскалось своего Пересвета.

Бой начался около двух часов ночи. Накачанные силой «мамки» пошли в наступление на сторожевой и передовой полки. Понесся тяжелые потери, ополченцы отступили.

На пригорке, в окружении гвардии, отдавала приказы Полина Горн. Увидев, что фронтальная атака исчерпала себя и грозит перейти в невыгодный затяжной бой, Горн, создавая численный перевес на фланге, бросила шесть сотен на полк левой руки, и он перестал существовать уже через пятнадцать минут, раздробленный молотками железнодорожных работниц.

Запасной полк Шульги, в чью обязанность входило не допустить обхода с фланга, оставил на произвол судьбы левый полк и, обогнув правый, устремился к возвышенности, где находилась ставка Горн.

Отряды, возглавляемые могучей Данкевич, вышли в тыл объединенных войск, создав реальную угрозу окружения. В спину прорвавшимся «мамкам» ударил засадный полк Лагудова. Внезапное введение в бой свежих сил незначительно изменило ситуацию. Коалицию спасло время. Действие Книги Силы частично исчерпалось – Книгу старухам прочли загодя, чтобы обеспечить силой, необходимой для марш-броска от железной дороги до Невербино.

В жестокой схватке пали телохранительницы Горн. Старуха, внешне очень похожая на Горн, оказалась оттеснена бойцами Шульги Она сражалась отчаянно, пока Шульга, подзуженный Книгой Ярости, не раскроил внезапно ослабевшей противнице голову

Гибель военачальницы послужила сигналом массового бегства моховского воинства. Слабеющих на ходу старух гнали, как Мамая, до железнодорожной станции. Уцелело не больше нескольких десятков.

Ходили сплетни, что Горн удалось выжить – погиб двойник, сама же Горн и две дюжины ближайших соратниц, сохранивших прыткость, скрылись и спустя несколько дней благополучно добрались до своей цитадели – Дома престарелых. Но эту информацию предпочли не афишировать.

Многие кричали, мол следует добить Мохову в ее логове и взять Дом штурмом, иначе гидра отрастит новые седые головы, но это предложение замаяли, аргументируя, что с Моховой покончено, у нее «вырваны зубы» – на месте ставки Горн был найден обгоревший обрывок Книги Силы. Считалось, Горн, чуя поражение, уничтожила уникальный, вероятно, единственный экземпляр.

Цена победы была велика Объединенные силы потеряли в схватке около тысячи человек, сотни получили ранения и увечья. Нет нужды говорить, больше всех потеряли читальни

Тела погибших снесли в глубокий овраг, закидали едкими удобрениями, чтобы ускорить разложение, присыпали сверху землей, так что ямы не стало. В землю же бросили семена репейника и прочих быстрорастущих сорняков Весной над оврагом выросли исполинских размеров лопухи, навсегда скрывшие тела павших под Невербино

Возвращаясь домой, ополченцы да и вожди изрядно потрепанных библиотек с горечью, полушепотом говорили, что невербинская бойня была нарочно спланирована аналитиками Моховой, Лагудова и Шульги, чтобы сократить непомерно разросшееся число людей, знающих о Громе Сражение уменьшило этот мир на четверть.

Примерно тогда же сформировался новый орган власти и управления – Совет библиотек. Вышедший из боя с минимальными для своего клана потерями, влиятельный как никогда, Лагудов продвинул идею, что председательствовать имеют право исключительно «натуральные библиотекари» – то есть те, кто самостоятельно проникли в суть громовских Книг А таких официально после невербинской битвы оставалось всего двое – Лагудов и Шульга Красноярский библиотекарь Смолич, рязанский Нилин и липецкая Авилова погибли

Совет утвердил вердикт, обещающий читальням неприкосновенность. Была проведена тщательная перепись Читальни обычно именовали по месту проживания, иногда название было производным от фамилии библиотекаря или основателя.

Все читальни, исключая лишь участников Невербино, обязывались платить в Совет десятину. Разумеется, доходы сознательно принижались, читатели стряпали фиктивные справки. Поэтому Совет ужесточил правила и заменил щадящую десятину единым годовым налогом – за каждую конкретную Книгу была назначена определенная сумма.

Забегая вперед, нужно сказать, Совет не остановился на достигнутом и окончательно прижал вольницу. В принудительном порядке читальни переводились на абонемент Отныне Книга принадлежала читальне номинально, настоящим собственником был Совет, сдающий Книгу в аренду.

Был сформулирован и штрафной кодекс Дважды крупно проштрафившаяся читальня именем Совета библиотек распускалась, а Книга подлежала изъятию Неподчинение строжайше каралось.

В вину, к примеру, вменялось доказанное наличие переписчика или излишняя разговорчивость какого-нибудь читателя, воровство, утаивание новонайденной Книги – любое действие, способное поставить под угрозу конспиративность громовского универсума.

К сожалению, вердикт о неприкосновенности систематически нарушался, хотя бы потому, что далеко не все библиотеки признали его легитимность, к примеру, те, что не участвовали в битве под Невербино Эти кланы, не входящие в Совет, действовали грубо и жестоко, как всякие захватчики. Если даже удавалось в сражении отстоять Книгу, то обескровленная читальня вскоре делалась легкой добычей мародеров или просто кланов-хищников.

Имели место и искусно подстроенные провокации Достаточно было дважды скомпрометировать неудобную читальню, а уж Совет незамедлительно выносил решение о роспуске. Для подобных случаев были разработаны несколько реабилитационных социальных программ. Большим везением считалось, если читателей, не разлучая, приписывали к ближайшей библиотеке, причем само понятие «ближайшая» было относительным. Частенько приходилось ездить к Книге за сотню километров. Взносы и стоимость проезда – все это ощутимо било по карману

Чаще разыгрывался другой трагичный сценарий Местная или региональная библиотеки отказывались принимать сразу всех чужаков, мотивируя тем, что они переполнены Предпочтение отдавалось кандидатурам с мало-мальски приемлемой заработной платой, из которой потом высчитывались взносы. Читателей с малыми доходами расселяли в любые библиотеки, где имелись вакансии. Можно представить, что означало для жителя Омска распределение в Иркутск или Красноярск Многие отказывались от переезда и переходили в разряд очередников, «терпил». Сломленные люди, как правило, опускались и ожесточались Именно из таких Совет формировал отряды факельщиков Наемники охотно выполняли любые самые грязные поручения, ведь наградой за работу была Книга.

Несмирившимся читателям оставалось принять вызов, лицом к лицу встретить врага, многократно превосходящего численной силой Понятно, чем заканчивались эти поединки, когда против двух десятков мужественных защитников читальни выходили сотни отборных бойцов, высланных Советом...

В это смутное время я стал библиотекарем. Моя читальня владела Книгой Памяти, и посещали ее семнадцать читателей.

Часть II

Широнинская читальня

КНИГА ПАМЯТИ

Сам я прочел Книгу лишь спустя месяц после вступления в должность и, признаюсь, не часто перечитывал – наваянная «память» была всегда одинакова, и мне иногда думалось, что от повторений она может, как штаны, износиться.

Вообще, пережитое ощущение сложно назвать памятью или воспоминанием. Сон, видение, галлюцинация – все эти слова тоже не отражают сути того комплексного состояния, в которое погружала Книга. Лично мне она подсунула полностью вымышленное детство, настолько сердечное и радостное, что в него сразу верилось из-за ощущения полного проживания видений, по сравнению с которым реальные воспоминания были бескровным силуэтом. Более того, этот трехмерный фантом воспринимался ярче и интенсивнее любой жизни и состоял только из кристалликов счастья и доброй грусти, переливающихся светом одного события в другое

У «воспоминания» была музыкальная подкладка, сплетенная из многих мелодий и голосов. Там угадывались «Прекрасное далеко» и «Крылатые качели», белая медведица

пела колыбельную Умке, бархатным баритоном Трубадур воспевал «луч солнца золотого», трогательный девичий голос просил оленя умчать ее в волшебную оленью страну: «Где сосны рвутся в небо, где быть живет и небыль» И вместе с соснами из груди рвалось и улетало сердце, точно выпущенная из теплых ладоней птица.

Вот под это полное восторженных слез попурри виделись новогодние хороводы, веселье, подарки, катание на санках, звонко твякающий вислоухий щенок, весенние проталинки, ручейки, майские праздники в транспарантах, немыслимая высь полета на отцовских плечах. Раскидывалось поле дымных одуванчиков, в небе плыли хлопковые облака, дрожало от ветра живописное озерцо, пронзенное камышами В теплой и мелкой воде шныряли серебристые мальки, в тронутой солнечной желтизной траве стрекотали кузнечики, фиолетовые стрекозы застывали в воздухе, ворочая головой, полной драгоценных блесток

«Вспоминались» школьные годы Был новенький ранец, на парте лежали цветные карандаши и раскрытая пропись с выведенными неловким почерком любимыми навеки словами: «Родина» и «Москва». Первая учительница Мария Викторовна Латынина открывала дневник и ставила красную пятерку за чистописание. Был чудно пахнущий новенький учебник по математике, в котором складывались зайцы и вычитались яблоки, и учебник по природоведению, душистый как лес.

Незаметно уроки выросли до алгебры, географии, но все эти науки постигались легко и весело. Зимние каникулы разливали морозную гладь катка, или начиналась игра в снежки, а потом наступала щебечущая скворцами весна, и рука выводила какую-то смешную любовную записку, которую через две парты передавали девочке с милыми русыми косичками

Праздники взлетали воздушными шарами, пестрели радужные клумбы, и в каждом окне сверкало солнце Наступало лето, над землей мчалось неистово синее небо июля, падало и становилось Черным морем с облачной пеной на волнах Сквозь южное марево проступал васильковой глыбой Карадаг, воздух шелестел кипарисами, благоухал можжевельником. С каждым ласковым порывом ветра из зелени выныривал светлый двухэтажный корпус пионерского лагеря На гранитном постаменте возвышался белый, точно сахарный, Ленин, от памятника звездными лучами разбегались пестрые аллеи цветов, на стройной мачте флагштока трепетало алое звонкое счастье...

На словах это, конечно, звучит не особенно впечатляюще Но в тот вечер, когда действие Книги исчерпалось, я долго глядел на крадущуюся в грозовом небе тучу, черную, словно печень, – тогда я понял, что буду сражаться за Книгу Громова и за выдуманное детство.

Поразительно, как легко память смирилась с дискриминацией. Книжный фантом не претендовал на кровное родство, в конце концов, он был глянцевым ворохом старых фотографий, треском домашнего кинопроектора и советской лирической песней.

И все же настоящее детство сразу покатило на задворки – долгий поезд, стылый караван заурядных событий, которыми я не дорожил

Но все это произошло намного позже, а первые недели в широнинской читальне я клял доставшееся наследство – покойный дядя Максим, сам того не желая, изрядно подставил меня. Вместе с дядиной квартирой я унаследовал должность библиотекаря и Книгу Памяти

ДЯДЯ МАКСИМ

По профессии дядя был врач. Жизнь его поначалу складывалась замечательно. Школу он закончил с серебряной медалью, поступил в медицинский После институтской двухлетней практики в Сибири дядя завербовался на работу в Арктику.

Я помнил дядю Максима еще молодым. Он приезжал к нам в гости и всегда привозил

дефицитные продукты или какие-нибудь вещи, которые нельзя купить в обычных магазинах, – импортные куртки, свитера, обувь. Однажды он подарил двухкассетный «Panasonic», ставший на многие годы предметом зависти многих наших знакомых.

Мы сидели за семейным столом – папа, мама, я и сестра Вовка... Вообще-то по-настоящему ее звали Наташа, а Вовка – это было домашнее прозвище. Когда Наташа родилась, отец повез двухлетнего меня к роддому, пообещав показать там настоящую Дюймовочку. Под окнами я звал: «Мама, где Дюймовочка?!» – а глуховатая, добродушная, как сенбернар, нянька, прибиравшая мусор на ступеньках, с улыбкой всякий раз повторяла: «Да не кричи, малый, вынесут сейчас вашего Вовочку»...

Мы сидели, а дядя Максим рассказывал всякие удивительные, почти сказочные истории о Крайнем Севере: «В одном поселении застрелился оленевод. Его схоронили, а спустя ночь среди оленей начался мор. Старый шаман сказал, что самоубийцу похоронили неправильно, и он превратился в демона, убивающего домашний скот. Труп выкопали, погребли уже лицом вниз, пригвоздив моржовым клыком. Самое интересное, мор сразу прекратился»...

В отличие от робкой Вовки я любил эти страшные рассказы. Правда, отец утверждал, будто дядя равнодушен к нашей маме и, пытаясь произвести на нее впечатление, горазд прихвастнуть. Допускаю, отец просто завидовал дяде Максиму, у которого была такая яркая жизнь.

А потом дядя перестал навещать нас. Я слышал от родителей, что он больше не работает в экспедициях и перебрался из романтической тундры в скучную российскую глубинку. Но еще долго дядя Максим был для меня героем приключенческого фильма, сибирским Следопытом.

С годами дядин ореол заметно поблек. «Опустился», «позорит семью» – говорил отец о дяде Максиме. Видимо, от пребывания в холодном климате дядя пристрастился к алкоголю, а может, и сказало вечное наличие спирта, связанное с профессией, или окружение подыскалось пьющее.

Когда закончился контракт, дядя работал в больнице заведующим, пытался писать диссертацию. Своей семьей дядя не завел. Водка сломала все планы. Его сначала понизили до участкового, а вскоре вообще уволили за пьянство. Несколько лет дядя Максим ездил на «скорой помощи» санитаром, но его и там рассчитали.

За последние пятнадцать лет у нас он появился всего дважды. Первый раз прилетел на похороны деда, крепко выпил на поминках и даже подрался с отцом, а второй раз – когда умерла бабушка. Дядя опоздал на похороны, потому что был в запое, да и самолеты летали не так хорошо, как при Союзе, вот и пришлось добираться поездом. Дядя съездил на кладбище, погостил пару дней, поругался с отцом и снова уехал.

После смерти бабушки с бабушкой отец с горечью говорил: «Это Максим их в гроб загнал!» И отчасти он был прав – старики ужасно переживали из-за непутевой судьбы младшего сына.

Дядя Максим изредка звонил нам, всегда с одинаковой просьбой – выслать переводом денег. Отец, наученный горьким опытом, неизменно ему отказывал, и однажды дядя, обозвав старшего брата «жидом», надолго пропал.

Затем он снова начал названивать, но денег уже не просил, просто спрашивал, как у нас дела. По слухам, он лет пять как не пил. Об этом мы узнали от бывшего дядиногo сослуживца, врача. Тот был у нас проездом и по дядиной просьбе передал деньги, двести долларов, которые дядя Максим когда-то занимал у отца. Этот сослуживец и рассказал, что Максим Данилович с алкоголем завязал, но есть подозрения, что его затянула иная тряпина – вроде бы религиозная организация, возможно, какие-нибудь баптисты или «Свидетели Иеговы».

Сам дядя Максим ничего конкретного не сообщал, в телефоне голос его неизменно был весел, и в ответ на упреки отца: «Максим, последний ум пропил? Неужели ты не можешь быть откровенным с родным братом?» – он только смеялся и передавал приветы маме, Вовке и мне

ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ, МОЛОДОСТЬ

Когда-то я мечтал поступить в медицинский, чтобы, как дядя Максим, объездить в поисках романтики страну При этом я даже не задумывался, что врач – профессия стационарная и медицинские работники обычно не путешествуют.

В выпускном классе мои планы изменились. Все перевернул организованный в школе театральный кружок. На беду вел его человек бесталанный и азартный. За год нам прочно привили все мыслимые недостатки актерской науки, но, самое страшное, каждый из нас твердо уверовал в собственную гениальность. Вместо того, чтобы готовиться к будущей жизни и выбирать специальности себе по плечу, с достойным и стабильным заработком, мы стали мечтать об искусстве

За короткую свою бытность кружок не поставил ни одного спектакля, мы лишь репетировали Несчастная пьеса Шварца «Обыкновенное чудо», которую мы самонадеянно выбрали для постановки, не сдвинулась дальше первого действия, но мы уже считали себя артистами.

Помню, я страшно всполошил отца и мать, когда сказал, что собираюсь ехать ни больше ни меньше как в Москву – поступать в театральный, на актера.

Надо отдать родителям должное, они постарались уберечь сына от надвигающейся катастрофы. В честолюбивых мечтах меня поддерживала одна Вовка, но только до момента, пока ей не разъяснили: братец Алешка угодит не на учебную сцену МХАТа, а прямиком в армию Вразумленная Вовка притихла, а я лишился преданного союзника. Родители же начали новую воспитательную кампанию. Теперь, щадя мое самолюбие, они обличали кумовство, присущее подобным заведениям: «Туда поступают исключительно по благу».

Я растерялся, и меня коварно искусили новой перспективой. Отец сказал, что не хочет разрушать во мне мечты, но не лучше ли вначале получить твердую профессию в техническом вузе. Потом, если мне и дальше будет не вмоготу без искусства, через пять лет, повзрослевший и определившийся, я смогу поступить на режиссуру, что само по себе звучит солиднее Я подумал и согласился на политехнический институт и «твердую профессию»

Это словосочетание и по сей день напоминает мне нечто прямоугольное и тяжелое, похожее одновременно на силикатный кирпич и железобетонную опору. Я отдал предпочтение наиболее твердому – «машинам и технологии литейного производства» На вступительных экзаменах по математике и физике я наделал кучу ошибок и порядком струхнул, но меня вытянули на четверки После совсем фиктивного экзамена – сочинения – я был принят на первый курс

Учиться мне было неинтересно, каждый предмет был чужд. Лекции я не прогуливал, на экзамены исправно писал вороха шпаргалок, которые у нас не отнимали

На зимней сессии из института повылетали многие, но только не с механико-металлургического Нас тянули изо всех сил, да и я тоже старался не отставать Трудно было со всякими чертежами, но и этот вопрос решался – за небольшое вознаграждение их делали студенты, чьей специализацией была начертательная геометрия Стипендии как раз хватало, чтобы уплатить за особо гнусные курсовики по теории машин и механизмов – ТММ, которую еще с незапамятных времен называли «тут моя могила» Жил я у родителей, и трудностей, какие могли испытывать иногородние студенты, не знал.

Шел девяносто первый год, и в моей зачетке прощальным росчерком советской эпохи остался экзамен по истории КПСС, сданный на «четверку», и зачет по научному атеизму

Я, конечно, не забывал, кто я по призванию и зачем здесь – получить «твердую специальность», эту индульгенцию перед собой и родителями, чтобы с дипломом инженера-механика за пазухой без страха и упрека шагнуть в искусство.

В институте активно начали развивать КВН, и я ринулся туда. С первых моих пробных выходов на сцену выяснилось, что я «не смешной». Это признавали все. Я объяснял актерскую неудачу своей благородной, отнюдь не клоунской статью и драматическим талантом. Разочарованный, успокаивал себя, что я по задаткам не фигляр из самодеятельности, а серьезный артист.

Кое-как я сочинил две шутки: «В Украине начали выпуск водки для обезьян – „Гориллка“, и „В ногах правды нет. Садитесь Правда в жопе“». Вторую шутку, посмеявшись, забраковали. Также я переделал песню „Прекрасное далеко“: «Я клянусь, что стану чище и побре-е-юсь...»

Мой звездный час наступил, когда наша институтская команда ввязалась в городской фестиваль. За три дня до четвертьфинала вдруг оказалось, что конкурсы «Приветствие» и «Домашнее задание» не готовы. Веселые и находчивые шли ко дну вместе с капитаном. Как пасьянс, они раскладывали записанные на бумажках остроты и не могли собрать их воедино. Маячила печальная перспектива – уход с фестиваля.

К нам заглянул начальник студенческого клуба Дима Галоганов, давешний выпускник института, а ныне мелкий чиновник. Галоганов мрачно поклялся в случае провала разогнать команду.

Во время разноса я листал архив, в котором оставался шлак вперемешку с шутками малого калибра, и вдруг у меня в голове сложилась готовая схема выступления.

Я заявил, сгребая бумажки и тетрадь, что к завтрашнему дню полностью распишу все конкурсы. За ночь работы из унылых лоскутков я сшил пестрое и вполне оригинальное выступление. Особенно удался лейтмотив с песнями, в которых хоть мельком фигурировало про «сойти с ума» – «На нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет», «С ума схожу иль восхожу к высокой степени безумства», «И почтальон сойдет с ума, разыскивая нас», «Я по тебе схожу с ума». Лишь только исполнитель доходил до этого самого «сойти с ума», он вдруг начинал корчить дебилские рожи, улыбаться, гукать, пускать слюну. На заключительной песне мы просто порвали зал, когда всей линейкой загукали, как дураки. Команда триумфально вышла в полуфинал, и сидящая в жюри звездная столичная КВН сказала, что наша игра достойна высшей лиги.

Ректор поздравил с победой начальника студенческого клуба Галоганова, тот не забыл обо мне. В три дня я стал первым человеком в команде. Из рядового сочинителя шуток я был повышен до расплывчатой должности, в контурах которой угадывались функции режиссера. Впрочем, никто не возражал против моего повышения. Наоборот, меня шумно поздравляли и благодарили.

Я не замедлил сообщить об успехе домашним, те самодовольно кивали: «а что мы говорили», «надо же – второй курс, а уже режиссер», – и хитро подмигивали, мол «то ли еще будет».

Новое назначение отняло у меня в конечном итоге «твердую профессию». Со второго курса я почти не учился, а занимался КВНом. Большинство зачетов и экзаменов я получил в подарок, благодаря проректору по культурной части.

Мой дар к компиляции, ранее проявлявшийся при написании рефератов, пригодился на новой должности. Я легко конструировал программы всех капустников и праздников,

посвященных институтским годовщинам, и сделался незаменимым помощником нашего начальника клуба.

Под моим руководством был снят получасовой фильм об институте Мы подгадали с презентацией, совместив две круглых даты: шестидесятилетие ректора и вуза, сказав, что это скромный подарок от студенческого клуба.

Фильм назывался «Наш любимый Политех Вчера. Сегодня. Завтра» и был напыщенно-хвалебный. В течение нескольких лет льстивое видео неизменно демонстрировалось высоким гостям из министерства.

Ректор был очень растроган подарком, и на клуб стали выделяться деньги После этих субсидий Галоганов, купивший себе новый телевизор, видеомагнитофон и музыкальный центр, во мне души не чаял.

Меня, как своего, приглашало на посиделки мелкое институтское чиновничество. Галоганов, чуя скорое повышение, в пьяной щедрости все чаще прочил меня в преемники на пост начальника клуба, искренне обижаясь, почему я не замираю от восторга

Тогда я не мог понять, что жизнь подсовывала вполне сносный образчик карьеры, тихую болотистую гавань. Я с негодованием отвергал эти подарки судьбы. Вместо того, чтобы укреплять дружбу с Галогановым и проректором по культурной части, я раз за разом со снисходительной улыбкой говорил своим благодетелям, что собираюсь серьезно заняться искусством и плевать хотел на будущее мелкого институтского функционера.

Родители, конечно, пытались меня переубедить, я же жестко отвечал, что обещал им «твердую профессию», а не погубленную в скуке жизнь

Вовка помалкивала, потому что морально проштрафилась Она тогда училась на втором курсе, и я уже не припомню, что было раньше: дынная округлость живота или слова о скором замужестве То есть, Вовка с умными советами не лезла, а прилежно клячила у преподавателей экзамены и зачеты, чтобы не терять учебный год Мы же пытались полюбить Вовкиного жениха Славика, ее одноклассника. Это оказалось нетрудно, на первых же смотрах осквернитель расположил нас кротким и покладистым нравом. Похоже, он действительно любил Вовку Они вскоре расписались и переехали жить в опустевшую квартиру наших покойных стариков. В июле Вовка благополучно родила мальчика, которого назвали Иваном.

За два года гордыня ослепила меня. Я запросто общался с проректором, имел собственный рабочий стол в кабинете начальника клуба Диплома я вообще не писал. По просьбе Галоганова, из архива извлекли старый диплом «Литье по выплавляемым моделям», в котором заменили титульный лист

Что было еще? Летом, по окончании четвертого курса, я женился Тогда студенческие свадьбы приняли вид какой-то эпидемии Жену мою звали Мариной Была она довольно приятной внешности, с правильными, но настолько обобщенными чертами лица, что походила на среднестатистический макет симпатичной девушки. Так на агитационных плакатах изображались шагающие одинаковые шеренги комсомолок с одной на всех коллективной миловидностью. После первого дня знакомства я бы не узнал ее на улице. Единственное, что выделяло Марину, это смех. Очень мелодичный и звонкий, и смеялась она в основном, когда я щеголял своим остроумием. В конце концов, я обратил на нее внимание.

Все мои политеховские годы у меня не было недостатка в подругах Я был достаточно известной личностью. И все же эта Марина довольно быстро оттеснила соперниц, я же отнесся к этому факту легкомысленно, девичья охота на мужа меня откровенно забавляла

Марина времени не теряла и так лихо закрутила отношения, что через полгода я с

удивлением выяснил, что о нас уже говорят как о скорой семейной паре, и самое странное, у меня не возникло желания опровергать явное недоразумение. Даже проректор, пробегая мимо по коридору, поздравил со скорой свадьбой.

Родители тоже были всеми руками «за» Они думали, что с женитьбой я остепенюсь, забуду о глупых мечтах, предпочтя семейное благополучие

Пораженная всеобщей брачной заразой часть моей души лживо успокаивала, что жена никак не помешает карьере будущего режиссера Все решила фраза, оброненная моим начальником Галогановым: «Чего ты боишься? Не понравится, разведешься».

Почему-то именно эта возможность будущего развода успокоила, и я сделал Марине предложение. В июне мы поженились. Свадьбу отметили узким семейным кругом – Вовка была на восьмом месяце и умиляла застолье внушительным животом Тесть и теща преподнесли нам в подарок квартиру, которую, впрочем, записали на Марину

Брак наш просуществовал чуть больше года. За этот относительно недолгий срок я смог убедиться, что плач у моей супруги оказался удивительно неприятным, в противоположность ее смеху.

Получив инженерный диплом, я стал усиленно готовиться к поступлению на режиссуру. Я отправился на разведку в Москву Столица исподтишка ударила рублем. Мне-то и в голову не приходило, что я гражданин другой страны, и обучение может быть только платным.

Горестный факт сразу снял все вопросы по поводу поступления в России. Возвратившись, я мог без стыда смотреть в глаза моим знакомым – Москва отпала лишь из-за денег. Я упрекнул родителей – вот, надо было ехать тогда, пять лет назад, пока еще был Союз.

Для воплощения мечты в моем родном городе имелся Институт культуры, котел, в котором бурлили все освежаванные музы Среди музыкальных факультетов, муштрующих левшей декоративно-прикладного творчества, хранителей академических и народных хоров, опекунов оркестров домбр и балалаек, поводырей хореографических коллективов, – там имелся и театральный факультет, состоящий из отделений актерского искусства, режиссуры драмы и режиссуры театрализованных представлений и праздников.

Повзрослевший, я трезвее относился к своим способностям Вместе с юностью канула и самоуверенность За неделю до экзаменов я узнал, что на «драму» конкурс довольно высок, восемь человек на место, что было странным для нашего захолустья.

На актерское отделение конкурс был чуть пониже, но я вдруг застыдился своего возраста, в двадцать два я казался себе переростком Ломоносовым, пахнущим поморской рыбой, среди толпы юных семнадцатилетних абитуриентов.

Оставалась режиссура театрализованных представлений и праздников с терпимым конкурсом три человека на место Там еще требовалась бумажка, указывающая на опыт работы с коллективом. Такую мне за пять минут нашлепала секретарша Галоганова, а проректор приложил к справке положительную характеристику

Я посоветовался с семьей, родители и Вовка в один голос сказали: «Не рискуй, главное – зацепиться. Потом, если захочешь, переведешься».

В который раз я пошел на поводу у трусости. Документы были сданы на «представления и праздники»

И все же тем летом я был несказанно счастлив. Как обольстительны были девушки, поступавшие на актерский факультет! Они встали на долгие каблуки, чуть прикрылись легчайшим, трепещущим на сквозняках прозрачным шифоном, обнажив юные

прелести ради знойного июля и мужских взоров из приемной комиссии.

Услышав, что я поступил на режиссуру (какую, я благоразумно не уточнял), красавицы просили не забыть о них. Смеясь, говорили: «Лишь свистни, молодой режиссер, и мы прилетим в тот же миг. Посмотришь, как нежно мы отблагодарим тебя за роль, о, режиссер», – обещали они, сияющие, ласковые...

И тогда, от летнего восторга, от этой готовности как можно скорее свистнуть юным актрисам, я заявился домой и сообщил постылой своей Марине, что развожусь

Жена отозвалась милицейским воем, который, по счастью, пронесся так же быстро, как желтая машина с мигалкой. Буквально на следующей неделе я снова был холост и полон надежд. Родители погоревали и успокоились, а добрая Вовка сказала, что Марина ей никогда не нравилась.

Мне горько вспоминать о следующих пяти годах «Режиссура народных зрелищ» оказалась примерно тем же металловедением, только в области искусства. Учились там люди взрослые и некрасивые – мешкообразные девицы, напористые тридцатилетние мужички из глухой провинции, директора местечковых клубов, просто нуждающиеся в пресловутой дипломной «корочке»

Актерское мастерство ограничилось развитием дикции, и первые полгода «на мели мы лениво налима ловили» Преподаватель сценического мастерства учил отвешивать звонкие пощечины и кланяться. Уроки акробатики сделали бы честь любому дому отдыха – кувырок назад, кувырок вперед, полушпагат, руки врозь. На режиссуре мы разыгрывали сценки с «оправданным молчанием» Конфликты между водолазами, шпионами в засаде, поссорившимися супругами, то есть логично молчащими героями, неизбежно оказывались надуманными глухонемыми корчами.

По второму разу я взялся за социологию, философию, психологию и навеки иностранный английский Из нового добавились невнятная педагогика, культурология и литературоведение

После первой сессии в деканате я узнал – перевестись на драму не получится, только «на платной основе». Это известие так пришибло меня, что следующие три года я безропотно позволял лепить из себя затейника-массовика с жестянкой на голове и носом-морковкой

Мне бы честно, громогласно покаяться перед мечтой и бежать из гнилого логова, а я вдруг начал чудовищно лгать окружающим и себе, будто очень доволен учебой

Я практиковал самообман. Вовка и Славик домучили свой институт, маленький Ваня посещал детский сад Вскоре Славик удачно пристроился в фирме, занимающейся продажей офисной мебели, а Вовка снова забеременела и осчастливила всех нас вторым младенцем – Ильей, так что и ей со Славиком, и родителям прибавилось радостных хлопот...

К четвертому курсу пелена спала с глаз. Был намечен запоздалый план спасения – перевестись с дневного факультета на заочный и немедля устроиться в студенческий клуб Стремглав побежал я в мою осмеянную альма-матер просить места – и опоздал Никто уже не помнил создателя фильма «Наш любимый политех». Ректор ушел на пенсию, за растрату погнали Диму Галоганова, и должность начальника клуба давно занял достойный человек.

Охваченный паникой двадцатилетний перестарок, я перевелся на заочный и в поисках работы оббил пороги всех городских ДК. Меня с презрением оттолкнули и «строители», и «железнодорожники» Приют дал местный телеканал, где из невнятного текста-сырца я тачал сценарии Потом втиснулся в какое-то малолитражное радио и редактировал там позорную юмористическую передачу.

В двадцать семь лет я получил мой второй диплом. В сентябре поучаствовал в зрелищно-массовой халтуре, называемой «День города» Худрук оказался ушлым и вороватым Мы предоставили горисполкому внушительную смету на всякие народные костюмы, караваи, рушники и гонорары участвующим коллективам, сами обошлись малым и остаток поделили между нашей творческой группой

Телеканал и радио платили унижительные копейки Денег не хватало. В конце декабря меня позвали дедморозить, и я, потеряв стыд, нацепил ватную бороду и брови, закинул на плечи мешок и пошел по детским садам Жалкое трио – Дед Мороз, Снегурочка и аккордеонист – мы собирали малышей, скоропостижно разучивали «В лесу родилась елочка» и «Вместе весело шагать по просторам» Тем, кто громче «припевал хором», вручались гостинцы После утренников, рассчитавшись с аккордеонистом, я, пьяный, блудил с моей Снегурочкой, может, не особо красивой, но покладистой

Благодаря институтским связям мне досталась роль в новогодней елочной мистерии, проводимой в бывшем Доме пионеров Обряженный в расклешенные штаны, розовую рубашку и галстук, сквозь дыру в папье-маше, изображающую волчью пасть, я хрипло выкрикивал «О!» при виде Зайца, если быть точным – Зайчихи, неуклюже гонялся за ней по сцене: «Ну, погоди-и-и-и!» – широко расставив ноги, спотыкался и плашмя, как шкаф, падал, ушибая колени

По сюжету мы со старухой Шапокляк строили положительным персонажам всякие каверзы – воровали сундучок со сказками, нас изобличали, мы раскаивались и, прощенные, вместе с липкорукими детьми водили хоровод вокруг красавицы елки

Унижение закончилось скромным фуршетом, а любвеобильная Зайчиха увлекла меня ночевать в свою нору

НАСЛЕДСТВО

А на Рождество пришло извещение о смерти дяди Максима Милицейский протокол сообщал, что Вязинцева М Д обнаружили мертвым с множественными ушибами и ножевыми ранениями. В приложенной квитанции указывался сектор и ряд с дядиной могилой на 2-м городском кладбище. В наше зарубежье письмо пришло с большим опозданием – спустя месяц после похорон

Мы были очень расстроены этим трагическим известием, папа, прижав кулак к губам, шептал: «Ой, Максим, Максим», и мама всплакнула – она всегда жалела нашего беспутного дядю. Помню, она семь лет назад еще хотела пригласить его на Вовкину свадьбу, но папа отговорил: «Максим напьется, устроит дебош» В итоге мы его не позвали. И вот дяди не стало.

Насколько мы поняли, убийцу никто не нашел и, наверное, не искал Дядина былая репутация подразумевала, что он пал жертвой своих асоциальных знакомых Это было странным, ведь если верить рассказам, дядя уже сколько лет не пил Так или иначе, в милиции его просто списали в утиль и кремировали Папа все собирался поехать к нему на могилу, но дальше разговоров это не продвинулось

Стыдно признаться, но смерть дяди Максима из стадии горя довольно скоро переросла в рутину получения наследства, главным пунктом которого являлась двухкомнатная квартира Семьи дядя не имел, мы были единственными кровными родственниками. Этим стоило заняться. Надежд, что я заработаю себе на жилье самостоятельно, не было никаких

Когда я женился, все решили, что вопрос моего пристанища исчерпан. Квартиру наших покойных стариков мы сразу отдали Вовке с мужем. Когда-то родители приобрели за городом дачный участок с поросычьим домиком а-ля Ниф-Ниф. Отец все пытался сделать из этой халупы полноценный дом, но тщетно Через год я удружил с разводом и вернулся в родные пенаты С мая по октябрь мать с отцом уезжали на дачу, но зимовали-то мы вместе, и нам было тесно...

И вот у меня появилась надежда обзавестись, наконец, своим углом Загвоздка лишь была в том, что дядя не оставил завещания. А это влекло за собой кучу утомительных бумажных формальностей

По закону, если в течение полугода со дня смерти не поступало заявления о принятии наследства, квартира отходила городу, и выбивать ее пришлось бы через суд.

Мы вышли на государственную нотариальную контору по месту жительства дяди, списались с Российским консульством Оснований отказывать нам не было. В марте мы получили бумагу, по которой с первого июня отец как кровный родственник вступал в наследство Нужно было только доплатить какие-то сборы или налоги

На семейном совете мы постановили, что улаживать дела отправлюсь я.

Взваливал я на себя задачу непростую – продать дядину квартиру. Предполагалось, что если найдется потенциальный покупатель, то на выручку – в прямом и переносном смысле – придет отец, чтобы все проконтролировать и не дать нас обмануть

Мы серьезно обсуждали проблему перевоза денег через границу, и даже рассмотрели вариант транспортировки их в урне с дядиным прахом. Мама сразу выступила против такой кошунственной конспирации и сказала, что лучше она придет вместе с отцом, и тогда втроем в одном купе мы безопасно перевезем деньги. Но в любом случае отец хотел захоронить урну с дядей рядом с могилами деда и бабушки.

Мы оформили доверенность, по которой я мог решать все юридические вопросы, и я собрался в дорогу, надеясь в считанные недели покончить с продажей и начать обустривать свою дырявую жизнь.

Путь занял без малого три унылых дня Ехал я в плацкартном вагоне – так билет был не особенно дорогим. Седая, похожая на добрую учительницу женщина робко попросила меня обменяться с ней местами Я уступил нижнюю полку, и благодарная «учительница» пичкала меня домашними пирожками с картошкой.

Напротив нас восседала краснощекая девица колхозного вида. Она везла большой клетчатый баул, который не влез под сиденье. Днем девица зорко его стерегла, а ночью для страховки опускала с полки крепкую обутую ногу и клала на баул

Над девицей расположился юркий, как мышь, остроносый мужичок с фанерным чемоданчиком. Мужичок пил чай, рассказывал девке о своей нелегкой доле, всякий раз приговаривая: «Бедняк есть бедняк» Этой фразой он уже успел разжалобить проводницу и получил задаром матрас и сам бегал то и дело подливать себе в стакан кипятку, потому что заварку он вез собственную

Я старался быть молчаливым и на вопрос «доброй учительницы»: «Куда едешь?» – коротко ответил: «Погостить к дяде», – ловко уткнулся в книгу и не позволил втянуть себя в беседу.

Первой ночью мы пересекли таможню В вагоне подобралось с десяток храпунов, спал я плохо, накрывал голову подушкой, но это слабо помогало

Утром поезд застрял возле небольшой станции Желыбино Окно оказалось напротив мемориальной доски, привинченной к облупившейся вокзальной стене: «Здесь пали смертью храбрых сержант Гусев Степан Яковлевич, ефрейтор Усиков Иван Матвеевич, рядовые Хазифов Хамир Хафунович, Федоров Павел Кузьмич и Аликперов Хусейн Измаилович» Через час я выучил наизусть этот погибший список, и поезд, наконец, тронулся В полдень мы проехали Москву.

В вагоне было жарко. Я долго смотрел на бегущую пейзажную карусель. Небо горело яркой синевой, вспыхивали бликами озера. Вот птица, сорвавшись с дерева, полетела в траву, и ветер унес ее, закружив, как клочок бумаги. Вырастали сопки щебня, сменялись зеленым редколесьем, в котором дырой расплзался луг, полный одуванчиков. За выпрыгнувшим сосновым бором тянулись рыжие болота, из воды торчали сгнившие березовые стволы. Потом начался ельник, оборвался мостом. По другую сторону реки огорожился тополями современного вида поселок с трехэтажными панельными домами. За ними раскидывалось заросшее сорной травой поле с ржавыми футбольными воротами и пятнистой козой, привязанной к ним.

Глядя на заброшенные ворота, я почему-то воображал несчастье: как дети играли в футбол и мяч улетел на рельсы, ребенок не заметил поезда. В тон моим грустным мыслям появлялось кладбище и призрачная церковь.

Проносились похожие на посадочные полосы платформы станций, такие быстрые, что я не успевал прочесть названия. Один за другим сменялись уездные города с милыми простыми именами: Позырев, Лычевец. Вокзалы там часто были просто двухколейными. Пока мы стояли, по вагонам слонялись местные коробейники, предлагая прессу, пиво и нехитрую снедь – семечки, беляши, воблу.

На третий день я уже порядком устал от дороги и был рад, когда утром мы миновали Колонтайск. Спустя несколько часов за окном серой водой разлилась громада Урмутского водохранилища, а за ним, словно шахматные башни, встали дымящие жерла АЭС, потянулись бесконечные бараки технических комбинатов с закопченными витражными стенами.

Старое здание вокзала напоминало храм с высоким куполом, в глубине которого потускневшие советские фрески изображали былое социалистическое счастье.

Вываливших на вокзальную площадь пассажиров обступили настырные, точно цыганки, таксисты, настойчиво предлагая моторные услуги. Я спросил наиглавнейшее, на мой взгляд, корыстного, как мне добраться на улицу Чкалова. Таксист пошевелил губами, прикидывая в уме прибыль, и назвал цену, приемлемость которой я все равно не мог оценить – я путался из-за разницы в рублях и украинских гривнах. В рублях звучало дороже.

Я извинился, сказал, что у меня немного денег, и не подскажет ли он, как доехать туда на общественном транспорте. Таксист, минуту поколебавшись, сжалился, выдал маршрут и махнул рукой в направлении видневшейся за крышами мачты «Макдоналдса» с неоновой «М» на верхушке.

Обойдя дома, я увидел троллейбусный круг и стоянку «маршруток». Я на всякий случай переспросил у какой-то интеллигентной старушки насчет Центрального рынка, и она подтвердила слова таксиста – «пять остановок» и в свою очередь спросила меня, не помню ли я, что в этом году распустилось раньше, ольха или береза, и пояснила: «Если береза, то лето будет хорошее, теплое. А если ольха опередила, то все, дожди будут и холодина».

Город мне нравился уже потому, что светило праздничное солнце, и даже сквозь открытые окна троллейбуса дурманяще чадила цветущая сирень. Преобладали дореволюционные постройки с большими окнами, вычурной, чуть обвалившейся лепниной на стенах и широкими парадными. Эту средней руки купеческую благость портили многочисленные ларьки с аляповатыми надписями: «Пирожки», «Мороженое» или «ООО Ирина». Очень радовала меня буква «ы», встречающаяся в названиях магазинов «Продукты», «Соки Воды», «Сигареты». В моих краях, где девятый год свирепствовала «незалежність», этой буквы совсем не осталось.

Центр был зеленым и просторным. Пересечение проспектов Гагарина и 50-летия ВЛКСМ образовывало небольшую площадь с бронзовым трехметровым Лениным. Справа от памятника стоял броневик времен Гражданской войны, слева – танк Т-70, точно

Ленину предлагалось сделать выбор в пользу современной боевой техники, а Ленин, не замечая намека, упрямо тянул вперед руку, пытаясь тормознуть на проспекте иномарку

Рядом был уютный сквер Над клумбами поднимался гранитный постамент с гаубицей. Под золотыми цифрами «1941—1945» лежали венки и цветы, видно, еще от празднования 9 Мая За сквером возвышался собор с рыжими самоварными куполами и шпиль колокольни, покрытый тусклой изумрудно-мшистой патиной

Троллейбус остановился возле старинной, проросшей травой кирпичной стены, опоясывающей собор Я спустился по небольшой, утопающей в липах улочке и вышел прямо к металлической ограде рынка Там начинались рыбные ряды и пахло речной плесенью.

Я спросил у женщин с набитыми сумками, где остановка восемнадцатого автобуса. Мне разъяснили, что по другую сторону рынка, но сам автобус отсоветовали – «ходит плохо», лучше было подождать здесь «маршрутку», которая тоже идет до улицы Чкалова.

Нужное мне бюро «Доверие» я обнаружил в цоколе холеной, выложенной плиткой девятиэтажки, между гастрономом и парикмахерской.

Внутри царил скромный евроремонт. Мебель из черного кожзаменителя, белые жалюзи и ползучие цветы в горшках вполне располагали к доверию.

Передо мной была всего одна бабка, но радовался я напрасно – просидела она у нотариуса аккуратно до обеденного перерыва, так что я еще битый час вынужденно листал местные газеты

Когда были проставлены печати и я выстоял очередь в кассу, заплатил положенные сборы, занес нотариусу квитанцию об уплате, день уже клонился к вечеру

В гастрономе я купил бутылку «Абсолюта» и большую подарочную коробку шоколадных конфет Неизвестно, какого пола бюрократическая особь повстречается в дядином жэке Гостинцы были нужны разноплановые.

Коминтерновский микрорайон оказался совершенной окраиной, панельными пятиэтажными трущобами Жилищная контора № 27 как сквозь землю провалилась. Злой и уставший, я неоднократно обращался за помощью к аборигенам – никто не знал, где она находится. Наконец, какая-то женщина с помойным ведром вызвалась проводить меня.

Словно в насмешку, металлическую дверь жэка с косо наклепленным графиком отключения воды на июнь, пересекал засов. Никаких ободряющих записок типа «Скоро буду» не имелось.

Женщина изучила график, и подглазья у нее вмиг налились черной тоской Она с укором посмотрела на меня, точно это я был виноват в грядущем отключении, и, качая головой, ушла, ведро в ее руке жалобно поскрипывало.

В эту секунду я понял, что мне предстоит либо поиск дешевой гостиницы, либо ночевка на улице. В бессильном отчаянии я принялся колотить по двери, загудевшей как театральный гром.

Из ближайшего окна на втором этаже высунулся дедок в растянутой майке, с татуированным худым плечом и седыми кудрями на груди Он дружелюбно обматерил меня – так, чтоб я не нагрубил ему в ответ, а вступил в беседу

Я объяснил, что приехал из другого города, мне нужно попасть квартиру, иначе хоть на улице ночуй, а ключи в жэке.

Дед ненадолго задумался, исчез в комнате. Когда я решил, что он просто удовлетворил любопытство, дед вышел из подъезда, на ходу заправляя майку в спортивные, с лампасами, штаны.

«Подожди здесь», – сказал он и бодро зашлепал тапками к соседней многоэтажке. Спустя десять минут дедок возвратился, и не один. За ним плелась пухлая женщина лет сорока, в платье в горох, с черным лакированным поясом вокруг живота. Полные икры были сплошь в комариных укусах, поэтому она изредка останавливалась и страстно почесывала ноги. Мне она кокетливо улыбнулась, показывая золотые зубы, похожие на кукурузные зерна: «Сладкая женщина, вот комары и любят...» – а потом назвалась Антониной Петровной.

За стальной дверью была тюремного образца решетка, сквозь которую виднелся небольшой коридор, покрытый зашарканным линолеумом, и ржавая бочка с надписью «Песок». На стене у входа висели огнетушитель и старый плакат с кудлатым, похожим на спаниеля Валерием Леонтьевым.

Дед цыкнул мелким плевком на плакат и глубокомысленно произнес: «Обладает всеми достоинствами человека, за исключением его недостатков».

Я выложил на стол паспорт, стопку документов и доверенность, внутренне надеясь, что моя небритая физиономия не вызывает подозрений. На всякий случай пояснил: «Только с поезда Трое суток добирался».

Антонина Петровна бегло просмотрела документы и паспорт – фамилия у нас с дядей все-таки была общая, – открыла сейф и, порывшись там, извлекла связку ключей.

Я сказал: «Вам за беспокойство», и протянул Антонине Петровне коробку конфет. Бутылку водки я вручил деду, и он со словами: «А вот это лишнее», – опустил ее в карман штанов, сразу под литровой тяжестью оползших.

От Антонины Петровны я узнал, что о смерти прежнего жильца на АТС никто не сообщал. Она советовала, чтобы сохранить телефон, обратиться туда и побыстрее оплатить долги.

Дом, где раньше жил дядя, – облезлая хрущевская пятиэтажка по улице имени Гвардейцев Широнинцев, – стоял совсем на отшибе, прямо возле затопленного строительного карьера, поросшего болотной осокой. Если бы не тополиная посадка, дом через несколько лет наверняка съехал бы под откос. Я огорчился, прикинув, сколько можно выгадать за квартиру в таком неухоженном месте.

Ведомый Антониной Петровной, я прошел по дорожке мимо беседующей пары – мужчины и женщины, оба средних лет. До меня долетел обрывок фразы: «Я бы Ельцина, суку, лично крючьями разорвал». А женщина добавила: «И не его одного».

Мужчина был крупный, мясисто-молочный, с бегущей в атаку лысиной. Он еще воинственно жестикулировал длинным бумажным свертком. Женщина сжимала какой-то огородный инвентарь – металлический наконечник был обмотан тряпкой. Выглядела женщина так, словно вернулась с дачи, – вылинявшая штормовка, косынка. В ногах стояла сумка, из которой торчала пластиковая бутылка.

Подъезд жалко оскалился двумя сидящими друг напротив друга, как пара подгнивших зубов, старухами. Опередив их любопытство, Антонина Петровна сказала: «Вот племянник покойного Вязинцева».

Мне показалось, болтающая пара тоже заметила нас – женщина оглянулась, а мужчина и так смотрел в нашу сторону. На миг он замолчал, потом принялся еще активнее размахивать свертком, видимо замысливая новые казни отставному президенту.

Мы поднялись на пятый, последний этаж Антонина Петровна сорвала пластилиновую, с ниткой, пломбу. Я расписался в бумаге, и Антонина Петровна, пожелав мне удачи, грузно потопала вниз.

Наперво я заперся в туалете и справил накопившуюся за день нужду. Спуская воду, я подумал, что квартира мной, как зверем, помечена. Затем я обошел свои двухкомнатные уголья

Телефон не работал. Окна еще с зимы были законопачены бумагой, которую я сразу ободрал, а в гостиной настежь распахнул балконную дверь, чтобы выветрить дух затхлости.

Горизонт розовел, низкое солнце превратилось в медленный желток. Сильный ветер создавал ощущение полета, усиленное далекими, где-то за карьером и трассой, высотками. Казалось, мой пятый этаж находится на одной линии с их крышами. Вдоль балкона, как две струны, тянулись провода для просушки белья, а на них, похожие на пескарей, висели деревянные прищепки. Рассохшиеся перила густо оплел дикий виноград.

В целом дядино жилье мне понравилось. Прихожая была оклеена когда-то модными обоями «под кирпич». В гостиной громоздились раздвижной диван, два кресла, торшер на латунной ноге, журнальный столик и вишневая стенка с посудой, хрусталем, книгами и радиолой в глубокой стеклянной нише.

Я исследовал выдвижные ящики на предмет «сокровищ». Обнаружились вороха квитанций, коробка с позолоченными чайными ложками, стетоскоп, тонометр и куча мятых упаковок с лекарствами.

В спальне, кроме кровати, находились письменный стол, этажерка с книгами и платяной ореховый шкаф. Среди одежды я, к моему удивлению, нашел мотоциклетный шлем, здоровенный молоток и широкие куски протектора, вырезанные из покрышки матерого грузовика – в назначении этих аккуратных пластов резины я, честно говоря, не разобрался.

А вот в боковом пенале между простынями и полотенцами дядя прятал два порнографических журнала, оба на непонятном европейском языке, может, голландском или шведском. С щемящим сердцем я подумал, каким одиноким был дядя Максим.

Еще более тяжело действовала на меня ванная комната. Там перед зеркалом на умывальнике, возле зубной щетки и тюбика с пастой, лежала безопасная бритва с засохшей щетиной на лезвии – все, что осталось от дяди Максима...

Кухня была небольшая, едва хватало места для плиты, холодильника «Север», стола, табуреток и навесного шкафчика над мойкой. На подоконнике стоял маленький переносной телевизор.

Квартира хоть и не выглядела убитой, безусловно нуждалась в ремонте. Я прикинул свои силы и умения и констатировал, что один не управлюсь с обоями и кое-где облетевшей плиткой, – придется нанимать рабочих, чтобы квартира приобрела товарный вид.

Я тщательно почистил ванную содой, вымылся розовым обмылком, который отковырял от умывальника. В дядиных кухонных запасах нашлись макароны, консервы сайры и зеленого горошка. Ужин я скрасил просмотром неизвестно какой серии «Вечного зова».

Ночевал я на раздвижном диване в гостиной. Хоть и был я измотан, но заснуть долго не получалось. Покоя не давали мысли об отключенном телефоне, без которого квартира наверняка упадет в цене, и еще одолевали мечты, что сразу обнаружится щедрый покупатель, который, не торгуясь, предложит мне тысяч шесть. А потом я

представлял себе плохого покупателя, жадного и хитрого, который больше трешки не дает и норовит надуть. Я ворочался и скрежетал зубами

С утра я попил чаю и побежал в почтовое отделение, я его заметил еще во вчерашних скитаниях по району. В переговорном пункте я позвонил домой и отчитался отцу о проделанной работе

Там же на почте я спросил, где находится местная АТС. Напрасно я себя готовил к каким-то трудностям Мне выдали квитанцию, которую следовало проплатить в сберкассе (насчитали незначительную, даже с учетом пени, сумму), пообещав подключить телефон в течение недели Я лишь порадовался, как легко все разрешилось, и сразу поехал к дяде на кладбище

В кремационном секторе не было могил, только бетонные стены, в которые замуровывались урны Дядю разместили поближе к земле Мне пришлось сесть на корточки, чтобы прочитать гравировку на латуни:

«Вязинцев Максим Данилович. 1952—1999».

И чуть помельче:

«Вечная память».

Разговор с кладбищенским начальством по поводу урны я отложил, пока не выяснится с продажей квартиры

ПОКУПАТЕЛЬ

А дома ждал сюрприз. В двери торчала записка – вчетверо сложенный тетрадный лист Ко мне обращался некий Колесов Вадим Леонидович Он писал, что в жилищной конторе № 27 от заведующей Мухиной он, Колесов, узнал, что я собираюсь продавать квартиру, и как весьма заинтересованное лицо желает со мной увидеться. У него неподалеку проживают престарелые родители, и приобретение жилья именно в этом месте было бы идеальным, и он просит позволения зайти вечером, около десяти.

Любезный тон письма предполагал человека деликатного У меня, правда, мелькнула мысль – я вроде бы ничего особенного не сообщал Антонине Петровне, но мне было проще убедить себя, что, уставший, я не придавал значения обыденному в такой ситуации вопросу: «Что думаете с квартирой делать?» – и ответил механически, сам того не заметив

Конечно, все складывалось как-то слишком хорошо, но после череды житейских неудач маленькая поблажка судьбы виделась вполне оправданной.

Быстрая продажа как нельзя больше соответствовала планам поскорее вернуться домой. Я взволнованно перечитал послание, сунул листок в карман, обещая себе в случае удачной сделки подарить Антонине Петровне презент более существенный, чем коробка конфет.

У меня оставалось еще полдня в запасе, я прилег отдохнуть, затем прибирался, мыл полы и на полчаса выскочил в продуктовый магазин На улице перед домом я опять увидел вчерашнюю беседующую пару – лысого мужика со свертком и дачницу в косынке Когда я возвращался, к ним присоединились еще двое: усатый дядька, тоже, видимо, огородник – жилистыми руками он опирался на черенок лопаты, и чубатый парень в потертой монтерской робе, со слесарным ящиком Парень отпускал простенькие шуточки в адрес дачницы, а жилистый дядька с лопатой громко смеялся

На скамейке у подъезда пожилая женщина в роговых очках, отложив вязание, сурово спросила меня: «Молодой человек, вы к кому?»

Я вежливо сказал: «К себе Я – племянник покойного Вязинцева», – и строгая женщина, удовлетворенная ответом, снова взялась за спицы

До прихода Колесова я с увлечением перебрал дядины закрома. На антресолях, кроме консервации и всякого строительного хлама, были фотоувеличитель, коробка с электробритвой «Харьков», диапроектор, целая стопка старых журналов «Кругозор» с голубыми пластинками-вкладышами. Таких я уже лет пятнадцать не видел. Я даже хотел что-нибудь поставить, но в колонках радиолы отходил контакт и звук прерывался. Пока я пролезал за шкаф и вытаскивал провода, в дверь позвонили.

Тут нужно признаться, Колесов совсем не напоминал возвращенного мечтой идеального покупателя – стеснительного отца малогабаритного семейства: жена и дочка лет пяти.

Вадим Леонидович был костляв, долговяз, с ярко-черными, зализанными волосами и крупными, как у Микки-Мауса, залысинами. Он постоянно улыбался, жестикулировал и смотрелся очень ушлым, а ушлый человек, по идее, не должен был бы интересоваться моей квартирой.

Вместо жены и белокурой дочки Колесов взял приятеля по имени Алик – Вадим Леонидович его представил и сразу же рассыпался горохом в дробных извинениях: дескать, сам нагрязнел и еще сослуживца привел. Вроде этот Алик – субъект с красным, как солнечный ожог, лицом – любезно подвез Вадима Леонидовича на своей машине, запихнув кулаки в карманы кожаного пиджака, стоял на одном месте, пружинисто покачивался туда-сюда, словно кресло-качалка, с пятки на носок, и лишь однажды попросил воды.

Вадим Леонидович прытко, как паук, обежал гостиную, мельком заглянул на кухню, и вскоре из дядиной спальни раздался его радостный крик:

– Алик, Алик, иди скорее сюда!

– Что там такое? – буркнул хмурый Алик, но тем не менее подошел на зов.

Колесов, стоя перед этажеркой, восторженно листал какую-то книгу:

– Ну надо же, а?!

Он встретился глазами с Аликом, и тот кашлянул.

– «Тихие травы»!... Читали?! – Колесов впился в меня внимательным цепким взглядом.

– Нет, – сухо ответил я. Эта беготня Колесова и пустые выклики мне порядком надоели. – Стоит прочесть?

– Не думаю, – он заулыбался. – Книжонка – чепуха. Просто у меня с ней связано одно романтическое воспоминание, словами не передать. Коктебель, море... Вот, Алик знает. Если захотите, расскажу...

Я взял из его рук книгу и бегло осмотрел. Издание конца семидесятых. Тощий корешок был наполовину затерт, непонятно, как вообще Колесов обнаружил «романтическое воспоминание» на дядиной этажерке.

– Слушайте! – вдруг вскрикнул он. – Вам же книжка не нужна. Продайте, а?

Я сдержанно сказал, если мы договоримся, то я подарю ему эту макулатуру.

Вадим Леонидович засуетился:

– Разве я не говорил, меня все устраивает, и я готов выложить э-э-э... восемь тысяч

зеленых Что скажете? – он тревожно замер.

Это было на две тысячи больше моих самых смелых прогнозов. Я, внутренне ликуя, для солидности глубокомысленно помолчал, вроде прикидывая все плюсы и минусы, и согласно кивнул.

От чая Вадим Леонидович отказался и порадовал меня тем, что выудил из кармана рулетку и промерил стены, с выводом: «Гарнитур как влитой станет» Затем, подтверждая серьезность намерений, Колесов сообщил, что хотел бы начать оформление с завтрашнего дня Я напомнил, что в субботу все будет закрыто, он досадливо цыкнул, перенес нашу встречу на понедельник и продиктовал свои номера: рабочий и домашний.

Я заверил его, что неполадки с моим телефоном возникли из-за неуплаты, я с этим разобрался, и связь будет уже на следующей неделе

«Тихие травы» Вадим Леонидович все-таки у меня выклянчил: «Ну, пожалуйста, мы же договорились», – шутливо канючил он, и я решил не проявлять копеечную мелочность

Вадим Леонидович прижал книгу к груди, сказал, мол, именно эта «счастливая находка» все определила, это был для него добрый знак в отношении квартиры Он спохватился, что в машине их ждет товарищ и ужасно невежливо заставлял его ждать Раньше Вадим Леонидович не говорил ни о каком третьем...

Теперь я понимаю – покладистость спасла меня. Кто знает, что было бы, откажи я Колесову в подарке.

Как-то само собой получилось, наверняка из-за тянувшегося разговора, но я вышел вслед за гостями Пока мы спускались, Колесов смеялся и счастливо говорил, что он давно искал эти «Тихие травы», и вот помог случай

За те несколько часов, с момента, когда я возвратился из магазина, а потом принимал Колесова, полностью стемнело Двор был пуст. Женщина с вязанием у подъезда, болтливые дачники, лысый мужик с пакетом и монтер разбрелись по домам

В машине – «Жигули» шестой модели – сидели два человека: водитель и пассажир рядом При нашем появлении они вышли, и Вадим Леонидович помахал им книжкой, после чего шофер расслабленно облокотился о кузов, а его сосед двинулся нам навстречу.

Я только успел подумать, что мои посетители были даже не втроем, а вчетвером...

ЗАСАДА

Далее покатались стремительные и кровавые события, с которых началась моя иная жизнь. Все произошло буквально за секунды.

Человек, шедший к нам, вдруг содрогнулся, рухнул на колени, держась рукой за висок, а рядом с ним глухо шмякнулся о землю короткий ломик, кем-то брошенный из темноты. Возле водителя «Жигулей» уже находился давешний ненавистник Ельцина, лысеющий здоровяк с бумажным пакетом Он сделал колющее движение, и сверток неожиданно погрузился в живот противника, так что бумага сжалась в гармошку возле его кулака Он резко вытащил руку, и я увидел длинный прямой клинок. Лысый повторно воткнул оружие в бок водителю, тот, бездыханный, ополз на землю Убийца же расторопно вытер смятой бумагой лезвие

Колесов успел отбежать на пару метров, но был настигнут фальшивыми дачниками. Я услышал шорох борьбы

Алик попытался что-то сказать, но вместо слов отрыгнул кровью. Из горла Алика

торчало острое вязальной спицы. За его спиной стояла пожилая женщина, та самая, что раньше вязала на скамейке. Алик дернулся, и сквозь его ладонь, прикрывающую кадык, прошла вторая спица.

Появился монтер, подобрал упавший ломик и резким ударом по затылку добил умирающего, после чего сообщил пожилой женщине, прикончившей спицами краснолицего Алика:

– Этот готов, Маргарита Тихоновна

Мне он заговоришки подмигнул и со словами: «Не шуметь!» – заткнул ломик себе за пояс

С выключенными фарами подкатил темный «раф», из которого выскочили двое и начали проворно закидывать трупы в кузов. Люди действовали быстро и слажено.

Очкастая Маргарита Тихоновна, то и дело достаивая меня беспокойным взглядом, шептала:

– Тихо, тихо, все хорошо, главное, тихо...

К ней подбежала дачница. Огородный инвентарь оказался короткой пикой. Дачница протянула отнятую книжку, шепотом позвала:

– Пал Палыч, скорее!

Усатый мужик приволок связанного Колесова с кляпом во рту и грубо закинул в «раф».

Лысый сказал Маргарите Тихоновне:

– Я с Палычем на их машине, за вами следом

– Нет, Игорь Валерьевич, вы давайте к нам, а Пал Палыч и сам справится, – она бережно положила книгу за обшлаг своего жакета и скомандовала: – Исчезаем!

Лысый, деликатно подталкивая меня в спину, усадил на боковое кресло и сам примостился на соседнем. Монтер и женщины тоже влезли в салон, хлопнула дверь, и «раф» тронулся в темноту

Надо сказать, когда происходила расправа, я стоял, не шелохнувшись, точно одеревенел, и если бы захотел издать крик, то вряд ли смог бы – шок надежно закупорил мне горло

Перед моими глазами проносились кадры криминальных сводок о бандитах, прознающих через наводчиков о квартирных сделках. Если бы Колесов сам не находился в довольно плачевном состоянии, я бы предположил, что все подстроил он, но поскольку мы не подписывали документов, в таком поступке не было смысла

Кошмарные вопросы, как обезумевший пчелиный рой, гудели в моей голове: «Неужели бандиты ошиблись, поторопились? Что будет со мной? Меня оставили в живых и не тронули даже пальцем. Но почему или, лучше сказать, до которого времени? Пока не выяснится, что денег нет, и продажи не было?»

На трясущемся полу «рафа» ворочался на трупах связанный Колесов. Я подумал, у него есть все предпосылки считать, что я подставил его, хотя это также представлялось абсурдным – никто не берет с собой деньги при осмотре жилья.

Из людей, окружающих меня, за настоящего налетчика вполне мог сойти монтер – очень уж наглое у него было лицо. Лысый здоровяк, похожий на базарного мясника, тоже производил зловещее впечатление. Глядя же на Маргариту Тихоновну и дачницу,

не верилось, что эти интеллигентного вида женщины оказались хладнокровными убийцами

Пожилая сразу отчитала монтера:

– Саня, у тебя ум есть? А если бы лом на асфальт упал, сколько звону было бы!

Парень извинялся:

– Маргарита Тихоновна, ей-богу, я хотел вначале киянкой бросить, а потом побоялся – он вон какой здоровый был. – Монтер пнул мертвеца ногой. – Вдруг бы не оглушило...

– Не ругайте Сашу, – вступилась за подельника дачница, – по-моему, все прошло просто отлично

– Точно, – согласился водитель, – без сучка без задоринки.

– Танечка, я знаю, что говорю, – возразила Маргарита Тихоновна. – И второе, ребята, я же просила, на задании вслух никаких имен! А вы, будто дети малые, «Маргатита Тихоновна, Пал Палыч»... – передразнила она. – Что это такое?!

Дачница и монтер виновато заулыбались.

– Да будет вам, Маргарита Тихоновна, – вмешался лысый, – они же шепотом... И вы сами, между прочим, ко мне обратились по всей форме, разве фамилию не назвали, – он усмехнулся.

– Простите, Игорь Валерьевич. Значит, и меня нужно списывать, – удручилась Маргарита Тихоновна. – Тем не менее, молодежь, в следующий раз будьте осмотрительней.

Монтер, сидевший понурясь, перестал изображать раскаяние и неожиданно протянул мне ладонь:

– Сухарев, Александр

– Вязинцев, Алексей, – выдавил я

– Очень приятно, – улыбнулся монтер. На вид он был мой ровесник, может чуть младше. – Ну, ты как? Штаны небось полные до краев? – доверительно спросил он

Пока я обдумывал ответ на фамильярное заявление, Маргарита Тихоновна первой осадила монтера:

– Прекрати, Саша! – Глубоко вздохнула и сказала необычайно торжественно: – Алексей... Уважаемый Алексей Владимирович Я могу лишь представить, какое мнение у вас сложилось об увиденном Но вы должны знать: в нашем обществе вам ничего не угрожает. Хотя бы потому, что мы все, – при этих словах монтер, дачница, лысый Игорь Валерьевич, водитель и его штурман синхронно закивали, – любили и уважали вашего дядю, Максима Даниловича Вязинцева... Клянусь светлой его памятью, мы не хотели вас испугать, но, увы, предупредить тоже не могли Слишком многое пришлось бы объяснять, вы могли бы нам не поверить, и преступники ушли бы от наказания Надеюсь, в скором времени вы сами во всем разберетесь и не осудите нас за расправу Полгода назад эти... нелюди, – голос ее дрогнул, – подстерегли и злодейски убили Максима Даниловича...

Лысый перевернул бездыханного Алика (вязальная спица торчала из горла, удерживая пробитую насквозь кисть), откинул кожаный борт его пиджака и достал очень длинное и тонкое, словно игла, шило, спрятанное по рукоять в узкую пластиковую

трубку.

– Вот, полюбуйтесь, – обратился он ко мне, – чтобы у вас не возникало сомнений насчет этих личностей Штука фирменная Они их специально в сургуче закаливают, жало крепкое, как алмаз, проткнет что угодно.

– У, суки! – монтер Саша Сухарев схватил Колесова за шиворот, несколько раз потряхнул и снова бросил на трупы, сопроводив тяжелым ударом по почкам. Тот застонал.

Маргарита Тихоновна без тени сочувствия пронаблюдала за этой сценой, затем с издевкой помахала перед носом Колесова отнятой книгой:

– Ну? Как там вас звать-величать? Вадим Леонидович? Что же вы так сплеховали, а?

Связанный Колесов заворочался, мокро блеснул его глаз, полный муки и страха

– Теперь слушайте внимательно. Ваш осведомитель Шапиро задержан. Поэтому я надеюсь, вы проявите на допросе должную разговорчивость... Кстати, жизнь вам я не гарантирую. Но даже при худшем раскладе до субботы вы дотянете Вы что-то хотите сказать?

Монтер Сухарев приподнял Колесова, сорвал с его рта пластырь и вытащил напивавшийся кровью бурый кляп Колесов булькнул: «Я никого не убивал. Я не при чем... Это Марченко приказы отдавал», – и кляп снова запечатал ему рот.

– Значит, вы готовы к сотрудничеству? – жестко спросила Маргарита Тихоновна. – Или... вы погибли при задержании? Нам в принципе и Шапиро хватит, как вы думаете, Игорь Валерьевич?

Лысый приставил к боку Колесова отнятое шило, и несчастный Вадим Леонидович согласно затряс головой Что он мог еще сделать? На его месте я бы тоже принял любые условия

Монтер обшаривал трупы, а лжедачница Таня не сводила с меня умиленных глаз, потом вдруг произнесла:

– Алексей Владимирович, вы держались прекрасно, и вы очень, очень похожи на Максима Даниловича...

– Факт, – на миг обернулся водитель. – Я тоже заметил. Одно лицо.

– Даже не верится, – сказал штурман. – Весь в дядю...

– Алексей Владимирович, – Маргарита Тихоновна осторожно коснулась моего колена, – я понимаю, вы взволнованы, шокированы Если вы хотите собраться с мыслями, помолчать, – пожалуйста. Отдыхайте, приходите в себя

У меня-то как раз было много вопросов: «За что убили дядю Максима?», «Кто эти люди, его предполагаемые убийцы?». И, наконец, самое главное: «Что будет со мной?» Но, повинувшись категоричному заявлению Маргариты Тихоновны, я остаток пути смотрел в черное окно, за которым бежала беспокойная кардиограмма придорожных огней.

В дороге обсуждалось, куда меня везти Маргарита Тихоновна зазывала к себе, а лысый Игорь Валерьевич настаивал, что лучше к нему, поскольку адрес Маргариты Тихоновны, возможно, известен недоброжелателям Это оказалось решающим аргументом, «граф» вильнул с освещенной улицы, запетлял среди безликих панельных застроек – Игорь Валерьевич, как выяснилось, жил где-то неподалеку.

Возле подъезда компания разделилась. Водитель и штурман, получив приказ сторожить Колесова, сразу уехали вместе со своим мертвым грузом

ПЕРВАЯ НОЧЬ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Сказать, что это была самая страшная ночь в моей жизни, я сейчас не могу. Скорее всего, одна из череды страшных.

Мы поднялись наверх, Игорь Валерьевич с порога радушно предложил мне чувствовать себя «как дома». Остальным особого приглашения не потребовалось. Таня ушла на кухню хозяйничать, Сухарев, насвистывая, заперся в уборной, Маргарита Тихоновна провела меня в гостиную, а Игорь Валерьевич указал на смежную комнату: «Алексей, на ночь спальня в полном вашем распоряжении».

От чая я вежливо отказался: вдруг в чашку чего-то намешали. Страх мой чуть поутих, ноги перестали быть ватными, хотя живот все еще горел от адреналиновой интоксикации. Я пытался держаться с достоинством, но голос выдавал мое состояние, и я предпочитал отмалчиваться и ограничивался кивком «да» или трясущимся вправо-влево «нет».

Маргарита Тихоновна не забывала повторять: «Алексей Владимирович, главное, помните: вы среди друзей и в полной безопасности», – но мне не особо верилось.

Еще улыбаясь, Маргарита Тихоновна села за телефон. Слова, прозвучавшие в трубке, напрочь вышибли ее из бывшего состояния спокойствия.

– Как сбежал, когда?!... – жалобно вскричала Маргарита Тихоновна. – Да успокойтесь, Тимофей Степанович! Никто вас не обвиняет!... Что с остальными? Да вы меня без ножа... Нет слов... Хорошо, пусть ищут... Да, приезжайте немедленно. Мы у Игоря Валерьевича!

Положив трубку, она произнесла, с трудом скрывая волнение:

– Товарищи, только спокойно. У нас огромная неприятность. Сбежал Шапиро. Вадик Провоторов ранен...

Повисла напряженная тишина. Затем об стол грохнул кулак Игоря Валерьевича. Подлетели, дребезжа, чашки. Ахнула Таня. Сухарев заметался по комнате, матерясь.

– Эмоции прекратить! – приказала Маргарита Тихоновна. – Как вы себя ведете? Постыдитесь хотя бы Алексея Владимировича!

Сухарев сразу умолк, плюхнулся в кресло, шумно сопя.

Игорь Валерьевич горько произнес:

– Вот уж точно, не говори «гоп», пока не перепрыгнешь...

– Может, еще поймают? – робко спросила Таня.

– Сомневаюсь, – Маргарита Тихоновна вздохнула. – Шапиро уже лег на дно и, самое скверное, предупредил Марченко.

Игорь Валерьевич поднял слетевшее со стола блюдо:

– Значит, срочно выходите на связь с Терешниковым, или кто там сейчас у них ответственный, и...

– Игорь Валерьевич...

– Иначе Марченко сделает это первым Если еще не сделал. – Заметив нерешительность Маргариты Тихоновны, он добавил: – Марченко все равно был в курсе планов Шапиро, и диверсионная группа тоже действовала с его ведома. Он бы через день сам забил тревогу.

Маргарита Тихоновна сочувственно посмотрела на меня:

– Как бы хотелось, Алексей Владимирович, все вам рассказать, чтобы вы, наконец, успокоились... Но это долгий, непростой разговор. Лучше мы перенесем его на другое время. Вы, наверное, поняли, у нас возникли непредвиденные сложности...

Следующие минут пятнадцать Маргарита Тихоновна обзванивала необходимых людей, я же ловил каждое слово, надеясь облечь его в смысл и прояснить собственную судьбу

– Добрый вечер, товарищ Терешников Селиванова беспокоит, из широнинской читальни. У нас чэпэ... Необходимо собрание, завтра... Двадцать ноль-ноль, как обычно. Поймите, дело не терпит отлагательств!... Если они сегодня отправятся на вокзал, то к завтрашнему вечеру успеют... Не нужно с этим тянуть... Намекаю, у нас имеется то, что может протухнуть... Да, в трех экземплярах Четвертый жив и готов рассказать о гореловской читальне... Поражаюсь вашей проницательности... Да, пожалуйста, сообщайте Лагудову и Шульге... И не пугайте меня Советом библиотек... Да хоть в Верховный Совет! И не смейте говорить со мной в подобном тоне! Я вам не девочка! Мне, слава Богу, шестьдесят три! Да!... Всего хорошего!... Какой мерзавец! – последнее было сказано, когда трубка брякнула об аппарат.

Впрочем, с другими Маргарита Тихоновна говорила намного приветливее:

– Товарищ Буркин, здравствуйте... Я сейчас говорила с Терешниковым. Назначили сбор на субботу. Вы как, поддержите? Ну, спасибо огромное... Василий Андреевич, в двух словах и не опишешь... В общем, будем выводить гореловских на чистую воду... Поймали с поличным... Да... Три четверти уничтожено, одна четверть с битой мордой находится связанная под охраной... Да ничего хорошего! У нас Шапиро сбежал... Выясняем... Я и сама не рада... Да, спасибо...

– Жанночка Григорьевна... Добрый вечер... Как здоровье?... Тут без вас завтра никак... Собрание... Гореловские прокололись... Сегодня... Трех мы ликвидировали А вот поздравлять нас с удачей рановато – важнейший свидетель, он же обвиняемый, сбежал... Да, тот самый Шапиро... Что думаю? В воскресенье, думаю, будет жарко... Да... Жанночка Григорьевна, я всегда рассчитывала на вас... Спасибо, родная, на добром слове...

– Товарищ Латохин, добрый вечер Это Селиванова В субботу собрание... Миленький, я понимаю, что как снег на голову... Звонила Терешникову... Завтра расставим все точки над «и»... Наша инициатива... Устроили мы тут охоту на лис... С переменным успехом... Самого главного упустили. Сбежал, прямо из-под венца... Пилипчук был за старшего, Тимофей Степанович... Ну, винит себя, убивается... Нам еще инфаркта не хватало... А я что? Я, товарищ Латохин, как та курочка ряба, всех успокаиваю: не плачь, дед, не плачь, баба... Да... Терешников? Он в своей манере, Советом библиотек страшает... Благодарю, товарищ Латохин, в вас мы не сомневались...

Суть происходящего я понял Бегство некоего Шапиро полностью смешало планы моих похитителей, и разбойное нападение на Колесова и его товарищей оборачивалось серьезными проблемами Маргарита Тихоновна довольно часто употребляла слова «библиотека», «читальня», «совет», но мне показалось, что в контексте у них было несколько иное значение

– Все, что от меня зависит, я сделала Буркин, Симонян и Латохин на нашей стороне, другого я и не ожидала, – подытожила Маргарита Тихоновна.

Резко и требовательно затрещал дверной звонок Потом постучали

– Это Тимофей Степанович, – восторгалась Маргарита Тихоновна, – во всяком случае, я надеюсь...

Игорь Валерьевич, прихватив нож, пошел открывать. Через несколько секунд в прихожей раздался кашляющий голос пришедшего:

– Упустили мы его! Обманул! Сука он, гад! Вы простите меня, товарищи!

В комнату вбежал, грохоча подкованными сапогами, старик. Был он кудлат, плечист, и одеждой напоминал председателя колхоза, только уже год как партизанящего: растянутые на коленях и вымазанные землей штаны были заправлены в голенища, к коричневому потертому пиджаку в нескольких местах пристала хвоя и древесная смола.

– Я виноват! – старик с силой рванул из шевелюры седую прядь. – Я Шапиру упустил! Готов отвечать по всей строгости!

– Тимофей Степанович, немедленно успокойтесь! – тихо, но властно произнесла Маргарита Тихоновна. – Что с Провоторовым? Жив?

– В больницу Вадьку отвезли... – старик разглядывал зажатые в кулаке волосы. – Врачи сказали, ничего страшного... Шапира его оглушил, и в окно... – он разжал пальцы, и выданный седой клочок упал на ковер.

– Тимофей Степанович, миленький, ну как же вы так? – удрученно спросила Таня. – А сами вы где были?

– В сортире... – Тимофей Степанович чуть не плакал. – С Шапирой оставались Провоторов и Луцис... Вот вы давеча мне говорили: «Шапира – предатель», – а его сам Максим Данилович в читальню привел! Я ведь поверить не мог, что он... Я думал, мы зря подозреваем человека, товарища нашего, что нам стыдно будет, извиняться придется!... – Тимофей Степанович вдруг странно замешкался. – А это кто? – спросил он, не сводя с меня безумевших глаз.

– Племянник Максима Даниловича, – сказала Маргарита Тихоновна. – Алексей Владимирович Вязинцев. Я же рассказывала вам...

– Верьте слову... – просипел Тимофей Степанович и рванулся ко мне.

Я постыдно спрятался за Маргариту Тихоновну.

– Алексей Владимирович, верьте слову, я искуплю... – Тимофей Степанович звонко стукнул кулаком себя в грудь. – Я Шапире сердце выгрызу...

– Тимофей Степанович, родной вы мой... – устало попросила Маргарита Тихоновна, – обуздайте теперь ваш героический темперамент. Алексей Владимирович и так натерпелся. Хватит с него впечатлений на сегодня. Лучше скажите, где Оглоблин и Ларионов?

– Они этого захваченного сторожат, – Тимофей Степанович с неохотой отступился от меня. – В сарае у Возгляковых.

– Остальные?

– Шапиру ищут... – старик безнадежно махнул рукой. – Разделились на две группы. За старших Дежнев и Иевлев.

– Я вот чего опасуюсь... – вмешался Игорь Валерьевич. – Если Колесов узнает, что Шапира у нас нет, он откажется от всех показаний. Завтра его по-любому придется

выдать наблюдателям Он успеет переговорить с Марченко...

– Ребята, – Таня указала на меня, – у нас же есть Алексей Владимирович! Он тоже свидетель!

Я разом вспотел от нехорошего предчувствия.

– А почему бы и нет, – слабо оживился Сухарев. – Ведь он там был, все видел. Да, Алексей?

– Я против, – сказала после недолгого раздумья Маргарита Тихоновна. – Не хотелось бы привлекать Алексея Владимировича...

– Может, как страховочный вариант? – осторожно вмешался Игорь Валерьевич Он подсел ко мне: – Разумеется, вам сейчас не до этого... Но что там происходило у Максима Даниловича, в смысле, у вас дома, когда Колесов пожаловал? Только подробно

Насколько мог, я пересказал минувшие события: записка в дверях, странные гости, найденная на этажерке книжка, которую выклянчил Колесов.

– По идее, Терешников обязан принять это к сведению, – сказала Маргарита Тихоновна. – Даже если Колесов начнет юлить и менять показания, у нас есть письмо, то есть своего рода улика... Кстати, где оно, Алексей Владимирович?

– Я съезжу за ним, – подал голос Сухарев. – Пусть Алексей скажет, где...

– Вот, – я достал из кармана мятый листок в слабой надежде, что он хоть как-то откупит меня.

– Алексей Владимирович! Золотце! – воскликнула Маргарита Тихоновна. – Отлично, что вы его захватили!

Она спрятала письмо в сумку и произнесла слова, от которых пол сделался шаткой палубой:

– Алексей Владимирович, очень не хотелось вас тревожить, но, пожалуй, завтра все-таки понадобится ваша помощь Вы могли бы перед собранием повторить все то, что рассказали нам?

Я не рискнул сказать «нет», помня, как в этой компании решают проблемы с «сотрудничеством». Конфискованное, закаленное в сургуче шило было за поясом у Сухарева, да и лысый Игорь Валерьевич никуда не убирал свой жуткий тесак

Маргарита Тихоновна благодарила меня, старик Тимофей Степанович рвался пожать руку, Таня улыбалась, Сухарев хлопал по плечу, Игорь Валерьевич говорил, дескать, мое согласие помочь – дань памяти дяди Максима. Я же с ужасом понимал, какой безжалостной трясиной оказались сегодняшние события

Напоследок Маргарита Тихоновна сказала:

– Игорь Валерьевич, оставляем гостя на ваше попечение Пусть отдыхает Завтра к вечеру мы за вами заедем.

Они ушли Я послушно удалился в комнату, но спать, конечно, не собирался Мой сторож, по всей видимости, тоже. Доносились тяжелые громоздкие шаги, а потом под его весом вздохнуло пружинами кресло Из-под двери била полоска света Я слышал шелест газеты и кружащий звон чайной ложки

К середине ночи свет погас, и я, дождавшись стабильного похрапывания, попытался

бесшумно выйти в соседнюю комнату. Предательская дверь издала даже не скрип, а конское ржание Храп сразу оборвался, Игорь Валерьевич поднял от подушки голову, одной рукой пригладил вокруг лысины всклокоченные на висках и затылке волосы, а второй включил торшер:

– Алексей, туалет сразу возле входа, только бачок барахлит, – произнес он, спросонья щурясь от яркого света. – Это все Саня, зараза, вечером опять рычаг сломал Там ведро зеленое, воды наберите и слейте, а бачок я утром починю... – Игорь Валерьевич был в спортивных штанах и майке, подчеркивающей его бычью мясистость. Нож лежал рядом на тумбочке. – Плохо спится на новом месте?

– Извините, я не хотел вас разбудить

– Да ничего страшного, я вполглаза дремал... Если что понадобится, вы со мной не церемоньтесь, смело поднимайте...

Уже выходя из туалета, я заметил на двери овальную табличку с барельефом в виде писающего в горшок мальчугана Такая же лет двадцать назад висела и у нас дома, а после куда-то подевалась. Странно, вид этого безмятежного мочеиспускания, длящегося десятилетиями в самых разных квартирах, неожиданно меня успокоил А может, страх просто сам собой вытек, и я смыл его из зеленого ведра.

Я вдруг почувствовал, что жутко устал. И затылок ныл, точно кто-то давил на нем ботинком окурки Я закрыл глаза, и мне приснилась головная боль

Утром Игорь Валерьевич назойливо зудел электробритвой и шумно кухарничал – звякала в мойке посуда и шипела сковородка.

– Как спалось, Алексей?! – крикнул он, заслышав, что я встал, выглянул сам с вилкой в руке и наколотым хлебным ломтем. – Умывайтесь, сейчас завтракать будем. Гренки любите? С ветчиной и сыром...

Фамилия у Игоря Валерьевича была Кручина, что совсем не соответствовало его жизнерадостному темпераменту. Вел он себя, словно мы давние приятели, говорил в бодрой манере радиодиктора из «Утренней зарядки». Я избегал встречаться с ним глазами, а он всякий раз подстерегал меня широкой улыбкой:

– Да вы не стесняйтесь, Алексей, накладывайте, я еще нажарю Во-от, молодцом! Может, салат сделать?

Я поспешно отказался, потому что не вынес бы вида Игоря Валерьевича с ножом, пусть даже с кухонным.

– Как насчет чаю с лимоном? Не возражаете? Ну, и славно! – и тут же принимался мурлыкать задорный мотив.

Это чрезмерное дружелюбие за полдня вымотало меня окончательно. Я ему не верил и каждую минуту ждал резкого финала спектакля, после которого изощренная приветливость Игоря Валерьевича покажет свое истинное свирепое лицо.

Он же тем временем увлеченно расспрашивал, чем я занимался в жизни Узнав, что я заканчивал металловедение, он просто расцвел:

– Алексей! Да мы с вами коллеги. Я ведь сам инженер-литейщик!

Я слушал его, а сам беспокойно поглядывал на тумбочку с лежащим на ней вчерашним оружием. Это был не нож, а скорее штык с очень длинным лезвием.

Игорь Валерьевич взгляд мой заметил, но истолковал по-своему:

– Нравится? Антиквариат Времен Первой мировой. Как в наши края попал – загадка, наверное, еще в Гражданскую... – он потянулся к тумбочке, и мое сердце болезненно сжалось.

Впрочем, ничего страшного не произошло, Игорь Валерьевич осторожно переложил штык мне в руки. Я потрогал выбитую буквенной аркой надпись на крепком долгом клинке «Modello Argentino 1909» и «Zolingen», гладкие деревянные плашки на рукояти и, повинаясь стереотипу, чиркнул по лезвию подушечкой пальца.

– Острый, – гордо подтвердил Игорь Валерьевич. – А как же иначе! Красавец, да? – Было видно, оружие свое он любит и ценит.

Затем Игорь Валерьевич принес альбом с фотографиями, и я из вежливости пролистал его весь.

– Батя с мамой... покойные, – комментировал по ходу Игорь Валерьевич, – брат Никита, он сейчас в Архангельске... Это я в армии, в Закарпатье служил... Институт... Учился на вечернем, ну и работал, понятно. Двадцать пятый год в литейном цеху... Вот бывшая жена. Не сошлись характерами... А это меня орденом награждают... Верите, меня бы к Герою Соцтруда представили, если бы Союз не развалился, уже и бумаги все были, а потом – копец, производство свернули, спасибо, хоть завод не прикрыли...

Последние страницы были заняты коллективными снимками: Игорь Валерьевич в окружении людей, среди которых я узнал вчерашних похитителей и дядю Максима.

– Наша читальня. Вот со мной Федя Оглоблин, который за рулем вчера был, а рядом с ним Саша Ларионов, тезки наоборот – один Федор Александрович, а второй Александр Федорович... Пал Палыч, только без усов, он их для конспирации отпустил... Сашка Сухарев и Танечка Мирошникова, Маргарита Тихоновна... Ну, вы еще сегодня с остальными познакомитесь... Возгяковы – Мария Антоновна и дочери ее – Анна, Светлана и Вероника Денис Луцис... Дежнев Марат Андреевич, наш семейный доктор. Замечательный человек... Вадька Провоторов, Гриша Вырин... А вот, – он ткнул пальцем в бритоголового гигантопитека на заднем плане, приобнявшего почти весь паноптикум ручищами необъятной длины, – Иевлев Николай Тарасович. Сила – словами не передать. С таким товарищем нигде не страшно... А слева от Маргариты Тихоновны – Пашка Егоров... Его уже нет в живых, Пашки Как и Максима Даниловича... А это, со Светой Возгяковой, – он указал на субъекта в темных очках, прилепившегося полипом к самому краю снимка, – очень нехороший человек – тот самый Борис Аркадьевич Шапиро Н-да... Из-за него, можно сказать, беды у нас и начались, – Игорь Валерьевич помрачнел.

– А что это за собрание и кто там будет? – вдруг отважился я на вопрос.

– Всякие люди. И друзья, и враги... В общем, долго объяснять, – Игорь Валерьевич виновато улыбнулся. – Просто Маргарита Тихоновна просила вас не тревожить, не забивать лишней информацией голову...

Неожиданно вспомнив, что мне вечером «выступать», Игорь Валерьевич оставил меня в покое.

Пока не появилась Маргарита Тихоновна, я просидел на софе, делал вид, что готовлюсь к «докладу», но малевал лишь судорожные каракули на листках, выданных мне Игорем Валерьевичем.

СОБРАНИЕ

«Раф» тормознул у высоких железных ворот. Над бетонной оградой кудрявилась спираль колючей проволоки. Наш водитель коротко посигналил, и ворота открылись. Мне показалось, мы въехали на территорию какого-то завода, потому что из чуть

подсвеченных фонарем сумерек выступали одинаковые, точно коровники, цеховые бараки

– Вставайте, Алексей Владимирович... – Маргарита Тихоновна к собранию принарядилась в строгий темно-синий костюм, украшенный на лацкане крупной малахитовой брошью, соорудила высокую прическу, подкрасила губы, ресницы и нарумянилась. Только туфли на ней остались вчерашние – черные, с морщинистыми бантиками. – Выходим...

Мною снова овладел страх, и даже деликатное «Алексей Владимирович» уже не успокоило. Нет, я не боялся расправы Это было предчувствие необратимости происходящего, Рубикона, черты, преступив которую, нельзя вернуться в прежнюю жизнь.

Маргарита Тихоновна повторила призыв, но я, точно оглушенный, не пошевелился Тогда Саша Сухарев и Таня осторожно взяли меня под руки и практически вынесли из машины.

Нас сразу обступили

– Приветствую славную широнинскую читальню, – улыбаясь, сказал седой мужчина с величавым маршалским лицом, но одетый совсем не воинственно – в парусиновые штаны и вязаную безрукавку поверх рубашки.

– И вам здоровья желаем, товарищ Буркин.

– Как настроение, Маргарита Тихоновна? Видели? Лагудовские опричники... – он указал на стоящих отдельной группкой людей возле потасканной «Волги» с замалеванными таксистскими шашечками: – Наблюдатели хреновы... О, Симонян идет... Здравсьте, Жанна Григорьевна!

Подошла немолодая, похожая на заплаканную армянку, женщина:

– Маргарита Тихоновна, вам товарищ Буркин передал? Колонтайские товарищи прибыли. Полным составом. Все на вашей стороне... Ой! – вдруг вскрикнула она. – А это... не сынок ли Максима Даниловича?

– Нет, Жанночка Григорьевна Племянник. Вязинцев Алексей Владимирович

– Можно просто Алексей, – я испытывал неловкость, что Маргарита Тихоновна ведет меня, как слепого.

– Он здесь второй день, – сказала она, – еще ни в чем не разобрался, я пока за него руковожу Мы его и предупредить не успели, он прямо с корабля на бал

Симонян молитвенно сложила руки:

– Понимаю... Бедный мальчик.

– Какой мальчик?! – с нарочитой бодростью встрял Буркин. – Десантник! Орел!

– Это точно, – согласилась Маргарита Тихоновна. – Вел себя исключительно героически А что вы хотите – Вязинцевы!

Снаружи просигналила машина. Заскрипели, открываясь, ворота, и во двор въехал неповоротливый грузовик Из крытого брезентом кузова, будто из брюха троянского коня, один за другим с солдатской сноровкой выскакивали люди.

– Гореловские пожаловали, – прошептала Симонян

Я увидел, как Ларионов и Пал Палыч передали наблюдателям пленного Колесова. Окруженный наблюдателями, он сразу обмяк, словно ему подрубили ноги, и повис, цепляясь за рукава, хотя до этого двигался вполне самостоятельно.

Толпа повалила в цех. Кто-то попросил включить свет. Под потолком на железной балке загудели неяркие матовые плафоны. Выпотрошенный, без оборудования, цех напоминал спортивный зал. Оставалась лишь неподвижная черная лента конвейера возле стены, которую многие из вошедших сразу облюбовали в качестве скамьи.

Всего в цех набилось до сотни. Приехавший на грузовике отряд из двадцати с лишним человек – гореловские – стоял особняком. Они производили странное впечатление, как если бы представители технической интеллигенции вдруг одичали до состояния заводской шпаны.

Возле Маргариты Тихоновны собрались уже знакомые мне Таня, Саша Сухарев, усатый Пал Палыч, Игорь Валерьевич Кручина, старик Тимофей Степанович. Вскоре подошли водитель «рафа» Оглоблин и его штурман Ларионов – Федор Александрович и Александр Федорович – зеркальные тезки.

К нам присоединилась семья Возгляковых: мать Мария Антоновна и три ее дочери – Анна, Светлана и Вероника. Эти четыре исполинские женщины смотрелись более чем внушительно. Все они были краснощекие и белобрысые, с одинаковыми носами-пуговками. Рядом с этой могучей ширококостной статью я почувствовал себя узкоплечим и хилым.

Ко мне протиснулся молодой человек.

– Денис Луцис, – представился он. В противоположность Саше, тоже моему ровеснику, этот был точно какой-нибудь аспирант-отличник. Худой и угловатый, в очках, он еще больше моего проигрывал рядом с крепким семейством Возгляковых. – Рад познакомиться.

– Алексей, – в который раз за вечер сказал я и пожал его хрупкую кисть.

– Денис! – позвала Маргарита Тихоновна. – А где Гриша, Марат Андреевич, Николай Тарасович?

– Не смогли они, Маргарита Тихоновна, – зашептал Луцис. – У Дежнева в клинике дежурство, отказаться было нельзя, а Гриша и Николай Тарасович у Вадика Провоторова.

Над повсеместно оседающим шумом прорезался одинокий мужской голос:

– Тишина! Прошу тишины, я не могу кричать! – Он выждал несколько секунд: – Товарищи, на повестке дня, а точнее вечера, два иска...

– Это Терешников, – шушукнул мне на ухо Луцис. – Наблюдатель по региону, вроде судьи...

Маргарита Тихоновна строго глянула на нас, и Денис замолчал.

– Первый иск поступил от широнинской читальни. Исполняющая обязанности библиотекаря товарищ Селиванова, пройдите на середину... Параллельный иск от гореловской читальни, библиотекарь товарищ Марченко... Прошу вас, – Терешников сделал приглашающий жест. От гореловского отряда отделился мужчина, похожий на гневливого начальника отдела. На щеке его красовалась то ли свежая гематома, то ли родимое пятно малинового цвета.

– Тамбовский волк ему! – крикнул невидимый балагур, в толпе засмеялись, а Терешников скривился:

– У нас, конечно, не суд, но и не балаган. Больше серьезности Три трупa, между прочим...

– Пять, – звучно поправила Маргарита Тихоновна. – Прибавьте еще двоих

– Товарищ Селиванова, – сказал Терешников, – насколько я понял из рапорта, вы обвиняете гореловскую читальню в попытке насильственного захвата Книги Памяти...

– А также в убийстве нашего библиотекаря Вязинцева и читателя Егорова

Терешников изобразил на лице умеренную скорбь:

– Полгода назад мы все здесь оплакивали товарища Вязинцева... Вы знаете, Совет проводил дополнительное расследование Вязинцев стал жертвой уличных хулиганов И ваш читатель Егоров, если мне не изменяет память, погиб под колесами какого-то подвыпившего мерзавца, подло сбежавшего с места происшествия В этих трагедиях можно винить тотальную бездуховность нашего общества, высокий криминогенный фактор, царящий в стране... – Терешников посуровел. – Но вчера гореловская читальня потеряла троих! Я очень надеюсь, у вас найдется достаточно доказательств, чтобы оправдать этот поступок.

Народ в цеху зашумел, обсуждая услышанное. Марченко насуплено кивал словам Терешникова

– Несомненно, – Маргарита Тихоновна грозно уставилась на Марченко. – Доказательства будут сегодня предоставлены собранию!

– Итак, – огласил Терешников. – Кто хочет начать? Товарищ Селиванова, вы?

– Пускай он!

– Уступаю это право коллеге, – нашелся Марченко

Терешников поморщился:

– Мы не в школе Отставить препирательства... Хорошо, заслушаем Селиванову!

Маргарита Тихоновна, чуть прокашлявшись, начала:

– Нынешнее происшествие уходит корнями в события двухлетней давности, когда при странных обстоятельствах нашего читателя Павла Егорова сбил шальной грузовик, – так заключила, исходя из травм, медицинская экспертиза. Я не спешу делать выводы по поводу грузовиков и замечу сразу: факт, что именно этим видом транспорта пользуется гореловская читальня, не является для нас доказательством их вины...

Марченко буркнул:

– И на том спасибо...

По цеху прокатился гул, непонятно, поддерживающий или осуждающий его ремарку

– Тишина! – строго произнес Терешников и кивнул Маргарите Тихоновне: – Продолжайте

– Действительно, грузовиков в России много, пьяных водителей тоже хватает, и один задавил нашего товарища Павла Егорова. Несчастный случай. А через месяц здесь, в этом зале товарищ Марченко предложил Максиму Даниловичу принять к нам одного достойного человека, Бориса Аркадьевича Шапиро, происходящего из северодвинской читальни

– Я протестую! – вскинулся Марченко. – Это не было рекомендацией. Я лишь огласил положение вещей. Кроме меня, там находились представители из Смоленска и Белгорода, а также библиотекари нашего региона – товарищи Буркин, Латохин и Симонян. Они могут подтвердить. Ваш Вязинцев сам взял Шапиро, дескать широнинская читальня недавно потеряла читателя!

– Конечно, конечно, – недобро улыбнулась Маргарита Тихоновна. – Только чего вы вдруг стали оправдываться, товарищ Марченко? Я, кажется, вас еще не попрекала этим Шапиро? Может, заранее предчувствуете, а?

– Я ничего не знаю, кроме того, что вчера были зверски убиты трое моих людей, а четвертый получил тяжелые ранения, мне и моей читальне предъявлены возмутительные, ложные обвинения! – яростно процедил Марченко.

– Ти-ши-на! – в который раз крикнул Терешников, унимая поднявшийся в цеху шум. – Товарищ Марченко, у вас будет время высказать свое мнение. Не перебивайте!

Маргарита Тихоновна, выждав несколько секунд, продолжила:

– Присутствующие наверняка помнят те печальные события Северодвинская читальня попала на подделках, после чего была закрыта Советом Книгу они выдавать отказались, и все, кто пытался оказать сопротивление, погибли в поединке с войсками Совета...

– Но это было официальное решение, – быстро встрял Терешников. – Закон!

– Я и не оспариваю, товарищ Терешников, а напоминаю суть. Единственный, кто выжил из северодвинских читателей – это Шапиро. Чего скрывать, наш регион отнесся с большим сочувствием к событиям в Северодвинске... Тем более с этими подделками дело было темное...

– Товарищ Селиванова! Я попрошу вас!

– Извините, это личное мнение... Одним словом, мы взяли Шапиро к себе. На первый взгляд, читатель идеальный. Максима Даниловича боготворил, услужливый был, восторженный. Шутить любил. Привыкли мы к нему... Вот... А в ноябре со мной произошла неприятность, я поскользнулась и сломала ногу. Лежала дома. Вязинцев носил ко мне Книгу в соответствии с установленным графиком чтений. Я вообще-то была против, не хотела, чтобы Книга покидала стены читальни... Максима Даниловича, как правило, всегда сопровождал охранный эскорт. Шапиро был в курсе графика. Чего он не знал, так это того, что Максим Данилович оставил Книгу у меня и в одиночку, без сопровождающих направился домой... Позволю себе небольшое допущение: если бы Максим Данилович был с Книгой, а нападавшие оказались не просто бандитами, то наша читальня прекратила бы свое существование. – Маргарита Тихоновна умолкла.

Было слышно, как гудит и рокочет ток в неоновых трубках плафонов.

– Из того, что вы рассказали, – нарушил паузу Терешников, – не следует, что Шапиро связан с гореловской читальней и выполнял их волю.

– Минуту терпения. Сейчас все станет ясно... Долго рассказывать, как оформилось мое подозрение. Спишите на женскую интуицию. Может, потому, что в тот злосчастный вечер у меня были многие наши читатели, а вот Шапиро отсутствовал и не располагал сведениями, что Книга не у Вязинцева, и дал сигнал кому следует... – Маргарита Тихоновна вздохнула. – В общем, несчастный случай с Егоровым, появление в нашей читальне Шапиро и гибель Максима Даниловича показали мне взаимосвязанными. До весны я скрывала подозрения, затем сообщила о них товарищам. Они согласились проверить Шапиро. Родственники Максима Даниловича заявили о правах на наследство. Две недели тому я устроила собрание читальни, где сказала, что в опечатанной квартире Максима Даниловича хранится вторая Книга Памяти. Якобы

это была тайна, которую он просил меня не разглашать, но теперь, когда объявился наследник Максима Даниловича, Книгу нужно изымать Шапиро, помню, взволновался и говорил, что за нелегальную Книгу можно выручить огромные деньги, и предлагал свои связи... Два дня назад я связалась с Шапиро и предупредила, что в пятницу у нас обязательный сбор. Возникла проблема – приехал племянник Максима Даниловича. Я назначила изъятие Книги на понедельник. Для достоверности мы подложили наш экземпляр, чтобы посетителям было что похищать. Если бы с ними пришел Шапиро, он раскусил бы нашу хитрость, опознав Книгу, но он, как и предполагалось, явился на сбор и попал под арест. Возле дома была устроена засада...

Чувствовал я себя скверно. Часто звучащее слово «читальня» ассоциировалось лишь с «избой». Получалось, дядя Максим – библиотекарь, люди, окружающие меня, составляли читальню, где он был за главного, а скандал разгорался из-за той самой книжки, найденной Колесовым на дядиной этажерке.

Всякий раз, стоило Маргарите Тихоновне упомянуть нашу с дядей фамилию, лицо окатывал жар, начинали потеть ладони, болезненно подтягивался живот. Когда же разговор напрямую коснулся меня, рот наполнился кислой слюной. Я не хотел выступать.

– Гости нагрянули к Алексею Вязинцеву под видом покупателей, предварительно написав вот это письмо... – Маргарита Тихоновна достала из папки лист и протянула Терешникову. – Можете приложить к протоколу... А вот повинная Колесова, где он подробно рассказывает о связях гореловской читальни, о диверсантах Шапиро и запланированном убийстве Максима Даниловича...

Марченко меня удивил. Несмотря на то что все складывалось против него и реакция цеха явно не выражала симпатии к гореловской группе, он был спокоен и даже улыбался, делая своим успокаивающие знаки.

Терешников сверил показание Колесова с письмом:

– Да, почерк один и тот же... – подтвердил он. Вид у него был растерянный. – Продолжайте, Маргарита Тихоновна. Очень интересно...

– В пятницу около семи вчера мы демонстративно сняли охрану с квартиры и вроде бы отправились на собрание, то есть создали видимость, что Книга не охраняется. Разумеется, мы только переместились в другое место и продолжали наблюдение за домом. Когда стемнело, по своевременной наводке Шапиро, появились гости. Их было четверо, двое поднялись наверх. Через полчаса они спустились, у одного в руках была Книга Памяти. Племянник Максима Даниловича был вместе с ними. Мы не могли рисковать ни его жизнью, ни Книгой... Результат известен: трое диверсантов были ликвидированы, один взят в плен. Пока мне больше нечего добавить...

– Ваша позиция понятна, – сказал Терешников. – Теперь заслушаем товарища Марченко. Ему придется нам многое объяснять.

Марченко дерзко оглядел толпу:

– Ну, что ж... Товарищ Селиванова произнесла зажигательную речь... Не знаю, как завладеть мне теперь вашим вниманием. Пожалуй, и слушать не захотите. Как же, и письменные свидетельства есть! Ждете небось, что я сейчас паду на колени: простите, люди добрые, каюсь, по моему приказу убили лучшего из лучших – библиотекаря Вязинцева! Судите, братцы, построже! Это я, мерзавец, натравил своих извергов на широнинскую читальню! Я, лихач бессовестный, на грузовике задавил читателя Егорова!

– Воспринимать это как признание? – презрительно спросила Маргарита Тихоновна.

Цех взорвался криками. В адрес Марченко уже полетели оскорбления «Мразь! Подонок!» – шумели наши соседи. Глаза Маргариты Тихоновны светились яростным торжеством.

– Товарищ Марченко, не юродствуйте, – недовольно буркнул Терешников. – Говорите по существу!

– Сейчас, – горько произнес Марченко, – начну... Только у моего рассказа есть эпиграф, если позволите. Живой эпиграф... – он сделал жест

Двое наблюдателей вывели закутанного в простыню Колесова. Он с трудом переступал ногами, фиолетовый набрякший отек почти поглотил правый глаз, разбитый рот опух, бледный мученический лоб пересекала черная прядь, похожая на ласточкин хвост. Увидев Маргариту Тихоновну, Колесов попятился, застонал и беззащитно, по-детски прикрыл лицо ладонями.

Марченко подошел к нему.

– Вадим Леонидович, – запричитал он, – ты потерпи, родной... – осторожно снял простыню, затем посторонился, держа ее, как тореро плащ. Были видны лишь разбитое лицо Колесова и ноги до колен

– Вот так допрашивает широнинская читальня! – Марченко, точно заправский фокусник, убрал простыню.

Тело Колесова покрывали многочисленные алые порезы, на животе и груди отвратительно багровели язвы ожогов, повторяющие контуры утюга

Марченко обвел собрание гневным взором:

– В концлагерях над пленными так не измывались! Вадим Леонидович, покажи спину!

Колесов медленно повернулся, и Марченко подтвердил увиденное:

– Широнинская читальня возродила древнее палаческое средство – нарезание ремней!

На щеках Маргариты Тихоновны выступили красные пятна:

– Товарищи, не верьте... – она беспомощно оглянулась.

Марченко, сполна насладившись всеобщим замешательством, перешел на визг:

– Да любой из вас после подобных пыток сознается даже в убийстве Тутанхамона! Показания, выбитые широнинскими садистами, – это кровавый блеф! Вадим Леонидович, сам скажи...

– П-простите, товарищи... – вымолвил, заикаясь, Колесов. – Я... Я... – К моему удивлению, он начал врать: – Мы... мы приехали, Селиванова спросила: «Где деньги?». Я передал пакет, А-а-лик п-попросил книгу, Шапиро дал, а она запакована. Алик стал разворачивать, Селиванова говорит: «Вы нам не доверяете». А я говорю: «Доверяй, но проверяй». Они пригрозили забрать книгу, я им: «Тогда деньги отдайте или мы в Совет пожалуемся», – а Селиванова: «Никуда вы не пожалуетесь!» – и шилом Алика в шею... – Тут Колесов разрыдался. – Я отказываюсь от всех показаний! Фашисты проклятые! Твари! – он ткнул пальцем в нашу группу. – Я отказываюсь! Фашисты! Отказываюсь!

– Это же провокация! – звонко крикнул Луцис. – Посмотрите, да у него раны совсем свежие! Гореловские его сами только что разукрасили! – но его слова потонули в общем шуме.

Было ясно, Марченко махом отыграл свои позиции:

– Наш читатель Колесов оклеветал себя под чудовищными пытками. Прошу считать его

письменные показания недействительными!

– Клянусь! – Маргарита Тихоновна, приложив руку к груди, увещевала собравшихся.
– Ну, может, пару раз двинули для остротки! Никто его не пытал!

– Я потрясен! – сказал Терешников. – Не знаю, что и сказать... Во всяком случае, пока не выслушаю позицию товарища Марченко.

– Уважаемые единомышленники, – начал тот, едва шум чуть поутих. – Вчера мы потеряли трех товарищей, один изувечен. Доброе имя нашей читальни облито грязью... А началось все, когда библиотекарь Вязинцев предложил мне приобрести нелегализованную в Совете библиотек Книгу Памяти

– Вы бессовестно лжете! – вскрикнула Маргарита Тихоновна.

– Селиванова, не перебивайте, – встрял Терешников. – Вас слушали внимательно. Продолжайте, товарищ Марченко.

– Посредничество между нами осуществлял читатель Борис Аркадьевич Шапиро. Некоторые пытались здесь выставить его в виде злого гения широнинской читальни, но у меня на этот счет сложилось иное мнение... Вязинцев назначил умеренную цену – десять тысяч долларов. Наша читальня быстро разрослась, одной книги не хватало. Вязинцев же объяснял свой поступок тем, что денег на легализацию в Совете библиотек у них нет. В качестве аванса Вязинцев получил от нас задаток в пять тысяч. Увы, никаких бумаг у нас нет, да и не могло быть. Все делалось под честное слово...

– Мер-р-завец!

– Кто? Вязинцев? О, не ругайте его, – гадко улыбнулся Марченко. – О покойниках или хорошо, или...

– Вы! Вы – мерзавец! – клокотала Маргарита Тихоновна. – Двуличная тварь! Убили Вязинцева, а теперь еще и пытаетесь оболгать его!

– Я попрошу! – вдруг разозлился Терешников. – Последнее предупреждение!

– Благодарю, товарищ Терешников, – Марченко с издевкой поклонился и затем продолжил: – Книгу мы, разумеется, не увидели. Шапиро говорил, что в день смерти у Вязинцева вроде были деньги – наш аванс, который пропал. На просьбы рассчитаться с нами широнинцы отвечали что-то невразумительное про траур и просили повременить. Месяц за месяцем нас через Шапиро кормили отговорками, возвратит аванс отказывались. Оставалось ждать и надеяться на порядочность широнинской читальни. Мы долго не хотели признаваться себе, что нас попросту кинули. Обратиться с жалобой в Совет не решались – сговорившись с Вязинцевым о Книге, мы сами преступили закон. Расписок не было, и в случае чего широнинцы бы всегда открестились от нас. Словом, мы попали в ловушку... Неделю назад с нами неожиданно связался Шапиро и сообщил, что широнинская читальня готова продать Книгу, но цена выросла до двенадцати тысяч. Выхода не было, мы, отдав аванс, соглашались переплатить. На встречу я отправил четырех наших читателей. Что с ними произошло, вы знаете. Трое убиты, один изувечен, деньги – семь тысяч – похищены. Это была спланированная финансовая афера. Подробнее расскажет пострадавший товарищ Колесов...

Лысина и лицо Игоря Валерьевича Кручины налились кровью. Тимофей Степанович рванул ворот рубахи. О чем-то зашептались сестры Возгляковы, а мать их, Мария Антоновна, вздохнула и нахмурилась. У Тани побелели губы. Переглянулись Оглоблин, Ларионов и Пал Палыч.

– Во как он повернул... – зло восхитился Сухарев

Луцис потирал висок:

– Я с самого начала подозревал, что все так закончится...

– Товарищ Марченко, – возразил нервно Терешников. – Подождите, ради бога! Читатель Колесов пока не может выступать полноценным свидетелем Меня больше интересуют показания Шапиро. Товарищ Селиванова, ведите его сюда, надо рубить этот гордиев узел!

– Ну-ну, – Марченко оскалился. – Щас, приведут они!

Маргарита Тихоновна уже справилась с растерянностью:

– К сожалению, мы не можем пригласить Шапиро

– Не можете?! – Терешников удивленно взметнул брови. – Почему?

– Он скрылся Сбежал Еще вчера И, конечно, оповестил своих хозяев. Теперь товарищ Марченко может клеветать сколько душе угодно.

– Протестую! – бойко откликнулся Марченко. – Клеветает здесь товарищ Селиванова! Я говорю чистую правду!

– В ваших подлых бреднях напрочь отсутствует логика. Большинство присутствующих здесь хорошо знали Максима Даниловича. Он никогда не стал бы утаивать Книгу, а тем более продавать ее.

– Вот я, к примеру, не знаю, что мог, а чего не мог ваш покойный библиотекарь, – парировал Марченко

– Ну хорошо, почему вы не допускаете, что если бы у нас была вторая Книга Памяти, то мы бы не легализовали ее сами?

– Налог на легализацию достаточно велик, а у вас читальня небольшая, хватает одного экземпляра, почему бы потихоньку не продать его коллегам побогаче? Пусть они тратятся Чего греха таить? Так многие делают, и Совет закрывает глаза на эти фокусы Но в этот раз речь идет не о лазейках в законе, – Марченко посуровел. – Разумеется, мы были готовы понести взыскание и выплатить пеню за перекупку и легализацию... Но Книги у нас нет, деньги похищены, трое читателей убиты, один изуродован... Я требую справедливости!

– Ложь, ложь от первого и до последнего слова!

– Мне очень жаль, товарищ Селиванова, – чуть помолчав, сухо констатировал Терешников. – Моя задача – быть объективным. Вы поймите... Я не имею права дискриминировать версию товарища Марченко... А тут еще эта ваша западня с подложной Книгой, которая настоящая и единственная. Увы, без показаний Шапиро ситуация для вас патовая, со знаком минус.

– Я прошу выслушать нашего свидетеля, Алексея Владимировича Вязинцева

У меня оборвалось сердце, но Терешников отмахнулся:

– Товарищ Селиванова! Сбежавший Шапиро – единственный, кто мог бы доказать вашу правоту А кровный родственник Вязинцева – лицо заинтересованное Не сомневаюсь, он расскажет все как надо... Я хочу обратиться сразу к обеим читальням: есть ли возможность уладить наше собрание миром? Товарищ Марченко? Могут широнинцы хоть как-то возместить вам смерть читателей? Ну, к примеру, выплатить прозвучавшую тут сумму в двенадцать тысяч долларов?

– Здорово придумано! – иронично воскликнула Маргарита Тихоновна. – Вишь, заела Совет наша невербинская льгота! Налога с нас по закону не срубить! На абонемент не поставить! А барыши с широнинцев получить хочется Не мытьем, так катаньем Только мы за свой статус жизнями рассчитывались!

– Я не понимаю вас, товарищ Селиванова! – Терешников подобрался и напрягся

– Тошнит от вашего притворства! Любому здравомыслящему человеку очевидно! Гореловская читальня – детище Шульги! Компенсация нужна не Марченко – он лишь послушная марионетка – а Шульге, то есть Совету!

– Маргарита Тихоновна! – вскричал Терешников. – Не забываетесь!... Я то-о-же, – он потряс мягким, словно разваренным пальцем, – между прочим, был в Невербино!...

Маргарита Тихоновна уже успокоилась:

– Откуда мы такие деньги достанем? Может, я из пенсии выложу? Или Тимофей Степанович? Мирошникова Татьяна из учительской зарплаты? Или Игорь Валерьевич – у нас литейщики, как известно, тайные миллионеры!

– А вы не жалобитесь, товарищ Селиванова, – сказал Терешников, – вся страна плохо живет! У покойного Вязинцева было жилье Вот его продайте...

Меня осенила дикая мысль, что весь этот фарс с доброй сотней актеров разыгран, чтобы забрать мою квартиру.

– Денис, – зашептал я Луцису, – скажи Маргарите Тихоновне, что я согласен!

– Алексей?! – он изумленно посмотрел на меня. – О чем ты?

– Нам не нужны деньги! – с достоинством отказался Марченко. – Единственное, что может нас устроить, – это роспуск широнинской читальни. А в качестве компенсации за смерть наших читателей мы требуем Книгу Памяти.

– Вот тебе, падла! – Тимофей Степанович сплел кукиш, для смачности украсив его символичным плевком. – Выкуси!

– Лучше и не скажешь, – Маргарита Тихоновна удовлетворенно кивнула. – Выкусите, товарищ Марченко!

– Все слышали?! – яростно спросил Марченко. – Вам это так не сойдет! Товарищ Терешников, наша читальня требует сатисфакции!

– Вы ее получите, не сомневайтесь! – ответила Маргарита Тихоновна

Приглашенные лагудовские наблюдатели одновременно поднялись с мест и потянулись к выходу

Терешников кашлянул:

– Я не приверженец силовых решений, но если не остается другого выхода... В конце концов, мое дело маленькое... Благодарю за внимание и участие, собрание окончено. Время и место сатисфакции будет дополнительно оговорено. Лимит стандартный – по сорок человек с каждой стороны. Проигравшая читальня будет распущена, а Книга отойдет Совету библиотек. Я знаю, мнения в регионе разделились Тех, кто пожелает поддержать читальню в споре, прошу подготовить заявки и подать к завтрашнему дню Всех участников проинформируют наши секунданты... Что еще? Мне нужны подписи библиотекарей Маргарита Тихоновна, вы еще исполняющая обязанности? Или молодой человек рядом с вами? Как это называется, преемственность поколений, да? Младший

Вязинцев теперь ваш библиотекарь?

– Пока нет, но, думаю, скоро станет.

– Документы на него заполните и пришлите, теперь с этим очень серьезно... – Терешников чуть поклонился и перешел к Марченко

Нас обступили соседи

– Ну как, широнинцы? – спрашивал Буркин. – Справитесь?

– А что делать, Василий Андреевич? – бодро ответил Луцис. – Читальня у нас гвардейская!

– Не впервой! – добавил Тимофей Степанович.

– Поможем, чем сможем, – сказала Симонян. – Уже есть пять добровольцев. И это не все Приятная новость – с ними будет еще Гаршенин.

– Спасибо, Жанночка Григорьевна, спасибо, родная, мы не сомневались в вашей солидарности, – благодарно обняла ее Маргарита Тихоновна. – Дорог каждый боец А Дмитрий Олегович – вообще Илья Муромец, раз взмахнет – улица, другой – переулок

Буркин просиял маршальским лицом:

– Гаршенин? Как он себя чувствует?

– Прекрасно. Кости срослись, рука восстановилась полностью Утверждает, даже лучше стала...

Буркин указал на меня:

– А он?

– Думаю, с нами пойдет, – ответила Маргарита Тихоновна. – Да, Алексей? Вы же с нами?

Я почему-то предположил, что меня вдруг могут, словно вещь, предать кому-то еще, может, этому Буркину.

– С вами, Маргарита Тихоновна, – осторожно сказал я

Буркин вздохнул:

– Маргарита Тихоновна, не забывайте, от Марченко выйдут настоящие сорок разбойников... Алексей, он совсем не опытен, едва Книгу прочел...

– Алексей не читал Книгу. Он вообще ничего не знает, – тихо сказала Маргарита Тихоновна.

Буркин оторопел:

– Позвольте... Тогда какого черта вы его вообще сюда привели?!

Он отвел Маргариту Тихоновну и принялся что-то жарко доказывать ей.

Долетали лоскутья разговора. «... Не захочет, и я пойму его...», – говорил Буркин. Маргарита Тихоновна возражала: «...в него верю...»

Буркин повысил тон:

– А я вам скажу, что случится! После разрешения конфликта, даже если все хорошо для вас сложится...

– Ну, спасибо, Василий Андреевич! Большое спасибо! За моральную поддержку! – вскипела Маргарита Тихоновна. – Очень своевременно! Чего же вы нам помогаете, если сомневаетесь в успехе?

– Во-первых, я ваш друг, поэтому и помогаю... Но я еще и реалист! Дай нам бог отделаться малой кровью! Помяните мое слово, вам за беглого Шапиро впаяют взыскание «А», Совет посчитает убытки за сокрытие, потом ваш Вязинцев... – он посмотрел на меня. – Вы извините, я от чистого сердца... Вязинцев как нормальный гражданский человек побежит в милицию, и это будет второе «А», чтобы с избытком хватило! И все, и читальни нет!

– Во-о-о-т оно что, – насмешливо протянула Маргарита Тихоновна. – При всем уважении к вам, Василий Андреевич, библиотекарь вы прекрасный, а психолог никудышный...

– Неужели вы сами не понимаете, что натворили?! Это же нехорошо, нечестно. Против воли! Вы впутали совершенно постороннего человека... Как теперь расхлебаете?

– Он – не посторонний, – с чувством сказала Маргарита Тихоновна. – Он – племянник Максима Даниловича...

– Сдаюсь, – с досадой капитулировал Буркин, – время покажет... – Глянул на часы. – И у нас его осталось чуть больше суток. Мы вам позвоним, Маргарита Тихоновна

– До скорого, Василий Андреевич.

Цех постепенно опустел. Кто-то из наблюдателей взял у Пал Палыча ключи от «жигулей» Колесова

– Терешников решил: тем троим вроде аварию будут имитировать. В ста километрах, за Урмутом, – пояснил Пал Палыч

Простилась с нами Симонян, напоследок еще раз пообещавшая помощь своего хваленного Муромца Гаршенина.

На минуту подошел невысокий и хроменький человек по фамилии Латохин, библиотекарь колонтайской читальни Он сказал, что прийдет не меньше десятка бойцов Видимо, это одолжение носило официальный характер, и Маргарита Тихоновна подписала ему какой-то документ

– А сами не появись? – спросил Луцис.

– Увы, – ответил Латохин, похлопав себя по больной ноге. – Здоровье не позволяет. Отвоевался я, товарищ Луцис, – и, спрятав бумагу в красную пластиковую папку, простился, ухромал сам и увел своих людей.

Первым подвел итог Игорь Валерьевич Кручина:

– Ну что, братцы, не так уж все и плохо Нас восемнадцать, плюс десять колонтайских, шестерых дает Симонян и предположительно столько же Буркин Живем, Маргарита Тихоновна! – и стукнул крепким кулаком себя по ладони В цеху погасили свет, кто-то крикнул: «Широнинцы, собрание окончено, закругляйтесь, мы уже закрываем! На улице договорите!». Заскрипела, наплывая чернотой, стальная дверь, перекрыла половину входа Рабочий забил в бетонный пол массивный стержень шпингалета

Мы вышли во двор. Ларионов и Оглоблин спохватились, что машина со вчерашнего не вымыта, сразу побежали за тряпками и ведрами. Через минуту к ним присоединились Таня, Саша Сухарев, Пал Палыч, Луцис и Игорь Валерьевич

Тимофей Степанович и четверо Возгляковых сказали, что им еще нужно успеть на электричку, и попрощались до завтра.

Я остался наедине с Маргаритой Тихоновной. Несколько минут мы смотрели на возню возле «рафа»: Луцис, закатав рукава, отжимал в ведре тряпку, Пал Палыч возился в салоне, Таня и Саша мыли резиновые коврики, а Игорь Валерьевич просил у рабочего немного технического спирта.

Маргарита Тихоновна вдруг произнесла:

– Буркин, разумеется, во многом был прав. Приношу мои извинения за все то, что вам довелось за эти два дня пережить...

От жалости к себе зашипало глаза Я шепотом взмолился:

– Маргарита Тихоновна, я ведь никому ничего, клянусь, только отпустите меня, пожалуйста! Какая милиция? А квартиру забирайте себе, я хочу домой. Прошу вас! Отец тяжело болеет, и мать тоже болеет, на пенсии... Я... э-э-э... единственный сын, – безнадежно и глупо соврал я.

Маргарита Тихоновна усмехнулась:

– Даже странно... Разве может крепкий здоровый парень так бояться? Пожалуй, если бы я сейчас рыкнула, вы упали бы в обморок. Бедный вы мой... На самом деле, никто вас не собирался втягивать... – Она чуть помолчала: – Вы, в принципе, хорошо вели себя, без истерики... И вы действительно очень похожи внешне на Максима Даниловича, и ребята вас уже... ну полюбили что ли, поверили, как в хорошее предзнаменование. Конечно же, я отпускаю вас...

– Спасибо, спасибо, – благодарно зашептал я

– Но у меня две просьбы... Алексей, завтра нам предстоит очень тяжелая работа, и ваше присутствие морально поддержит ребят... Ну, как знамя. А потом – на все четыре стороны. Хорошо?

– Разумеется, Маргарита Тихоновна, – с готовностью согласился я

Она задумалась и неожиданно спросила:

– Алексей, вы верите в Бога? Только отвечайте честно, без пафоса и ерничества

– Наверное, верю, – сказал я

– В церковь ходите? – уточняла Маргарита Тихоновна. – Исповедуетесь, причащаетесь?

Я не понимал, куда она клонит, отвечал осторожно, чтобы не спугнуть ее разрешение на побег:

– Нет, я не хожу в церковь. Я в принципе во что-то верю, но точно не знаю, во что

– Комиссии все ясно, – улыбнулась Маргарита Тихоновна. – Тяжело вам живется, Алексей. Без божества, без вдохновения. Один страх. Как вы еще с ума не сошли... Но у меня найдется для вас подарок за все ужасы, вами пережитые. Я верну вам Бога... Нет, не пугайтесь, речь не идет о каких-то сектантских штучках. Никто охмурять не

будет То, чему вы станете вскоре причастны, возможно, одно из доказательств Его существования. Кому-то, чтобы уверовать, достаточно увидеть закат в горах или, допустим, океан У вас же будет Книга Пока прибирают в машине, я немного расскажу вам о Громе, а то вы до сих пор в полном неведении...

КНИГА

Обычно памятный на слова и подробности, я мало что вынес из первых пятнадцати минут – я стоял по шею в ледяном страхе

В забытого писателя, ныне мертвого, автора магических Книг, поверить я не мог. Понял я следующее – что попал в руки к людям больным, маниакальным, восторженным и чудовищно жестоким.

Я слушал Маргариту Тихоновну и не перебивал, всем существом изображая спокойную внимательность. Не хватало только рассердить ее и снующих неподалеку таких же, как она, безумцев.

История широнинской читальни запомнилась лучше остального из-за неожиданных и бесстыдных подробностей, которыми украсила повествование Маргарита Тихоновна. Этот болезненный старческий эротизм запугал меня окончательно.

Читальня вела свое начало от машинистки Кольцовой Светланы Александровны. Судьба напрямую связала эту женщину с Громовым и, казалось, все сделала для того, чтобы случайная машинистка оказалась в числе избранных. Ей посчастливилось набивать Громову рукопись Книги Радости «Нарва» Кольцова, разумеется, получила в подарок уже опубликованную повесть.

Жизнь на многие годы забросила Кольцову в российскую глубинку. Позабывший Громов лет пятнадцать благополучно простоял на полке между Дрюоном и Сименоном. Однажды от скуки Кольцова решила прочесть книгу, в которую был вложен когда-то и ее труд.

Кольцова не держала в голове сюжеты рукописей, потому что никогда не вдумывалась в текст, – это значительно тормозило работу Кольцова. Открыла Громову из сентиментальных побуждений. В те далекие вечера у нее протекал бурный роман с мужем сослуживицы. Любовник прибегал к ней домой, пил чай и ждал, пока Кольцова, давно взмокая от страсти, ради стыдливой формальности выстучит пару абзацев, а затем отдастся прямо возле рабочего стола. Любовник всегда брал ее сзади, Кольцова, опершись руками о стол, смотрела, как подрагивает от проникающих движений заправленный в машинку лист с неразборчивым смыслом. В миг высшего удовольствия она беспamięтно стучала пальцами по клавишам, оставляя на бумаге буквенный шифр своего оргазма, а любовник нежно целовал ее в затылок. Испорченный страстью лист приходилось перепечатывать.

И вот, спустя двадцать лет она взялась за книгу Громову, овевшую таким чувственным флером. Она читала, и оживали далекие эпизоды минувшей жизни. Действие Книги проявилось в виде сильнейшего экстаза. Кольцова быстро уловила закономерность прочтения и удовольствия, после чего поделилась открытием с лучшей подругой. Понятно, что через какой-то срок вокруг Кольцовой образовалась читальня, в которую и вошел дядя Максим – Кольцова пожалела спившегося до грузчика интеллигентного человека. Кроме того, дядя Максим внешне походил на ее бывшего возлюбленного.

Кольцова погибла, став жертвой нападения моховских старух, Книга была похищена, и случилось это накануне битвы под Невербино. Читальня приняла участие в сражении, дядя Максим проявил в бою большой героизм. На Совете именно он настоял на том, чтобы все читальни, лишившиеся Книг из-за козней Моховой, получили замену.

Вместо утраченной Книги Радости широнинская читальня благодаря дяде Максиму

получила Книгу Памяти и была освобождена от налогов по невербинской льготе
Формально Книга принадлежала дяде Максиму, и вот по праву крови я вроде как унаследовал
должность библиотекаря...

– Алексей! Маргарита Тихоновна! – крикнул Денис. – Можно ехать!

– Спасибо, мы сейчас, – отозвалась Маргарита Тихоновна Она смерила меня
внимательным, чуть насмешливым взглядом: – Что ты молчишь, Алеша? Не веришь?

Это не походило на естественное грубоватое панибратство Сухарева или возрастное
равноправие Дениса Луциса, приветливо тыкающего ровеснику. Тут таилось нечто
другое. Меня действительно пытались во что-то посвятить, каждую секунду норовили
против моей воли хлопнуть по плечу ритуальным мечом, чтобы судить как своего и
по своим правилам Нужно было оставаться предельно осторожным и косвенно не
подставить плечо

– Сложно сразу ответить, – рассудительно начал я. – Информация такая необычная,
и... Но я вам верю, да...

Маргарита Тихоновна вздохнула:

– Соглашаешься только от страха. Боишься, наверное, что сумасшедшая тетка
вспылит и ткнет в горло спицей?

На этих словах я покрылся липким, словно мед, потом

Маргарита Тихоновна продолжала:

– Ты извини, Алеша, мое тыканье, нас все равно пока никто не слышит, мне кажется,
так проще, доверительнее... Ты никогда не задумывался, почему апостолы предали
Учителя, а затем без страха умерли мученической смертью? Вначале они должны были
верить и не смогли, а после Его воскресения они не верили, а знали. Это большая
разница. И я тоже не призываю тебя верить мне Очень скоро ты, если захочешь,
будешь знать, как Денис, Таня, Саша, Пал Палыч, Игорь Валерьевич... Чувствуешь, я
тебя все подводила ко второй моей просьбе Алексей, я пообещала, никто тебя не
будет неволить. Слово мы держим Нам от тебя ничего не нужно, мы просто любили и
уважали Максима Даниловича, нашего друга и библиотекаря Нам бы хотелось, чтобы
ты вынес окончательное решение, когда прочтешь Книгу Это вторая просьба...

Я безропотно согласился

– Наговорились? – приветливо спросила нас Таня

– Да, – сказала Маргарита Тихоновна, – провела ликбез Надо было Алексея по многим
вопросам просветить

– Он парень способный, – похвалил меня Игорь Валерьевич, – быстро разберется

Страх мой к тому времени почти выбился из сил, выдохся Я был ко всему равнодушен
Меня не интересовали ни прибаутки Сухарева, ни добрые глаза Тани, ни рассказ
Оглоблина, как он лет тридцать назад в Казахстане, будучи еще воспитанником
детдома, ловил в реке сазанов: «Они выплывали на мелководье, наполовину
высовывались, чтобы полакомиться молодой травкой, – чисто поросята А я их палкой
лупил...»

Мы подъехали к дому дяди Максима, Маргарита Тихоновна пожелала нам спокойного
сна и попросила не полуночничать, потому что завтра понадобятся силы.

Я-то надеялся, меня хоть по возвращении оставят в покое Этого не произошло. За
мной поднялись Сухарев, Луцис и Кручина – сторожить или охранять. Впрочем, все

были предупредительны и вежливы. Чувствовалось, в квартире дяди Максима эти люди как дома. Пока Саша расторопно готовил ужин – яичницу из десятка яиц, – Денис и Игорь Валерьевич вели малопонятные разговоры.

– С гореловскими – явно дело нечистое, – говорил Игорь Валерьевич. – Третий год читальне, а она на десятине! Не абонемент, даже не годовой налог, а десятина! Где это видано?!

– Вероятно, Совет решил опробовать новую схему, – Луцис азартно кромсал яичницу. – Очень логично Провоцируется конфликт, его раздувают на собрании региона. Либо компенсация – либо сатисфакция...

– А в случае проигрыша обвиняемой стороны, – подвел итог Игорь Валерьевич, – Книга по закону перейдет в собственность победителя, официально – гореловской читальни, а на самом деле породившей ее библиотеки Гениально и просто!

– Но не бойсь, Алексей, – подмигнул Сухарев, – до этого не дойдет

Утром нагрянули Маргарита Тихоновна, Пал Палыч, Оглоблин и Ларионов и еще трое незнакомых мне широнинцев: Вадик Провоторов, Гриша Вырин и Марат Андреевич Дежнев. Значительный эскорт объяснялся тем, что всемером они доставили Книгу Памяти, которую мне церемонно вручили для прочтения

Новопришедшие и Луцис задержались, а остальные ушли. Если бы не сложенные в прихожей топоры и перевязь с двумя саперными лопатками, все говорило бы о людях вполне мирных. Марат Андреевич Дежнев был врач-травматолог, высокий черноволосый мужчина лет под пятьдесят. Он сразу извинился, сослался на усталость после дежурства и пошел отсыпаться в спальню. Рядом с собой он положил укороченную на четверть шашку в потертых, обломанных на конце ножнах, которую он, как выяснилось, прятал в штанине.

Вадик Провоторов, маленький и коренастый, с фигурой борца и чуть свернутым набок носом, по профессии был архитектор, но работал охранником в зале игровых автоматов. Он попросил у меня отвертку и молоток, вывалил на кухонный стол десятка три металлических блях с высверленными по краям дырами, кучу мелких винтиков и заклепок, потом вытащил из своей турецкой клетчатой сумки широкую выкройку толстой грубой кожи и стал сноровисто прикреплять к ней бляхи. Позавчерашнее нападение Шапиро не сильно отразилось на его здоровье.

Гриша Вырин, электронщик по образованию, работал в частной фирме, занимающейся продажей бытовой техники. Внешне Гриша больше походил на уездного рок-музыканта в потертых джинсах, растянутом свитере, с длинными белобрысыми волосами, собранными в чуть засалившийся хвост. Он сутулился и выглядел очень худым, но когда сел за стол и чуть закатил рукава старого свитера, то показались мощные, жилистые, точно у моряка, предплечья.

Провоторов, Луцис и Вырин остались на кухне, я удалился в гостиную – читать Книгу.

С Громовым у меня не заладилось. Может, сказалось душевное переутомление прошедших суток и две бессонные ночи. Сама повесть была относительно невелика. В другое время я прочел бы подобного объема книгу в один присест, а теперь бился над ней третий час, не одолев даже половины.

Сюжет был следующим. Главный герой, корреспондент столичной газеты Митрохин, сорокалетний человек, обремененный семейными и творческими неурядицами, отправляется в дальнюю командировку – собирать материал о хозяйствах уральского региона. Митрохин на месяц поселяется в доме председателя Фомичева. Корреспондент добросовестно обходит с блокнотом все совхозные закоулки – фермы, коровники, опытные станции, новую школу, знакомится с замечательными людьми, энтузиастами

своего дела, такими, как учитель Никодимов, создавший на базе машинно-тракторной станции кружок конструирования сельскохозяйственных машин Кружку не хватает средств воплотить в жизнь совместное изобретение самого Никодимова и учеников.

«– Просто для транспортировки зерна надо выпускать специальные машины, – упрямо повторял Никодимов, едва поспевая за широким шагом председателя. – Точнее, не машины, а цельнометаллические бункера, они устанавливаются на ходовую часть „камаза“ или „зила“ Зерновоз сможет прямо от комбайна везти зерно на элеватор без промежуточной сортировки. Бункер-то герметичный, значит, сохранность зерна не зависит от ветра, состояния дороги или ее протяженности

Фомичев задумался:

– А как с непогодой быть? Она же нередко увлажняет хлеб в валках и зерно на токах. Погорит твоё зерно. Правильно я говорю, товарищ Митрохин?

Тот промолчал, и Фомичев воспользовался паузой по-своему:

– Вот, и пресса со мной согласна

– А в нашем зерновозе этого не произойдет, – не сдавался Никодимов. – Бункер будет разделен на две равные по объему камеры. Если зерно влажное, то его ссыплют в одну камеру, а в движении оно пересыпается в другую, пустую. При этом зерно подсушивает теплый воздушный поток, отделяются полова и сорные частицы...

– У тебя, Юрий Викторович, что? – с подковыркой спросил Фомичев и сам ответил: – Правильно, кружок конструирования и станция юных техников. Вот ими и занимайся. Твой чудо-зерновоз лишь мечта!

Никодимов остановился, замерли поодаль и Генка с Андрюхой Павел Дмитриевич посмотрел на отставшего Никодимова, вдруг совсем по-мальчишески подмигнул загрустившим ребятам и бросился вдогонку за Фомичевым:

– А вы напрасно отказываетесь от предложения Никодимова. Я вот сам видел модель, отлично работает Отчего бы не попробовать, а я про это напишу большую статью. Если получится, обязательно прославите совхоз на всю страну, разве плохо?

В глазах председателя зажглись радостные смешинки, хорошо знакомые Митрохину:

– Ну, ладно, пробуйте! Уверен, все должно получиться, обязательно должно!»...

Я добросовестно пытался читать и терпел фиаско Глаза поскальзывались на первой строке, я стремительно падал с верха страницы вниз, точно с крыши, абзацы мелькали, как этажи, и прочитывался только фундамент: «Митрохину нравились упорство и настойчивость учителя– другой давно бы уже отступил, счел пустячной всю эту затею, а Никодимов все чего-то ищет, изобретает и, главное, верит в успех.»...

Я отложил непрочитанную книгу и выглянул в коридор. Из-за прикрытой двери кухни с мутным, словно полынья, стеклом доносился трехголосый разговор В спальне изредка всхрапывал травматолог Дежнев

На всякий случай я снял трубку телефона – гудка не было. А даже если бы и был гудок, куда я мог позвонить? В милицию? Эти люди расправились бы со мной до того, как прибудет помощь.

Я вышел на балкон Фантазия сразу нарисовала картину – вот я цепляюсь за лохматые виноградные лианы, похожие на одичавшие веревки Четвертый этаж, третий, второй – прыгаю, бегу к дороге, ловлю такси – очень быстро, и на вокзал Оттуда первым поездом...

Возле пятого этажа ветки проступали на стене зеленой капиллярной сетью, тонкой и слабой Они не выдержали бы моего веса Можно было перебраться на смежный балкон, к соседям, но если бы те подняли крик, то раньше милиции там оказались бы дядины читатели

– Алексей, ты уже? – вдруг раздался за моей спиной голос Луциса. – Прочел, да?

Я сказал правду:

– Еще не дочитал Голова болит

– Так нельзя, тебя же предупреждали про два условия, иначе не подействует! Ну все, теперь по-новой перечитывать, – закончил Луцис расстроено

Я не хотел ему говорить, что меня больше волнует не Книга, а сатисфакция, на которой я обещал присутствовать

Луцис ушел на кухню, а я вернулся в гостиную и по второму разу принялся за Книгу...

Если бы не предстоящая неизвестность, я бы наверняка справился с «Тихими травами» Но тревога, неотвязная, как зубная боль, сверлила душу и не давала сосредоточиться. Каждую минуту внимание улетучивалось, мысль, точно безмозглое насекомое, переползала со страницы на окно и дальше, растопырив крылья, уносилась в серое поднебесье

Волнения незамедлительно отразились на желудке, и, всякий раз закрываясь в туалете, я безумно стеснялся, что мой трубный кишечный страх может быть услышан на кухне Книгу я на эти моменты с собой не брал. Кто знает, может, читатели, увидев меня выходящим из туалета с Книгой, восприняли бы этот поступок как святотатство. По-любому, повесть приходилось начинать заново. Я переместился на диван и читал лежа, пока не забылся черным, будто чулан, сном.

Проснулся я от приглушенного разговора в прихожей. Выделялся дребезжащий тембр Маргариты Тихоновны, которая безуспешно старалась говорить тихо

– Денис, как Алексей? Прочел? – спрашивала она. – Спит?

– Вроде спит, – негромко отвечал Луцис. – Я не заходил, думал, пусть отдыхает У него не получилось сначала, он по второму разу начал. Волновался...

– Ладно, все равно будить пора, – категорично сказала Маргарита Тихоновна. – Мы сейчас поедем колонтайских товарищей встречать, и вы особо не расслаивайтесь Сбор ровно в полночь возле поворота на Камышево...

Голоса потоптались еще несколько минут, загудели шагами на лестничной клетке

За окном была фиолетовая темень. Я посмотрел на настольные часы. В темноте могильными огоньками горели фосфорные капельки на стрелках – одна почти сверху, вторая снизу – половина одиннадцатого.

– Лучше кофе сделайте, я сама разбужу, – дверь приоткрылась, и в желтой полосе света появилась Таня

Я притворился спящим Она тихо присела рядом Чуть скрипнули диванные пружины. Я шумно вдохнул носом, повернулся на бок

Таня коснулась моей руки:

– Алексей Владимирович...

Я повернул голову, вроде бы сморгнул сонное недоумение:

– А? Что случилось?

– Подниматься надо, – прошептала Таня. – В одиннадцать выезжаем...

– Понятно... – я деловито потер глаза

Таня встала:

– Я вот настольную лампу включу, только к стене абажур отверну, чтобы не очень ярко было...

Трогательные старания сделать мое пробуждение безболезненным закончились шумным появлением Луциса:

– Проснулся? Отлично! – Он клацнул выключателем, и яркий свет сплющил мне глаза

– Алексей, идите на кухню, – заглянул Дежнев, – там для вас кофе готов Можете и перекусить, но я не советую, лучше грамм сто коньяку, но не больше – развезет, а не взбодрит... Или дать вам активированного угля? Снимет любые последствия волнения

– Не надо, – я почувствовал, что краснею Вероятно, меня слышали не только на кухне

В прихожей возился Вадик Провоторов Он переоделся в камуфляжную форму Входная дверь была открыта. Я увидел Гришу Вырина. Перевязь с саперными лопатками была уже на нем Поздоровавшись, он подхватил две сумки и понес вниз

Из спальни вышел Луцис. В руках он держал что-то вроде миниатюрной стальной шкатулки или кейса с прикрепленной цепью. Внутри одной створки, точно скрипка в футляре, на темном бархате лежала Книга. Луцис закрыл крышку, щелкнул внутренний замок. Денис был очень торжественен, будто на церемонии вручения какого-нибудь ордена.

– Ты собрался?

– Почти, ну еще умыться, кофе выпить...

– Подождет кофе Тут нечто поважнее... – Луцис протянул мне шкатулку Размером она была чуть больше самой Книги и оказалась довольно увесистой Прочная стальная цепь проходила через приваренное к торцу кольцо, чтобы носить Книгу на манер панагии.

– Надевай, – подтвердил мои мысли Луцис. – Твоя привилегия библиотекаря и, соответственно, знак отличия...

Я спросил, а можно ли пока понести ее в руке. Денис с укором сказал, что это не барсетка. Я покорно склонил голову, и он надел мне на шею тяжелую, как вериги, Книгу

СТРАШНО

От кофе меня сразу замутило Я залпом хлебнул коньяку из стоящей на столе бутылки трехзвездочного «Белого аиста», но храбрости особо не прибавилось В коридоре я украдкой остановил Марата Андреевича, попросил таблетки угля и в ванной съел целую упаковку, жадно запивая водой из-под крана. Шкатулка на шее мешала, ударяясь о раковину

Суэта и напряжение усилились. Денис на ходу еще раз спросил, все ли готовы, потом сказал: «Ну, с Богом...», – и сердце у меня глухо стукнуло, словно камень, брошенный в стену.

Внизу стоял знакомый «раф». Провоторов и Вырин дождались, когда я выйду из подъезда и сяду в салон. Там уже сидели Игорь Валерьевич, Марат Андреевич, Пал Палыч и Таня. За рулем был Оглоблин, рядом Ларионов. Я чуть подвинулся, освобождая место для Луциса. Пол был заставлен сумками с амуницией. Последними влезли Вырин и Провоторов.

Мы выехали на окружную дорогу, почти вымершую, без машин. Проехав несколько километров, перемигнулись фарами со стоящим у обочины мотоциклом с коляской, который сразу затарахтел мотором и последовал за нами. Я узнал сестер Возгляковых.

Возле развилки с указателем «Камышево» мы притормозили. Спустя несколько минут подкатил ветхого образца ГАЗ с рифленным, вытянутым, как у грузовика, рылом. Я увидел Маргариту Тихоновну, она помахала нам рукой, и мы тронулись за автобусом.

Вскоре асфальт сменился бетонными плитами, затем щебенкой. Дальше нас принялась трясти грунтовая дорога с вековым следом колес, похожим на рельсы, только вывернутые наизнанку, внутрь окостеневшей земли. Вокруг лежали вымершие поля. Столбы электропередачи выглядели как обглоданные заразой деревья, а фарфоровые чашки на перекладинах смотрелись грибными наростами. Где-то далеко, за много километров, мерцали крошечные алые огоньки цивилизации.

Наконец, мы остановились и начали спешно выгружаться. Кроме наших, из автобуса вышли больше двух десятков человек – это были обещанные помощники от колонтайской читальни, а также добровольцы Симонян и Буркина.

В полной тишине люди готовились к сатисфакции. К нам подошли Маргарита Тихоновна, старшая Возглякова, Тимофей Степанович, Саша Сухарев и незнакомый мне читатель Николай Тарасович Иевлев – настоящий исполин двухметрового роста, широкоплечий, с могучей, как пень, шеей. Иевлев был наголо обрит, через его лоб и щеку пролегал глубокий с белым дном шрам, похожий на пекарскую зарубку на батоне.

Тимофей Степанович взглядом одобрил шкатулку с Книгой и склонился над сумкой. Старик вынул и нахлобучил на голову шапку-ушанку, снаружи укрепленную металлическими бляхами, облачился в тулуп, плотно обшитый кольцами от колодезной цепи, и подвесил к поясу шило. Достал чугунный шар, видимо, отпиленный от гантели – на шаре была выбита цифра «10», – положил его в брезентовый мешок и крепко подвязал у основания шнурком, превратив в подобие кистеня. Затем, демонстрируя удал, легко вскинул мешок, раскрутил над головой и обрушил в землю – шар оставил внушительную вмятину.

Таня спрятала лицо за фехтовальной маской Возгляковы и Маргарита Тихоновна, повязавшись толстыми платками, надели сверху простые строительные каски, а Оглоблин, Вырин, Пал Палыч и Сухарев – мотоциклетные, причем у Вырина и Оглоблина вместо пластиковых забрал были приделаны стальные, с глазными прорезями. Игорь Валерьевич Кручина надел старинную пожарную медную каску. Могучий Иевлев, видимо, для дополнительного устрашения врага, выбрал себе немецкую военную каску, Провоторов же взял советскую, а Луцис – авиационный шлем, ради которого он снял очки. Штурман Ларионов натянул танкистский кожаный шлем с поролоновой прокладкой на макушке, а травматолог Марат Андреевич голову вообще ничем не прикрывал, уповая на собственную ловкость.

Броня тоже была самая разнообразная. Луцис по всей одежде сделал небольшие карманы и рассовал в них защитные пластины. У Возгляковых в стеганые пазухи ватных штанов и телогреек были вставлены стальные полосы. Игорь Валерьевич надел настоящую кирасу, отчего стал похож на самовар. У Вырина кожаную куртку покрывала

чешуя советских рублей – пошло, видимо, не меньше пятисот монет. Заметив мой заинтересованный взгляд, Гриша пояснил: «С десяти лет на мотоцикл копил, а потом Союз развалился, деньги обесценились, вот хоть теперь от них польза...»

Доспехи Пал Палыча представляли собой искусно соединенные то ли проволокой, то ли шнурками паркетины Марат Андреевич соорудил длинный, до колен, панцирь из плотного линолеума Гигант Иевлев носил сооружение, чем-то напоминающее мушкетерский плащ, из одеревеневшей толстой кожи Сухарев облачился в брезентовую робу с часто нашитыми солдатскими звездчатыми пряжками, а Ларионов укрепил ворсистую шинель грубыми сапожными подошвами Оглоблин в миру работал дрессировщиком служебных собак и поэтому принес специальный защитный комбинезон, ватные рукава и штанины которого не прокусил бы и крокодил На Тане была войлочная куртка, сбитая до валеночной твердости. Маргарита Тихоновна надела короткую дубленку, сверху для прочности оклеенную толстой пеньковой веревкой

Колонтайские читатели все как один практически обрядились в хоккейное снаряжение, с перчатками, наколенниками и щитками на бедрах и голенищах, только шлемы у всех были вратарские, с белыми пластиковыми личинами.

Рядом с колонтайцами боевые наряды широнинцев напоминали беспорядочную экипировку зазеркальных Труляля и Траляля, с той разницей, что это зрелище вовсе не выглядело забавным

К нам подошел расхваленный накануне Гаршенин. Совсем не богатырского вида, носатый, худой и высокий, он очень смахивал на петуха Сходство усиливали длинные, острые, точно клювы, шипы, торчащие из его сапог спереди и сзади Такой же клювастой обувью обзавелись и некоторые его бойцы Вооружены добровольцы были косами, вилами на длинном древке, пожарными баграми, превратившимися в рогатины с длинным острием и крюком Многие имели маленькие деревянные или плетеные, как лапти, щиты.

Я с обреченным интересом наблюдал за всем этим, пока Маргарита Тихоновна не обратилась ко мне:

– Алексей, а что же вы до сих пор не одеты? Мы же выступаем с минуты на минуту!

Получалось, дядин мотоциклетный шлем и куски протектора – теперь я понимал их прямое назначение – остались в шкафу.

– Мальчишки, нет слов... Денис, ты же собирал Алексея?

– Я его спросил, он сказал, что собрался, я и подумал...

– Н-да, накладочка получилась... – Маргарита Тихоновна покачала головой. – Мы не можем выпустить Алексея в таком виде...

Я вздрогнул от нахлынувшей надежды:

– А может, я вас здесь подожду, а? – и запнулся

На лицах стоящих вокруг читателей промелькнуло удивление.

– Алексей, ты не переживай, – виновато сказал Луцис, – я отдам тебе свое...

– погоди, Денис, – вмешался Игорь Валерьевич. – Не налезет на Алексея твоя кольчужка. Маловата.

– Ой, ребята, с вами не соскучишься. Сейчас придумаем что-нибудь... – Маргарита Тихоновна подошла к нашим соседям. – Товарищи, миленькие, извините, у нас проблема, у Алексея Вязинцева ни оружия с собой, ни защитной одежды Выручайте...

Я слышал, заворчали колонтайские «хоккеисты» – мол, это же не баловство, разве можно забывать самые необходимые вещи, в первый раз, что ли, а Маргарита Тихоновна кротко отвечала: «Да, именно, в первый раз»

Колонтайцы нашли матерчатый строительный шлем с подкладкой, пахнущей кислятиной, и две холщовых сумки, внутрь которых вложили небольшие печные противни Ручки у сумок были довольно длинными, чтобы надевать эти простейшие латы через голову

Увидев противни, Вырин резко стянул обитую рублями куртку:

– Бери, Алексей, почти твой размер

Я отказывался, надеясь, что моя трусость хоть отчасти смахивает на благородство:

– Гриша, а сам как будешь? Тебе ведь нужнее!

Но неумолимый Вырин почти силой заставил меня облачиться в тяжелую броню, приговаривая:

– Я уже привык, обойдусь.

В плечах куртка оказалась чуть узковата, и натянувшиеся рукава едва прикрывали запястья, но в целом сидела нормально Тимофей Степанович пожертвовал свою ушанку. Луцис дал спортивные наколенники и пластиковые щитки для бедер, Мария Антоновна Возглякова – грубые кожаные перчатки, Иевлев прикрепил на мое левое предплечье сделанный из половинки трубы стальной нарукавник

В качестве оружия я получил дубину, утяжеленную ребристой насадкой, – кажется, это была какая-то деталь, возможно, шестеренка особо крупного механизма.

– Во здорово! – обрадовался моему виду Луцис. – Как Богдан Хмельницкий с булавой

Я напряг челюсти – в расслабленном состоянии зубы вдруг начали выбивать дробные костяные трели

– Маргарита Тихоновна, – осторожно спросил я, облизываясь от пересохшего на губах страха, – а откуда вы знаете, что против нас не выйдут люди с ружьями?!

– Исключается Строжайше запрещено.

– Кто запретил? Терешников?

– Задолго до него... Это правило, неписанный закон

– А вдруг обманут?

– Там наблюдатели, секунданты, следят, чтоб все честно было, – вмешался Луцис. – Не беспокойся.

– Вот сам подумай, – пробасил Иевлев, – у тебя пистолет, а у меня автомат – какая же это сатисфакция?

– Это уже тир! – пошутил Оглоблин.

– Но есть свои хитрости, – подытожил Сухарев. – Вот, к примеру, – он продемонстрировал подшипник размером с теннисный мяч. – В нем весу больше килограмма, если в голову попадет, мало не покажется.

– Может, я здесь вас подожду? – тихо пробормотал я, уставившись в землю. – Ну,

пожалуйста...

Сколько же времени уткло с того момента, а я до сих пор испытываю горчайший стыд за те сбивчивые трусливые слова...

Меня плотным кольцом окружали широнинцы В их сочувственных сердечных взглядах я не увидел и тени насмешки или осуждения Раньше так смотрели только родители, когда я, провинившийся дома или в школе, стоял перед ними и не каялся, осознавая, что всякая моя вина ничтожна в сравнении с той любовью и всепрощением, что испытывают ко мне эти люди

– Время... Алексей, командуйте! – сказала Маргарита Тихоновна.

– А что говорить? – беспомощно спросил я.

– Да все равно... «За мной!» или «Вперед, марш!»...

Я коротко оглядел выстроившийся в колонну отряд Сестры Возгляковы сжимали лопаты, отличающиеся необычайно длинной остро заточенной штыковой частью Мария Антоновна оперлась на древко мощного цепы с шипастой, похожей на кабачок, болванкой

Таня держала самодельную рапиру – до сияния заточенный мощный стальной прут с наваренной латунной гардой. Провоторов, Пал Палыч, Ларионов и Оглоблин положили на плечи длинные пики. Я сразу вспомнил эту праздничную стилизацию, ловко маскирующую оружие под узорный наконечник советского флага, со звездой или серпом и молотом внутри стального пера

Вырин поправлял перевязь с саперными лопатками, Иевлев сложил ладони на рукояти огромного кузнечного молота, Тимофей Степанович, как странник, закинул мешок-кистень за спину. Кручина проверял, легко ли ходит в ножнах штык. Сухарев поигрывал намотанной на кулак мощной цепью, к звеньям которой были подвешены три тяжелых амбарных замка

– Ну, давайте же, Алексей, – снова прошелестел голос Маргариты Тихоновны. – Все ждут вашего приказа

Я откашлялся и, собравшись с духом, сказал:

– Пойдемте, товарищи...

Мне вдруг показалось, что я шагнул в пропасть Горло захлебнулось холодной пустотой, и падающий, свистящий в ушах мир завертелся вокруг меня, а может, это внутри головы заколотил крыльями черный нетопырь паники.

Я не знал дороги, меня вели Луцис и Маргарита Тихоновна, а за нами двинулся наш отряд из тридцати пяти человек. Мы прошли сквозь кусты и густую тополиную посадку За ней сразу раскинулось бесконечное дикое поле и сиреневый горизонт. Среди тополей страх метался, как обезумевшая белка, с ветки на ветку, с дурного предчувствия на кошмарное прозрение На травяном просторе он взлетел и не нашел себе опоры

Тогда я услышал свои шаги и по-другому увидел сопровождающих меня людей, а сердце перестало биться – или я разучился его слышать и чувствовать Вдруг почудилось, что я и раньше неоднократно переживал это грозное спокойствие, только вместо схлынувшего страха меня тогда переполняла гордость за тех людей, что идут со мной, за их будущий ратный подвиг...

Вскоре впереди обозначился ощутимый уклон, и мы спустились на дно неглубокой котловины размером с половину футбольного поля. Наш отряд просто ушел под землю. Восходящие на несколько метров стены и высокий бурьян надежно скрыли нас

На склонах заняли места зрители – около двух сотен Отдельно расселись наблюдатели – человек десять, среди которых я узнал Терешникова, рядом с ними расположилась охрана.

Противник уже выстроил свой отряд в шашечном порядке. У большинства гореловских были массивные биты, отличающиеся от бейсбольных вкрученными шипами У некоторых на поясах висели одинаковые черенные мачете, явно фабричного импортного производства. Над строем возвышались копья с плоскими ножевыми наконечниками. Каждый боец был в армейском бронежилете древнего образца и каске, поэтому гореловские смотрелись точно пушкинские морские богатыри, которые «равны, как на подбор».

Едва мы закончили спуск, над котловиной длинной цепью растянулись люди с байдарочными веслами в руках Впрочем, стальные лопасти с поблескивающей кромкой заточки давали понять, что спортивный агрегат ловко преобразован в оружие. Словно в подтверждение, человек с веслом, видимо для разминки, совершил несколько стремительных гребков, расчлняя лопастями воздух Можно было догадаться, что произойдет с тем, кто попадет под удар такого весла...

– Помнишь, в Древнем Риме, ликторы, – шепнул Луцис. – Только у них секиры были, а не весла...

– Ликторы? – тревожно переспросил я, будто это имело значение.

– Или секунданты. Эти с веслами тоже наблюдают за порядком Они вмешиваются, если поединок пошел не по правилам.

Наш отряд растянулся двойной линией, разделенной на три группы. Посередине – широнинская читальня, на правом фланге десять колонтайских бойцов, слева – люди Буркина и Симонян. Особенно мне не понравилось, что я стою в первой шеренге Казалось, все взгляды прикованы к шкатулке с Книгой

– А что теперь? – тревожно спросил я стоящего рядом Луциса. – Скоро начнется?

– Когда все поймут, что готовы, – он, как зачарованный, смотрел прямо перед собой.

– Боишься? – неожиданно обратился с другого боку Пал Палыч. – Это потому что Книгу не прочел. У тебя же еще смысла жизни не появилось А без смысла всегда страшно...

Недавно я слышал от Маргариты Тихоновны похожую мысль, и вот ее на свой лад повторил и Пал Палыч

– Ты не бойся Гореловская читальня... – он чуть задумался над характеристикой врага, – вообще чепуха! Они же наемники, а этим все сказано. Пойми, тут нет особой боевой техники или приемчиков мудреных... Точнее, они есть, но это не главное. Изнанка важна, нутро, сердце...

– Вот дядя твой покойный герой был, каких мало, – сказал Тимофей Степанович Он скинул мешок с плеча, и обтянутый материей шар лежал у его сапога. – Значит, и ты герой Родство не пропьешь. Понял?

На травяную трибуну поднялся человек с Книгой в руках. Он чуть прокашлялся и звучно прочел:

– «Серебряный плес».

– О, как гуманно в этот раз, – я услышал саркастичный голос Маргариты Тихоновны.

– Видимо, специально для гореловской читальни. Подарок от Шульги

– Нервничает лагерник, – расслабленно заметил Луцис. – Не уверен что ли в своих, – он посмотрел на меня. – Присаживайся, Алексей, у нас теперь часа три в запасе, не меньше Будем слушать...

– Ну, и слава Богу, – перекрестился Марат Андреевич, – уже легче. – Он ободряюще подмигнул: – Книга Терпения Живем, Алексей.

– Что за Книга, зачем? – облегченно спросил я

– Нужно... – Тимофей Степанович выставил в сторону трибуны усиленное ладонью ухо.

Чтец точно сорвался с цепи и припустил дробной пономарской скороговоркой: «Апрель начался вихрями и морозами. А потом вдруг сдалась зима Еще несколько дней назад не видно было в поле ни клочка земли, торчали лишь вытявшие в сугробах кустики, как вдруг на южном склоне осенняя пахота показалась, а там грачи вышагивают Когда прилетели?»...

Слушал я невнимательно, больше погруженный в свои переживания. Торопящийся монотонный голос чтеца вначале раздражал, а затем убаюкал, точно перестук вагонных колес.

«Серебряный плес» был невнятным лирическим повествованием По тексту, из весны в осень двигались две сомнамбулические фигуры: лесовод, влюбленный в природу, и его маленький сын, перед которым постепенно открывались поэтические красоты родного края На пути отца и сына встречались различные люди, простые советские труженики, и у каждого была своя история для мальчика. Кульминацией повести была долгая занудная сцена, когда дети помогали старшим метать стог: как подвозили копны, укладывали их, вывершивали, правили граблями, прижимали жердинами...

Чтец закрыл Книгу, и я вдруг увидел, что ночь сделалась светлой, с молочного цвета луной и белыми, похожими на шрамы, звездами

Наши поднимались. Тимофей Степанович украдкой кольнул шилом дряблую кисть, удовлетворенно кивнул, слизнув выступившую каплю крови

Маргарита Тихоновна потянула меня за рукав:

– Алексей... Все вперед побегут, а вы на месте стойте. О вас помнят, и если что – в беде не оставят. Вон, – она оглянулась, выбирая, – Аннушка вас посторожит, с ней не страшно... – Она поманила ее рукой. – Анюта, последишь за Алексеем? Хорошо?

Анна Возглякова прикрыла меня мощным плечом, и я почувствовал себя несколько уверенней.

Тем временем Маргарита Тихоновна уже на левом фланге совещалась с симоняновским Гаршениным, тот соглашался, поглаживая окованное железными полосами косовище

– Алексей, – зашептал мне на ухо травматолог Дежнев, – то, что Маргарита Тихоновна сказала, это все правильно... – он замаялся. – Но вдруг ситуация сложится не так, то, ради Бога, не стойте засвотанным, а двигайтесь, увертывайтесь... Если бьете – не следите за ударом. Попали, не попали – не важно. Главное: постоянное движение... – он вытащил шашку. – Я постараюсь не выпускать вас из виду

Анна, сжимая в грубых толстых пальцах черенок лопаты, вдруг обратилась ко мне:

– Я спросить хотела, – голос у нее оказался очень низкий и густой, – вы же в институте учились, да? Был у вас такой предмет – психология? Был? О! Объясните мне ситуацию Давно еще, классе в пятом, я посадила березку в школьном саду. И

вдруг одному мальчишке понадобился прут – мож, в лошадь играть Ну он и стал отламывать его от моей березы, а она сама еще как прутик, тонкая, почти всю выломал Я кричу ему: «А ну, не трожь!», – а он мне: «Подумаешь, одна веточка, ничего не случится с твоей березой» Я ему: «А если каждый будет отламывать по веточке, что тогда?» Мальчишка вдруг заплакал и убежал... – Анна наморщила лоб, и пальцы ее сильнее охватили черенок. – Вот чего он заплакал, а? Я же не обидела его, не ударила. Может, вы знаете? – Она внимательно уставилась на меня, поправляя платок

В прошлой жизни я наверняка бы осмел в душе это простодушие, а наружу выдал бы что-нибудь гнусно-снисходительное: «Мне бы, милая, да твои проблемы...»

Я-то понимал, почему Анна завела рассказ о поломанной березке. Ее по-своему впечатлила прочитанная Книга Терпения с бесконечными описаниями природы Анна хотела лишь поговорить о высоком, а выше Громова не было ничего. История о березке показалась ей вполне достойным пропуском в те заоблачные сферы, где, вероятно, подобные мне умники философствуют о чем-то благородном и возвышенном.

Пока я подбирал деликатные слова: «Я плохо учил психологию», – все началось

САТИСФАКЦИЯ

Расстояние между нами и гореловской читальней неумолимо сокращалось Если бы враги кричали какое-нибудь «ура», это выглядело бы не так страшно Но они бежали молча, в грохочущей сапогами, шумно дышащей тишине. Луцис, Сухарев, Вырин, Ларионов, Оглоблин и Провоторов швырнули в нападавших тяжелые подшиппники Стальные шары достигли цели, некоторые бойцы гореловской читальни, точно поскользнувшись на мокром полу, упали, опрокинутые прямым попаданием

Наша сторона устремилась вперед Я благоразумно остался в одиночестве и, быстро пятясь, отдалился подальше от битвы

Отряды схлестнулись. Команда Гаршенина, опередив остальных, нанизала подбегающий ряд на свои косы и трезубцы Кое-кто сразу напоролся на железо. Я увидел, как из пронзенного горла брызнул длинный веер крови Фронтальный бросок гореловских бойцов приняли широнинцы С флангов ударили добровольцы Буркина и колонтайцы, вооруженные шахтерскими кайлами – над толпой взлетели жуткие стальные клювы и воткнулись в человеческую породу

Людская масса забурилась, смешалась Казалось, после приглашения на танцы все ринулись искать себе пару, чтобы начать замысловатое кружение, те же, кому не нашлось партнера, точно исполнились гневом и начали яростно разбивать чужие пары.

Ползущего на четвереньках оглушенного подшиппником гореловца страшным ударом цепы прибила к земле Мария Антоновна Возглякова, словно не замечая, что ее тычут ножом в бок и узкое лезвие на всю длину погружается в ватник.

Изогнулся в быстром выпаде Игорь Валерьевич, метя штыком противнику в незащитный низ живота. Лопата Вероники Возгляковой рассекла лицо наседавшему гореловцу

Тимофей Степанович, несмотря на возраст, успешно отбивался сразу от трех врагов Присел, взмахом гантельного кистеня раздробил нападавшему колено, а тут и помощь подоспела – Луцис и Ларионов

Выскочил из толпы Саша Сухарев, его преследовал озверевший гореловец Правая кисть Сухарева превратилась в обмякшую тряпку, он отбежал на несколько шагов, достал подшиппник, метнул левой рукой, промахнулся, выхватил длинную отвертку. Соперники сцепились, упали...

С глухим хрустом впечаталась бита в незащищенную спину Гриши Вырина, но и подкравшийся исподтишка гореловец прожил лишь до момента, пока не сверкнула шашка Марата Андреевича

Пробежал Вадик Провоторов с топором, кинулся на гореловца, вооруженного мачете. Мельтешащие спины скрыли их.

Сокрушающим шипастым ударом в лицо свалили Пал Палыча Ларионов, подобрав саперную лопатку, самозабвенно крошил поверженного врага, пока ему в спину по рукою не вогнали нож.

Звонкий молот Иевлева подбросил в воздух обломки каски и розовые комья, похожие на разваренную свеклу

Доброволец Буркина уселся в траву и начал деловито перетягивать обрубок руки, брызжащий кровью, как гильотинированная курица

Гаршенин судорожно тянул косовище, но длинный черненький клинок слишком глубоко увяз в умершем теле. Гаршенин бил труп сапогом, острая шпора вязла и не помогала освободиться. Кто-то уронил биту ему на руки, ломая кости вместе с косовищем, но Светлана Возглякова точным штыковым уколом прямо под воротник уложила гореловца.

Оставил схватку и, заплетаясь, пошел ко мне, словно за помощью, колонтайский хоккеист, рухнул на колени, выронив кайло. Из глазных прорезей белой вратарской личины текла густая медленная кровь. Подбежавший гореловский боец проткнул уже мертвеца, развернулся и напоролся на быструю рапиру Тани Мирошниковой.

Луцис покончил с упавшим противником, оглянулся в поиске нового и прозевал нападение – бита звонко ударила о пластик шлема. Падая, Денис удачно отмахнулся топором, рассекая врагу челюсть. Оглоблин с разбегу нанизал того на вилы и двинулся наступающим пехотным шагом, а наколотый, как в танце, едва успевал переступать...

Если бы мне сказали, что бой длится не больше трех минут, я бы не поверил.

Вдруг я увидел библиотекаря гореловских – Марченко. Я узнал его по родимому пятну воспаленного малинового цвета. Самое страшное было то, что мчался Марченко прямо на меня. Он был без каски, разрубленная верхняя губа подпрыгивала в такт бегу.

Марченко запоздало заметили и наши. Приставленная меня охранять Анна черенком отбросила наседающего гореловца, но кто-то из недобитых схватил ее за ногу, и Анна во весь рост растянулась на вытоптанной траве. Марат Андреевич резкими взмахами шашки, точно нахлестывал коня, проложил себе дорогу через располовиненное тело гореловца, но было ясно, что он не успевает.

Я побежал ко склону. На миг обернувшись, увидел – Тимофей Степанович метнул свой мешок Кистень, похожий на комету, ударил Марченко в спину, свалил Марченко рыкнул и на четвереньках пополз, медленно разгибаясь, – на антропологических пособиях так в нескольких фазах изображали превращение обезьяны в прямоходящего сапиенса.

Я рванул по склону вверх, споткнулся, выронил шестопер и услышал отчетливый крик Луциса: «Алексей, назад!» – над моей головой, как пропеллер прогудело весло секунданта.

Я скатился вниз, стоя на коленях, стащил цепь с Книгой. Первой мыслью было отшвырнуть эту неудобную вещь в сторону, чтобы отвлечь Марченко. Но только я глянул в его налитые кровью глаза, на трепыхавшуюся бульдожьей губой, понял – пощады не будет.

А цепь так удобно легла в ладонь. Тогда появилась вторая мысль Я, как пращу, раскрутил Книгу и обрушил на голову Марченко Стальной футляр воткнулся прямо в основание затылка Неприятно хрустнул разбитый позвонок Марченко уже не полз, а, свалившись на бок, перебирал ногами, словно крутил невидимые педали.

– Сатисфакция окончена! – громко и властно произнес какой-то человек, лет сорока на вид, невысокий и щуплый, с отвратительно изувеченным лицом.

Маргарита Тихоновна сняла каску. Одно стекло очков было разбито, щеку залила кровь Задыхающимся голосом Маргарита Тихоновна сказала:

– Товарищ Ковров, не мешайте вершиться справедливости!

Там, в метрах в пятидесяти от меня, в схватке тоже расставлялись последние точки. Колонтайские бойцы дружно осадили одинокого гореловца Возгляковы ритмично вздымали лопаты и втыкали в копошащиеся тела. Тимофей Степанович ползал и добивал подранков шилом. Оглоблин и Дежнев загнали одинокого противника на склон, беглец отбивался и пятился, пока не угодил под весло, рухнул и повис на подставленной пике

Ковров повернулся к хмурому Терешникову, тот пожал плечами и громко сказал:

– Именем Совета поединок окончен!

Таня скинула помятую маску, на скуле красовался здоровенный кровоподтек. Луцис, точно пес, мотал головой, в надежде вытряхнуть контузию. Иевлев зажимал ладонью рану на правом предплечье Марат Андреевич вытирал лопухом лезвие шашки Маргарита Тихоновна, широко улыбаясь мне, сморгнула иссеченным веком натекащую под разбитым стеклом кровь...

И тогда меня стошнило в траву едкой, как кислота, желчью

Недавние зрители оставили склоны и помогали сортировать искалеченные трупы

Оглоблин и Тимофей Степанович положили на траву мертвого Пал Палыча с раздробленным, словно по нему проехали гусеницы танка, лицом. Игорь Валерьевич тащил бездыханного, с ножом в спине, Ларионова. Погиб Вадик Провоторов Я даже не увидел, когда это случилось Его вынесли с распоротым горлом, из которого проглядывали фиолетовые дыхательные внутренности Умерла от ножевых ран Мария Антоновна Возглякова Гриша Вырин лежал без сознания Осмотревший его Марат Андреевич сказал, что вроде позвоночник не поврежден Я понимал, в случившемся с Выриным есть доля и моей вины Если бы не я, верные советские рубли защитили бы Гришину спину.

Наши союзники также понесли серьезные потери Трех бойцов лишились колонтайцы, из шести добровольцев Симонян оставались двое, и лишь один доброволец Буркина пережил битву

Гореловская читальня сократилась до пяти человек Эти выжившие сгрудились окровавленной кучкой Остальные три с лишним десятка, включая библиотекаря Марченко, нашли смерть на месте сатисфакции

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вначале я долго и безразлично вытирал о траву железный угол шкатулки Прежний страх куда-то подевался, вместо него навалилось отмороженное ненатуральное спокойствие, граничащее с крайней усталостью

Над полем стелился тяжелый дегтярный запах мази Вишневского – Марат Андреевич и

Таня оказывали первую помощь раненым

Маргарите Тихоновне осторожно промывали разбитый глаз, вынимали из брови осколки стекла, она же пылко говорила мне: «Алексей, горжусь вами, вы настоящий герой! – и кровь, мешаясь с перекисью, пузырилась на ее щеке. – Как теперь не поверить в высшую справедливость? То, что именно вы сокрушили Марченко – это знак, я счастлива, что не ошибалась!» – и эти слова оседали в моей голове холодным, витиеватым, точно иней, узором

Сухареву на раздробленную кисть наложили повязку с паркетинами от доспехов убитого Пал Палыча Саша во время этой процедуры то и дело восклицал: «Совсем боли не чувствую!» – но мне казалось, что он просто находится в шоке

Действительно, я не услышал ни одного стога и вообще звука, связанного с телесной мукой Марат Андреевич только приговаривал, что под Книгой Терпения можно вырезать аппендикс, и торопливо накладывал швы

Тимофей Степанович йодом обрабатывал товарищам неглубокие порезы, Николай Тарасович Иевлев мрачно высасывал кровь из рассеченной руки и прикладывал сверху подорожник.

Без единой слезы склонились над телом матери сестры Возгляковы – Светлана и Вероника, старшая Анна с окаменевшим лицом зашивала на плече Гаршенина глубокую рваную дыру, неподалеку ждал очереди колонтайский боец, зажимая сочащуюся рану тряпкой.

К нам двинулись четверо наблюдателей и с ними уродливый Ковров. Хромал он на обе ноги, но шел без помощи костылей. Разговор велся с Маргаритой Тихоновной Свежая белая повязка на ее глазу уже подтекла изнутри кровью, голос Маргариты Тихоновны чуть дрожал, но был исполнен достоинства. Из скупых замечаний Коврова я понял, что наш долг перед гореловской читальней аннулирован.

Потом наблюдатели заговорили об утилизации Суть процедуры, как мне позже разъяснил Луцис, заключалась в следующем. Победители имели право просить для своих погибших имитации любой бытовой смерти – автомобильное крушение, несчастный случай на стройке, пожар, самоубийство, но так, чтобы у врачей и милиции не возникло подозрений. Эта выгода предусматривала возможность устроить павшим нормальные похороны.

Трупам проигравшей стороны полагалось либо бесследно исчезнуть, либо вылежать до полного разложения, пока они полностью не лишатся страшных примет сражения Тогда, по желанию близких, если таковые имеют отношение к миру Громова, останки могли по наводке обнаружиться официальным миром. До этого читатели считались без вести пропавшими

Библиотека Шульги брала на себя хлопотное обязательство по утилизации, разумеется, не даром, а в обмен на Книгу гореловской читальни.

– Что ж, еще раз поздравляю с победой, – сказал Ковров

– Старая закалка, Тимур Геннадьевич, – грустно приосанился Тимофей Степанович. – Новичков-то у нас мало, почитай с невербинской битвы лямку тянем.

– Да, Марченко был неопытен, не учел, что с вами опасно связываться, – согласился Ковров. – Серьезно воюете... – он с хрустом зевнул. – Теперь по поводу этой засады на предполагаемых убийц библиотекаря Вязинцева и исчезнувшего читателя Шапиро... В зависимости от последствий Совет вынесет отдельное решение и тогда же определится буква взыскания. Это еще, думаю, не скоро, занимайтесь своими делами, вас уведомят

Ковров величаво похромал прочь. Но через несколько шагов он обернулся, встретился со мной взглядом, шутливо погрозил пальцем и произнес:

– Больше не убегай!

Разумеется, мне не понравился этот жест и глумливый тон, но конечный смысл всего настиг меня позже, спустя несколько часов в нашем «рафе» по дороге домой

События запомнились мутно, словно я наблюдал за ними сквозь полиэтиленовый кулек. Наблюдатели унесли наших мертвых товарищей. Мы же погрузили лежащих раненых в автобус – остальные дошли сами – и развезли по больницам, сопроводив необходимыми легендами, объясняющими все эти переломы, порезы, ушибы, сломанные носы и выбитые зубы

Доброволец от Буркина, один колонтаец и Гриша Вырин сразу попали на операционный стол. У тех были тяжелые черепно-мозговые травмы, у Вырина – позвоночник. Луцис вроде отделался легким сотрясением мозга. Там же, в травматологическом отделении, остался и Сухарев с довольно сложным переломом руки, и Анна Возглякова с трещиной в ключице.

Маргарита Тихоновна категорически отказалась от врачей, заявив, что рана ее хоть и выглядит плохо, но в сути пустячная. Спорить с ней не представлялось возможным.

Я спросил, как же сообщить родственникам Пал Палыча, Ларионова и Провоторова о смерти близких. Ответ Маргариты Тихоновны пролил свет на контингент читален – семейные там были скорее исключением, чем правилом. Пал Палыч и Ларионов жили холостяками, Провоторов вырос без родителей, его воспитала бабушка, которая давно умерла. Получалось, горевать о погибших было некому, кроме своих читателей.

Колонтайские товарищи собирались возвращаться, и мы пересели из автобуса в наш «раф», еще раз поблагодарив за помощь. Говорила Маргарита Тихоновна, а мы в такт кивали. Их старший хмуро ответил: «Долг платежом красен».

Лица Вероники и Светланы были спокойными, и, я бы сказал, одухотворенными. Я думал сказать им слова утешения, но не нашел подходящих. Возгляковы простились с нами и уехали на мотоцикле сразу после колонтайцев.

Бодрился носатый Гаршенин, глядя на свежие гипсовые культы, и часто повторял: «На мне заживет, как на собаке...»

Его временно поселили на квартире у Маргариты Тихоновны. Затем мы развезли по домам Иевлева и Кручину и уже шестером поехали ко мне.

Тянулся прежний разговор. Марат Андреевич утверждал:

– Не исключено, что мы пару-тройку шульгинских орлов кокнули.

– Точно! – соглашался Тимофей Степанович. – Там весьма настырные ребята попадались, крепко рубились. Наверняка, Ковров остановил сатисфакцию, потому что только его бойцы и остались.

– А это означает лишь одно, – заключил Марат Андреевич, – мы нажили себе серьезных врагов...

Я переживал, что широнинцы косвенно винят меня в ранении Вырина. Жаркие слова Маргариты Тихоновны показали, насколько я ошибался: «Алексей, даже не думайте об этом! Как вам вообще подобное в голову пришло!»

Меня долго наперебой расхваливали, хотя, я думаю, все прекрасно понимали, что мой «подвиг» обусловлен не храбростью, а случаем.

– Я так за вас испугалась, – взволнованно говорила Маргарита Тихоновна, – когда увидела, что этот Марченко к вам прорвался... У меня сердце обмерло, я бы не пережила, если бы с вами что-то случилось!

– Еще чего! – отвечал ей Оглоблин. – Алексей-то у нас герой! Вон как звезданул Книгой!

– Да, он – настоящий молодец, – подхватила и Таня

– Я же говорил, родство не пропьешь! – радостно восклицал Тимофей Степанович

– Хорошо, что все обошлось и вы не растерялись, – кивал Марат Андреевич

Потом восторги утихли, мы ехали молча. Начался пасмурный понедельник, на лобовое стекло сеял редкий дождь, и скрипучие «дворники», похожие на сдвоенный метроном, размазывали капли

И вот тогда совсем по-другому вспомнился неотвратимый, словно маятник, палец наблюдателя Коврова. Я с неожиданно нахлынувшим отчаянием осознал, что именно этот мерно кивающий палец и был самым страшным из произошедшего со мной за последние дни. С него начинался новый ритм иного мира, из которого, по всей видимости, выскочить можно было только в мир потусторонний, причем через весьма болезненные двери. За ночь из свидетеля я превратился в полноправного соучастника бойни. Меня повязали кровью. И за нее в свое время еще будет предъявлен счет «Никуда не убежишь» – вот о чем предупреждал, на что указывал тот палец...

За моей спиной вдруг тихонько заплакала Таня Мирошникова. Шумно высморкался Тимофей Степанович, тяжело вздохнул Федор Оглоблин, потерявший друга и тезку «наоборот» – Ларионова. Украдкой поднесла платок к единственному глазу Маргарита Тихоновна.

Марат Андреевич потер ладонями виски, подняв дыбом волосы:

– Действие Терпения кончилось, – с горькой улыбкой пояснил он. – Наступили живые человеческие эмоции. Ничего не поделаешь, будем горевать...

Слава Богу, никто не догадывался, что я скорблю о себе, а не о погибших.

ДОМА

Вечером состоялась очередная неприятная беседа с Маргаритой Тихоновной. Под конец я снова взвинтил себя до орущего шепота. Нервы у меня за минувшие сутки сдали. Полдня я раз за разом прогонял в памяти минувшие события, отполировав их до идеально круглого состояния ужаса. Весь жуткий враждебный мир отражался только в этой выпуклой искаженной перспективе.

Я все просил отпустить меня, Маргарита Тихоновна терпеливо напоминала о нашей прежней договоренности, из которой я не выполнил половину – Книга Памяти осталась не прочитанной.

Я доказывал, что никакая Книга не изменит моего решения. Маргарита Тихоновна кротко улыбалась, заверяя, что сама судьба выбрала меня библиотекарем.

– Маргарита Тихоновна, я ведь совсем не готов заменить вам дядю Максима. Я самый обыкновенный человек, не отличающийся ни особой силой, ни отвагой. У вас сложившийся коллектив, выберите сами нового библиотекаря... – Я зывал к логике, льстил: – А почему бы вам, Маргарита Тихоновна, не взять широнинскую читальню в свои руки? Вы – превосходный руководитель, вас уважают. Вы – самый подходящий кандидат на дядину должность, – сбивчиво уговаривал я, потирая липкие ладони. – Если бы дядя Максим мог высказать свое мнение, он наверняка предпочел бы вас

– Не получится, мой мальчик. Я скоро умру... – развеяла мои надежды Маргарита Тихоновна. – Рак груди, и не делай так неумело сочувственное лицо. У меня в запасе полгода, от силы год Самые оптимистические прогнозы...

Я хотел было сказать, пусть она становится библиотекарем на полгода, а потом широнинцы сами выберут другого, того же литейщика Кручину или травматолога Дежнева, но мне вдруг показалось, что это прозвучит слишком цинично. Я промолчал и тоскливо уставился в окно, глядя на тянущуюся белую царапину, точно когтем оставленную в небе самолетом

– Широнинская читальня – это моя боль, – продолжала между тем Маргарита Тихоновна. – Пока жил Максим Данилович, проблемы не существовало. Со мной тоже все было ясно, я бы до конца служила читальне, а когда пришел бы срок, ушла... Мне очень хотелось найти достойную замену. Что-то мне подсказало, что ты будешь настоящим библиотекарем, таким, как твой дядя. Давай, вначале ты прочтешь Книгу...

Покружив вокруг да около, мы возвращались на исходные позиции. Маргарита Тихоновна пресекла мое нытье, сказав, что в данный момент путешествие на Украину небезопасно, многие силы заинтересованы поквитаться за гореловского Марченко, и во всех случаях будет лучше, если я останусь здесь под охраной наших читателей.

Она определенно знала, на какую болевую точку надавить. Я сразу затих, вспомнив, что это не просто мифический библиотекарь, но и убийца

– Я вообще бы не рекомендовала вам покидать пределы квартиры, – безжалостно, на «вы» закончила Маргарита Тихоновна, причем в полный голос, чтобы слышали все.

Из кухни в гостиную подтянулись читатели – Таня, Федор Оглоблин, Марат Андреевич и Тимофей Степанович.

– И даже в магазин нельзя? – осторожно уточнил я

– Конечно, – подтвердила Маргарита Тихоновна. – Тем более, читальня наша ослаблена. Да и нам, честно говоря, будет намного проще и спокойнее, если вы будете дома, при Книге

– А сколько это будет длиться?

Маргарита Тихоновна пожала плечами:

– Недели три. Может, месяц. У вас круглосуточно будет кто-нибудь дежурить, но для походов на улицу одного охранника мало. Желательно, чтобы вас сопровождали как минимум трое

– Алексей Владимирович, не пойму, зачем вам куда-нибудь выходить? – спросила вдруг Таня. – Мы сами все необходимое купим, я вам поесть приготовлю... Я хорошо готовлю. И в квартире приберу!

– О деньгах не беспокойтесь! – добавила Маргарита Тихоновна. – Мы берем на себя ваши финансовые проблемы

Эти слова встретили поддержку:

– Уж как водится, – говорил Тимофей Степанович, – что-то, а своего библиотекаря прокормим! За это, Алексей, можешь не переживать!

– Черную икру на каждый день не гарантируем, но вполне достойный уровень потянем, – обещал Оглоблин

Маргарита Тихоновна была довольна всеобщим энтузиазмом:

– Правда, Алексей, вам самому будет удобнее, и девочки наши, когда надо придут, накормят и уберут.

Похоже, мне уготовили бессрочный домашний арест с полным пансионом.

В коридоре я наудачу проверил телефон и вдруг услышал долгожданный гудок, от которого затрепетало сердце, хотя звонить в милицию было поздно.

– Подключили? – спросила Маргарита Тихоновна. – Ну и отлично! Я уже думала, останемся здесь цыганским табором охранять вас, а раз телефон заработал, то на сегодня хватит и Тимофея Степановича. Дверь тут надежная, хоть из пушки пали. Я не верю в возможность штурма, но предосторожность не помешает. Давайте я вам наши номера запишу. Не дай Бог что – мы через десять минут у вас, – она усмехнулась, – отобьем от любого супостата...

Я видел, широнинцы, несмотря на скорбь, всякий раз пытаются ободрить меня.

– Ну, Маргарита Тихоновна... тоже скажете, – потянул Тимофей Степанович. – Алексей показал, на что способен. Мы с ним на пару кого хочешь уделаем, без всякой помощи. Да, Алексей?! Верно? Уделаем? Ну, отвечай!

– Да, Тимофей Степанович, – с неохотой поддержал я эту бравладу.

Все засобирались. Сердечность, с которой прощались со мной широнинцы, потрясла меня и ужаснула, хоть я и пытался не подавать вида. Было ясно – я действительно нужен этим людям.

ТИМОФЕЙ СТЕПАНОВИЧ

Мы остались вдвоем. Какое-то время сидели на кухне и пили чай. Старик довольно неловко, так что вопрос исчерпывался одним-двумя словами, расспрашивал о моей жизни, в томительных паузах одобрительно кивал большой и лохматой, точно у кавказской овчарки, головой.

– В школе хорошо учился?

– Нормально...

– А в институте?

– Тоже нормально.

– На инженера?

– Да...

– Хорошая специальность... А дядю ты любил?

– Любил...

Густые сизые кудри Тимофея Степановича взмокли и свалялись. Лоб покрылся потным блеском, так же как и нос в сиреневых прожилках, крупный и пористый. На небритых щеках соляными кристалликами топорщилась седая щетина.

На вид Тимофей Степанович был еще крепок, но в плечах уже пробивалась костлявая старческая худоба. В моменты задумчивости он языком гонял во рту вставной мост и ловко возвращал его нижней губой на место.

Напившись и оставив чашку, он сидел, сцепив жилистые кисти с желтыми, как сырные корки, ногтями, и смотрел прямо глазами, полными бесцветной голубизны.

Я понял, моя первая специальность инженера ему понравилась, а вторая – режиссер – вызвала скорее недоумение, которое он поспешил компенсировать, упомянув мою доблесть в поединке с библиотекарем гореловской читальни

– Страшно было? – вдруг спросил он. – Я вот хорошо помню первый настоящий страх В апреле сорок четвертого, мне тогда семнадцать только исполнилось, первую неделю на фронте...

Я приготовился к поучительной военной истории, но Тимофей Степанович неожиданно, минут на пять, замолчал, словно ушел вместе со своей историей под воду, потом вдруг вынырнул со словами:

– А после войны в депо механиком работал, женился, двоих сыновей вырастил, разъехались они, давно вестей не было. Обоим-то под пятьдесят, сами небось скоро дедами станут Жена умерла пятнадцать лет назад Почки у нее больные были...

Он вздохнул, помусолил какую-то мысль обветренными, точно в мозолях, губами:

– Тяжело мне что-то, Алексей, выдай-ка ты мне Книгу, пойду хоть почитаю...

Книга Памяти, уже извлеченная из стального футляра, лежала на дядином письменном столе, и Тимофей Степанович сам мог взять ее – видимо тут начинались мои обязанности библиотекаря. Я сходил в комнату и принес ему Книгу. Старик с благоговением принял ее в свою ладонь, чуть поклонился, как бы прощаясь и благодаря одновременно, и удалился в дядину спальню, прикрыв за собой дверь. Вскоре оттуда донеслось его приглушенное бормотанье.

Как большинство читателей, за исключением семьи Возгляковых, Тимофей Степанович был одинок. Родом он был из Свердловска. В громовский мир попал восемь лет назад, по знакомству. Человек, работавший с ним в депо, состоял в читальне, он и поручился за Тимофея Степановича. Старик подходил по всем параметрам – вдовец, герой войны, мужественный и простой человек Первая его читальня распалась из-за похищенной Книги незадолго до невербинской битвы, почти все читатели погибли. Сам Тимофей Степанович тоже принимал участие в том знаменательном сражении – был в ополчении. Когда из прежних читален во множестве образовывались новые, Тимофея Степановича пригнали широнинцы...

Старик читал Книгу, я же был предоставлен самому себе. Тогда мне казалось, что я переживаю самые страшные времена. Сделалась постылой квартира, все в ней олицетворяло тоску, несвободу и страх Гадок был гобелен с олимпийским мишкой, отвратителен вишневым сервант с зеркальным, множащим бокалы и тарелки, нутром, ненавистны проигрыватель, пластинки Некуда было бежать, и просить о помощи тоже было некого.

Я вышел на балкон От взгляда на хозяйский тлен – доисторические банки и клеенки, разошедшийся табурет, шкафчик без дверок – хотелось завывать, посыпая голову пеплом и окостеневшими окурками из прожженной пепельницы Из моего заточения я смотрел на унылый от дождя, облезлый пейзаж – далекие вымокшие высоты, мусорный перелесок

Я допил остатки коньяка, но не захмелел Включил на кухне телевизор, негромко, чтобы не помешать Тимофею Степановичу. Показывали «Балладу о солдате», и под черно-белые кадры я совсем расклеился.

Когда стемнело, в спальне бормотание сменили долгие захлебывающиеся хрипы. Первая мысль была, что старик умирает Он полулежал на кровати, подложив под спину подушку, уронив на плечо голову. Лицо его было каким-то мягким и

бескостным, словно подтаявшим Нижняя челюсть безвольно отвисла Дышал он резко, тяжело и судорожно, производя эти умирающие страшные звуки Под веками ходили ходуном глаза, как если бы Тимофей Степанович дико вращал ими. Я уже хотел вызвать «скорую», но прежде я увидел зубной мост, лежащий рядом с Книгой Этот маленький, желтоватый, в слюне протез почему-то успокоил меня Тимофей Степанович предусмотрительно вынул его. Что-то подсказывало, что старик все-таки переживает не сердечный припадок Постепенно хрипы стали глуше и сменились нормальным дыханием Глаза тоже унялись, и из-под век просочилось несколько бледных слезинок Тимофей Степанович втянул воздух носом, заворочался Чтобы не смущать его, я поспешил покинуть комнату.

После чтения Тимофей Степанович долго умывался, и лишь потом зашел ко мне в гостиную. Сложно описать перемену, произошедшую с ним. Странная эмоция, совсем не похожая на счастье или удовлетворение, осветила его лицо. В этом мимическом сиянии была смесь неброского, светлого восторга и гордой надежды. Нечто подобное умели изображать актеры в старых советских фильмах, когда смотрели в индустриальную даль

– Есть смысл, Алексей! – он сверкнул зрачками. – И гибель не напрасна!

Мне его слова показались безумными

– Может, приляжете, Тимофей Степанович? – спросил я

– Какое там, – он возбужденно потер ладони, – я теперь всю ночь спать не буду. А ты отдыхай! Набирайся сил...

Он действительно до утра не сомкнул глаз, лил на кухне воду, звенел чашками, ходил по коридору, напевая: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака...»

Рассветная дрема искажала слова, я навязчиво прислушивался, не понимая, откуда в песне взялось «пламя душистое», которое я бессильно рифмовал с «полотенце пушистое», и накрывался подушкой.

– «Пламя души своей, – тянул Тимофей Степанович, – знамя страны своей мы пронесем через миры и века...»

А утром в дверь позвонили Пришли Таня и Марат Андреевич. Исполняя данное вчера обещание, они накупили еды Таня расторопно выгружала сумки Что-то приглушенно говорил Марат Андреевич, а старик оживленно приветствовал каждый лежащий на стол продукт по имени: «кура», «колбаса», «лук», «картошка», «огурчики», «сметанка» – так, что я, еще не вставая, ознакомился с содержимым холодильника. Тимофей Степанович громко одобрил всю снедь, простился, оставив меня на Таню Мирошникову Марат Андреевич заскочил только на десять минут, чтобы помочь с сумками Потом он убегал в клинику.

На балконе отчаянно звенели воробьи Между шторами синели яркие проблески неба Я и раньше замечал, что на солнечном свету во мне начинаются целительные процессы, и вечерняя депрессия, подвергшаяся фотосинтезу, частично улетучилась. Где-то у соседей плеснуло радостным баритоном радио: «А-а-а-а-а от меня сбежала последняя электричка, и я па шпалам, а-а-а-а-а па шпалам иду-у-у-у...».

Я поднялся с дивана, с третьей попытки влез в штаны На кухне Марат Андреевич, сидя за столом, листал «Аргументы и Факты» Таня, бросив обескровленную курицу на плоскую деревянную плаху, уже подступалась к тушке с ножом.

– Проснулись, Алексей Владимирович! – Таня старательно улыбнулась Выглядела она измученной и постаревшей. На щеке у нее лиловел тщательно запудренный отек.

– Надеюсь, это не мы вас разбудили, – Марат Андреевич отложил газету. – Как самочувствие, Алексей?

– До сих пор позавчерашнее в голове не укладывается... – хмуро сообщил я.

Таня на миг замерла, дрогнула плечами, всхлипнула и быстро поднесла к глазам руку, в попытке удержать набежавшие слезы. На миг ей показалось, что она справилась с эмоциями. Таня снова склонилась над разделочной доской, но, покачав головой, извинилась и быстро вышла из кухни. В ванной зашумел водой умывальник.

Мне сделалось неловко, что моя малодушная привычка открыто сообщать о своих проблемах довела до слез Таню. В конце концов, это она и остальные широнинцы лишились четырех близких им людей.

Таня вернулась, промытые глаза были розовыми от недавних слез. Вода смыла пудру, и ушиб на скуле окрасился сливовой синевой.

Я еще не понимал, как исправить ошибку, и сказал, чтобы не молчать:

– Таня, не называйте меня, пожалуйста, по отчеству. И на «вы» тоже совершенно не обязательно. Просто – Алексей, или Леша...

– Тут я с вами не согласен, – деликатно вмешался Марат Андреевич. – Субординация, она очень предохраняет отношения и на качество дружбы совершенно не влияет. Обращение на «вы» – не дистанция, а бережное отношение к собеседнику, если хотите, резиновые перчатки – чтобы не занести инфекцию в дружбу... Вы не согласны?

– Целую философию развели, Марат Андреевич, – Таня, забыв о слезах, шутливо нахмурилась. – Давайте, и вашим, и нашим. Алексей... вы как больше куру любите: «табака» или...

– Таня, вы знаете, я ненавижу курицу.

Она явно расстроилась:

– Не любите? – и беспомощно глянула на Марата Андреевича, словно искала у него поддержки. – Почему? Это же вкусно...

– Тошнит от одного запаха...

Таня жалобно взмолилась:

– А я так приготавливаю, что курицей пахнуть не будет. С чесноком замариную!

– Алексей, вообразите, что это не курица, а, скажем, голова жирафа, – пришел на помощь Тане Марат Андреевич. – Экзотическая африканская говядина. Видите, тут рожки, рот... Смотрите, как похоже...

Таня рассмеялась, и я вслед за Маратом Андреевичем тоже улыбнулся – впервые за три дня.

Уже спустя несколько месяцев я поделился этими трогательными воспоминаниями с Луцисом, сказав, что тогдашнее мое состояние напоминало мне мотивы культа Тескатлипоки, когда жертва, избранная жрецами как земное воплощение бога, окружалась царскими почестями, а потом обрекалась на заклятие.

Денис воспринял это заявление серьезно и даже чуть обиделся за себя в том времени и за широнинцев: «Может, наше отношение к тебе и было похоже на индейские мистерии, но только с той разницей, что в конечном итоге жрецы принесли бы в жертву себя, а не воплощенного бога».

ТАНЯ

Еще в детстве я представил себе человеческий век подобием годового круговорота и разделил его на месяцы. Январь был белым, пеленочным младенчеством, февраль – ранним детством, с его примороженным медленным временем. С марта по апрель длилась школа, институтская учеба условно приходилась на май. В свои двадцать семь, неожиданно, с горьким изумлением я заметил, что подходит к концу июнь моей жизни...

Как никого другого мне всегда бывало жаль «женщин августа». За их утасующий зной, за все еще лакомую переспелость, за эту курортность, близящуюся к концу. Уже приготовлены билеты на поезд, день, другой, и придет пора сложить зонтик, одеться и покинуть пляж зрелости, чтоб отъехать в сентябрь пятидесятилетних, оттуда в октябрь пенсии и дальше прямой дорогой в бесконечную зиму, в саван и могилу декабря, принимающего всех в свою старческую группу «от восьмидесяти и выше»...

Таня Мирошникова была типичной «женщиной августа». В тот вторник я увидел ее совсем другой, не в маскировочном грубом костюме дачницы и не в боевом снаряжении. Она надела платье персикового цвета – желтое с оранжевым – теплые августовские краски Стройная худенькая женщина с чудесными глазами – на солнце голубыми, на закате зелеными, в пасмурную погоду серыми. Тане очень шли распущенные волосы – каштановые, с блеском волны, если она их собирала в хвост, то в лице ее проступало что-то трогательно мартышечье Сколько же ей было лет? Наверное, сорок... На выпуклом детском лбу проступили три параллельных морщины, глубокие, словно линии судьбы Трогательно смотрелись на чуть увядшей шее бусы – крупные белые драже фальшивого жемчуга

Таня была учительницей, преподавала в школе физкультуру Закончила она педагогический институт. Спортивная карьера Тани ограничилась первым разрядом по фехтованию, но это полезнейшее умение весьма пригодились широнинской читальне.

Лет пятнадцать назад Тане сделали неудачный аборт, после которого она уже не беременела Врачи и медикаменты не помогли, и однажды муж оставил ее Привела Таню в читальню подруга покойной матери Таня находилась на грани самоубийства, и сердобольная женщина своевременно это увидела и подарила Тане новую жизнь и большую семью

Я уверен, моя быстрая акклиматизация на новом месте во многом связана с чудным женственным обаянием Тани Мирошниковой. Человеком она была легким – улыбчивая, удивительно располагающая к себе, умеющая слушать. Она всегда хвалила и поддерживала меня, да и просто любила таким, какой я есть: впечатлительным, нервным, далеко не самым мужественным, только и название – «библиотекарь»...

Помню, в тот наш совместный вторник мы уговорились с Таней найти замену курице. Остановились на жареной картошке и рыбных консервах Таня недолго поворчала и затем обязала меня составить на будущее список того, что я не ем, и жутко расстроилась, увидев, что в немилость попали щи и холодец

Марат Андреевич ушел на работу, а мы все утро вдвоем с Таней просидели на кухне Она с интересом расспрашивала меня о прошлом. В отличие от Тимофея Степановича, ей ужасно понравилось, что я учился на режиссера Я рассказал о своих былых успехах в КВНе, и она сразу начала уверять, что видела меня по телевизору, я отнекивался Под конец Таня с воодушевлением сказала: «Алексей, вы творческая личность!»

Я сам предложил ей прочесть Книгу, и она восприняла это с большим энтузиазмом, хотя поначалу из вежливости говорила, что ее задача – охранять меня, а не читать Книгу

Она уединилась в спальне Я же бездумно бродил по квартире, листал с середины роман Пикюля, затем дремал Проснувшись, перебирал дядины музыкальные диски, сел за телефон. С третьей попытки я дозвонился домой. Застал маму. Я уже был относительно спокоен, и голос не выдал тревоги. Я как можно равнодушнее сказал, что в ближайшие месяца два – раньше не получится – попытаюсь решить проблемы с продажей квартиры Мама сразу забеспокоилась: хватит ли мне денег, и я заверил ее, что глубинка оказалась очень дешевой, город в целом нравится, и в жилищной конторе встретились очень сердечные люди, обещающие помочь с покупателем. Так я лгал, и мама, вполне удовлетворенная, просила меня держать ее и отца в курсе всех событий.

Едва я положил трубку, из спальни вышла Таня Я смутился, потому что не был уверен, слышала ли она мой разговор, впрочем, ничем не затронувший интересы читальни Разглядев Таню получше, я сообразил, что ей не до подобных пустяков На ее порозовевшем лице застыло выражение светлого умиленного восторга, направленного внутрь себя Я неподвижно наблюдал это непонятное звенящее состояние и боялся лишним движением или словом потревожить его

Таня приблизилась ко мне Зрачки ее чуть прищуренных глаз плавали в волнующей чувственности, словно ее до того несколько часов изнуляли любовью, но какой-то принципиально иной, совершенно не телесной Рот был приоткрыт, она дышала маленькими вздохами, сглатывала их, отчего и в горле, и на губах рождались легкие, чуть липкие звуки, какие издает расклеивающийся поцелуй Она произнесла с волнующей хрипотцой: «Все хорошо, Алексей...»

Когда ночью я украдкой полез за дядинами порножурналами, полистать на сон грядущий, то на очередном глянцевом развороте вдруг осознал, что вполне могу обойтись тем воспоминанием о Тане

А через две недели, на четвертом дежурстве, она за завтраком сказала с дурманящей прямоотой: «Алексей, не поймите меня превратно. Вы молодой человек, вам нужна женщина, и тут нет ничего стыдного Вам тяжело находиться взаперти. Если хотите, я... Со мной, обещаю, не будет никаких проблем И вы сами себя лучше почувствовать будете, это же физиология, с ней трудно и глупо бороться Наверное, это все звучит пошло... Это чтобы вам комфортнее было На время. Когда поспокойнее станет, вы познакомитесь с кем захотите. Если же я вас шокировала или оскорбила, то извините, я знаю, что не совсем для вас подхожу, – и возраст, и, может, у вас на Украине девушка...»

Я, конфузясь, поблагодарил: «Спасибо вам, Таня...»– и благоразумно поостерегся воспользоваться этим предложением

Дело в том, что буквально за несколько дней нечто подобное я выслушал от младшей Возглаговой, с той разницей, что она действовала без экивоков, напрямик. Сообщив, что перед прочтением Книги она всегда сильно волнуется и потеет, Вероника закрылась в ванной и вышла оттуда голой Глядя на нее, я был готов изменить свое пренебрежительное отношение к пышным формам. Передо мной предстала упругая гипсовая мощь парковой девушки с веслом, а не рубенсовский ожиревший пасквиль на тело

В мелких солнечных каплях, сияюще-белая Вероника вначале посетовала на тяготы моего вынужденного одиночества и заверила, что готова делать все для моего, как она трогательно сформулировала, «мужского удобства». Говоря, Вероника вытиралась банным полотенцем, причем делала это с непередаваемым бесхитростным жеманством.

Я взволнованно косился на небольшие яблочно-круглые груди и крепкий широкий живот, на мокрую курчавую гроздь у основания могучих бедер Вероники, но осторожность победила искушение Я был уверен, что меня просто пытаются привязать к читальне женщиной.

Довольно топорно я перевел разговор на дядю Максима. Прием удался, Вероника сразу посерьезнела и оделась. Потом она читала Книгу, ей было не до разговоров

Следующим утром Возглякову сменял Марат Андреевич, и уже перед уходом, в дверях Вероника шепнула, что ее предложение по обеспечению моего «удобства» остается в силе.

МАРАТ АНДРЕЕВИЧ

Он был коллегой дяди Максима, работал с ним в одной клинике, пока дядю оттуда не уволили. Семейная жизнь Марата Андреевича Дежнева сложилась неудачно. С женой он расстался, хоть и было это для него нелегко – Марат Андреевич очень любил двух своих дочерей. Единственной радостью были выходные, когда он приходил к бывшей жене и забирал девочек на весь день, гулял с ними в парке, водил в кино. В течение десяти лет только эти воскресные прогулки скрашивали его быт.

Жена уехала в начале девяностых с новым мужем за границу. Марат Андреевич смирился с горькой утратой, понимая, что девочкам в далекой Канаде будет лучше. В любом случае, жизнь Дежнева эмоционально оскудела. Подступило ранее незнакомое одиночество.

В один из тоскливых воскресных вечеров он повстречался с дядей Максимом. Оба были одинаково удивлены произошедшими за несколько лет переменами. Перед Маратом Андреевичем стоял счастливый, уверенный в себе человек, навсегда покончивший с пьянством. Дежнев, наоборот, поразил дядю опустившимся видом и горьким унынием. Дядя Максим пожалел бывшего коллегу и пригласил в читальню. Это было незадолго до невербальных событий.

Дядя Максим не ошибся с выбором. Дежнев идеально влился в коллектив – мужественный одинокий интеллигентный человек. Широнинская читальня уважала Марата Андреевича и дорожила им.

Я рад, что те первые дежурства пришлись на таких читателей, как Таня Мирошникова и Дежнев. Спокойная доброжелательная манера общения, исключительная деликатность и остроумие действовали на меня благотворно.

С огромным удовольствием я слушал Марата Андреевича, смакуя удивительные обертона насмешливого, чуть потрескивающего, словно дрова в камине, голоса, который в сочетании с худощавой, чуть сутулой статью Марата Андреевича, с дымящей в пальцах грушевой трубкой создавал удивительно умиротворенную картину, и слова: «Послушайте, Алексей», – звучали: «Послушайте, Ватсон...».

Как же был необходим мне разумный спокойный диалог, когда страх и неведение терзали мою душу. Но стоило Марату Андреевичу вступить в беседу, и я знал, что эта фонотерапия все поставит на свои места, освободит от пут кошмара и подозрений.

Марат Андреевич охотно делился со мной многолетним опытом постижения громовского творчества:

– Если разобраться, Алексей, Книги в сути представляют собой сложные сигнально-знаковые структуры дистанционного воздействия с широким психосоматическим спектром. Их можно назвать препаратами или, еще лучше, программами. Каждая Книга-программа начинена субпрограммой-резидентом – закодированным подтекстом, который активизируется при соблюдении Двух Условий «пристального» чтения. Резидент просеивается мимо сознания и, агрессивно вторгаясь в область подсознательного, временно изменяет или, лучше сказать, деформирует системы восприятия, мыслительные, физиологические процессы. Он как бы парализует читающую личность. На фоне ослабления духовной активности индивида и происходит жесткая корректировка психофизиологических процессов организма, в результате чего

достигается эффект гиперстимуляции внутренних ресурсов, мозговых центров, отвечающих за память, эмоции. Я не слишком заумно объясняю?... Самое интересное, резидент не поддается обнаружению на внешнем художественном уровне, поскольку он распылен по всему информационному полю программы. Он присутствует не только в акустическом, нейролингвистическом и семантическом диапазонах Книги, но также в визуальном диапазоне – то есть в полиграфии: шрифте, бумаге, верстке, формате – и, что весьма немаловажно, в хронологическом Я к чему веду, Алексей. Стопка ксерокопий никогда не станет книгой семьдесят седьмого года выпуска. В мире не существует средств и технологий, позволяющих превратить продукт двухтысячного года в продукт, выпущенный в тысяча девятьсот семьдесят седьмом Подделать Книгу невозможно и потому, что она еще несет заряд своего времени...

Я обратил внимание, что Марат Андреевич избегает разговоров о собственном книжном переживании Это выглядело несколько странным – как если бы шофер, охотно болтающий о технических особенностях машины, почему-то держит в строжайшей тайне все, что ему довелось увидеть в дороге

Марат Андреевич настолько располагал к себе, что я решился спросить его о воспоминаниях, которые он видит Я, честно говоря, не подозревал, что подобный вопрос бестактен, и хорошо, что он сразу просветил меня насчет читательской этики, и я больше никого не потревожил праздным любопытством

Марат Андреевич на секунду опешил и с улыбкой ответил:

– Алексей, представьте себе ситуацию: мужчина, счастливый любовью, вдруг предлагает свою женщину первому встречному, чтобы и тот мог разделить его восторги... Забудьте, вам все равно никто не ответит Вы лишь поставите людей в неловкое положение... Договорились?

Уже прочтя Книгу, я не нашел каких бы то ни было барьеров, помешавших бы мне поделиться впечатлениями Да простит меня Бог, я даже завидовал всем широнинцам, думая, что мои воспоминания просто уступают их книжным грезам...

ОСТАЛЬНЫЕ ЧИТАТЕЛИ

С четверга по воскресенье мы прощались с погибшими товарищами Хоронили их по очереди, только кремировали в один день.

На самой кремации я не был. За мной заезжали, когда урны отвозили на кладбище Маргарита Тихоновна, опасаясь провокаций, вообще не хотела, чтобы я куда-либо отлучался из квартиры, но я посчитал, что будет нечестно, если дежурившие у меня читатели не смогут проводить друзей в последний путь. Поэтому я всякий раз надевал цепь с Книгой, спускался к нашему «рафу», и мы катили на кладбище.

Похороны тщательно охранялись. Неподалеку от стены, в которой муровались урны, в соседнем ряду совершали свой копательный труд могильщики, человек шесть. Я тревожно поглядывал на них, пока не узнал в кладбищенских рабочих Ивлева, вооруженного лопатой, и Кручину с заступом. Игорь Валерьевич кивнул мне, а Николай Тарасович сделал успокаивающий знак рукой: мол, все под контролем.

А вот поминки были коллективные, в воскресенье вечером. Устраивали у Маргариты Тихоновны, чтобы лишний раз не привлекать внимания к моей квартире. Тимофей Степанович надел боевые награды, а бывший ударник Кручина – орден Трудового Красного Знамени.

Посмертные чествования погибших широнинцев запомнились плохо. Я жутко напился – вздумал глушить водкой, как динамитом, непреходящий страх, усиленный празднуемой тризной. Не помогло. Все мучительные мысли плавали кверху брюхом на самой поверхности ума, сумасшедше кружилась голова, точно летела отрубленная с плахи, я надрывно блевал в коридоре у Маргариты Тихоновны и в «рафе» Таня вытирала мне салфеткой

мокрый рот, а у меня не хватало сил и голоса извиниться.

С похмельного понедельника пошла вторая неделя моей библиотечарской жизни. Я ближе знакомился с остальными читателями. В тот день со мной дежурил Николай Тарасович Иевлев. Человек он был неразговорчивый и оживлялся, лишь когда речь заходила о Книге.

С юности он занимался гиревым спортом и многоборьем, что обеспечило ему такую могучую комплекцию, и в свои догромовские времена, буйствуя во хмелю, Иевлев в одиночку запросто переворачивал на улицах легковушки. Только Книга в должной мере остепенила Николая Тарасовича. Работал он кузнецом.

Глубокий шрам на лице был памятью о невербинской битве. Говорили, это след крюка легендарной крановщицы Данкевич, женщины-берсерка из клана Моховой.

Историю моей жизни Иевлев выслушал внимательно и, как оказалось, сделал особые выводы – наутро занес пружинный эспандер и две пудовых гири:

– Но главное, про шею не забывай. Тонкая она у тебя, точно палец... – со вздохом заключил Иевлев. – Становишься в борцовский мостик, головой уперся, и вниз-вверх, пока не устанешь. Каждый день качай Шею – самое важное, – поучал он.

Я кивнул, но Николай Тарасович очевидно не заметил в моих глазах соответствующей готовности и назидательно добавил:

– Одному из колонтайской читальни заехали битой по шлему, черепная кость осталась цела, а шейные позвонки не выдержали...

Саша Сухарев в день дежурства подарил мне опасную бритву «Золинген».

– Если освоишь – противнику как минимум придется фотку на паспорт менять, потому что носа у него уже не будет, и заодно щек и ушей. – Сухарев светло, по-гагарински, улыбался. – По закону Российской Федерации не относится к холодному оружию, – пояснял он. – Для повседневного скрытого ношения вполне подходит... Нужна вещь, чтобы менты придрататься не могли, – молоток там или отвертка подлиннее. Отверткой дубленку пробить – не фиг делать, а застукали менты – все путем, шкаф иду подруге собирать. В темноте отвертка опять-таки незаметная, быстрая, достал, тырц – и в печени дырка или там в горле. Надежная штука...

Происходил Сухарев из неблагополучной пролетарской семьи, и все шло к тому, что проведет он свои годы за решеткой. С шестого класса Сухарев был на учете в детской комнате милиции и не загремел на «малолетку» исключительно благодаря тому, что местный участковый приходился его матери каким-то дальним родственником.

Тюрьма настигла Сухарева после армии. Сел он на два года за хулиганство. По счастью, в колонии его пути пересеклись с читателем Павлом Егоровым.

Сухарев вышел на свободу, первый месяц беспутничал, но, словно по волшебству, образумился. Разумеется, его перевоспитала не тюремно-исправительная система. Егоров, освободившийся раньше, успел принять участие в невербинской битве и, когда обновленная широнинская читальня активно набирала новых членов, вспомнил о Сухареве, нашел его, и широнинцы обрели верного товарища.

В тот рекрутский набор начала девяносто седьмого года попали Гриша Вырин и уже покойный Вадик Провоторов...

Семья Вырина происходила из древнего рода староверов. Хотя последние два поколения не имели отношения к религии, Гриша оказался генетически предрасположен к жизни в закрытом обществе, к тайне и избранности.

Вырин оклемался в рекордно быстрые сроки За неделю отек сошел, и Гриша снова смог двигаться, ожидая, когда срастутся трещины в позвонках. Врачи успокоили нас, сказав, что Гриша легко отделался и через месяц-полтора будет на ногах

Я частенько навещал его в больнице В одном из разговоров выяснилось, что в институтские годы Гриша состоял в кавээновской команде:

– Была такая песня Анны Герман «Надежда» Я сочинил переделку на тему олигархов...
– еще слабым, но чистым голосом Вырин напел:

– Скрипнули протяжно тормоза
Возле дорогого магазина
Грустные еврейские глаза
Дали мне совет из лимузина:
«Надо только выучиться лгать,
Надо стать отпетым пидарасом,
Чтоб порой от жизни получать
Рябчика под сладким ананасом», —

Гриша кисло усмехнулся: – Наш капитан забраковал – дескать, слишком грубо...
Алексей, а вот ты взял бы эту переделку? Я имею в виду, когда капитаном был? –
неожиданно, с какой-то болезненной надеждой спросил он.

Я бы эту песню тоже отверг, и не в «отпетых пидарасах» дело, хотя и в них тоже, особенно в роковом тандеме с еврейскими глазами, дающими неприличные советы Но что стоили моя правда и двуличная мораль студенческих балаганов? Я помнил, как Вырин, не раздумывая, отдал мне свою защитную куртку, и знаю, что так же, не раздумывая, отдал бы жизнь за меня и за нашу читальню Поэтому я сказал:

– Конечно, взял бы! Замечательная пародия. У вас в команде просто капитан был без чувства юмора

– Спасибо, Алексей, – Вырин счастливо улыбнулся и пожал мне руку.

Денис Луцис был настоящим аксакалом громовского мира, читателем с десятилетним стажем. Крошечная самарская читальня, из которой он вышел, была по сути семейным подрядом Обрусевшие прибалты Луцисы – родители Дениса и ближайшие родственники, общим числом одиннадцать человек – владели Книгой Памяти Тихое благополучие оборвалось с похищением Книги и гибелью стариков Родители и дядя Луциса пали в невербинской битве Сам Денис, хоть и пережил схватку, сделался в одночасье круглым сиротой Домой он решил не возвращаться Оставшиеся в живых двоюродные сестры и тетка прибились к новой самарской библиотеке. Денис же сдружился с широнинцами Тяжелая утрата не раздавила его Он закончил исторический факультет университета и преподавал в автодорожном техникуме

Человеком он был сложным, любое неловко сказанное слово больно ранило его. Причем Луцис обычно не подавал вида, предпочитая носить обиды в себе. Я быстро научился распознавать это состояние. Если Луцис вдруг становился болезненно педантичным, нарочито вежливым, а при разговоре поглядывал несколько в сторону, было ясно – Денис чем-то до глубины души оскорблен. Впрочем, стоило лишь спросить, что произошло, как он сразу открывался и со скрупулезной горечью сообщал, что же собственно его задело К примеру, Луцис встречался со Светланой Возгляковой, но непонятно почему делал из этого страшную тайну, хотя все знали об их отношениях. Тем не менее шуток на эту тему он категорически не принимал. К счастью, Луцис был отходчив, после извинения мгновенно оттаивал

Как и Марат Андреевич, Луцис иногда делился со мной своим книжным опытом:

– Года четыре назад я понял, что при желании смогу воспроизвести повесть в уме без помощи Книги Я попытался это сделать, пустил в голове такую бегущую строку Ничего не получилось. Я думал, что слова перепутал, сверился с Книгой – и все оказалось правильно Стало быть, возникшие в голове слова без своего графического эквивалента не действовали Я пробовал текст вслух проговаривать. Ведь на групповых сеансах конкретно читает только один человек, а на остальных Книга воздействует звуком. Снова провал Без самой Книги звук не работает...

Благодаря Луцису я в скором времени смог ориентироваться в именах и перипетиях громовского мира Общались мы по-приятельски, без намеков на субординацию читатель – библиотекарь

Глядя на Луциса, я совершенно не понимал, почему Маргарита Тихоновна остановила свой выбор на мне как на преемнике дяди Максима. Решительный, опытный, храбрый, с юных лет причастный тайне Книг, Луцис был бы самой достойной сменой. Сам же Денис говорил, что не годится для руководящей должности, и по мере сил и времени опекал меня

Вообще, с первых дней широнинцы делали все возможное, чтобы скрасить мое заточение, обустроить быт Сестры Возгляковы переклеили в квартире обои, покрасили оконные рамы и двери, Федор Оглоблин переложил в ванной и на кухне плитку, заменил всю сантехнику, поставил новые колонку, плиту и начал стеклить балкон. Так что я не врал, когда сообщал родителям: ремонт идет полным ходом, и денег на все хватает.

ДОЛЖОК

Временное затишье оборвалось 27 июня. Во второй половине дня раздался телефонный звонок. Я безмятежно поднял трубку, почему-то уверенный, что звонит отец, и даже приготовился выдать ему очередную порцию: «Ремонт продвигается, город хороший, люди приветливые, цены на продукты низкие»

– Товарищ Вязинцев? – спросил мужской голос, и я почувствовал, как в животе кислым кипятком растекся страх

– Да, – мертво отозвался я Обращение «товарищ Вязинцев» означало только одно – звонят библиотекарю широнинской читальни

– Алексей Владимирович, это Латохин беспокоит. Мы с вами познакомились на собрании...

Хроменький руководитель колонтайской читальни Я вспомнил его

– Здравствуйте, товарищ Латохин, – сказал я

– Алексей Владимирович, мы уверены, что вы не откажете нам в братской помощи...

– Товарищ Латохин...

– Алексей Владимирович, – с нажимом сказал Латохин, – я знаю, вы совсем недавно потеряли четверых, но ведь без нас результат сатисфакции был бы более плачевным! В конце концов, вы подписывали документ...

– Товарищ Латохин, – спохватился я, понимая, что нарушил этикет, – разве мы отказываемся? Я ведь тут совсем недавно, вам бы лучше с Маргаритой Тихоновной поговорить...

– Но ведь библиотекарь – вы! – удивился Латохин

– Да, но это еще формальность, Маргарита Тихоновна решает все...

– Детский сад, – буркнул Латохин и повесил трубку.

Вечером на Гвардейцев Широнинцев состоялся военный совет. Собрались все, кроме Вырина Маргарита Тихоновна пришла в темных очках – левый ее глаз полностью закрывало набрякшее изуродованное веко. У Сухарева рука, точно белая клешня, висела на марлевой перевязи, из-под гипса выглядывали кончики пальцев, похожие на картофельные ростки Луцис почти оправился от сотрясения мозга, хотя в машине его укачало и Книгу он не читал, жалуясь на головокружение и тошноту У Анны Возгляковой сломанная ключица уже срослась, но кость еще побаливала.

Увы, мои надежды отсидеться номинальной фигурой не оправдались. После короткого доклада о состоянии дел Маргарита Тихоновна свалила на меня бремя председательства

Произошло следующее: на наших колонтайских соседей наехала мигрирующая библиотека, растерявшая в результате стычек свои Книги, а теперь снова собирающая, как разбросанные камни

Когда-то вотчиной опасных кочевников был город Актюбинск. У них имелось три Книги Радости, Книга Памяти, Книга Терпения и Книга Ярости Читатели называли себя павликами, по фамилии первого библиотекаря Павлика. Актюбинцев разорила не Мохова, а Лагудов, за год до Невербино, затем от души постарались мародеры, сократив внушительную группировку до размеров маленькой читальни. Павлики, спасая жизни, покинули насиженные места.

Изгнанников оставалось двенадцать человек, и была у них Книга Ярости, способная погрузить в слепое бешенство. Эта Книга не приносила удовольствия, но подаренная ею агрессивная, рвущаяся наружу эмоция хорошо помогала в бою Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба читальни, если бы на них не вышел Семен Чахов, театральным художник-оформитель У него был украденный список распределения Книг, в котором указывалось, кому достались захваченные Книги павликовской библиотеки Появление списка послужило стимулом для возрождения читальни. Павлики задумали восстановить справедливость и вернуть Книги Первой жертвой стала оренбургская читальня, по несчастью владеющая одной из Книг Радости, принадлежавшей когда-то павликам Павлики вырезали читальню и отбили Книгу Кровавый маршрут пролег через Челябинск и Курган Были возвращены Книги Радости. Грозные новости пришли из Новосибирска Актюбинские мстители получили свою Книгу Терпения

Совет, разумеется, следил за павликами, рассылал предупреждения, грозил карательными акциями, но безуспешно Войска Совета всегда запаздывали к месту боевых событий, притворно сетуя на неуловимость противника Всем здравомыслящим читателям было ясно – причина неуловимости кроется лишь в том, что разорительный рейд павликов просто выгоден Совету – удельные читальни исчезали

Следующим объектом нападения оказывалась колонтайская читальня, владеющая Книгой Памяти. По данным, поступившим из Совета, павликов с недели на неделю следовало ожидать в Колонтайске. В Совете Латохину обещали подкрепление, но основная надежда была на соседей Латохин беспокоился не зря. Павлики снова сделались полноценной библиотекой с общим числом до восьмидесяти читателей. И кроме прочего, у них были Книга Ярости и Книга Терпения – незаменимые бойцовские Книги, лучше которых может быть только редчайшая Книга Силы...

Вот что я узнал от Маргариты Тихоновны Потом она сказала:

– Предлагаю выслушать нашего библиотекаря Алексея Владимировича.

Увы, на ум приходил малодушный вопрос, можно ли под каким-нибудь красивым предлогом отказаться от исполнения долга перед колонтайской читальней Спрашивать в лоб я постеснялся и начал издалика:

– Я человек новый... Мне сложно судить. Конечно, проще считать это сугубо проблемой колонтайской читальни, и, в конце концов, Книга Памяти принадлежала библиотеке из Актюбинска...

Я сделал паузу, но никто не взялся закончить мою мысль, дескать, раз так, то и соваться в это дело нечего Наоборот, все ждали продолжения

– Мы понесли значительные потери, у нас самих ситуация непростая... – И снова ответом было внимательное молчание.

– Давайте признаемся себе честно: можем ли мы отказать колонтайской читальне?...

Широнинцы заулыбались. Мои слова ошибочно воспринимались как риторическая ирония мужества из области: «есть ли порох в пороховницах».

– Ну, разумеется, не можем отказать, – весело сказал Луцис.

– Ежу понятно, – поддержал его Сухарев. – К тому же мы и бумагу подписывали

– Ребята, шутки в сторону, – вмешался Дежнев, – надо решить, сколько человек мы посылаем?

Маргарита Тихоновна кивнула:

– Вопрос хороший, Марат Андреевич Ради нас колонтайская читальня пожертвовала тремя бойцами. Я считаю, мы должны отправить не меньше четырех человек

– А что, – бодро сообщил Тимофей Степанович, – я всегда готов.

Кручина, Иевлев и Луцис как отличники-пионеры подняли руки.

– Денис! – воскликнул Марат Андреевич. – А ты куда? Ну какой из тебя сейчас боец... Пойдут Тимофей Степанович, Федор Александрович... – Марат Андреевич посмотрел на Оглоблина, и тот с готовностью кивнул. – Ну и ваш покорный слуга...

– Это три человека, – тихо сказала Маргарита Тихоновна. – Кто еще, товарищ Дежнев?

– Допустим, Таня Или Светлана. Или Вероника...

– Светлана останется, – уперся Луцис, – зачем она? От меня в любом случае больше пользы

– Денис, ну ты сам подумай, – добродушно пробасил Иевлев. – Действительно, за нас погибли трое колонтайцев, но это не означает, что мы тоже обязаны рассчитаться трупами. Нам победа нужна... Ты лучше отдыхай, сил набирайся. Но с Дежневым я тоже не согласен Зачем брать женщин?

– Погодите, – вздохнул Марат Андреевич. – Давайте рассуждать логично Товарищи Иевлев и Кручина – силовой костяк нашей читальни На Сашу и Дениса, вы не обижайтесь ребята, но это правда, пока рассчитывать особо не приходится С Гришей и так все ясно Маргарита Тихоновна и Анна – не вполне здоровы Кто-то же должен защищать Книгу и Алексея... А наши красавицы, – он улыбнулся, – сражаются замечательно...

– Я против кандидатуры Светланы, – категорично заявил Луцис. – Почему мне нельзя, если я здоров?!

– Денис, ты же взрослый человек. Будь объективным к себе, – сурово произнесла Маргарита Тихоновна.

– Вот-вот, правильно, – поддержала ее Светлана. – Я с удовольствием составлю компанию мужчинам...

– А я с еще большим удовольствием, – засмеялась Вероника.

– Товарищи, – поднялась Таня. – Позвольте мне поделиться своими соображениями. Очень не хочется напоминать... Семья Возгляковых, – Танин голос дрогнул, – всего месяц как потеряла самого родного человека...

От этих слов у Светланы задрожали губы, Анна сморгнула слезу, а младшая Вероника закрыла лицо ладонями.

– Танька, – недовольно воскликнул Сухарев, – ну зачем ты так?! Вероника теперь полдня не успокоится...

– Извините, это просто вынужденная мера, – решительно продолжала Таня, – понятно, что гибель каждого читателя – невосполнимая утрата. Но семья ведь все равно большее... Наши девочки – они сильные люди, но не стоит лишний раз травмировать их очередными душевными нагрузками. Может, хватит с них, а?

– Таня, ну зачем ты нас эгоистками какими-тоставляешь?! – с болью сказала Анна. – Мы здесь равны. Нам все одинаково дороги!

– Таня верно говорит, – кивнул Марат Андреевич. – При чем здесь эгоизм? Вам сейчас восстановиться надо, сердцем укрепить. Правильно я тебя понял, Таня?

– В яблочко, товарищ Дежнев. Поэтому я предлагаю свою кандидатуру и убедительно прошу вас поддержать меня! Ну, в конце концов, не Алексею же идти! Тимофей Степанович, а ты что молчишь? Ведь вам же со мной проще будет!...

– Спасибо, Танюша, – Маргарита Тихоновна вздохнула. – Ты хорошо рассудила, лучше, чем я. Давайте, товарищи, проголосуем...

– И чтоб единогласно «за»! – шутливо пригрозила Таня. – Воздержавшиеся – враги на всю жизнь!

Я ощутил новое странное чувство. Нечто похожее на угрызения совести. Закончилось голосование, ребята разошлись, а неудобное чувство разбухало во мне, так что к вечеру прежняя робкая оболочка моей души уже нестерпимо жала, как ботинок меньшего размера.

Пытаясь заглушить это состояние, я взялся за Книгу. В этот раз все оказалось намного проще, текст не скользил, и через два часа я впервые прочел Книгу Памяти...

БИБЛИОТЕКАРЬ

Не стану повторяться о пережитых обманных видениях. Подброшенное детство вполне могло быть моим. Но не это главное. Более захватывающим был даже не сам факт активизации ложной памяти, сколько ее послевкусие. Книга словно открыла артезианский колодец, из которого устремился безудержный поток позабытых слов, шумов, красок, голосов, отмерших бытовых мелочей, надписей, этикеток, наклеек... В эфире – пионерская зорька, орешек знаний тверд, но все же мы не привыкли отступать, в аэропорту его встречали товарищи Черненко, Зайков, Слюньков, Воротников, Владислав Третьяк, Олег Блохин, Ирина Роднина пишется с большой буквы, Артек, Тархун, Байкал, фруктово-ягодное мороженое по 7 копеек, пломбир в шоколаде и на палочке – 28, кружка кваса 6 копеек, молоко в треугольных пакетах, кефир в стеклянной бутылке с зеленой крышечкой, жевачка бывает апельсиновой и мятной, чехословацкие ластики тоже можно есть, в киоске Союзпечати продаются переводные картинки, тонкие как масляная пленка, лучшая брызгалка делается из

бутылки от синьки, дымовушка из скорлупы шарика пинг-понга, самострел с деревянной бельевой прищепкой, ключи от квартиры носят на шнурке, варежки на резинках, плетеная ручка, чертик из капельницы, настольный футбол, отряд, наш девиз: ни шагу назад, ни шагу на месте, только вперед и только все вместе, помните через века, через года, о тех, кто уже не придет никогда, пионеры-герои Володя Дубинин, Марат Казей, Леня Голиков, Валя Котик, Зина Портнова, Олег Попов, Лелек и Белек, Кубик Рубика, переливные календарики, планетарий, фильмы по диапроектору, журналы «Веселые картинки», «Мурзилка», «Юный Техник» с фокусами на обложке, велосипеды «Орленок», «Салют» и «Десна», в будни «Приключения Электроника» и «Гостя из будущего», по пятницам «В гостях у сказки», в субботу «Абвгдейка», в воскресенье «Будильник», неделя – это разворот дневника...

Я стоял на балконе. Над вечеряющим миром раскинулось лиловое грозное небо. Ветер бросал мне в лицо горстями первые дождевые капли, приятно студившие лицо. Я уже все понял и обдумал.

Чуть успокоившись, я вернулся в комнату Из платяного шкафа достал мотоциклетный шлем. Там было и дядино оружие – мне показалось, это очень старый геологический молоток. Длинная рукоять заканчивалась кожаной петлей. Железная сбита пятка была несколько крупнее, чем у обычного гвоз-додера, и противоположная сторона вытягивалась чуть изогнутым книзу заточенным четырехгранным клювом, как у боевого клевца

Затем я позвонил Маргарите Тихоновне и сдержанно сообщил, что отправляюсь в Колонтайск.

Маргарита Тихоновна спросила:

– Алексей, ты прочел Книгу?

Не знаю почему, но я постеснялся сказать ей правду, промямлил что-то невнятное и простился до завтра.

Не только Книга заставила меня совершить этот поступок Я вспомнил мой страшный двадцать седьмой юбилей Предчувствуя беду, за две недели я обзвонил бывших кавээновских дружков и школьных приятелей Они вяло откликнулись на зов, обещая прийти. Хоть и не особо тесно, мы все-таки продолжали общаться и, если в городе встречались, брали по пиву и, сидя на скамейке, травили анекдоты. Приятели благодарили, оговариваясь, что много дел, семья, дети Я испугался этой человеко-пустоты и приглашал людей совсем не близких, едва знакомых по работе.

Наступил день рождения С утра меня поздравили шерстяным свитером родители и укатили за город – начиналась дачная страда Потом на час заскочила Вовка с племянником Иваном и шоколадным тортом Поцеловала, извинилась, что Славик приехать не может – сидит с захворавшим Ильей, – но желает мне самого лучшего и дарит плеер Вовка помогла накрыть на стол и довела до ума материны съестные заготовки. К вечеру я ждал гостей...

Никто не пришел. Отмаявшись трехчасовым ожиданием, я собрал со стола тарелки, бокалы, разнес по комнатам стулья, сложил праздничную еду в холодильник и, прихватив бутылку водки, отправился на край города, как на край света. Я трясся в автобусе до конечной, ковылял по вымершей грунтовой дороге, продирался сквозь ломкий бурьян, пока не вышел к обрыву. В обозримой дали, похожий на рухнувшую новогоднюю елку, лежал мой город.

Я пил водку крохотными глотками, и раскаленные пьяные слезы текли по щекам «Ну как же так, а? – бессильно вопрошал я. – В чем я провинился перед тобой, жизнь? Разве не ты сладкоголосым квинтетом клялась много лет назад с экрана черно-белого „Рекорда“ пора-пора-порадовать меня веселыми друзьями, счастливым клинком и красавицей Икуку? Я же подпевал тебе, жизнь! Я же поверил! Как жестоко

посмеялась ты надо мной! Близится к концу мой третий десяток, а верных друзей нет и не будет, слабая рука никогда не познает эфеса, и моя Икуку не загуляла на соседней улице Икуку – белокурый гибрид Миледи и Констанции. Ее не существовало, она была миражом, слуховым обманом, опрокинутым „и кубку“, лужей дешевого портвейна на изрезанной клеенке...»

И вдруг жизнь, пусть и запоздало, но все же расплатилась, вернула обещанное, только сделала это слишком неожиданно, из-за угла, так что я не успел разглядеть свое счастье и почти месяц слепо боялся его

Читальня восприняла мое неожиданное решение без восторженных комментариев, как нечто само собой разумеющееся, но я понял, что экзамен на должность библиотекаря с честью выдержан.

Тимофей Степанович сказал мимоходом:

– Я же говорил, Алексей, родство – великая вещь!

Книга всколыхнула совесть, но не безрассудство Я осознал, что боец никудышный Специально для меня Оглоблин соорудил из обнаруженных в шкафу брусков белазного протектора прочный и удобный панцирь на манер старорусского калантаря – две половинки, скрепленные сверху гибким наплечником К поясу цеплялся подол до колен из более легкой камазной покрышки Надетый поверх выринской куртки, панцирь совсем не стеснял движений рук Мотоциклетный шлем, укрепленный такими же шинными пластинами, надежно закрывал шею и уши Также меня наскоро обучили нескольким простейшим, но действенным приемам с дядиным клевцом

Многие часы я проводил у Маргариты Тихоновны Она ставила свои любимые пластинки, и мы говорили под аккомпанемент советской эстрады семидесятых годов на отвлеченные, не громовские темы...

Благодаря Книге Памяти в один из тех тревожных вечеров я пережил звуковое откровение, очень укрепившее мой дух... В динамике протрубила фанфара, и барабаны рассыпали дробь эшафота. Над ними взмыл и затрепетал, словно зная, высокий мальчишеский голос: «Остался дом за дымкою степною, не скоро я к нему вернусь обратно Ты только будь, пожалуйста, со мною, товарищ Правда, товарищ Правда...»

В годы моего детства песня довольно часто звучала по радио. Не могу сказать, что раньше она производила на меня особое впечатление, я свылся с ней и не замечал ни слов, ни музыки. Теперь же точно спали ватные заглушки и фильтры, открывая иные сверхчастотные диапазоны Я услышал песню заново.

Звучал не просто мальчик, солист детского хора. Ребенок-скальд воспевал подвиг и смерть Дискант нисколько не умалял жертвенной отваги юного голоса, наоборот, наполнял его незамутненным чистым звоном, и перед глазами вставали величественные картины Советской Валгаллы Смерть одновременно была парадом на Красной площади и вечным боем у разъезда Дубосеково, бронзой, мрамором, огнем. На короткий миг я увидел или вспомнил свою воспетую будущую смерть Она была прекрасна, потому что оказывалась бессмертием Меня захлестнули благодарность и ликование

Я не выдержал и поделился переживаниями с Маргаритой Тихоновной.

– Все правильно, – сказала она. – Вот есть намоленные иконы, а есть начитанные Книги, как наша. Почаще перечитывай, и страх навсегда потеряет власть над тобой...

Так к инфантильному арсеналу ложной памяти добавился звуковой эквивалент советской вечности, неоднократно меня выручавший в трудную минуту. Позже к звуку narosли изображения, напоминающие рваные кадры черно-белой хроники

Словом, когда 6 июля вновь позвонил Латохин и назначил сбор, я был подготовлен к поединку с павликами. За день до выезда я передал Маргарите Тихоновне на хранение Книгу Тогда собралась вся читальня. Был еще дополнительный повод – мы отмечали день рождения Марата Андреевича.

Казалось, только у меня одного в сердце торчал ржавый гвоздь тревоги По ребятам ничего не было видно, словно и не предстоял бой Я, в который раз, поразился простому мужеству широнинцев. Люди с железными нервами, они могли шутить, улыбаться, нахваливать Танины салаты и пирог Маргариты Тихоновны Лишь застольная песня выдавала их тайное волнение, когда все затянули про товарища, улетающего в далекий край

Я изо всех сил постарался задернуть завтрашний день шторой, выпил стакан водки за здоровье Марата Андреевича и, как умел, пристроил свой голос к хору: «Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны».

В КОЛОНТАЙСКЕ

Еще затемно мы впятером – Таня, Тимофей Степанович, Дежнев, Оглоблин и я – спустились к «рафу» В больших клетчатых сумках лежало снаряжение и оружие.

Путь в Колонтайск я благополучно проспал С утра меня донимало похмелье, я кое-как пристроился в кресле, дорога и тряска убаюкали, и я забылся мертвой дремой

В Колонтайске нас определили на постой к читателю Артему Веретену. Он помогал нам в бою с гореловской читальней. Жил Веретен в частном секторе, и его двухэтажный дом мог принять множество гостей Нас поселили в бане, а мезонин, застекленную веранду и беседку уже заняли более многочисленные читатели воронежской и ставропольской читален. Во флигеле ютился отряд из Костромы

Конечно, такое количество вооруженного народа рядом успокаивало, несмотря на известные бытовые неудобства Но я понимал и другое: раз мобилизованы столь внушительные силы, значит, ожидается серьезная битва. В колонтайской читальне было двадцать семь человек. У Веретенова собралось три с лишним десятка бойцов, и по его словам, к Латохину еще продолжали стягиваться подкрепления. На квартире колонтайца Сахно жили люди из Пензы. У Латохина остановились вологодские читатели. Ожидался даже отряд Совета библиотек, общим числом не меньше двух дюжин

Такое количество бойцов говорило о том, что павлики – не только опасный, но и многочисленный противник За последнее время к удачливой библиотеке присоединились множественные недобитки, переписчики, долгие годы скрывавшиеся от войск Совета, мародерствующие банды, неудавшиеся воры и прочее отребье громовского мира Предполагалось, под знаменами павликов собралось уже до сотни бойцов

Самое неприятное, никто не мог сказать, сколько еще ждать появления павликов, день или неделю, и это вынужденное бездействие угнетало.

Города я не увидел, прогулки нам не рекомендовались, да мне и самому не особо хотелось выходить на улицу. Мы быстро перезнакомились с соседями Когда Веретен представил меня как библиотекаря Вязинцева, кто-то с удивлением воскликнул: «Так вы живы, а нам говорили, убили вас год назад!»

Коллеги оказались людьми славными. Общение с ними было интересным и полезным. Ведь раньше я и не задумывался о сложнейших механизмах конспирации, позволяющих читальням и библиотекам выживать в суровой реальности, полной крови, засад и покушений.

К примеру, читальня из Костромы в миру скрывалась под вывеской «Общество

любителей японской культуры» Библиотекарь костромчан Иван Арнольдович Кислинг работал учителем русского языка и литературы и к Японии был совершенно равнодушен. Читальня размещалась в небольшом полуподвале, где для отвода глаз преподавалось отечественное самбо, выдаваемое за какой-то вид карате, и техника японского боя на мечях Предусмотрительный Кислинг нарочно заломил астрономические цены, отшивающие всех любопытствующих Маленькое бюро его было забито всяким околосточным хламом, который выдавался за японский – на случай появления комиссии. «Общество» являлось организацией официальной, и если бы милиция вдруг и обнаружила в подсобке десятка два старых драгунских сабель, заgrimированных под катаны, то особых неприятностей у костромских любителей Японии не возникло бы.

Читальня воронежского библиотекаря Евгения Давидовича Цофина пряталась за ширмой религиозной организации, занимающейся кошерным забоем Поэтому люди Цофина на законных основаниях не расставались с длинными тесаками, предназначенными для умерщвления скота Надо сказать, в своей читальне Цофин был единственным евреем. Рыжий, носатый, с вечно недовольным и брезгливым выражением лица, он неизменно отвращал всякого посетителя из городской администрации. Чиновники благоразумно предпочитали с ним не связываться. Лишь однажды в читальню по ошибке сунулись незваные гости из еврейского центра, но воронежские читатели «соплеменников» ловко шуганули Вскоре читальню навсегда оставили в покое и обходили как дурнопахнущее место, чего и добивались Цофин с товарищами. На бой они явились в продубленных, жестких словно доски, халатах и тюрбанах, заменяющих шлемы

Ставропольские читатели в обычной жизни были казачьей станицей, конечно, номинальной, существующей только в документах. Бумажный этнический статус позволил библиотекарю Зарубину и читателям вооружиться холодным оружием. Зарубин был далек от исторической правды и ориентировался больше на стрельцов времен Ивана Грозного, так что читальня, кроме шашек, пик и нагаек, охотно использовала бердыши

Настоящего казачества ставропольцы сторонились так же, как и читатели Цофина – евреев, что впрочем не мешало «японцу» Кислингу периодически дразнить Цофина, спрашивая, не подать ли тому крови христианского младенца, или же призывать «казака» Зарубина организовать воронежцам небольшой погром.

Жили мы неплохо. Латохин позаботился обо всем, даже о нашем питании Еда была самая простая: суп из горохового концентрата, каша, картофель, хлеб, пирожки с мясом

На второй день к нам коротко заскочил сам Латохин с бумагами. Под пристальным его взглядом я поставил в каком-то документе свою нервную подпись: «Вязь» с поросычей закорючкой

Нас подняли ночью. К дому Веретенова подкатил обшарпанный «Лаз», в который мы спешно, за десять минут, погрузились. В автобусе заспанный Веретенов разносил термосы с кофе и пластиковые стаканчики.

Мы приехали к огромному глиняному карьере – будущему месту сражения Работы в карьере давно прекратились. Бурные склоны хранили глубокие следы экскаваторных зубьев

Сборное войско Латохина насчитывало восемьдесят четыре бойца Окруженный вооруженной толпой, Латохин прилаживал к шесту киот с Книгой Памяти, раскрытой на титульном листе. Латохин воткнул шест в глину, и внутри киота зажглась маленькая лампочка, подсвечивающая страницы

К рассвету после нескольких тревожных часов ожидания стало ясно, что павлики на книжную приманку не появились и бой откладывается. Мы выставили дозор и разошлись по автобусам

Утром ребята Латохина подогнали две полевых кухни с гуляшом и бочку хлебного кваса. Всем раздали оранжевые безрукавки для маскировки, но это была перестраховочная мера – на многие километры вокруг простирались строительные пустоши.

Мы простояли лагерем целый день. На закате вологодский патруль, обходя карьер, наткнулся на павликовских лазутчиков. Пришло трое. Завязалась короткая схватка, двоим павликам удалось скрыться, третьего, в полуживом состоянии, приволокли в ставку Латохина.

Выглядел пленный ужасно, словно его минуту назад вытащили из палаты травматологии полностью закатанного в больничный гипс так, что не было видно лица. Серые несвежие бинты пропитались кровью и измазались в глине. У меня даже возникла абсурдная мысль, что патрульные вначале раздробили павлику кости, а потом быстро наложили гипс.

Впрочем, умирал он не от переломов – роковой удар нанес топор прямо в основание черепа, между гипсовым воротником и головной перевязкой.

Марат Андреевич с ножницами подсел к раненому. Первая же снятая шина все прояснила – страшный, заляпанный кровью наряд павлика оказался продуманным доспехом, на манер рыцарского. Под бинтами прощупывался не гипс, а тяжелый пластик, повторяющий контуры тела.

Марат Андреевич привычно орудовал ножницами, распарывая плотную перевязку.

– Кстати, это не кровь на бинтах, – весело сообщил он собравшимся. – Краска, имитатор. Только не пойму, для чего...

– А это такая хитрая форма психологического давления, – сказал кто-то из воронежских. – Одновременно видом своим и жуть нагоняет, и стукнуть забинтованного вроде как трудней...

– Очень может быть, – согласился Марат Андреевич. – Библиотекарь у них – бывший театральный художник...

Пленник лежал очищенный, как лобстер, а рядом грудой были свалены части его панциря – кираса, поножи, наколенники и воротник.

– Помирает, – произнес за моей спиной Тимофей Степанович.

Словно услышав его слова, павлик судорожно дважды вздохнул, будто набирался мужества, и умер.

– Теперь гостей недолго ждать, – уверенно сказал патрульный. – Мы там бинокль нашли. Стало быть, следили они за нами. Как пить дать, где-нибудь табором расселись и Книгу Ярости штудируют. Это часа на два, максимум три, значит, к ночи подогретые заявятся...

– Товарищи библиотекари, – к нам подбежал колонтаец Веретенков, – на несколько минут...

– Алексей Владимирович, пойдете, Латохин зовет, – вологодский библиотекарь Голенищев поправил стальной нагрудник, надетый поверх кожаного плаща, и зашагал к подсвеченному свету с Книгой. Я последовал за ним.

Импровизированный военный совет был в самом разгаре.

– Строим фалангу, – говорил Зарубин. – Сколько нас? Восемьдесят четыре? – Он

задумался, высчитывая. – На восемь рядов: по три, пять, семь, девять, одиннадцать, пятнадцать бойцов...

– Это не фаланга, а «свинья», – возразил ему пензенский библиотекарь Акимушкин.
– Непатриотично, батенька Да и суеверный я Мы же не хотим повторить судьбу ливонцев?

– Тевтонцев...

– Да какая разница! Рыцарей-псов

Кислинг нахмурил брови и замогильно продекламировал:

– «Был первый натиск немцев страшен, в шеренгу русскую углом, двумя рядами конных башен они врубались напролом...»

– Твардовский? – спросил молчавший до того Цофин

– Двойка вам, Евгений Давидович! Садитесь! А что молодое поколение думает?

– Симонов? – предположил я

– А вот это – пять баллов!

– Не понимаю... – шутливо насупился Цофин. – Как учитель русского языка может носить фамилию Кислинг? Ну, Иванов, Петров...

– Ну, Цофин, в конце-концов... – ехидно продолжил Кислинг, и все заулыбались.

– Коллеги, – примирительно сказал Голенищев, – «свинья» – когда наступают враги А если свои, русские, то это уже «клин» Тут и думать нечего.

– Тогда вопрос исчерпан, – заключил Латохин. – Листочек есть у кого-нибудь? Лучше в клетку, так рисовать проще Ага, спасибо... – он взял протянутый Цофиным блокнот.

Спустя минуту я с любопытством заглянул Латохину через плечо Усеченный треугольник напоминал схему театрального зала.

– Первые двадцать семь номеров, – пояснил Латохин, – это моя читальня. А вы, товарищи, формируйте фланги

Я выбрал место справа, сразу за колоннтайцами В центре стали вологодцы и ставропольцы, а замыкающие ряды по семнадцать человек составили из пензенских, костромских и воронежских читателей

– Товарищи, – сказал Латохин, как только все клетки были распределены между отрядами, – давайте быстренько сообразим тренировочное построение, чтобы в случае тревоги не путаться друг у друга под ногами...

Надо отдать должное, все читатели действовали четко, без суеты и давки. Я специально поднялся на глиняную насыпь С высоты войско, ошетилившихся грозными косами, пиками, баграми, вилами, смотрелось более чем внушительно

Раз за разом мы собирали и распускали «клин», и лишь после того, как уложились в рекордный норматив – тридцать секунд с полной боевой выкладкой, – Латохин оставил нас в покое.

Впрочем, особого отдыха не получилось. Через полчаса на противоположной стороне карьера неторопливо появились павлики.

ПАВЛИКИ

Павликов было действительно много, до сотни человек – белесые, заляпанные кровью мумии Зрелище было жуткое Уже на склонах они растянулись выпуклым, точно сабля, полумесяцем, но нападать вроде не спешили

Я прислушивался к себе и удовлетворенно отмечал, что страха нет Заботливые широнинцы упрятали меня в самую глубь строя. На схеме Акимушкина это был тридцать первый номер, почти середина Справа прикрывала Таня, за ней Тимофей Степанович, Марат Андреевич и Федор Оглоблин – в бойцовских качествах этих людей сомневаться не приходилось. Слева были вологодские читатели, и врагу, чтобы добраться до меня, пришлось бы вначале пробиться через заслон их могучих топоров – в быту вологодцы были артелью лесорубов Да и два с лишним десятка колонтайских «вратарей» одним своим видом внушали уверенность, что врагу их ряды не сокрушить

Имитируя «японский стиль», бойцы Кислинга смастерили простейшие панцири-накидки из тонких стальных трубок, скрепленных на манер циновки. Здорово смотрелись с бердышами и саблями «казаки» Зарубина, в легких кольчужных безрукавках поверх красных кафтанов Тюрбаны и халаты бойцов Цофина придавали войску грозный восточный колорит.

Читатели пензенского Акимушкина взяли на битву традиционные багры, косы, сваренные из водопроводных труб палицы или чеканы с навершием в виде медного крана Их ватники, плотно оклеенные брусками пенопласта, очень напоминали спасательные жилеты Акимушкин говорил, что главную опасность представляют не колюще-режущие, а тяжелые дробящие удары

Похоже, он ошибся в выборе брони. Когда павлики приблизились, я не увидел ни молотов, ни топоров. То, что я из-за расстояния принимал за копыя, выглядело совсем как винтовки с примкнутыми штыками

Я резко потряс за плечо невозмутимого библиотекаря-вологодца Голенищева:

– А как же общий договор не использовать огнестрельное оружие?!

«Павлики не относятся к Совету, – пронеслось в моей голове. – Все правильно Им лишь бы получить свою Книгу Что для них вопросы этики и чести! Сейчас они дадут несколько залпов, и латохинского войска не станет. Так вот чем объяснялась непобедимость павликов...»

– Молодец Чахов. Соображает... – ответил Голенищев Голос его был спокоен и чуть насмешлив. – Вы присмотритесь, Алексей Владимирович Это не «мосинки». Разве что штыки настоящие

Павликовская «винтовка» оказалась подобием костыля – возможно, это и был изначально костыль, только уже со штыком и массивным прикладом, подбитым металлом

– Мне говорили, – продолжал Голенищев, – в Новосибирске они каппелевцев изображали Психическая атака В смысле – в штыковую шли...

– Ну, понятно, – сказал кто-то из колонтайцев. – Пуля дура, штык молодец

Павлики, как по команде, остановились Нас разделяло не больше сотни шагов.

– Марат Андреевич, – зашептал я Дежневу. – А что сейчас? Ведь секундентов-то нет... Правила кто в таких случаях устанавливает? Следит за всем...

– Да никто Сами воюющие стороны Вот, Латохин с ребятами уже пошел... Сейчас будут решать, как проводить бой Павлики ведь тоже понимают, что у них преимущество не

особо велико, да и устали они... Может, предложат им денежный выкуп или какой-нибудь иной компромисс, Латохин недаром столько народу созвал Это чтобы павлики поостыли и задумались... Не хочу загадывать, но у меня, Алексей, очень хорошее предчувствие... – Марат Андреевич ободряюще улыбнулся

Одна за другой катились тревожные минуты. Мы стояли, вытянув шеи, и смотрели на пятерку колонтайцев и группу павликов, обсуждающих нашу дальнейшую судьбу.

Прозвучала моя фамилия, потом вологодского Голенищева. Тот раздвинул спины колонтайцев и двинулся на зов, прямо сквозь строй Я подумал, что ослышался, но по рядам снова передали: «Вязинцева...»

– Ну и зачем им Алексей понадобился? – ворчливо осведомилась Таня.

– Сейчас узнаем... – сказал Оглоблин. – Не нравится мне это.

Я увидел, что Кислинг, Акимушкин и Цофин оставили свои отряды и направились к месту переговоров За библиотекарями шел Веретенев. Поравнявшись с нами, он подтвердил:

– Товарища Вязинцева Латохин просит...

– Куда? – насторожилась Таня. – Передайте, что Вязинцев не пойдет... Не ходите, Алексей!

– Товарищ Веретенев, – сказал Марат Андреевич, – давайте я вместо него...

– Я не понимаю... – растерялся тот. – Просили-то Вязинцева... Он же библиотекарь!

– И не надо вам ничего понимать! – резко сказала Таня. – Сами идите к своему Латохину...

Колонтайцы с удивлением смотрели на нас

– Ребята, вы чего? – тихо спросил я. – Нашли проблему. Наверняка, очередная формальность...

– А если нет? – засомневался Оглоблин. – Не идите. Пусть Латохин своей жизнью рискует, а не вашей Мы так не договаривались...

– Я не пущу вас! – Таня намертво вцепилась в мой рукав. – Марат Андреевич! Ну скажите ему! – со слезами в голосе произнесла она.

Мне было ужасно неловко, тем более, что я уже успел засветиться как паникер

– Марат Андреевич, пожалуйста, успокойте товарища Мирошникову, – я поправил освобожденный рукав и бросился догонять Веретенева

Павлики ждали решения Латохина Выглядели они одинаково, но я предположил, что их главный – Семен Чахов – посередине группы. Этот человек был безоружен, но держал в руках большой клубок склизких окровавленных потрохов. Бронзовые мухи неподвижными искрами облепили блестящее кишечное мясо

У остальных переговорщиков с шей спускались перевязи, в которых, точно младенцы в люльках, покоились загипсованные предплечья Видимо, это был актюбинский шик, типа рук в карманах. Белые мотоциклетные каски на головах украшала искусная аппликация бинтов.

Чахов разбирался в оформительском деле Даже оружие его свиты было по-театральному ярким и запоминающимся. Особо впечатляли кистени – на грубой стальной проволоке

щербатые, как метеориты, бетонные клубни, полные битого стекла – и вилы с навозной накипью на зубцах и нарочито обломанным черенком. Во всем чувствовалась рука художника Оружие, как и сами павлики, вызывало гадливость.

Чахов, покачиваясь, словно от изнеможения, тихо проскрипел:

– Мы подождем в сторонке... – руки его конвульсивно дрогнули, он выронил мерзкий клубок Декоративные внутренности, размотавшись, шлепнулись о землю Навозные мухи не взлетели – насекомые были устрашающей бижутерией

Чахов двинулся, и лента с мгновенно налипшим сором поползла за ним Я сознавал, что это спектакль, но когда Чахов медленно, будто якорную цепь, подтягивал к себе «кишки», мой живот пронзала штыковая боль

Колонтайцы, переглянувшись с Латохиным, оставили библиотекарей наедине

И тогда Латохин хмуро сказал:

– Товарищи, мне нужно с вами посоветоваться Как я и предполагал, павлики не хотят большого боя. Я попытался решить дело выкупом, Чахов отказался. Тогда я предложил поединок чести «один на один», с условием, что если он проиграет, то вопрос о Книге будет закрыт, если проиграю я, то его библиотека получит Книгу. Чахов говорит, поскольку за нас вступились шесть читален, то вполне логично, чтобы ответ держал не только я, но и мои союзники Одним словом, он настаивает на коллективном поединке «семь на семь»... Я умолял его ограничиться бойцами из нашей читальни, которым сам Бог велел рубиться за Книгу... – Латохин вздохнул, развел руками. – Чахова это не устроило Он, безусловно, проницательный, хитрый человек и понимает расклад вещей. Я не знаю, как мне поступить, и жду вашего совета...

– Расчет элементарно прост, – насутился Кислинг. – Если мы отказываемся, то закрутится мясорубка, которая унесет много жизней...

– Но мы были готовы к этому, – задумчиво сказал Цофин, – а Чахов предлагает отнюдь не простой компромисс. Да и я, честно говоря, не в лучшей форме...

Пришел и мой черед высказаться:

– А я не стану скрывать, что совершенно не имею опыта. Я всего лишь второй раз участвую в подобном мероприятии Не подумайте, что я трушу, но мне бы не хотелось подвести вас...

– Ну, Алексей Владимирович, не принижайте своих способностей, – сказал Голенищев. – Разведка донесла, как вы лихо разделили гореловского библиотекаря Марченко, а он был совсем не новичок...

– Товарищ Латохин, – прервал молчание Акимушкин, – большую ты ответственность на нас взваливаешь. Ведь если мы облажаемся, ты останешься без Книги!

– Я верю в вас... – Латохин беспомощно улыбнулся. – Товарищи, я вот что думаю... – Он поскреб макушку, потом осеменно сказал: – Вы поймите, это же вопрос не физической, а, если хотите, метафизической силы Наше дело правое, мы победим в любом случае!

– А на каких условиях проводится поединок? – спросил Зарубин.

– Павлики не отказываются от изначальных правил, – оживился Латохин. – Есть оговоренная территория боя, любой может по желанию выйти, тогда он вне игры и участвуют оставшиеся, а там... Ну... По факту победы, одним словом...

– В принципе, гуманно, – согласился Зарубин. – Ладно, ребяташки, я – за. Ста

смертям, как говорится, не бывать...

– Я и так сразу был согласен, – сказал Голенищев

– Есть альтернатива? – кисло усмехнулся Цофин

– Я человек компанейский, – Акимушкин обратился к нам. – Вязинцев и Кислинг, что вы решили?

Я, совершенно подавленный ситуацией, молча кивнул.

Кислинг пожал плечами:

– Всегда пожалуйста...

И Голенищев подвел итог:

– Товарищ Латохин, зови Чахова... Мы принимаем его условия

СЕМЬ НА СЕМЬ

Я услышал, как заплакала Таня. Марат Андреевич суетливо метался между Кислингом и Зарубиным Тимофеем Степановичем, схватив Латохина за грудки, что-то грозно выговаривал ему Старика еле оттащили.

Ко мне подошел Оглоблин Он сразу сказал библиотекарям Акимушкину и Цофину:

– Я на несколько слов Алексея Владимировича. Хорошо?... Вы, Алексей, главное, не нервничайте. Броня у вас исключительная, такой ни у кого нет, я сам проверял – топор, шашка не берут, а штык и подавно... И еще, вдруг и вам поможет... – торопливо продолжал Оглоблин. – Лично я перед боем обычно стараюсь песню вспомнить, лучше всего про Великую Отечественную войну, про героическую смерть – и сразу настроение подходящее, боевой дух просыпается. Это, конечно, не Книга Ярости, но все же какой-то допинг. Кстати, мне Маргарита Тихоновна намекала, что вы, когда у нее бывали, все поняли...

Это была непростительная забывчивость. Ведь не для пустого времяпровождения долгие часы просиживал я у Маргариты Тихоновны, слушая голоса советских скальдов, летящие из черных дыр виниловых пластинок. Оставались считанные минуты, а нужно еще было успеть воспользоваться неразработанной техникой мужества.

Оглоблин махнул на прощанье рукой и вернулся в строй. Я же покрепче сжал рукоять клевца. В метре от меня с топором стоял решительный Голенищев, за ним Цофин, уже подготовивший к поединку два тесака. Вытащили из ножен сабли Зарубин и Кислинг. Тусклым серебром светился клюв латохинского кайла. Акимушкин безмятежно поигрывал шестопером, разминая застывшую кисть.

Напротив переминались семеро павликов – гладкие безликие фигуры, похожие на огромные белые пешки, только с острыми костылями наперевес.

«Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей, – умственно замычал я. – Они до сей поры с времен тех дальних летят и подают нам голоса. Не потому ли так часто и печально мы замолкаем, глядя в небеса», – я настороженно прислушался к себе – с душой ровным счетом ничего не происходило. В панике я подстегнул новые строчки: «Летит, летит по небу клин усталый, летит в тумане на исходе дня, и в том строю есть промежуток малый, быть может, это место для меня», – но песня немой скулежом метнулась из правого мозгового полушария в левое. Я подумал, что спохватился слишком поздно, но упрямо продолжал заклинять птичье бессмертие: «Настанет день, и с журавлиной стаей я поплыву в такой же сизой мгле, из-под небес по-птичьи

окликаая всех вас, кого оставил на земле...»

Чахов, смотавший кишки в клубок, вдруг с размаху кинул его в нашу сторону. Павлики рванули с места, как гончие, на бегу поменялись местами, и моим противником оказался совсем не тот боец, которого я примерял к себе. Он был уже почти рядом, когда я до конца уяснил свою задачу в этом поединке. Нахлынувший адреналин согрел, словно глоток спирта, живот счастливо задрожал, и я догадался, что это не страх, а губительный азарт.

Я видел, Голенищев отступил на шаг, чтобы усилить будущий взмах, и его соперник, стоящий ко мне спиной, сделался идеальной мишенью для клевца. Острый удар штыка между лопаток только подбросил меня к цели. Все-таки Оглоблин постарался на совесть – протектор «белаза» не подвел, выдержал.

Я обрушил клевец на затылок голенищевского врага. Раздался дощатый треск. В следующую секунду будто литая молния пронзила мой сапог и ушла в землю. Рвотная боль плеснула из раненой ноги в голову и помутила ум. Мелькнувший приклад ошпарил свинцом висок, ухо и скулу. Красный звон затопил слух. Я упал, сверху рухнул раскинувший руки павлик. Он беззвучно закричал вывернутым наизнанку ртом, приподнялся на руках и вдруг страшно ударил меня лбом в переносицу, при этом голова павлика почему-то сразу раскололась, из нее, как птица, порхнул в небо вологодский топор, и бой на этом закончился...

Раньше мне было интересно, что такое «потеря сознания». Представлялось состояние сродни кошмару или сну. На деле все было много скучнее. Вначале я просто не существовал, потом появился вместе со светом из большого окна, лежал на спине, и надо мной простирался оштукатуренный потолок.

Я наскоро осмыслил мир и сразу ощутил его первое неудобство: лицо казалось туго спеленатым. Мне с трудом удалось приподнять руку, и я мельком увидел торчащую из предплечья капельницу. Я успел коснуться лица. На ощупь оно было отморозенным и каким-то тряпичным.

Похожий одновременно на ветеринара и агронома усатый мужик в белом халате и докторской шапочке бережно уложил мою руку на место:

– Очнулся, мотоциклист? Ну, с возвращением!

Я понял, что выжил, но особого ликования почему-то не ощутил. Недавний черный вакуум совершенно не казался мне страшным.

– Ой, побегу близких ваших обрадую, – проворковал вдруг над ухом озабоченный женский голос. – Тут же ваша родня съехала. И дядя, и сестра с мужем, и дед. Извелись уже. Ночь не спали... – белый, как снеговик, силуэт, шлепая тапками, поплыл к дверям.

– Ладненько. А я домой поеду. Устал... – сказал мужик. – Дядя твой ночью всю душу вытряс, ей-богу. Я ему: «Поверьте, – говорю, – я ради коллеги уж постараюсь, сделаю в лучшем виде...»

– Вы тоже библиотекарь? – спросил я половиной рта и похолодел от неожиданности. Мысль, что меня парализовало, вышибла вопрос, каким образом покойный дядя Максим «тряс душу».

– Почему библиотекарь? – ласково удивился мужчина. – Я хирург. Травматолог.

– Травматолог... – шамкающим эхом повторил я.

– Ты ночью к нам в больницу поступил. Кома второй степени... Да не пугайся! По-простому, сотрясение мозга с потерей сознания на пару часов. Тебя сразу в реанимацию, а

потом сюда. Дядька твой все сам оперировать рвался, я объясняю ему: «Родственников же нельзя!». Говорю: «Вы не переживайте, сделаем в лучшем виде!». Так что нос у тебя будет как новый, точнее, старый – без изменений! – Он засмеялся.

– А почему рот не двигается?

– Чудак-человек! Тебе же пол-лица обкололи. Ну, в смысле, обезболивающее ввели. Вот ты когда у дантиста бывал, новокаин в десну кололи?

– Да... Наверное...

– Ты мне лучше вот что ответь... Кто же по стройке, да еще ночью, на мотоцикле разъезжает?

– Каком еще мотоцикле? – на всякий случай спросил я. Впрочем, эта осторожность была излишней и запоздалой. Я уже прокололся с дядей-библиотекарем, и если бойкий хирург был из враждебного нам клана, то жизнь моя висела на волоске.

– Амнезию симулировать в другом месте будешь. Мне-то зачем врать? Я ж не ГАИ...

– Я правда не помню...

И тут к несказанному моему облегчению я увидел Марата Андреевича и Таню. Из-за двери тянули шеи Оглоблин и Тимофей Степанович.

– Артист... – с улыбкой сказал Дежневу доктор. – Слышишь, племян твой говорит, память отшибло...

– Как же, Антоша?! – деловито спросил Марат Андреевич. – Ты с товарищами ралли на стройке затеял, ногой зацепился за кусок арматуры, она тебе ступню насквозь проткнула, ну, понятно, слетел ты с мотоцикла, головой приложился о доску. Такие вот дела...

– Теперь вспомнил, – сказал я. – Спасибо.

– Вот и хорошо, – улыбнулся доктор. – Ну, общайтесь-лобызайтесь. Но не больше десяти минут. Больному покой нужен...

Широницы, словно птицы, обсели мою койку. Марат Андреевич коротко пересказал мне вчерашние события:

– Алексей, мы победили, Книга осталась у колонтайцев! Но если бы не ваш подвиг, все могло бы закончиться по-другому! Своими бесстрашными и жертвенными действиями вы сразу создали численный перевес и сковали вашего противника. Его добил Голенищев, затем помог Цофину, и уже вдвоем они решили исход всего поединка!

– Если бы вы только знали, как мы гордимся вами! – жарко произнес Оглоблин.

– Да ладно, – смутился я. – Просто не хотелось даром умирать, никого с собой не прихватив...

– Алексей, это и есть – подвиг, – убежденно сказал Марат Андреевич, – подвиг, который оценил даже такой сложный человек, как Семен Чахов!

– Если бы он меня здесь увидел, – я ощупал свое марлевое лицо, – то и в библиотеку бы к себе принял. Я сейчас точно – вылитый павлик.

Таня взяла мою руку и несколько раз поцеловала. Тимофей Степанович шмыгнул носом, ловко утер слезу, заулыбался и полез за носовым платком.

– Ну, зачем вы так, Алексей? – расстроился Марат Андреевич. – С вами ничего ужасного не произошло. Имеются ушибы лица Отеки за две-три недели полностью сойдут Да... Ушной хрящ еще разбит, не переживайте, на слухе это не отразится, просто ухо мягкое будет. А с ногой, я считаю, вообще повезло Сухожилие-то не задето. Вы здесь денек похвораете, а завтра мы вас домой повезем. Ребята ждут!

– Я забыл спросить, что с остальными? Что Латохин, рад?

– Не хотелось вас расстраивать... – замялся Марат Андреевич. – Но, мне кажется, лучше сказать. Да, товарищи? Латохин геройски погиб. И Зарубин тоже Вместо Латохина у колонтайцев за старшего Веретенев. Привет вам большой передают и благодарность от всей читальни.

– А павлики где?

– Ушли, как и обещали, в Казахстан, – Оглоблин махнул рукой в сторону предполагаемого юга. – Вся-то их семерка полегла Пощады не просили, бились до последнего... Кстати, – он улыбнулся. – Вчера прибыла помощь от Совета... Вовремя опоздали

Тимофей Степанович презрительно хмыкнул:

– Как всегда, в свинячий голос...

– И что?

– Да ничего Вежливо сказали им, что инцидент исчерпан, а ложка вообще-то к обеду дорога, и они убралась. О тебе, Алексей, кстати, расспрашивали. Ты теперь для всех знаменитость!

УГЛЫ

«Гусейнов Фигрутдин Анвар-Оглы, Гусейнов Аслан Иманведи-Оглы, Джабраилов Рамазан Рустамович, Хайтулаев Рашид Ахмедович, Магомадов Ахмадрасул Хайбулатович, Юсупов Хасан Пануевич...», – я осилил список до середины. В голове зашевелились тошнотворные жернова – недавнее сотрясение мозга еще давало о себе знать, особенно при чтении. Превозмогая дурноту, я сощурил глаза и побежал по цветастым именам-отчествам, как по ухабам, до конца списка: «Бачаев Искандер Казбекович, Измаилов Абдулхамед Тимербекевич, Садулхаджиев Альви Вахаевич».

– Посмотрели, товарищ Вязинцев? – прозвучал мягкий голос порученца Звали приезжего Роман Иванович Ямбых, и он был одним из ординарцев того самого Коврова, уродливого наблюдателя от Совета, присутствовавшего на нашей сатисфакции три месяца назад Я сразу обратил внимание, что в речи Ямбых успешно копирует эту опасно-вкрадчивую лисью манеру своего непосредственного начальника

Выглядел порученец неприятно – склизкий мужичок с мокрым, точно облизанным, лобиком Безымянный палец правой руки украшал синий наколотый перстень с сердечком внутри, а на левом предплечье зеленела татуировка в виде сисястой скрипки.

– Завершающий в списке некий Садулхаджиев, это уже человек Гирея или Бийгиреева, возглавляющего влиятельную преступную группировку региона, с широким спектром деятельности – от торговли оружием и наркотиками до разбоя, вымогательства и заказных убийств Ваши покойники встречались с ним, чтобы обговорить, если так можно выразиться, покупку лицензии на потрошение здешних угодий. Вот что нам пока известно.

– Постарались на славу, Роман Иванович, – сказал я, возвращая лист. – Вспомнили всех поименно. Какие еще у Совета претензии к читальне?

– Не надо язвить, товарищ Вязинцев, еще не известно, чем отзовется ваше самоуправство! И заметьте, это не в первый раз! Бегство читателя Шапиро, инцидент с гореловской читальней стоили вам взыскания категории «А»... Еще не получали протокол Совета? Вам передадут... И вот – новая проблема. Возможно, еще похлеще прежней Неужели вы не понимаете, что подставили всех нас под удар?!

– Роман Иванович, такое ощущение, что вам этих хасбулатов жалко, – сказал Дежнев.
– Мы действовали в целях общей безопасности...

– Подобные дела обсуждаются коллективно! – возразил Ямбых. – А вы снова наплевали на Совет! Правильно я говорю, товарищ Селиванова?

– Не совсем. Во-первых, люди, от которых исходила опасность, – все мертвы Второе, мы никоим образом не попали под подозрение ни органов власти, ни криминальных сил Что вам еще надо?! В-третьих, даже ваши эксперты никакого скрытого умысла не обнаружили!

– И не обнаружат! – произнес молчавший до этого Тимофей Степанович

– Действия – крик в горах, подождем, каким будет эхо. Возникшая проблема намного серьезнее, чем поначалу кажется Во-первых, – Ямбых ядовито улыбнулся Маргарите Тихоновне, – широнинцы привлекли внимание посторонних людей, причем довольно агрессивных. Все это говорит о грубейших нарушениях конспирации И попробуйте мне возразить. Во-вторых, у нас есть все основания подозревать – наезд на вашу читальню был совершен по наводке. Это означает, что некто извне пытается проникнуть в Тайну Книг. Если эта информация подтвердится, то, боюсь, ваша читальня, по всей вероятности, будет расформирована.

– Ежегодный прирост по всем библиотеками и читальням в среднем до двухсот человек, – поспешно добавил Луцис. – Вполне достаточно, чтобы где угодно произошла минимальная утечка Причем здесь мы?!

Ямбых кивнул:

– Ну да, вот у вас новый библиотекарь... Ого, товарищ Селиванова уже убить меня готова! – он трескуче засмеялся. – Повторюсь, мы еще не знаем, о чем идет речь: о чудовищном невезении ли, преступной халатности широнинской читальни или о внешнем заговоре Во всех случаях на карту поставлена всеобщая безопасность Даже если вы формально и не при чем, то имеются высшие приоритеты...

– Вы не находите, в этом решении Совета прослеживается некоторая предвзятость? – перебила его Маргариты Тихоновна.

– А вас, товарищ Селиванова, не удивляет, почему именно широнинская читальня снова оказалась эпицентром проблемы? Неужели только злой рок? – спросил с укоризной Ямбых. – Я не суеверный человек, я прагматик Проблемы преследует тех, кто их заслуживает. Мы разбираемся. Если у вашего самоуправления не будет последствий, думаю, дело ограничится взысканием. Обещаю, никто просто так не станет навешивать на вас собак Но пока для широнинцев на пару дней домашний арест, а там видно будет...

Нежданная беда нагрянула неделю назад До этого все шло прекрасно Полтора месяца в читальне царило спокойствие Двенадцатого июля мы с триумфом вернулись из Колонтайска Через неделю в больнице у Марата Андреевича мне сняли повязки На улицу я старался не показываться, стесняясь внешнего вида Отеки на скуле и переносице стойко продержались аж до начала августа.

Я, бывало, подолгу смотрелся в зеркало, с тревогой изучая непривычные синюшные черты. Впрочем, безвестный доктор не обманул меня – нос действительно остался

прежним, без боксерских перекосов и горбинок Пробитая штыком ступня зажила, сохранился лишь похожий на пуп шрам, который Марат Андреевич в шутку называл «стигматом библиотекаря»

Только мы вернулись, я позвонил родителям Новокаи́н уже не искажал мою речь, и я бодрым голосом непринужденно сообщил, что нашел работу – вести театральную студию в местном ДК. Я-то понимал, что широнинцев не покину, и мне нужно было подготовить близких

На новость отец отреагировал спокойно, он давно предвидел такой вариант, а мама, наоборот, забеспокоилась, как же я буду жить один в чужом городе, и посетовала, что не может приехать – Вовка сама не справляется с Иваном и Илюшкой. Я сказал, что у меня будет нормальная зарплата и интересная работа, и я, наверное, вскоре подам документы на российское гражданство Потом я заверил родителей, что при первой же okazji навещу их

Книга еще была на хранении у Маргариты Тихоновны Я сам это предложил, мотивируя просьбу тем, что каждодневные паломничества читателей утомительны, а мне нужны тишина и полный покой Широнинцы не спорили, но сказали, что постельный режим подразумевает если не охрану, то, по меньшей мере, сиделку Я выбрал для этой роли Таню.

После колонтайских событий я вдруг осознал, что имею право на женщину. Две следующие недели Таня прожила у меня. Некоторое время я испытывал неловкость перед Вероникой – очень не хотелось, чтобы могучая девушка чувствовала себя оскорбленной моим выбором. Впрочем, сколько я ни наблюдал за ней, я не заметил в ее глазах и намек на ревность или обиду. Мне кажется, я не ошибся с выбором. Преданная читальне и Книге, Вероника хлопотала лишь о моем «мужском удобстве», а Таня просто любила меня...

Одним словом, полтора месяца все шло хорошо И вдруг августовским вечером раздался звонок Чуть смущенно Маргарита Тихоновна сообщила, что у читальни возникли неприятности и дело не терпит отлагательства. Она оповестила читателей. Все собираются у меня.

– А что, собственно, случилось, Маргарита Тихоновна?

– Не телефонный разговор...

Через час широнинцы были в сборе Луцис, волнуясь и негодуя, поведал нам о произошедшем:

– Вчера мы с Гришей возвращались от Маргариты Тихоновны, он Книгу читал, и я обещал проводить его домой...

В июле Вырина выписали из больницы. Он быстро шел на поправку, хотя еще нуждался в помощи Книга все-таки была сильнейшим эмоциональным потрясением, и на обратном пути кто-нибудь из наших неизменно сопровождал Гришу В тот раз с ним был Денис

Возле самого подъезда Вырина их остановили двое молодых людей кавказской внешности и соответствующего выговора. Это были кузены Гусейновы – Фигрутдин Анвар-Оглы и Аслан Иманведи-Оглы – по прозвищу Углы Денис уже слышал о них.

Старшему Углу – Фигрутдину – было двадцать два, младшему – девятнадцать. Братья еще только расправляли криминальные крылья, помалу осваивая нехитрое искусство шантажа и вымогательства Новоявленная «бригада» насчитывала пока всего восемь человек – тощих и злых отпрысков Чечни и Азербайджана, – и промышляла на нищей окраине, где не водилось конкурентов В короткие сроки Углы с товарищами поработили в районе престарелых и опустившихся собирателей бутылок, обложив данью Окрепнув, Углы подобрались к пунктам сбора стеклотары У строптивых хозяев,

не желавших платить, приключились на складах пожары.

Возле небольшого автовокзала на длинной аллее по утрам возникал спонтанный базарчик – бабки из пригорода везли на продажу огородные излишки. Углы назначили нелегалам цену за место, а в случае отказа платили обещали натравить ментов или же угрожали полной экспроприацией товара Жаловаться нарушающим закон бабкам было некуда, и они согласились на отступные

Следующими жертвами стали представители частного извоза Угрозы сжечь машину действовали безотказно Углы не стеснялись спекулировать грозным этническим составом бригады, а люди испытывали панический страх перед чеченцами.

Впервые Углы продемонстрировали характер в разборке с цыганами Они предложили разделить территорию пополам и сослались на «крышу» – известного авторитета Гирея, с которым даже не были знакомы. Цыгане, избегая конфликта, согласились Половина дела была сделана, оставалось уговорить Гирея взять их под свою опеку.

Для солидности Углы спешили прибрать к рукам все мелкие притоны, чтобы обеспечить сбытом на будущее. Они надеялись когда-нибудь вытеснить цыган и стать полновластными хозяевами окраины...

– Нам сказали, «старухина точка» берется под контроль, – докладывал ситуацию Луцис. – Им, дескать, про нас все известно, они давно наблюдают за Селивановой, назвали адреса Дениса, Саши...

– И самое неприятное, – сказал Вырин, – они знают адрес Алексея Они действительно следили за нами...

– Я подведу итог, товарищи, – заключила Маргарита Тихоновна. – Как это ни абсурдно звучит, какие-то проходимцы вообразили, что я содержу притон. Между прочим, сегодня уже ко мне лично подходили с теми же угрозами. Ничего не понимаю, – она удрученно вздохнула. – А я так любила Кавказ, раньше часто туда в отпуск ездила...

Вполне возможно, визит кавказцев был изощренной провокацией, – нас испытывали, пытались подставить. Но при этом козни Совета не выходили за рамки громовского универсума, с его этикетом, правилами Бытовая же напасть извне была страшна неуправляемой стихийностью. Возникали вопросы, кто эти чужаки, почему они выбрали нас, какую истинную цель в конечном итоге преследуют.

Допустим, они прицепились к нам по недоразумению, досадному стечению обстоятельств, сложившихся невольно в идеальную приманку для бандитов. Ведь рассказывала Маргарита Тихоновна, что и раньше шептались соседи, будто Селиванова приторговывает самогоном и воровит за деньги – уж слишком часто приходят к ней самые разные люди Изможденный Вырин или Сухарев с нечистой гипсовой повязкой, да и я сам, хромым, в синяках – мы производили впечатление личностей асоциальных, давали почву пересудам Все бы ничего, но слова: «Мы давно следим за вами», – решили судьбу Углов Медлить было нельзя.

– Шлепнуть чурок подчистую, – просто сказал Сухарев. – Это надежнее всего Сами они уже не отцепятся

– А как исполнить? – поинтересовался я. – Массовое автомобильное крушение?

– Сложно, Алексей, – задумался Дежнев. – Проще симитировать банальную разборку с цыганами, в стиле «поножовщина». Цыгане вполне могут иметь претензии к Углам. Раньше они здесь все крышевали, потом их крепко потеснил Гирей, а Углы спешат лечь под Гирея. У ментов не должно возникнуть никаких вопросов Пусть Бийгиреев после, если захочет, разбирается с местным бароном...

– Есть идея, – предложил Сухарев. – Мрази постоянно висают в шашлычной на водохранилище, ну, бывшее кафе «Теремок». На выходные точно там появятся Места глухие, свидетелей не будет. Когда Углы празднуют, нормальные люди сразу уходят – боятся. Так что трудностей с засадой не возникнет.

«ТЕРЕМОК»

От операции широнинцы меня отстранили по состоянию здоровья. Под этот же диагноз попал и Вырин. Как ни обижался Луцис, его также не взяли – враги знали Дениса в лицо. По той же причине отказались и от силовой помощи Сухарева – он часто бывал у Маргариты Тихоновны и мог примелькаться Углам. Саша, Денис и я довольствовались посильным участием в теоретической разработке засады.

За машинами Углов – старенькими «маздой» и «опелем» – была установлена постоянная слежка. Мотоцикл Возгляковых и «раф» Оглоблина не выпускали Углов из виду и выучили все их маршруты.

«Теремок» – летнее кафе на берегу Урмутского водохранилища – был местом неживописным и тихим – песчаное подворье в обрамлении неухоженного кустарника. В зимнем павильоне находилась кухня и десяток столиков, во дворе – беседки с двускатными крышами на бревенчатых сваях – теремки, благодаря которым кафе получило свое название. В последние годы «Теремок» часто менял хозяина. Нынешний владелец превратил его в шашлычную. Работали там три человека – повар, помощник и официантка, она же уборщица.

План был продуман до мельчайших деталей. За час до приезда Углов требовалось обезвредить персонал. Роль повара брал на себя Кручина, ему ассистировали Оглоблин и Анна Возглякова. Марат Андреевич и Таня стали семейной парой, заглянувшей на дымок. Тимофей Степанович слонялся за изгородью, выискивая заранее разбросанные бутылки. Иевлев за оградой орудовал лопатой, углубляя сточную канаву. Специально для засады он изготовил десяток стальных шампуров, сам заточил острия и сделал удобные рукоятки, как на толчковых ножах. Были отработаны всевозможные схемы на все случаи, в зависимости от того, какой стол предпочтут враги. Кто же мог тогда подумать, что этот выверенный план обернется страшной трагедией...

Едва Углы и их люди погрузились почему-то в три машины – к эскорту добавился «мерседес» – и тронулись к водохранилищу, Сухарев из уличного автомата позвонил Маргарите Тихоновне, сидящей на телефоне в медицинском пункте спасательной станции. Снаружи у мотоцикла дежурила Светлана Возглякова. За несколько минут она домчалась к «Теремку» с вестью – «боевая тревога».

Безмолвные фигуры в масках проникли в павильон и намертво скрутили повара, его помощника и официантку. Кручина, Оглоблин и Анна надели фартуки и начали готовиться к встрече.

Наиболее оптимальным был средний теремок, равно приближенный ко всем участникам засады. Чтобы привлечь к нему врагов, все остальные столы были заставлены грязной бумажной посудой в пятнах жира и кетчупа. Там загодя положили шампуры.

Посетителей оказалось девять, больше на одного, чем предполагалось. Но и такой расклад был предусмотрен. Едва они завалили во двор, Оглоблин с гостеприимной улыбкой потащил стул к средней беседке. Гогочущая свора расселась на боковых лавках, по четыре с каждой стороны. Девятого гостя Углы посадили во главе стола. Как выяснилось позже, это и был роковой человек Гирей, и «мерседес» принадлежал ему.

Братья Углы еще не успели заразиться осторожностью. Их удовлетворило радушное объяснение, что хозяин выехал по делам, а прежний помощник и официантка уволены за небрежность и взяты новые. Тут же старший Угол выслушал угодливые заверения

повара, что мясо самого наилучшего бараньего происхождения.

Метрах в двадцати, за зеленеющей оградой, в канаве махал лопатой работяга Кручина извинился за возможный шум и уныло сослался на санстанцию, потребовавшую углубить и отвести от двора сточную канаву Юркнувший во двор старик-бомж нацелился на пустую бутылку, Кручина грозно шикнул на него, и старик, без добычи, покорно убрался. Потом усердный повар занялся готовкой у мангала. Оглоблин принес минеральной воды, виноградного сока, лаваш, нарезанных овощей, зелени и острую закуску из баклажанов. Алкоголь гости принципиально не употребляли, но с удовольствием курили удушливый гашиш.

Через двадцать минут подоспел шашлык. Кручина понес к столу пять порций, веером зажав в правом кулаке сразу три шампура, а в левом – два. Рядом в цветном фартуке вышагивал Оглоблин. Из его дымящихся кулаков вырастали еще четыре огромных шампура, больше похожих на бандерилы.

Во двор забрела семейная пара, но Кручина сразу им крикнул:

– Заказной банкет, сегодня никого не обслуживаем! – и чарующе улыбнулся кавказскому теремку.

Пара недоуменно топталась на месте. Старик-бомж проскользнул за их спинами, подхватил бутылку и сунул в мешок.

Кручина строгим голосом повторил:

– Я же русским языком сказал: мы закрыты!

Анна, прибиравшая на соседнем столе, отложила тряпку и взяла в руку пустой шампур. Иевлев уже не возился в канаве, а с лопатой на изготовку притаился за кустами.

Кручина и Оглоблин подошли к столу. Все девять сидящих смотрели только на них, предвкушая пищу.

– Приятного аппетита, – сказал ключевые слова Кручина.

В сидящего во главе стола бандита вонзилось одновременно три смертоносных жала. Из спины его соседа слева выбились два острья, а на груди жир от мясных ломтей, мешаясь с кровью, растекся по белой ткани рубахи. Еще двоих пронзили шампуры. Оглоблина. Перемахнувший через кусты Николай Тарасович рубил лопатой четвертого – левая половина стола погибла в считанные секунды. Люди напротив даже не успели отреагировать. Одного пырнула в шею своим шампуром Анна, второму подоспевший Тимофей Степанович раскрошил кистенем затылок. Оставшихся крестовыми ударами шашки приговорил Марат Андреевич.

Но кто мог подумать, что один из трех шампуров, которыми бил Кручина, попадет в стол и затормозит другие два, и они погрузятся в тело недостаточно глубоко, чтобы остановить жизнь. Раненый смог рвануть из-за пазухи пистолет и выстрелить.

Оглоблин упал. Из головы его спазматичными толчками на утопанный песок хлестала кровь. Взмахнул лопатой Иевлев, отсекая руку, сжимавшую пистолет. Зарычал Кручина, вгоняя предательские шампуры, так что на груди врага сплющились в ком куски дымящегося мяса.

Присевший на корточки Марат Андреевич перевернул уже мертвого Оглоблина:

– Погиб наш зеркальный тезка... Ушел за Ларионовым...

– К чему была эта игра в благородство? – горько спросил повисшую тишину Тимофей.

Степанович

– Лучше бы мы их отравили, – сказала Анна Возглякова. – Все их собачьи жизни не стоили и одной его минуты...

С блеском начавшаяся операция была провалена Смерть Оглоблина перечеркнула все Тимофей Степанович и Иевлев потащили Оглоблина к машине. Марат Андреевич и Таня плескали из канистр на трупы. Чиркнула спичка, и сидящие за столом тела вспыхнули смрадным бензиновым пламенем На сваях теремка задрожала рваная сине-огненная бахрама

Врагов больше не было, но читальня вновь осиротела.

КРЕМАЦИЯ

Спросонья не угадал, что разбудило: телефон или будильник. Очнулся, словно после обморока В коридоре услышал шаги, легкое клацанье трубки, потом ахнувший голос Вероники: «Мальчики, погиб Федор Александрович!»

Во рту сделалось солоно, будто я глотнул мутной крови В комнату, медленный и бледный, вошел Луцис:

– С Оглоблиным несчастье... – растерянно сказал он

Показался в дверях Вырин:

– Ты не плачь, Вероника, – поспешно обернулся он в коридор. – Может, еще не точно? Может, ранен?

– Марат Андреевич сказал – насмерть, – утерла слезу Вероника. – Его к нам повезли. Теперь все Алексея ждут, чтобы он принял решение...

Горькие минуты переживала наша читальня Обмытый и переодетый в гробовую одежду, Оглоблин стыл на железной кровати покойной Марии Антоновны Возгляковой. А мы, его товарищи, тихими голосами обсуждали кощунственные меры предосторожности, требующие от нас немедленных действий. Оглоблин должен был навсегда исчезнуть, пропасть без вести и никогда больше не найтись. Для приличия мы говорили о похоронах, но на самом деле речь шла об утилизации У Оглоблина не могло быть могилы

Мы кое-как расселись в маленькой гостиной Возгляковых – кто за круглым столом, кто на древнем, с кожаной спинкой, диване, украшенном гобеленом с оленями и кружевной паутиной салфеток. За окном стемнело. Три гнутых, похожих на коровьи рога, плафона люстры желтели костяным светом.

Вокруг стола рыскала собака Оглоблина, дряхлая овчарка Латка, тянула черным носом еще неуловимый запах покойника и выдыхала жалкий скулеж Хоть Анна и растопила маленькую, вросшую в стену «голландку», мне было холодно, точно я опустил в сырой известняковый погреб

Кто мог тогда предположить, что пуля, разбившая голову Оглоблина, убийственным рикошетом ударит по всем широнинцам Поначалу ситуация казалась хоть и трагичной, но предельно ясной Огнестрельная рана расставила все по местам: к нам по недоразумению привязались чужаки, не имеющие никакого отношения к Книгам Чтобы кровавые события не всплыли ни в Совете, ни в милиции, надо было избавиться от единственной улики, выдающей нашу причастность к бойне, – трупа Оглоблина.

Вставал вопрос, где и как хоронить Федора. Возгляковы намеревались в собственном дворе, в шахте высохшего колодца. От этой идеи пришлось отказаться Близкие отношения Оглоблина с Анной не были секретом Мы хорошо понимали чувства старшей

Возглаголюющей, и тем больше прозвучали справедливые слова Марата Андреевича

– Анюта, – сказал он, – вас наверняка видели вместе Кто угодно, твои сослуживцы или знакомые Федора Нельзя исключить такой вариант, что к вам заявятся с обыском. Если вы, не дай Бог, попадете под подозрение, милиция перероем тут все...

– И что же вы предлагаете? – с надрывом спрашивала Анна. – В кислоте Федора растворить?! Расчленим и свиньям скормить?!

– Что ты говоришь! – Таня обняла подругу за плечи

Маргарита Тихоновна в обсуждении участия не принимала, отмалчивалась в стороне Сроком, когда-то отпущенный ей врачами, уже давно начал свой отсчет. Она осунулась, вся волевая сосредоточенность была направлена внутрь, на пораженные метастазами внутренности Всякий раз поборов болевой приступ, она вытирала скомканным платком со лба и висков лимонный пот, больше похожий на гной. Единжды встретившись с ней глазами, я содрогнулся от скользящего взора, полного жалости и изможденной бессильной любви, – Маргарита Тихоновна оглядывала поредевшую читальню и словно видела на всех нас страшные приметы своего гибельного недуга Нас оставалось тринадцать...

– Я предлагаю Федора кремировать, – Кручина поднялся из-за стола, – у меня в литейном, – хмуро пояснил он. – Опустим тело в вагранку Там температура полторы тысячи градусов, все сгорит без следа... А что? Красивые похороны, по-моему, – сказал он и отвернулся. – Только спешить надо. Заканчивается вторая смена, если выплавится весь чугун, вагранку остановят А завтра воскресенье, придется еще сутки ждать...

– И как ты себе это представляешь? – недоверчиво спросил Тимофей Степанович. – В цеху же люди

– Производство скромное Одна вагранка на капитальном ремонте, вторую четыре заливщика обслуживают и вагранщик. Я их отвлеку, – успокоил Игорь Валерьевич, – найдется, о чем поговорить.

– А завальщик? – вспомнил я забытое со времен институтской практики слово

– Да там такой дядя Яша, он уже давно поллитру раздавил и спит. А вот на третью смену к одиннадцати придут выбивщики. Эти будут трезвые. Лучше поторопиться.

– Погоди, – не унимался Тимофей Степанович. – Я не соображу, как незаметно доставить тело?...

– Через забор от нас – детский сад. У меня работяги шабашат, кресты кладбищенские льют на продажу. Я, знаете, не возражаю, им семьи кормить надо, а зарплаты мизерные, они же не воруют, по большому счету, из отходов делают... Вот... Отливки за забор опускают на веревке в этот самый детский сад, и после смены подбирают... А мы, стало быть, наоборот, занесем тело на территорию завода...

Вырин посмотрел на часы:

– Ребята, вообще-то без трех минут девять...

– Куда ехать-то?! – нервничала Светлана. – Ночью?

– Точно! – с отчаянием вторила Вероника. – Опоздали!

– Девочки, Аннушка, Светлана, Вероника, родные мои, – Таня мучительно вздохнула, – ну, поймите наконец, погиб Федор, его не вернешь! А хоронить надо!

– И еще... – Игорь Валерьевич чуть помедлил. – Всех взять не получится Максимум троих. Иначе группа будет слишком заметна. Сам я пойду на проходную

Я почувствовал, что настал черед поставить в обсуждении категоричную точку и, опережая протесты сестер, твердо сказал:

– Я согласен с Игорем Валерьевичем. Надо немедленно отправляться в путь На похороны поеду я, Иевлев и Дежнев. – Старшая Возглякова болезненно вздрогнула и опустила голову. – У остальных есть минута проститься с Федором Александровичем...

Оглоблина на одеяле занесли в машину. За руль сел Иевлев, рядом Кручина, чтобы указывать дорогу Я пристроился в изголовье трупa, рядом с хмурым Маратом Андреевичем.

Печальная дорога заняла минут сорок «Раф» остановился неподалеку от детского сада. Уже совсем стемнело, и кусты, лезущие ветками сквозь клеточные дыры заборной сетки, выглядели лохматыми черными тенями, вставшими на дыбы Дождавшись, когда на улице не будет ни единого прохожего, мы вылезли из машины

Кручина шепнул: – Крайняя площадка слева Спрячетесь за деревянным павильоном, я вам свистну, – и зашагал по направлению к заводу.

Вдалеке послышались «Подмосковные вечера», исполняемые нестройными пьяными голосами Одеяло тут же перекочевало обратно в машину Наконец, подгулявшая компания удалилась. Марат Андреевич и Николай Тарасович снова вытащили Оглоблина. Он закоченел до такого состояния, что тело можно было переносить в вертикальном положении, под руки, как манекен, – это несколько упрощало нашу задачу Стоячая фигура издали походила на живого человека.

Мы проскользнули через калитку, быстро свернули по дорожке налево. Шаркающий гравий сменился бесшумным асфальтом Ветер мел из песочниц с обваленными бортами скрипучий песок, точно корабельные снасти, скрипели качели. Я шел первым, а за мной нагруженные мертвецом Дежнев и Иевлев

За павильоном мы ждали условленного сигнала Наконец раздался короткий, трижды повторившийся свист. Иевлев осторожно перевалил Оглоблина через забор, а там Кручина подхватил тело на руки. Затем перебрались и мы

Глухая длинная стена – Игорь Валерьевич сказал, что это столовая, – и заросли крапивы вперемежку с лопухами с обеих сторон укрывали нас Мы крались вдоль забора за магазином, лабораториями, котельной, потом вышли на аллею, ведущую к административному корпусу. Там, у входа, высилась массивная конструкция в виде исполинского перекрестья серпа и молота, на изгибе серпа крепилась Доска почета. Я почти сразу увидел эмалевый овал с лицом Игоря Валерьевича. На фото он был лет на десять моложе себя нынешнего, с чуть редющей копной взлохмаченных волос

Один за другим тянулись сборочный, механический, штамповочный цеха – высокие, похожие на самолетные ангары кирпичные постройки, крытые дюралем

– Который год простаивают, – пояснил Игорь Валерьевич. – Только наша литейка полноценно и работает Сколько ж народу уволили! Больше двух тысяч человек трудилось, а теперь если пару сотен наберется, и то хорошо. Все запущено. Видите кусты – их раньше, как пуделей, стригли, а теперь позарастало На клумбах, помню, Ленина из маргариток высаживали...

Чугунолитейный цех был самый удаленный. Первые несколько минут нашего пути над крышами виднелись две черных трубы. Из одной в небо сизыми петлями уползал дым

– Нормально, – ободрил нас Игорь Валерьевич, – не опоздали

Мы остановились возле приоткрытых металлических ворот. Еще невидимое пространство дышало звенящим гулом, стелился желтый дымящийся свет, тянуло теплым кисловатым духом горелой земли.

– Подождите... – сказал Кручина и скрылся в цеху.

«Сережа, ну-ка сюда подойди!» – грозно прогудел его голос. «Привет высокому начальству!» – донеслось из гулких недр. – «Случилось чего?» – «Случилось!»

Мне показалось, невидимого Сережу схватили за грудки.

«Я все понимаю! – рокотал Кручина. – Маленькая зарплата! Инфляция! Я же, блин, либерал! Но кое с кем нельзя по-хорошему! Вы же, как свиньи, где спите, там и срете! Я предупреждал, чтоб ты с этим пидарасом профкомовским не связывался! Предупреждал или нет?! Что киваешь? В курсе, что сюда сейчас заявится Гаркуша?!» – «И че?» – «Через плечо! Уголовное дело заведут! Обосрался?! Правильно! Здоровая реакция организма!» – «Ну Игорь Валерьевич! Мы же по-честному хотели! По правде!» – «Где правда была, там хуй вырос...» – «Ну, Игорь Валерьевич! – плаксиво взмолился Сережа. – Я больше никогда! Землю жрать буду!» – «Говно! На завтрак, обед и полдник! Быстро в лабораторию! И чтоб ни звука! Пока сам не позову...»

Через минуту Кручина высунулся наружу, прошептал нам:

– Заносите Федора...

Мы вошли под закопченные сумрачные своды. Пол в цеху казался земляным, только изредка фрагментами чугунных плит просвечивало его прочное дно. Высились две черные, упирающиеся в потолок колонны вагранок с прилепившимися к ним решетчатыми террасами завалочных площадок. Внизу могильными рядами лежало десять форм, хранящих отгисск креста – опрокинутое навзничь кладбище пустоты.

Игорь Валерьевич бросил взгляд на дальние двери, где, вероятно, скрылась работавшая смена, и сделал подгоняющий знак рукой. Дежнев и Иевлев потащили Оглоблина к вагранке. На крутой, почти отвесной лестнице для двоих было уже тесно. Иевлев в одиночку занес труп на завалочную площадку. Следом поднялись мы.

Пылающий прямоугольный лаз топки дышал удушливым жаром. Гудело огненное марево, такое яркое и пронзительное, что делалось больно глазам.

– А точно получится? – прошептал Марат Андреевич. – Вдруг забьется вагранка, ее разберут по кирпичику и найдут кости или череп...

Мне тоже стало не по себе, хоть я понимал, что в шестистах литрах жидкого чугуна растворится все.

– Исключено. Сгорит мгновенно...

Я и Дежнев поддерживали Оглоблина за ноги, направляли Иевлев и Кручина. Тело нырком исчезло в пламени завалочного окна. Лишь столп поднятого жара плеснул по нашим разгоряченным лицам. Запахло палеными тряпками и раскаленной сковородой.

– Что теперь? – спросил пересохшим горлом Марат Андреевич. – Уходим?

– Зачем? – удивился Игорь Валерьевич. – Теперь чугун разлить надо. Пойду этих оболтусов позову...

Вскоре они вернулись. Первым вышагивал вагранщик Сережа, мужик лет тридцати с румяным бабьим лицом, за ним вразнобой топали четыре заливщика, долговязые и колеблющиеся как ковыль.

Сережа отирал скользкий пунцовый лоб рукавом и с обидой говорил Кручине:

– Мне одно не ясно, Игорь Валерьевич Почему я крайний?!

Он понял, что гроза миновала, и давал волю оскорбленным чувствам Заметив нас, он осторожно кивнул: «Драсьте...» – и посмотрел на Кручину.

– Это со мной, – сказал тот.

– Ага... – безропотно согласился с объяснением Сережа

Проходя мимо сваленных у стены мешков, он вдруг наклонился к одному и прокричал:

– Дядя Яша, а ну вставай! Все, пиздец тебе! Ты че наделал?! Вставай, говорю!

Мешок подскочил и оказался растрепанным мужичонкой:

– Чего?!

– Того! Ты завалку проспал!

Разбуженный дядя Яша кукольно похлопал угольными ресницами, кубарем скатился на пол:

– И че теперь?!

– Через плечо! Вторую вагранку заморозил! Я начальство вызвал – видишь?! Как теперь «козла» выбивать? Может, хером твоим? В тюрьму тебя посадят!

Дядя Яша жалостливо сморщил лоб, словно собирался заплакать На вид ему было лет пятьдесят, но маленькое испитое лицо оставалось детским, как у лилипута.

– Ладно, дядя Яша, пошутил я, – резко прекратил потеху Сережа и направился к вагранке.

Дядя Яша беспомощно поморгал и снова повалился на мешки, уверенный, что жестокий розыгрыш привиделся ему в алкогольном сне.

Сережа тем временем взял в руки багор и подступился к желобу.

– Один ковш у тебя экспроприрую... – предупредил Кручина.

Сережа опешил:

– Так у нас это... одни ж кресты заформованы!

– Ну и нормально Я вот один крест и возьму.

– Это... ну... я не знаю... – потянул Сережа. – У нас заказ.

– Сережа, ты что? Страх потерял?

– Да хоть все заберите, Игорь Валерьевич! – разозлился вагранщик Беззвучно матерясь, он ткнул багром в летку Из образовавшейся в глине дыры по желобу потек оранжево-белый металл. Заливщики подняли ковш за приваренные рогачи и понесли к опоке. Их место у желоба сразу заняла вторая пара

Десятый ковш оказался последним, его разливали Кручина и Иевлев Я догадался, что, по задумке Игоря Валерьевича, именно в этом ковше символически покоился сгоревший прах Оглоблина Отливка универсально олицетворяла надгробье, гроб,

покойника и могилу.

Мы сгрудились вокруг остывающей формы с Оглоблиным, как в торжественном карауле, и простояли почти до трех часов утра. Наконец, Игорь Валерьевич бережно извлек из опои еще теплый крест, собственноручно отбил литник. Видимо, форма была сделана не очень аккуратно – на обратной стороне креста имелись газовые раковины, но это не имело особого значения. Наш мертвый товарищ по-прежнему был с нами. Он, бывший при жизни нестигаемым и прочным, стал после смерти чугуном, – так торжественно и гордо думалось мне.

На рассвете мы возвратились к Возгяковым. Тяжелый крест воткнули в землю под старой сторбленной яблоней в саду, чтобы Анна в любую минуту могла приходить к Оглоблину на могилу.

Потом Сухарев отогнал «раф» на водохранилище – с гибелью Оглоблина автобус уже не принадлежал нашей читальне. На берегу в укромном месте Саша растыкал удочки, выложил на газете нехитрую закуску и опорожненную водочную поллитровку. Если бы милиция начала искать исчезнувшего Оглоблина, то, обнаружив опустевшую стоянку, брошенный «раф» и удочки, решила бы, что незадачливый рыбак спьяну полез в воду и утоп.

КАРАНТИН

Уничтожение банды Углов не сделало большого шума в городе. О бойне под Урмутом дважды упомянули в безликих новостях на местном телеканале, где-то между «семья Хохлаковых поздравляет дорогую мамочку с днем рождения, желает ей здоровья, счастья» и доморощенной рекламой мебельного салона «Парадиз». Сказали: «бандитская разборка», «персонал кафе не пострадал» и «ведется следствие».

О том, что операция не сошла нам с рук, мы узнали от библиотекаря Буркина. Совет в тот раз заседал в Ижевске. Буркин поехал туда улаживать свои дела. Полной неожиданностью для него был доклад представителя клана Шульги об урмутских событиях. Говорили обыденно, без надрыва, дескать, широнинская читальня провела несанкционированную зачистку и никого об этом не предупредила. Кто-то в президиуме вспомнил, что Буркин оказал нам помощь в сатисфакции, и его вынудили дать подписку о неразглашении. Все это чрезвычайно встревожило Василия Андреевича. Он почуял опасность и, нарушая закон, предупредил нас.

Поздно было гадать, откуда стало известно о наших бедах. Луцис высказал идею, что среди обиравемых Углами бомжей, возможно, таился соглядатель, который и донес Шульге. Надо было опередить возможные штрафные санкции и самим доложить старосте региона Терешникову об инциденте с Углами, выставив события в наиболее выгодном свете. О гибели Оглоблина мы из предосторожности не сообщали Совету. Нам только не хватало ревизоров и проверок.

Прием с повинной головой, которую меч не сечет, сработал, на первый взгляд, безупречно. Нас нельзя было обвинить в преступном укрывательстве фактов. В Совете отмахнулись, буркнули, что мы были обязаны оповестить их до «зачистки» на водохранилище, а никак не после. На этом все и заглохло. Но успокоились мы, увы, преждевременно.

Потом нагрянул вроде бы с пустячной инспекцией Ямбых. А на следующий день он, исполненный важности, вдруг объявил, что читальня находится под домашним арестом. Проблема, сначала не существовавшая для Совета, вдруг за сутки оказалась раздута до угрожающих размеров. И что было самым трагичным – исчезнувший малой песчинкой в житейском море читатель Оглоблин грозил обернуться камнем на шее всех широнинцев. Заявлять о нем уже было поздно, оставалось лишь уповать, что его не хватятся наши ревизоры.

Люди Ямбыха рыскали по городу несколько дней в поисках компромата и вроде бы ничего не находили. Мы не хотели лишний раз дразнить шульгинского порученца и

старались выполнять его вздорные приказы не отлучаться из дому. За это время Ямбых дважды связывался с нами

Наконец, он в третий раз дал о себе знать: «Товарищ Вязинцев! – с ликующим визгливым задором прокричало в трубке. – У меня важное сообщение Соберите сегодня вечером всю читальню!». Не понятно, куда клонил хитрый порученец Вероятно, Ямбых что-то разнюхал и теперь этим общим сбором он пытался вывести нас на чистую воду. Тогда бы пришлось объяснять, куда подевался читатель Оглоблин «Роман Иванович, – осторожно предложил я, – может, не стоит всех тревожить? Давайте я Селиванову позову и Дежнева Это старейшие уважаемые читатели...»

Ямбых не спорил и назначил встречу на семь вечера

«В конце концов, – успокаивал я себя остаток дня, – зачем ему нас пересчитывать? Наверняка о широнинской читальне он знал понаслышке. Даже если бы его ознакомили с коллективным фото читальни, вряд ли бы он запомнил каждого широнинца в лицо. – Так думал я. – Ямбых здесь только разобраться, почему к нам прицепились кавказские бандиты».

Тогда вечером и прозвучало колючее больничное слово «карантин»

– Для объективности нашей ревизии, – скупое пояснил Ямбых. – Кстати, у вас в читальне имеются мобильники?

– Откуда, позвольте спросить? – с гордым неудовольствием произнесла Маргарита Тихоновна. – Мы что, бизнесмены или воры какие-нибудь?!

– Да ладно вам... Двухтысячный год на дворе, – скривил губы Ямбых. – Мобила уже давно не предмет роскоши...

– Но среднего достатка, – заключил Марат Андреевич. – Этим похвастать мы, увы, не можем. А в чем проблема, товарищ Ямбых? Срочно понадобилась сотовая труба?

– Как раз нет, – Ямбых отмахнулся. – Карантин в первую очередь подразумевает полную информационную блокаду...

– То есть?... – насторожился Марат Андреевич.

– Мы настаиваем, чтобы на период ревизии у вашей читальни были обрублены все внешние контакты!

– Телефоны в домах отключить? – спросила Маргарита Тихоновна.

– К сожалению, это уже не выход. Вам предписывается покинуть город всей читальней

– И куда же нам податься?

– Туда, где вы будете изолированы. Об этом мы и должны договориться

– Слушайте, Роман Иванович, – я встрял в беседу. – Это перебор. Мы не собираемся мешать вашей работе. Зачем нас изолировать, мы же не желтушные... – я улыбнулся, но Ямбых оставался хмур и сосредоточен

– Широнинцы, не прикидывайтесь, будто вам не ясен смысл карантина! Думаете, мы не догадываемся, кто предупредил вас о ревизии? А, товарищ Селиванова?

– В толк не возьму, о чем вы! – невозмутимо пожала плечами Маргарита Тихоновна

– Да бросьте комедию ломать, – устало отмахнулся Ямбых. – Все вы понимаете...

Ветер дохнул стылым облетающим августом, взметнул занавески. Ямбых ладонью прихлопнул к макушке вспорхнувшие на сквозняке сальные пряди. Из коротких рукавов его несвежей рубашки потянуло удушливым потом, от которого не спасало открытое настежь окно

– А без карантина не обойтись? – попробовал уломать я порученца, но нарвался на обратную реакцию

– Вас что, угнетает невозможность секретничать? – Ямбых прицельно глянул на меня.
– Только сразу возникает нехороший вопрос, с кем и по какому поводу Что прикажете докладывать в Совет?!

– Да какие секреты, Роман Иванович! Всюду вам заговоры мерещатся, интриги Это чертовски неудобно. Товарищам на работу ездить нужно

– Возьмете отпуска. За свой счет. Не маленькие, придется потерпеть. Тем более всего на две недели.

– Слушайте, – не сдавалась Маргарита Тихоновна. – Вот я пожилой нездоровый человек А если мне плохо станет?...

– Товарищ Селиванова, кажется, не поняла всей серьезности момента, – изумился Ямбых. – От результата моего расследования зависит дальнейшая судьба вашей читальни! Это хоть ясно?!

– Я без врачебной помощи умереть могу!

– Раньше надо было соображать, а не разборки устраивать и на слабое здоровье жаловаться

– Наделили холуя полномочиями, – голос Маргариты Тихоновны задрожал от гнева, – вот и катается в них, как пес в дерьме!

– Сделаем вид, что я не обиделся, – Ямбых равнодушно уставился в окно.

– Роман Иванович, – ухватился я за новую идею. – А давайте мы пересидим за городом, у наших читательниц там частный дом Место глухое, телефона нет, вполне подходит для карантина...

Ямбых, все так же глядя вбок, выстукал пальцами на столе сумбурный марш

– Хорошо, – сказал он после напускного раздумья. – Я пойду навстречу вашей просьбе. С завтрашнего дня вы переселяетесь Требования прежние: исключить контакты и поездки. От души советую проявить сознательность, во избежание роковых неприятностей. – Он взял со стола спичечный коробок, поддел ногтем спичку и зажал в зубах, как папиросу

– Нам дня не хватит, – сразу попросил я. – Давайте хотя бы к концу недели.

– В чем проблема? – Ямбых, скособочив оскаленный рот, ковырнул спичкой промеж самоварных коронок.

Маргарита Тихоновна брезгливо отвернулась

– Дело-то хлопотное, товарищ Ямбых, – торговался я. – Отпуск оформить, вещи собрать, продуктов впрок закупить, транспорт организовать...

– У вас же был микроавтобус, если мне не изменяет память...

Пока я лихорадочно думал, что наплести, мол, продали «раф» за долги и на лечение читателя Вырина...

Ямбых, по счастью, опередил мое нескладное вранье:

– Ладно, даю вам два дня. Но не больше

Он записал адрес Возгляковых и простился, пообещав навестить нас

ЗАСЫПАЛИСЬ

Потянулись тревожные дни. Хотя мы и бодрились, настроение было подавленное Дела наши шли все хуже и хуже, точно со смертью Оглоблина кто-то поставил на широнинской читальне большой чугунный крест

Конечно, все понимали, почему Совет принял против нас столь крутые меры Там не просто знали о тайной помощи Буркина, а предвидели его благородный и опрометчивый поступок, а затем использовали с максимальной выгодой Буркин навредил себе, а нас из соображений высшей предосторожности засадили под замок.

Никто не говорил о карантине Наоборот, мы старались представить наше заключение каникулами на загородной даче

Хутор Возгляковых находился километрах в двух от ближайшего села Кругом стояла тишина, лишь по краям простроченная цокотом далеких электричек

Небольшой дом оказался гостеприимным пристанищем. В двух комнатах разместились сами сестры, Маргарита Тихоновна и Таня. Анна украдкой шепнула, что отведет мне и Тане отдельную каморку под крышей, но я, честно говоря, постеснялся такого открытого сожительства – это выглядело слишком вызывающе. Эту каморку мы отдали Вырину – там был жесткий топчан, как раз подходящий его больной спине, а кушетку снесли в сени, где расположился Тимофей Степанович. Там же нашлось место раскладушке – на ней спал Марат Андреевич

Кручина, Иевлев и Сухарев ночевали в бане, я и Луцис – на сеновале. Анна выдала нам ватники и старое драповое пальто покойной Марии Антоновны – ночи уже были студенными

Хозяйство Возгляковых было обветшалым и требовало ремонта, так что работы хватило всем Мы укрепили сваи в навесе для мотоцикла, переложили на крыше шифер, починили крыльцо, выкрасили ставни, подправили забор, а в бане выпревшие полки заменили новыми.

Когда-то Возгляковы держали двух коров. После смерти Марии Антоновны скотину продали Из дворовой живности, не считая собак, имелись только необременительные куры. Бывший коровник мы преобразовали в дровяной склад, а Иевлев и Луцис за пару дней набили его дровами под самую крышу. Таня и сестры выбелили погреб, а Маргарита Тихоновна наварила в большом медном тазу сливового повидла

К концу недели в доме все было переделано Оставался один досуг По вечерам читальня разбивалась на компании по интересам Тимофей Степанович чинно выуживал из холщового мешочка крошечные бочонки, звучно называя номера, а Маргарита Тихоновна, Анна, Светлана и Вероника покрывали пуговицами совпадающие цифры на картонках лото За их столом царил безудержное детское веселье

Гриша выпотрошил шахматную доску с недостающими фигурами и, соорудив из смолы и белого мякиша шашки, азартно резался в поддавки с Сухаревым Поодаль Дежнев, Кручина, Иевлев и Луцис расписывали пулюку

Мы с Таней, предоставленные друг другу, играли в саду в бадминтон Воланчик, похожий на дохлого воробья, всякий раз норовил застрять в коряжистых ветках горбатых яблонь Лыжной палкой я мучил плотную листву. Воланчик срывался вниз, а вместе с ним на землю сыпалась недозревшая антоновка.

Закончилось все в один миг, скоропостижно и почти безболезненно, словно хрустнувшая под местным наркозом кость Шла вторая неделя нашего заключения, и мы, убаюканные размеренной сельской жизнью, думали, что все обойдется

В пятницу утром к хутору подкатил кортеж из четырех машин. Еще не гроыхнуло под кулачным ударом гулкое железо ворот, а во дворе зашлась тяжелым рваным лаем московская сторожевая Найда, закружила вокруг будки, брэнча долгой цепью Вторя Найде, оглоблинская Латка, точно штопор, вкрутила в небо залиvistую волчью трель. И только потом ворота перекастисто загудели.

Мы никого не ждали. Как-то позабылась причина, собравшая нас в доме Возгляковых. Я спрятал под половицу стальной футляра с Книгой, вытащил клевец и побежал к воротам Там уже собрались Луцис, Сухарев, Кручина и Дежнев

Грозный Иевлев, держа на отлете колун, спросил:

– Кого там черт принес?

– Свои, свои, – ответил знакомый голос. – Открывайте!

Мы отодвинули засов Перед нами стоял Ямбых, за ним два его сотрудника, одинаковые, как булыжники, чуть подальше тянул шею и напряженно улыбался похожий на гуся Терешников в белой матерчатой кепке с пластиковым козырьком и выгоревшей надписью «Феодосия». Маячившего возле машины худощавого пассажира я тоже узнал, несмотря на увесистые, на пол-лица, дымчатые очки.

– Вадим Леонидович! – позвал Терешников. – Идите сюда, не бойтесь. Мы не дадим вас в обиду...

И тогда я вспомнил Колесова, подставного покупателя из гореловской читальни

– Разрешите? – сухо спросил Ямбых и, не дожидаясь приглашения, вошел. – Псы, надеюсь, на привязи?

За ним, чуть косясь на наши топоры, следовала немногочисленная свита Снаружи возле машин остались человек десять охраны

Терешников, небрежно обернувшись, бросил им:

– Ждите, мы скоро вернемся! И без глупостей, нам ничего не угрожает!

После чего с тревогой оценил, какой эффект произвели его слова на широнинцев

– Настоящие головорезы, – лепетал он, тыча пальцем через плечо, – маньяки. Им и Книги Ярости не надо... – бормотал он, подталкивая перед собой неуклюжего, будто стреноженного, Колесова.

Они прошли через наш живой коридор и остановились посреди двора. Светлана, намотав на руку будочную цепь, с трудом удерживала поднявшуюся на дыбы Найду По другую сторону Анна тянула поводок с беснующейся Латкой. Подоспели Таня, Вероника, Маргарита Тихоновна и Тимофей Степанович Мощные собаки и оружие создавали утешительное ощущение, что незваные гости находятся у нас под конвоем.

– Вадим Леонидович, – не удержался Сухарев. – Как здоровьечко? Квартирку-то брать будете или нет?

Тимофей Степанович восхищенно цыкнул:

– Живой, гнида!

Колесов болезненно вздрогнул и сказал, старательно глядя на ботинки:

– Товарищ Терешников, мне бы очень хотелось отсюда побыстрее уйти.

– Уйдете. Но не раньше, чем выполните свое задание! – оборвал его Ямбых, а затем обратился ко мне: – Здесь все ваши читатели? Да?

Я кивнул, предчувствуя катастрофу

Ямбых, как муха, посучил сухими шелестящими ладонями

– Ну, а вы что скажете? – спросил он у Колесова.

– Давайте, Вадим Леонидович, не робейте, – подбодрил того Терешников.

Колесов короткими пугливыми взглядами сосчитал нас:

– Одного не хватает... Водилы.

Я почувствовал, как ударила в щеки кровь, виски предательски вспыхнули и потекли.

– Так-так... – Ямбых ухмыльнулся. – Не вспомните, случайно, фамилию водителя?

Вадим Леонидович замялся, проворно оттопырил ворот пиджака, полез в карман.

– Оглоблин Федор Александрович, – прочел он по бумажке. – Пятьдесят шестого года рождения... А теперь можно?

– Идите-идите, – позволил Ямбых. – Товарищ Терешников, сопроводите. А у нас с широнинской читальней будет отдельный разговор.

– Надолго? – спросил Терешников, пятясь к выходу. За ним шаг в шаг отступал Колесов

– Посмотрим... – Ямбых улыбнулся нашим потерянным лицам. – Ну, и куда вы подевали вашего читателя? Съели?

– Никуда мы его не девали, – сказала Маргарита Тихоновна. – Товарищ Оглоблин здесь, с нами... Просто нас раздражало присутствие тех двоих клоунов, – она указала на лязгнувшую за Терешниковым дверь.

– Что вы мне голову морочите?! Что за херня?! – вспыхнул вдруг Ямбых.

– Оглоблин здесь, – подтвердила Маргарита Тихоновна, – он не может подойти.

– Почему? Заболел? Ранен?

– Я сейчас вам все объясню. Пойдемте, – поманила она. – Это рядом, в саду

Растерянный Ямбых и его спутники двинулись за ней. Я понял, что она собирается им показать. Мы подошли к чугунному кресту под яблоней.

– Вот, – указала Маргарита Тихоновна

– Ага, значит, все-таки умер! – облегченно выдохнул Ямбых. – Слава тебе, Господи!

– И, чуть смутившись, добавил: – Я имею ввиду, дело прояснилось. Стало быть, это его могила?

– Не совсем Могилы нет. Только крест!

Ямбых торжествовал:

– И почему же вы с самого начала утаили от нас его смерть?

– Не хотелось лишний раз тревожить Совет, – сказал я. – Нам казалось, гибель Оглоблина – это исключительно проблемы нашей читальни...

– И что же с ним произошло?

– Он погиб Его застрелили бандиты...

– Те самые, что проявили повышенный интерес к вам...

Как все это напоминало шахматный разгром, когда одинокий король улепetyвает с клетки на клетку от озверевшего вражеского ферзя

– Говорите, застрелили, – повздыхал Ямбых. – Печально, печально... У меня еще одна неприятная новость. Нам придется эксгумировать труп

– Нет смысла, – торопливо сказал я. – Тело сразу кремировали...

– Так говорите, в земле покоится урна? Причем неизвестно с чьим пеплом. Мило...

– Пепла тоже нет, – с тихой угрозой сказал Кручина. – И не могло быть. Нашего товарища кремировали у меня в литейном цеху...

– В литейном цеху... – насмешливым эхом повторил Ямбых. – Кремировали... А давайте-ка я расскажу вам, что было на самом деле. Он сбежал, этот ваш Оглоблин! – выпалил Ямбых. – Сбежал! И не было никакой перестрелки. Читатель Оглоблин слинял от вас по тем же мотивам, что и Шапиро! А вы для отвода глаз замочили десяток хачей, чтобы потом на них списать очередного предателя... Впрочем, – он вдруг сбавил тон и сказал почти дружелюбно, – возможно, в одном пункте я ошибаюсь Я допускаю, что именно сбежавший Оглоблин навел на вас банду...

Возражать и спорить было бессмысленно Широнинская читальня засыпалась по всем пунктам.

– Ну, благодарю за внимание, – Ямбых расплылся в поганой улыбке. – Как говорится, концерт окончен...

«ДУМА О СТАЛИНСКОМ ФАРФОРЕ»

Ямбых и его люди уехали восвояси, нам оставалось ждать, что решит Совет. Перспективы рисовались самые печальные: нарушение конспирации, побег читателя, сокрытие фактов, угрожающих общей безопасности, несанкционированная операция по уничтожению вероятных свидетелей – все это с избытком набегало на второе взыскание «А», за которым маячили изъятие Книги и роспуск читальни

В Совете пока не торопились с вердиктом Спешить-то было некуда, широнинская читальня и так была у них в руках. Выгадывались лишь сроки нанесения смертельного удара.

С возвращением в город карантин не закончился, а принял иные тревожные масштабы Маргарита Тихоновна днями сидела у телефона, пытаясь вызвонить соседей За полторы недели мир вокруг нас вымер Молчали читальни Буркина и Симонян Никто не

поднимал трубки в Колонтайске У Терешникова любезным говорком отзывался безликий автоответчик: «Здравствуйте, вы дозвонились по номеру...»

Наступило летаргическое затишье. Окружающие меня люди вели себя словно они вдруг выяснили, что уже давно и счастливо мертвы. Вот тогда мне снова сделалось неудобно и страшно в широнинской читальне, как в те первые мои дни.

Что угодно – злость, страх, отчаяние не произвели бы на меня такого угнетающего впечатления, как эта бледная суровая схема, саваном накрывшая читальню. Стали чужими лица, похожие на могильные фотокарточки Спокойные речи казались заупокойными, все улыбались блаженным мученическим оскалом так, что хотелось хлестать по щекам, чтобы они очнулись Как никогда часто они перечитывали Книгу, будто торопились вытравить настоящую жизнь вымышленным книжным фантомом.

Посуровел, замкнулся Марат Андреевич Я не узнавал ни Луциса, ни Кручину. Какой-то потусторонний огонь выжег их изнутри, а теперь вечными лампадками искрился в расширенных зрачках Загробная торжественность отделила от меня даже Таню. Заранее мертвая, она уже любила по-другому, издалека, точно присыпанная землей.

В этом ходячем кладбище единственно живой, эмоционально подвижной оставалась смертельно больная Маргарита Тихоновна Я-то был уверен, что она более других будет подвержена состоянию восторженно-гибельного фанатизма Наоборот, она стала мягче, душевней.

– Ты, Алексей, ребят не чурайся, – кротко пожурила меня Маргарита Тихоновна. – Ну какие они зомби? Выдумал тоже! – фыркнула она. – С чего ты решил, что они готовятся к смерти? Как раз напротив, они хотят начитаться впрок... – тут Маргарита Тихоновна вздохнула. – Разве можно насмотреться или наслушаться про запас? Плоть воспоминаний эфемерна Они, слабые организмы, чтобы не погибнуть, обязаны присосаться к плотному телу. Книга Памяти – самый подходящий донор, мощный бесперебойный генератор счастливого прошлого, пережитого рая. Разве может угнаться за такой машиной слабая человеческая память? Ты же сам убедился!

– Маргарита Тихоновна, я не оспариваю достоинства этого феномена, но это же по сути мираж

– Хорош мираж! – она засмеялась. – Лучше оригинала будет! Ты сколько раз читал Книгу? Четырежды? Вот... А ребята ее наизусть выучили! У тебя пока еще лишь твое собственное натуральное прошлое, а у них уже два, причем одно – по-настоящему прекрасное. За него и держатся Только вот загвоздка: чтобы прошлое не поблекло, его нужно постоянно подпитывать, то есть перечитывать Книгу Лишиться ее – значит потерять навсегда возможность погружаться в былое счастье, причем не просто вспоминать его, а проживать заново, без чувственных потерь Это дорогого стоит. Ребята сейчас проходят своего рода психологический тест: готовы ли они умереть за Книгу...

Я набрался смелости:

– Маргарита Тихоновна, поймите меня правильно. Я буду предельно откровенен. Книга – это, конечно, очень важно, но я чувствую, что не готов идти до конца... То есть, мне кажется, что в крайнем случае я смогу и без Книги. Вполне вероятно, я ошибаюсь, даже наверняка ошибаюсь, но у меня нет времени, чтобы с собой определиться. Я от ответственности устал, я один побыть хочу...

Маргарита Тихоновна участливо помолчала Я был рад, что она не удивилась и не обиделась. Следующим утром я передал Книгу на попечение Луцису со словами, что у меня небезопасно. Впрочем, широнинцам и не требовалось пояснений, мои просьбы выполнялись беспрекословно. Всей читальней перевезли Книгу домой к Луцису. Гордый оказанным доверием, он обещал беречь ее как зеницу ока

За неделю одиночества я с отчаянием убедился, что возглавлять отряд смертников, именуемый широнинской читальней, у меня нет ни малейшего желания. Бросить же этих людей на произвол судьбы я тоже не мог. Что-то навсегда и прочно изменилось во мне, и предательские мысли о побеге с первых шагов попадали в медвежий капкан жгучего стыда. Так я, терзаясь жалостью, долгом и тревогой, тянул из чашки горький кофе, плющил один за другим в пепельнице окурки, и медленная сентябрьская муха час за часом упрямо бодала стекло.

На седьмой день в дверь позвонили. Я прильнул к глазку. Круглая линза вытянула глупым головастиком грузную немолодую женщину. Газовый платок съехал на затылок, показывая седой пробор, через плечо поверх растянутой вязаной кофты висела пухлая сумка. В руке женщина держала небольшой пакет. Выждав полминуты, она снова тягуче приложила к звонку.

Открывать я, разумеется, не собирался. Кто знает, зачем пожаловала сюда эта особа и не примостился ли под дверью с ловким ножиком невидимый помощник.

Женщина еще потрезвонила, бессильно выругалась и принялась за соседей. С третьей попытки ей повезло. Отозвался старческий голос: «Кто?»

– Галина Ивановна, это я – Валя! – крикнула женщина с сумкой. – Тут соседу вашему бандероль, его дома нет. Можно, я вам оставлю?

Показалась старуха в обтрепанном халате:

– Ой, здравствуй, Валечка, здравствуй. А я вот думаю, пенсию-то вроде уже приносила... Какая бандероль? – она любопытно потянулась за пакетом.

– Возьмете, да? – спросила почтальонша. – Вот спасибо... Ползком к вам на пятый этаж добиралась, у меня ноги опухшие, вены черные вылезли, – она задрала длинную юбку и продемонстрировала недуг, – еле хожу...

Под сочувственные старухины охи она достала квитанцию:

– Здесь распишитесь... А что новый-то жилец?

– Молодой... – прицелилась карандашом старуха. – Говорит, племянник, – она со значением кивнула. – Тоже народ к себе водит...

– А старого-то, болтают, вроде как убили... – безразлично сказала почтальонша.

– Точно. Зарезали дружки-алкаши... – согласилась старуха и царапнула в квитанции.

– Почти год назад...

Это не было похоже на засаду. Я сжал в левой руке бритву и приоткрыл дверь, не снимая цепочки. Если бы в проем полез человек, я полоснул бы его бритвой по глазам, а затем выбил тело ногой.

Женщины оглянулись.

– О, проснулся! – почему-то обрадовалась почтальонша. – С добрым утром!

– Здравсьте, – сказал я и на всякий случай широко зевнул.

– Бандеролька вам. Вот Галину Ивановну прошу, – она указала на старуху, – передайте, мол, соседу... – Почтальонша посмотрела на пакет, потом на меня. – Вязинцев Алексей Владимирович?

– Да. Паспорт показать? – я спрятал бритву за спину и распахнул дверь.

– Это он, – охотно подтвердила старуха. – Вязинцев.

– Ну и слава те, Господи, – почтальонша сунула мне пакет и квитанцию

На кухне я внимательно изучил небольшой легкий пакет Загадочного отправителя звали В Г От затертой фамилии остались последние три буквы – безликий унисекс «...нко» Как ни напрягал я память, человека с инициалами «В Г.» и украинской фамилией (какой-нибудь Саенко), не вспомнил. Написанный чернилами на светло-коричневой оберточной бумаге адрес также был размыт водой В фиолетовых мазках угадывались то ли следы пальца, то ли крупные дождевые капли.

Я не без волнения разорвал обертку и увидел книгу На выцветшей голубой обложке было оттиснуто строгим шрифтом: «Д. Громов», – а чуть ниже: «Дума о сталинском фарфоре».

Подделка! Мне подбросили копию! Липкая холодная жуть окатила спину – уже крадутся вдоль стен отборные спецназовцы Совета, их кованые сапоги не касаются ступеней. Еще минута – и рухнет входная дверь. Быстрые молчаливые люди повалят отступника на пол, скрутят руки, суровые приставы занесут в протокол изъятие преступной фальшивки – они разоблачили переписчика! Теперь ничто не спасет широнинскую читальню и незадачливого ее библиотекаря...

Я перевел дух и осмотрел книгу внимательней. «Дума о сталинском фарфоре», издательство «Радянський Письменник», 1956. Лимонные страницы в рыжих веснушках казались нетронутыми Печать была странно выпуклой Подушечка пальца осязала каждое слово, набранное разбухшим шрифтом.

Я изучил титульный лист. Редактор – В. Вилкова, худож. ред. – Е Бургункер, техн. ред. – Е Макарова. Матерчатый корешок пахнул бумажной и лекарственной ветхостью, разошедшейся книжной полкой. Ноздри чуть занемели от удушливой пыли К листу форзаца был подклеен вкладыш с крупной надписью: «ОПЕЧАТКИ Стр 96, строка 9 сн Напечатано „ушел“. Должно быть „нашел“ Стр. 167, строка 6 св Напечатано „славные“. Должно быть „славная“».

Призрачный цокот сапог карателей сделался глуше. Это не могло быть очередной провокацией Совета – так с пронзительной отчетливостью понял я. Жар догадки стиснул обручем голову. «Дума о сталинском фарфоре» – мне были известны названия всех Книг громовского мира, кроме этой В моих руках была отнюдь не «липа», а всеми разыскиваемая Книга Громова, та самая пресловутая Книга Смысла...

Первым лихорадочным побуждением было немедленно вызвать широнинцев. Находка сулила невиданные блага Наверняка уникальной Книгой можно было бы навсегда откупиться от Совета, вытребовать взамен вечную неприкосновенность!...

На полпути к телефону экзальтированный порыв совершенно угас, я свернул в комнату Меня трясло от нервного возбуждения. Я находился в каких-то трех часах от истины Тот, кто прислал мне Книгу, уже был первопроходцем Но кто знал о нем и что стоил его Смысл?!

Предчувствие избранности увлекло меня. Неясно, как долго пробудет Книга в широнинской читальне, надо пользоваться моментом. Я не задумывался о том, что чтение в одиночку могло обернуться роковыми последствиями. Долго не унималась зрительная дрожь, глаза норовили соскользнуть с читаемой строки. Я выпил залпом два стакана холодной воды С остуженным нутром дело пошло на лад.

Дума была написана лиричным праздничным слогом, изобиловала внутренними монологами, ритмизированными, как стихотворения в прозе. Бывший фронтовик, красный директор Щербаков, мечтает возродить разрушенное войной производство на старой фарфоровой фабрике Неисправимый романтик, полный корчагинских идеалов, он верит, что поднятая им фабрика будет снабжать первосортной посудой весь трудовой

мир Он простой, честный человек За напускной строгостью скрывается отзывчивая и внимательная к людским нуждам душа, способная простить все, кроме трусости и предательства.

Полемично с образом Щербакова выписан главный инженер Бережной. За его плечами трудный опыт эвакуационных заводов. Он профессионал, в перестройке фабрики его увлекает чисто технический аспект. Бережной отнюдь не мечтатель, он расчетлив, прагматичен. Работа его часто формальна. К примеру, поступаясь удобствами рабочего городка, Бережной выкраивает в бюджете больше средств для строительства, но Щербаков ему справедливо говорит, что нельзя забывать о благоустройстве быта рабочих, которые будут обслуживать фабрику Бережной прознает об отрицательном отношении к проекту Москвы. Он сразу отступает и задним числом пишет отчет о бесперспективности восстановления фабрики. Щербаков же готов «хоть под суд идти», но доказать правильность проекта. Энтузиазм Щербакова побеждает и в Москве. Кроме того, между Щербаковым и Бережным разгорается личный конфликт. Бережной влюбляется в ту же девушку, что и директор, и когда обнаруживает, что Катя не питает к нему никаких чувств, немедленно подает заявление об уходе. Строительство же идет своим чередом. Рядом растет рабочий городок, в котором уже шумит культурная жизнь...

Молодой художник Гордеев на собрании предлагает выпустить сервиз, украшенный изображением Сталина. Все горячо поддерживают эту идею. И вот наступает торжественный момент, когда художник выбирает из муфельной печи горячие капсулы с посудой. Радостно несет он в контору готовые обожженные чашки с изображением Сталина. Счастливыми улыбками встречают его Щербаков, Катя и новый главный инженер Великанов...

Я уложился с чтением к вечеру и приготовился к откровению. Звонко тикало в будильнике напряженное ожидание, но ничего удивительного не происходило со мной. Я старательно гнал из головы всякий мысленный сор, чтобы он не потеснил пространство, уготовленное Смыслу. Минута за минутой я поддерживал эту пустоту, пока туда по капле не просочилась едкая досада.

Я нехотя признался себе, что Книга не подействовала. И читал я вроде бы внимательно, не отвлекаясь на художественную сторону «Думы...» Может, был в Книге внутренний скрытый дефект, потерянная страница, иначе зачем ее переслали в нашу читальню? Я скрупулезно проверил нумерацию – все страницы были на месте. Оставался небольшой шанс, что я снебрежничал и прозевал какую-нибудь строчку или абзац.

Тяжело, точно в меня залили тонну свинца, я поднялся с кровати. За жутким разочарованием, где-то на задворках ума неожиданно сложилось словосочетание, показавшееся мне абсурдным: «Неусыпаемая Псалтырь».

ПОИСК СМЫСЛА

– Все? – уточнила Маргарита Тихоновна. – И больше ничего, кроме этой «Неусыпаемой Псалтыри»?

Вот уже целый час она не спускала зачарованных глаз с Книги, бережно поглаживала обложку дрожащими пальцами.

Я позвонил Маргарите Тихоновне почти сразу после провального чтения, сказал, что некий (или некая) В. Г. прислал пакет с «любопытным содержимым», и мне срочно нужен конфиденциальный совет.

Мы довольно часто общались наедине, так что просьба не удивила Маргариту Тихоновну. Чуть посетовав на усталость, она приехала.

Как и следовало ожидать, Книга вызвала у нее прилив эйфории.

– Я предчувствовала, Алексей, скоро случится что-то прекрасное! – восклицала она.
– Я не сомневалась в избранности нашей читальни! Ты понимаешь, что произошло?!
Самая редкая, самая нужная Книга нашлась, и она выбрала нас, точнее, тебя,
Алексей! Это не совпадение обстоятельств, а грандиозный замысел судьбы!

Странно, Маргариту Тихоновну совершенно не беспокоило, какими путями Книга попала в наши руки

– Имя, адрес наверняка фиктивны, – пояснила Маргарита Тихоновна. – И люди, приславшие нам Книгу, мертвы.

– Почему?

– Они догадывались о скорой гибели и не хотели, чтобы Смысл канул, а отдать Книгу захватчикам тоже не могли... Раньше ходили слухи, где-то в регионе осела редкая Книга В Совете тоже об этом знали, но проверить не могли. Чтобы Книга всплыла на поверхность, нужно было устроить тотальную зачистку среди читален Видишь, план удался

– Как раз наоборот, – возразил я. – Книга-то у нас

– Но ты же сам минуту назад сказал мне, что Книгой Смысла можно откупиться от Совета, – рассудительно заметила Маргарита Тихоновна. – Там и это брали в расчет

– Все равно не складывается Нам бы стало известно о каких-либо вооруженных стычках...

– А как ты думаешь, Алексей, для чего Совету был нужен карантин? – голос ее споткнулся. – Мы больше не услышим о читальнях Симонян и Буркина Поверь, и в Колонтайске тоже никого нет. В регионе остались только мы

Я вспомнил гостеприимного колонтайского читателя Веретенкова, сварливого, насквозь честного библиотекаря Буркина и мне сделалось не по себе

– А может, их тоже отправили на карантин?

– Сомневаюсь. Скорее всего, пока широнинцы послушно сидели взаперти, карательные войска по-одиночке расправились с неудобными читальнями И дай-то Бог, чтобы я ошибалась!

Первые эмоции улеглись Маргарита Тихоновна тщательно осмотрела Книгу.

– Издание пятьдесят шестого года, – озабоченно говорила она. – Двадцатый съезд. Критика культа личности. Понятно, что произошло, Книгу изъяли из продажи, думаю, она даже не поступала в магазины. Громов фатально промахнулся с названием Но разве мог он предвидеть, что спустя каких-то три года после смерти Сталина имя Вождя и Учителя окажется худшей из всех возможных рекомендаций? Четвертая книга, то есть Книга Радости, была написана аж в шестьдесят пятом году, когда убрали Хрущева. Меня всегда смущал этот перерыв в творчестве Громова. Теперь все объяснилось. Наивный Громов случайно припел уже мертвого опального вождя и на десятилетие поплатился молчанием...

Она благоговейно осязала полиграфическое чудо, а я на все лады пересказывал подробности своей неудачи. Так попросила Маргарита Тихоновна Ей казалось, что я просто не заметил Смысла или не придал ему значения:

– Он слишком велик и слишком сложен, чтобы выплеснуться целиком, – Маргарита Тихоновна упрямо качнула головой. – Но Смысл ищет пути воплощения, облекает себя в те минимальные сжатые формы, в зародыши смысла, из которых он позже

воспроизведет себя в полном объеме! Ты же знаешь, всякий, кто читает Книгу Памяти, получает свое индивидуальное прошлое. Значит, при чтении Книги Смысла каждый получит и свой индивидуальный, лишь ему понятный Смысл.

– Словосочетание «Неусыпаемая Псалтырь» мне ничего не проясняет! Случайный оксюморон – деревянная вода, ледяной кипяток!

– Смысл до времени пребывает в состоянии спячки, – терпеливо убеждала Маргарита Тихоновна. – При благоприятных условиях он сразу же раскроется, вот увидишь!

– А не проще ли вам самой прочесть Книгу Смысла, Маргарита Тихоновна? – предложил я.

Она неуверенно потянулась за Книгой, потом вдруг одернула руку и виновато улыбнулась:

– Боязно...

– Берите, Маргарита Тихоновна, – настаивал я. – Вы справитесь лучше меня

– Думаешь? – она помолчала, вздохнула, словно приняла нелегкое решение. – Так тому и быть

– А с ребятами что? – задал я наболевший вопрос. – Надо бы сказать им про Книгу, а то нехорошо как-то получается...

– Ты говоришь весьма неуверенно, – проницательно заметила Маргарита Тихоновна. – Тебе кажется, что широнинцы не совсем уравновешены, а излишний ажиотаж внутри читальни только навредит. Я правильно тебя поняла?

Я кивнул, хотя формулировка Маргариты Тихоновны не вполне соответствовала моим чувствам.

– Успокойся, Алексей, мы не утаиваем Книгу, мы приберегаем ее Точно козырный туз в рукаве. – Она бережно завернула «Думу...» в газету и уложила сверток на дно сумки

Я, честно говоря, предполагал, что Маргарита Тихоновна останется читать у меня, а когда сообразил, что она собирается, уже постеснялся возражать. Какая разница, где будет Книга? Без нее даже спокойней.

– Уходите? – на всякий случай уточнил я. – Рискованно же одной, Маргарита Тихоновна Мало ли что случиться может.

– Да кому я нужна, старая, больная тетка?! И какие могут у меня быть в сумке ценности, кроме сотни рублей, половинки «Бородинского» и валидола? – Маргарита Тихоновна засмеялась

– Давайте я с вами проедусь...

– Не стоит, Алексей, я прекрасно обойдусь без провожатых, – Маргарита Тихоновна торопливо отмахнулась. – А вот ты лучше сиди дома и носа лишний раз не высовывай. Вполне возможно, за читальней следят. Если тебя увидят со мной, могут подумать, что Книга Памяти без присмотра...

– Тем более никуда не отпущу вас...

– Вот еще глупости! – в голосе Маргариты Тихоновны впервые прозвучали стальные нотки, впрочем мгновенно заглохшие. – Ладно, поскольку у нас в читальне денег куры не клюют, вызовем на дом такси. Гулять так гулять!

Минут через пятнадцать перезвонила женщина-диспетчер и равнодушно сообщила, что такси у подъезда Я на всякий случай уточнил еще и номер машины

Эти предосторожности были излишними Во дворе для вражеской засады было слишком светло и людно Протяжно и ржavo скрипели качели Поднимая крошечные белые смерчи с утоптанной земли, прыгали по нацарапанным квадратам мелкие школьницы Лавочные старухи, в том числе и моя соседка по этажу, церемонно поздоровались Я проводил Маргариту Тихоновну до дверей потрепанной желтой «Волги» и удостоверился – номер тот же, что мне назвали, а в салоне нет посторонних. Рыжий водитель, свесивший из окна конопатую руку со смердящим окурком, также не будил подозрений Вряд ли Совет отрядил бы такого броского человека

Я расплатился с водителем Маргарита Тихоновна уселась на переднее кресло, поставила сумку на колени и подмигнула мне на прощание

Вернувшись, я позвонил Луцису:

– Привет, Денис, – бодро сказал я. – Ну, рассказывай, как вы там Все в порядке?

– Рад тебя слышать, – отозвался Луцис. – Мы, между прочим, уже волновались, – добавил он с легким укором. – Маргарита Тихоновна предупредила, чтоб лишний раз тебя не беспокоили, что ты занят очень важным делом...

– Интересно, каким?

– Послушай, Алексей, – примирительно сказал Луцис, – только не злись, пожалуйста Я знаю, Маргарита Тихоновна обещала тебе, что будет молчать Не обижайся, просто у нас в читальне нет секретов В конце концов, этот переезд по-любому пришлось бы вынести на общее обсуждение. Но я тебе заранее скажу – наш побег ничего не решит Ну, оттянет проблему на время...

– Какой побег? – ошалело переспросил я

– Который ты планируешь, – нетерпеливо пояснил Луцис. – Я ведь понимаю, ты хочешь, как лучше Книгу со дня на день экспроприруют, а отстоять ее мы не сможем, и самое разумное – бегство... Но Совет нас все равно разыщет Через месяц или год. Наш дом здесь, а жить, как предлагает Маргарита Тихоновна, общиной в заброшенной деревне где-то под Челябинском – это абсурд Мы же не старообрядцы... Ты не согласен?

– Согласен, – я перевел дух. – Денис, я спросить хотел. Ты случайно не в курсе, что означает «Неусыпаемая Псалтырь»?

– Еще раз первое слово...

– Не-у-сы-па-е-ма-я, – отдельно произнес я.

Луцис задумался: – Ну с Псалтырью понятно – сборник псалмов из Библии Используется в христианском богослужении, как и Евангелие. Над мертвыми читают Псалтырь... Но я вообще-то далек от религии А почему ты спрашиваешь?

– Наверное я что-то напутал. Забудь

– А насчет общего собрания? – спросил Луцис.

– Не знаю, может, на днях проведем.

– Хорошо... – Луцис замялся, – только ты уж не выдавай меня Маргарите Тихоновне, что про переезд рассказал Ладно?

– Само собой, – пообещал я

Остаток вечера я ждал звонка от Маргариты Тихоновны, но позвонил Луцис

– Алексей, ты не ошибся. Неусыпаемая Псалтырь существует. У меня тут Гриша был, он мне объяснил, я даже на бумажку записал. Псалтырь читается изо дня в день, из года в год, без перерыва. Один чтец сменяет другого, причем лучше всего это делать внахлест, чтобы не возникало пауз, потому что в эти паузы, как в щели, может пролезть дьявол...

В мозгу за мгновение набряк и лопнул гигантский кровяной сосуд. Оранжевый жар затопил глаза Я лишь успел сказать: «Спасибо, Денис», – и выронил трубку.

Я очнулся на полу от ломающей затылок боли, приподнялся на локтях, из носа потекла медленно-сливовая, словно из печени, кровь. Схлынуло небытие, голова посвежела. Слова о Неусыпаемой Псалтыри обрели свое конкретное значение

У Книг не было Смысла, но был Замысел Он представлял собой трехмерную панораму ожившего Палеха, хорошо памятную мне советскую иконопись на светлой лаковой подкладке, изображавшую при помощи золота, лазури и всех оттенков алого цвета картины мирного труда: заводы, драпированные трепещущим шелком, буйные пшеничные нивы и комбайны. Рабочие сжимали в могучих руках кузнечные молоты, колхозницы в бирюзовых сарафанах вязали золотистые снопы, космонавты в звездчатых шлемах и развевающихся серебряных плащах попирали грунт неизведанных планет В красных вихрях вскидывал руку стремительный октябрьский Ленин, матрос и солдат несли бесконечное и легкое, будто шифоновое, знамя, а над ними крейсер «Аврора» пронзал тучи солнечным лучом...

Замысел раскрыл надо мной сферу черного Палеха. Мрачные события былых и грядущих катастроф проступали красной ртутью на угольной полировке Туда, где крошечным диодом пульсировало сердце советской Родины, обрушился жесточайшей силы удар, из погасшей точки побежали тонкие паучьи лапы географических трещин. Выкрошились мерцающие трубки границ, разошлись швы республик, и на дырявых рубежах новой ослабевшей страны сразу появился древний извечный Враг. Он раскидал в морях акустические буи, ловящие каждое движение глубин, закинул в космос невод тотального контроля Невидимая рука с алмазным стеклорезом углубила трещины хрупкой федерации По этим контурам намечен будущий раскол, сокрушающий и окончательный. В подножиях промышленных городов уже вырыты особые хранилища, и доступ к ним имеют только стерегущие тайну янки с надменными брезгливыми лицами.

Враг извратил все, к чему ни прикоснулся И вот запахшая утопленником Балтика наставила шпионские уши радиолокационных станций, распахнула Врагу казармы, открыла порты его кораблям. Азия залила бетоном хлопковые поля, превращая их в посадочные полосы для бомбардировщиков, возвела парники по голландскому образцу – потчевать соей и картофелем американо-датских, австрийско-итальянских и канадо-турецких солдат.

В назначенный час взорвутся ядовитые хранилища. Всплывут вражеские субмарины в Тихом океане, Северном, Балтийском, Баренцевом и Черном морях. Сквозь переродившуюся Украину на урчащей бронетехнике двинутся угрюмые солдаты в дедовском немецком камуфляже. Со стороны Грузии в американских вертолетах полетят чеченские боевики. По стылым водам Амура заскользят хищные перепончатые джонки, понесут пиратский десант к российским берегам Узкоглазые корабейники, хабаровские и благовещенские «ходи», достанут из клетчатых сумок «калашниковы» китайского производства и покорят древнюю Сибирь На Сахалин, Курилы и Камчатку хозяевами ступят японские войска.

Врага не остановить. Красная кнопка ракетного чемоданчика давно вырвана с корнем. Но даже если бы она была, то не вызвала бы ракеты к жизни Чрева шахт выскоблены

Тяжелую баллистику давно распилил на части Мирный договор. Не взлетят самолеты, не выйдут из доков подводные атомоходы Боевая электроника давно убита злым воздействием вражеских сигналов. Никто не спасется

Но есть особый тайный человек, владеющий сокровенным Семикнижием. Ему известно – покуда читаются Книги, одна за другой, без перерыва, страшный Враг бессилен Страна надежно укрыта незримым куполом, чудным покровом, непроницаемым сводом, тверже которого нет ничего на свете, ибо возводят его незыблемые опоры – добрая Память, гордое Терпение, сердечная Радость, могучая Сила, священная Власть, благородная Ярость и великий Замысел.

Перед моими глазами чередой разрозненных видений простерлись бессчетные годы В маленькой комнате, где на окнах бархатные портьеры, за простым конторским столом сидит человек. Мраморная лампа с зеленым абажуром льет электричество на раскрытые страницы Никто не заходит в комнату и никто не покидает ее. Мы видим чтеца со спины, его сутулые плечи, наклоненную голову в трепещущей диадеме света.

Тот, кто читает Книги, не ведает усталости и сна, не нуждается в пище. Смерть не властна над ним, потому что она меньше его трудового подвига. Этот чтец – бессменный хранитель Родины. Он несет свою вахту на просторах мироздания Вечен его труд. Несокрушима оберегаемая страна.

Таков был Замысел Книг

БЕГСТВО

Уже на следующий день крайне встревоженный Дежнев сообщил мне, что Маргарита Тихоновна не отвечает на звонки. Взяв в помощь Сухарева, мы вдвоем помчались к ней, но никто нам не открыл. Бог знает, что передумал я, пока Сухарев сноровисто и бесшумно взламывал дверной замок. Я заранее корил себя, что изнуренная тяжелой болезнью Маргарита Тихоновна не выдержала нагрузки от прочтения Книги Смысла и умерла.

Самые худшие предчувствия не оправдались Квартира просто была пуста. Тогда мне подумалось, что домой Маргарита Тихоновна так и не попала, если бы не один странный факт, поселивший во мне тяжелые подозрения В маленькой комнатухе, служившей гостиной и спальней, произошло неувидимое изменение. Я не сразу заметил, какой предмет сбежал со своего насиженного места. Я ощупал глазами комнату. Стена над кроватью топорщилась пустым гвоздем и следом квадратной пустоты. На обеденном же столе прислоненная к графину на латунном подносе стояла фотография еще молодой Маргариты Тихоновны – портрет в деревянной раме. На этом черно-белом снимке она чем-то напоминала актрису Целиковскую. Упругую щеку с ямочкой улыбки, как грубый прозекторский шрам, пересекала надпись: «Алексею, на добрую память»

Я взял в руки портрет, и чувство горчайшей утраты затопило меня Разумеется, о Книге Смысла я сожалел только в материальном отношении – за нее наверняка можно было выручить баснословные в громовском мире деньги Скрытый в ней Великий Замысел подвижничества и связанного с ним индивидуального бессмертия больше напоминал ад. Более того, я даже подозревал, что явление Книги обусловлено таким же разочарованием прежних ее хозяев Впрочем, поделиться этими мыслями было уже не с кем.

Растерянный Марат Андреевич бормотал:

– По крайней мере, паспорта я не нашел Еще не все потеряно. Подождем...

Мы покинули опустевшее жилье, и Сухарев аккуратно устранил следы взлома

Каюсь, мне не достало мужества рассказать широнинцам правду о Книге Смысла, особенно после моего визита в диспетчерскую такси Наш с Маргаритой Тихоновной

заказ был там зафиксирован Рыжий водитель не собирался таиться и сообщил обескураживающие подробности Он прекрасно запомнил свою пожилую пассажирку Она действительно вначале заехала по адресу: Конторская, 21, – попросила машину подождать и вскоре вышла с небольшим чемоданом. Вторым и конечным пунктом назначения был вокзал.

Я заставил себя думать – Маргарита Тихоновна жива и действует на благо читальни

В ожидании тянулся весь следующий день, но от Маргариты Тихоновны не было ни слуху ни духу К вечеру слабая надежда на возвращение угасла.

Я, как умел, успокаивал и приободрял широнинцев. Но нет худа без добра – тяжкое потрясение пробудило их от смертно-тоскующей спячки.

На собрании, проведенном у Луциса, широнинцы единогласно проголосовали за побег В свете минувших событий это звучало предсмертным завещанием Маргариты Тихоновны. Начались хлопотные сборы. Все надо было сделать тихо, незаметно и в кратчайшие сроки. Что имело хоть какую-нибудь ценность – продать О выгоде никто не думал В складчину был приобретен вместительный легковой прицеп, закуплены необходимые инструменты, консервы, одежда.

В ночь перед побегом мы снова посетили осиротевшее жилище на улице Конторской Я хотел захватить подаренный мне портрет Маргариты Тихоновны.

На обратном пути, едва мы вышли из подъезда, я вдруг почувствовал, что за нами следят, и настороженно замер Опытный Сухарев сразу опустил руку в сумку с инструментами, вытащил гвоздодер и передал мне, сам же взял короткий лом и отвертку Николай Тарасович, ожидающий нас возле «Нивы», видимо, тоже почуял неладное – в руках у него была увесистая кувалда. Луцис спрятался за машиной.

Кусты, росшие непроходимой стеной вдоль первых этажей, дрогнули, точно от ветра, и на дорожку ступили две мужских фигуры

Первый мужчина сделал к нам несколько неуверенных шагов.

– Вы от Маргариты Тихоновны? – взволнованно и, как мне показалось, с мольбой в голосе спросил он.

– Допустим... – ответил я, чтобы выгадать время для Дениса, который уже подкрадывался к незнакомцам с тыла

– Так она дома?! – обрадовался человек. – Господи, мы же вторые сутки караулим! – он уверенно двинулся к нам, словно не замечая Николая Тарасовича.

Неслышный Луцис вынырнул за спинами чужаков и приготовил топор.

– А зачем вы караулите товарища Селиванову? – продолжал я вкрадчивый допрос.

– Вы – Вязинцев, Алексей Племянник Максима Даниловича, – уверенно проговорил человек. – Вы что, не помните меня? – он шагнул, попадая под косой свет фонаря

Я определенно где-то видел это худое, изможденное лицо с покосившимся длинным носом.

– Ну как же?! – с горечью воскликнул человек. – Моя фамилия Гаршенин, я из читальни Жанны Григорьевны Симонян А это, – он указал на соседа, коренастого блондина со шкиперской бородкой, – тоже наш читатель – Евгений Озеров Я после вашей сатисфакции... – он запнулся, подбирая слово, – гостил у Маргариты Тихоновны. Единственный известный нам адрес Потому мы и приехали сюда, а больше нам и податься-то некуда.

Тут я узнал его

– Ну конечно! Вам еще тогда руки поломали. Дмитрий... э...

– Олегович, – с готовностью подсказал человек

– Что же вы сразу не назвали, – Сухарев дружески хлопнул Гаршенина по плечу. – Николай Тарасович, – сказал он нетерпеливо Иевлеву, – да бросьте вы кувалду Это свои...

От Гаршенина и стала известна вся страшная правда последних недель. О том, как на собрании региона читальня Буркина, поддавшись угрозам, согласилась платить денежный оброк Совету за право пользоваться собственной же Книгой Памяти – так называемый абонемент, – о чем и была подписана бумага. Этим Буркин рассчитывал спасти своих людей от верной гибели. Симонян категорически отвергла все предложения Совета и вознамерилась покинуть собрание Дорогу строптивой читальне преградила охрана. Не ясно, кто первым начал драку, сразу переросшую в бойню Буркин безуспешно пытался остановить кровопролитие и угодил под бьющие без разбора топоры бойцов Лагудова и Шульги

Попавшая в ловушку читальня Симонян решилась на отчаянный прорыв Сквозь заслон удалось пробиться пяти читателям, но от погони ушли только Гаршенин и Озеров Теперь они считались вне закона, и всякая библиотека или читальня были обязаны их выдать

Беглецы двинулись в Колонтайск Читальня нового библиотекаря Веретенкова сгинула Гаршенин и Озеров застали хорошо скрытые приметы бывшего бойца Из всех колонтайцев выжил лишь один – Сергей Дзюба. Его, беспамятного, похоронили в братской могиле на дне заброшенного котлована. Дзюбе повезло, что утилизацией занимались не профессиональные могильщики Совета – те всегда тщательно инспектировали тела и свидетелей не оставляли

Дзюба рассказал, как их читальню выманил за город староста региона Терешников, но палаческую работу вершили совсем другие – в Колонтайск тайно вернулись павлики Совет отдал на откуп мстительному Чахову также Воронеж, Пензу, Кострому и Ставрополь.

Нехитрая политика больших кланов была очевидна – чужими руками сломить удельные читальни, при этом невербинский договор о неприкосновенности формально соблюдался. Расчет был прост: кого-то из упрямцев перебьет Чахов – туда им и дорога, ну, заберут павлики очередную Книгу Памяти или даже Терпения – не велика потеря, а кое-кто из библиотекарей, увидев плачевные итоги независимости, сам откажется от Книги и понесет абонемент в Совет

Вероятно, и широнинской читальне готовили такой же гуманный приговор в виде абонемента. Стоило ли его дожидаться? Тем более, что к нашей «Ниве» и мотоциклу неожиданно прибавился автобус колонтайской читальни, на котором приехали Дзюба, Гаршенин и Озеров Для них было настоящим спасением обрести новую читальню, а мы полностью разрешили наши транспортные проблемы, да и коллектив пополнился тремя закаленными бойцами.

Внушительным эскортом на рассвете мы тронулись в путь

СЕЛЬСОВЕТ

За райцентром дорога свернула в лес Высокие кроны сомкнулись над автобусом, и ветки шуршащими вениками мели его покатуя крышу. Через полчаса в конце сумрака вдруг ясно обозначился просвет Деревья расступились. Мы вынырнули из чащи, и над нами раскрылось небо, высокое и бесцветное, в дымных разводах.

Автобус подпрыгивал и дребезжал на глубоких колдобинах, и легко было догадаться, в какое месиво превращается глинистый грунт в период затяжных ливней Тут прошла бы только «Нива» Иевлева, но благо до райцентра с магазинами, почтой и больницей было всего километров двадцать

Сразу за лесом раскинулся одичавший луг, поросший бурьяном и сухим чертополохом, потянулись черные изгороди с воротами, избы в наростах голубого древнего мха.

Мы остановились возле самой большой постройки в брошенной деревне По-видимому, в лучшие свои годы там размещался сельсовет или подобный ему иной орган. На стене у двери виднелись следы административной таблички. Рядом же висела подставка для флага Одноэтажный дом, в отличие от крестьянских изб, был построен с архитектурной претензией – на манер бедной помещицкой усадьбы. У входа имелись небольшие фальш-колонны Широкое крыльцо расходилось подолом каменных ступеней. В трещинах мшистого фундамента зеленели пустившие корни деревца Облезшие ставни и дверь были небрежно заколочены Неподалеку от этого «сельсовета» топорщился соломенной кровлей невысокий, длинный сруб без единого оконца – бывший амбар или склад.

Внутри дома стояла затхлая духота. Седыми клочьями, похожая на старушечью пряжу, свисала паутина Никакой мебели прежние хозяева не оставили Кое-где на потолке и стенах обвалилась отсыревшая штукатурка, в местах потеков дощатый пол зеленел плесенью Иевлев стукнул ногой, и огнившие доски сразу треснули Гаршенин и Кручина полезли на чердак, чтобы до вечера залатать прохудившуюся крышу.

В доме имелись две печи – большая русская, проходящая сразу через две комнаты, и вторая, поменьше, – голландка На вид печи были исправные, только очень грязные. Анна выгребла из каждой по ведру золы и проверила тягу подожженной газетой Дым благополучно утянуло в трубу

Электричества в деревне уже не было. Во дворе, подвешенная к столбу, скрипела открытой дверцей трансформаторная будка. К ней сразу подступились с инструментами Вырин и Сухарев

Деятельный Тимофей Степанович, взяв шефство над новичками – Озеровым и Дзюбой, – организовал уборку двора.

С Дежневым и Луцисом мы обошли окрестности Всюду стояла глухая мертвая тишь, но мне не удавалось отделаться от мысли, что из битых окон кто-то рассматривает нас, подозрительно и враждебно. Процесс разрушения шел непрерывно, все опадало, скрипело, отваливалось, капало, звякало, на ходу становясь прахом. При взгляде на запустение в груди росла тоскливая неуверенность, как здесь обустроить жизнь...

Мы осмотрели все двенадцать изб. Люди покинули деревню давно и вывезли почти все полезные предметы. В изобилии можно было разжиться лишь досками, листьями старого шифера и прохудившимися жестяными бочками для дождевой воды

В черных коробах колодцев не было ни ведер, ни цепей В глубине неподвижно плескалась масляная ряска. Сразу за деревней у церковных развалин начиналось сгнившее на корню кладбище.

Пока мы ходили по деревне, женщины кое-как прибрались в доме, вымели годовую пыль, сняли паутину Весь хлам, листву и мусор свалили в овраг. Анне удалось растопить печь – дом надо было хорошенько прогреть, чтобы истребить поселившуюся плесень.

Первый ночлег был неудобный и безрадостный Разместились мы в автобусе Будущее по-прежнему рисовалось мрачным Заснуть я не мог от ревматической вяжущей боли в ноге Из-за холода и дискомфорта затянувшаяся штыковая рана разнылась. Я ворочался и

прислушивался к ночным шумам Из лесов доносился протяжный вой, цепенящий, унылый, и наши собаки заливались в ответ тоскливым лаем

За ночь промозглая мгла набухла сыростью, даже волосы стали мокрыми и липкими. В автобусе каждая тряпка отсырела и отяжелела

Невыспавшийся Луцис угрюмо сказал:

– Ну чего нас понесло в эту проклятую глушь? Остались бы лучше в городе...

– Ага, а там бы нас всех и шлепнули, – возразил севшим голосом Игорь Валерьевич.

– Правильно сделали, что уехали. На природе оно и помирать приятнее, – двусмысленно пояснил Тимофей Степанович.

С утра был густой туман Когда взошло солнце, он растаял, осел по прогалинам Над влажной почвой клубилась испарина В лощинах застоялась теплая влажность и сладко пахло густой увядающей травой. Высокое бесцветное небо виднелось как сквозь тускловатую водяную толщу, и ветер гнал дымные разводы осенней хмари

В течение дня мы исследовали границы нашего поселения. На север и восток лес отличался непроходимостью. Деревья росли плотно, каждый шаг пружинил, и чувствовалось, что под ногами до полуметра слоя опавшей за бесчисленные годы листвы, в которой нога могла утонуть по колено, если не попадался невидимый корень. Рядом с лугом недалеко от леса стояли раскидистые березы, склонившие почти до земли плакучие желтые шапки

На западном склоне обнаружился глубокий, с крутыми спусками, овраг. По его репейно-терновому руслу мы неожиданно вышли к реке Она пролегла между глинистых скользких берегов Мутно-бурая промозглая вода несла лиственный сор и бересту. На болотистом мелководье гнили почерневшие ветки, в сером песке застряли остовы стволов

С юга холмы щетинились колючим ельником. Из рыхлых склонов лезли древние узловатые корни. Там же иногда попадались крупные белые валуны. Мы прошли ложбиной, загроможденной рухнувшими деревьями, и поднялись наверх к глухой кирпичной стене, огибающей задний двор нашего «сельсовета». Лес обступил деревню с четырех сторон.

Постепенно мы обживали новое жилище. Остро пахло столярным клеем, краской и лаком Сухарев, Кручина, Иевлев и Гаршенин сколотили топчаны, широкий обеденный стол и длинные лавки Я тоже помаленьку осваивал плотницкое ремесло и соорудил просторную будку мохнатой Найде Дряхлая Латка ночевала в сенях

Стараниями женщин дом принарядился Дощатый пол украсили половички и дорожки На еще не застекленных окнах развевались занавески

Вся следующая неделя была посвящена укреплению подворья. Приютивший нас сельсовет частично окружала двухметровая кирпичная кладка и невысокие чугунные оградки, как на могилах Мы раскатали шесть ближних изб и соорудили из позаимствованных бревен плотный частокол, захвативший дом и стоящий неподалеку хозяйственный сруб, который после ремонта вполне мог служить гаражом «Ниве» и мотоциклу.

С каждым днем креп стылый ветер, и к ночи звезды покрывала изморозь Надо было готовиться к зиме, запастись продукты. С отоплением проблем не было. Дровами мы были обеспечены на ближайшие годы. Трухлявая деревня сама служила нам складом.

Кое-где в избах сохранились в целости окна, так что Николаю Тарасовичу даже не пришлось ехать в город за новыми стеклами Починить трансформатор не получилось

Во время вечерних чтений пришлось жечь свечи и керосиновые лампы. На следующий год мы подумывали обзавестись портативной электростанцией на мазуте и уже присмотрели место во дворе для будущей цистерны с горючим

Впрочем, до зимовки дело не дошло.

Первым непрошенных гостей заметил Тимофей Степанович. По утрам старик брал лукошко и отправлялся за грибами. Он же и прибежал к нам с тревожными вестями – подозрительный субъект брел кромкой леса. Бог знает, что позабыл он в этих глухих местах, одинокий человек, не похожий ни на охотника, ни на грибника. Поверх брезентового дождевика болтался в чехле фотоаппарат или бинокль.

Не могу сказать, что новость особо всполошила нас. Мало ли кто мог идти лесом в утренний час. Вероятно, Тимофей Степанович видел безопасного городского жителя, туриста-фотографа, желающего получить живописные виды деревенской разрухи. На беспокойство не хватало времени, каждый угол хозяйства требовал внимания и ремонта.

Ночью со стороны лесной дороги доносились ритмичные глухие перестуки и скрипы. Утром Сухарев и Кручина, совершающие обход территории, доложили, что дорогу перегородили поваленные деревья. Взгляда хватило, чтобы понять – крепкие дубы корчевала не стихия, а пила и топор.

Ночные лесорубы нас порядком расстроили. Плановое расширение дороги могло лишь означать, что нашему уединенному существованию однажды придет конец и здесь появятся люди. Настораживало, отчего таинственные лесорубы трудились ночью, почему не отволокли деревья к обочине? Делать выводы о конкретной угрозе было рановато, но факт оставался фактом – стволы перекрывали выезд в райцентр.

Я ограничился тем, что ввел круглосуточное патрулирование. Весь день и следующую ночь мы прислушивались, возобновятся ли работы в лесу. Ничего похожего не происходило. Хотелось верить, пришельцы появились по недоразумению и теперь исчезли навсегда.

Мысль, что нас выследил Совет, высказал за обедом Дежнев. Вначале повисла гробовая тишина, а потом посыпались упреки: стоило ли вообще уезжать из родного города, если через месяц приходится снова драпать.

– Это же будет длиться бесконечно, пока нас на край земли не загонят, – негодовал Кручина.

Его активно поддерживали сестры Возгяковы, тоскующие по брошенному хутору.

– Я считаю, судьбу надо встречать лицом к лицу, а не бегать от нее, – угрюмо говорила Анна. – Правда, девочки? – Светлана и Вероника неуверенно покивали.

Положение несколько исправил Тимофей Степанович:

– Ну и чего возмущаться? Если нас засекли, то предоставляется отличная возможность с честью погибнуть. Вам что, для этого особые удобства нужны?

– Я, честно говоря, в покойники не готовлюсь, – бодро заявил Сухарев. – Не очень-то интересно. Выдумали тоже проблему! – он фыркнул. – Прыгнули в автобус, и ищи-свищи нас по всей стране. «Ничего на свете лучше не-е-ту, чем бродить друзьям по белу све-е-ту!»

– Я бы вообще предпочел жизнь на колесах, – мечтательно сказал Вырин. – Так еще интереснее, ночуешь в поле, костер, картошка печеная, песни под гитару... А где заработать, всегда найдется.

– А что, – Иевлев энергично почесал широкий, как лопата затылок, – мне нравится Печку в салоне приспособить, оборудовать спальные места, стекла тонировать Будет жилой фургон

– Ага, разогнались, поехали, – буркнул Луцис. – Вон дорогу уже перекрыли. Пешком ведь уходить придется, налегке. Или на плотах.

– В нашей читальне стали преобладать паникеры, – сказала Таня. – Маргарите Тихоновне было бы за некоторых стыдно...

– Да при чем здесь паникерство? – поморщилась Анна. – Я говорю, нечего за свою драгоценную шкуру дрожать

– А никто и не дрожит, – мягко возразил Марат Андреевич. – Просто весь ваш разговор весьма некрасив по отношению к Алексею...

Возгляковы и Кручина потупились.

Все ждали моего слова.

– Я был инициатором переезда, и до сих пор считаю этот поступок правильным. Так планировала и Маргарита Тихоновна Мне кажется, тревоги несколько преждевременны В Совете никак не могли знать, куда мы уезжаем, разве кто-нибудь из читальни сообщил бы им эту информацию...

Все почему-то посмотрели на загрустившего Озерова Он был единственный из троицы новых читателей, кто присутствовал на ужине. Гаршенин и Дзюба были в дозоре Озеров деликатно избегал участия в беседе Поймав на себе взгляды широнинцев, он побагровел, резко встал из-за стола, так что с душераздирающим скрипом отъехала лавка вместе с увесистыми Возгляковыми.

– Вы что же... – Озеров, набычась, стиснул кулаки, – считаете, что я или Дмитрий Олегович... что мы могли донести в Совет?...

– Женя, успокойтесь, – сразу вмешался Марат Андреевич. – Как вы вообще могли такое подумать?!

– Вы-то здесь не при чем, – начал Луцис. – А вот Дзюба... Поймите, я никого не обвиняю Но я, к примеру, хорошо знал лишь Латохина И еще я могу поручиться, Дзюба не входил в число тех десяти бойцов, что помогали нам на сатисфакции...

– Точно, – согласился Сухарев

– Ребята, – сказал Вырин, – вы же были там в Колонтайске, Алексей, Танюша Вспомните хорошенько!

– Да там народу собралось под сотню человек, – нахмурился Тимофей Степанович. – Только колонтайских – почти три десятка. А они еще в закрытых хоккейных шлемах, даже глаз толком не видно

– Я хорошо помню Веретеннова, – признался я. – Мы у него останавливались... Ну, и Латохина, понятно Насчет остальных ничего конкретного сказать не могу...

– Да... – озабочено произнес Кручина, – хорошенькая история... Евгений, а вот вы были знакомы с Дзюбой?

– Лично – нет, – озадачился Озеров, – но читатель с такой фамилией был. Вам бы лучше всего расспросить Гаршенина Он более или менее близко общался с колонтайской читальней. Погодите, как вы можете Дзюбу подозревать? Он же ранен был!

– Это ни о чем не говорит, – Луцис прошелся по комнате. – Разве нельзя допустить, что настоящий Дзюба был убит и похоронен вместе со всеми, а с нами поехал кто-то другой?

– Наваждение прямо, – Озеров потряс головой. – Мы постоянно были друг у друга на виду! Когда бы он сообщил наши новые координаты Совету? Абсурд... Что же, паспорт у него попросить?

– Это все равно не имеет значения, – отмахнулась Анна. – Если Дзюба – наводчик, свою задачу он уже выполнил. Если нет – и обсуждать нечего.

– Вот я на сто процентов уверена, что Дзюба не при чем, – Вероника стала собирать грязные тарелки. – Нормальный мужик Спокойный, глаза не бегают. Предатели себя по-другому ведут. А у Совета и без него достаточно соглядатаев. Может, за нами кто в пути увязался и выследил, Николай Тарасович?

– Вроде нет, – сказал Иевлев, – я смотрел, хвоста не было.

– Ребята, – чуть смущенно сказал Марат Андреевич, – я уже и сам не рад, что поднял эту тему... Очень преждевременно утверждать, что Совет обнаружил нас.

– Каратели из Совета не церемонились бы, а напали, – усмехнулся Тимофей Степанович.

– А все-таки, кто тогда перегородил дорогу? – спросила Светлана. – И зачем?

– Непонятно, – согласился Марат Андреевич. – Поэтому я предлагаю расчистить завал.

– И чем быстрее, тем лучше, – добавил Луцис.

– Мы вдвоем с Кручиной за час управимся, – бодро сказал Николай Тарасович. – Тем более, у нас и «Тайга» имеется.

– А вот бензопилу я бы вам брать не советовал, – сказал Марат Андреевич. – Слишком шумный агрегат. Возьмите обыкновенную, столярную...

Взвыли собаки.

В дом, широко распахнув дверь, вбежал запыхавшийся Гаршенин:

– Ребята, тревога! – выдохнул он. – У нас гости!

Мы гурьбой бросились к длинному стеллажу, где были разложены доспехи. В круглых гнездах невысокой подставки стояли пики, цеп Анны Возгяковой и боевая коса Гаршенина.

– Что за люди? – быстро спросил я, надевая через голову тяжелый панцирь Книга Памяти сразу переключевала в стальной футляр.

– А пес его знает, Алексей Владимирович, – ответил Гаршенин, берясь за обитое железными полосами косовище. – Пять человек Сюда идут Мы, как только заметили, сразу сюда.

– Всего пять? – Марат Андреевич опоясался шашкой. – Не густо.

– Вооружены?

– Вроде нет. По крайней мере, в руках ничего такого не держат... У одного моток

кабеля...

– Ремонтники?

– Разве поймешь? – с досадой сказал Гаршенин. – На них не написано. Вряд ли ремонтники В лучшем случае – ворье, что провода на продажу режет.

– А в худшем случае – лазутчики Совета, – продолжил Игорь Валерьевич, привычно заворачивая в газету штык. – Во что они одеты?

– Обычно, по погоде. Телогрейки, сапоги кирзовые Типичный колхоз

– Очень подозрительно, – покачал головой Тимофей Степанович. – Ни топоров, ни лопат. Как пить дать – под одежкой ножики припрятали

– Откуда они появились? – продолжал я расспрашивать Гаршенина.

– По дороге вышли...

– Вас с Дзюбой заметили?

– Не знаю...

– А где Дзюба?

– Остался возле ворот.

– Закрыть надо! – воскликнул Луцис.

– А зачем? – Анна вытащила из подставки боевой цеп покойной матери. – Пускай заходят Поговорим, выясним, что им нужно...

Николай Тарасович взял с полки молот:

– Если это случайный народ, не хотелось бы их сразу пугать А то разнесут потом молву...

Сухарев подумал и снял обшитый солдатскими пряжками бехтерец:

– Действительно, чего заранее шухер поднимать...

– Не дури, – строго сказал Кручина, – лучше накинь что-нибудь сверху И кистень возьми Береженого Бог бережет...

Вырин, тоже скинувший свою куртку, снова надел ее, а сверху набросил перевязь с саперными лопатками

Гурьбой мы вывалили во двор. Возле прикрытых на одну створку ворот стоял Дзюба с кайлом на плече Он успокаивающе помахал нам рукой.

Я смотрел на приближающихся к сельсовету людей. Они уже заметили нас и чуть сбавили ход Гости действительно казались типичными деревенскими жителями Они уверенно зашли во двор и сняли картузы. Впереди в длинном, почти до земли, брезентовом дождевике шагал их старшой – худощавый мужик, на вид ему было лет сорок, светлые соломенные волосы, брови и усы выгорели до седины.

– Доброго всем здоровьяца, – он плутовато сощурился. – А мы тут, знаете, не первый год ходим, давненько здесь не жили, а теперь, значит, живут... – старшой вздрогнул и обернулся на стук – Дзюба закрыл вторую половину ворот, вместо засова он использовал тяжелый оглоблинский крест

Действие произвело на гостей явно неблагоприятное впечатление. Они вдруг стали переминаться и тревожно зыркать по сторонам.

Белобрысый улыбнулся:

– Ух ты, а что же это вы на крест запираетесь? Наверное, серьезные люди. А вы, часом, не баптисты? Нет?

К воротам подтянулись Тимофей Степанович, Сухарев, Таня и Возгляковы У ног Вероники уселась, утробно рыкая, Найда С боков прищельцев зажали Гаршенин, Озеров, Вырин и Луцис. Я стоял в окружении Иевлева, Кручины и Дежнева Думаю, мы производили грозное впечатление.

– Нет, мы не баптисты, – сказал я

– А-а-а, – вроде облегченно потянул старшой. – Это хорошо... Хотя нам, по большому счету, все равно. Какая разница, кто – лишь бы человек хороший был Правильно говорю?...

Он вдохновился сказанным и еще с полминуты разглагольствовал о хороших людях, но я уже поймал его алчный взгляд, скользнувший из-под белесых ресниц по шкатулке с Книгой, что висела у меня на груди. От нехорошего предчувствия в животе подобрались кишки Я чуть толкнул локтем стоящего рядом Марата Андреевича. Он повернулся ко мне, и произнес неподвижным ртом: «Вижу...»

– Ну, а вы кто? – спросил я белобрысого. – С чем пожаловали?

– Это... Мы – строительный подряд. Вам ничего не нужно починить?

– Пока сами справляемся...

– Ясненько... А то бы мы помогли... И недорого...

– А вот такой вопрос, – сказал я. – Вы дорогу завалили?

– Дорогу? Не, это не мы...

– Ну и чего врать?! – взял я прищельца на испуг. – Мы же сами видели!

– Да? – удивился тот. – Хотя да, точно, мы, – он развел руками. – Лесничество требует... Деревья больные... Я просто не сразу сообразил, про какую дорогу вы говорите

– И чего вы все побросали? Теперь же не проехать...

– Ну, убирать не наше дело. Нам только срубить приказывали... – старшой оглянулся на ворота. – А вот еще, – он нагло ватно осклабился. – Вы самогонкой не богаты?

– Не богаты.

– Мы же не бесплатно просим Отработали бы Вы не стесняйтесь, подумайте Мы, в принципе, и за харчи поработать можем, да, хлопцы?

– Так есть хочется, что и переночевать негде... – насмешливо проскрипел Тимофей Степанович.

Найда вдруг кинулась косматыми лапами на частокол и яростно взвыла Я заметил, как подобрался белобрысый и его спутники

– Ну, мы пойдем, раз вам ничего не нужно Откройте, пожалуйста, ворота...

Мы посмотрели на Дзюбу. Если бы он попытался вытащить крест-засов, это бы означало, что он заодно с чужаками. Я видел, Сухарев уже приготовил для удара свою цепь Дзюба, впрочем, никак не отреагировал на просьбу, даже не шелохнулся, только насупленные брови сошлись на переносице, а пальцы крепче сжали кайло

– Слушайте, мужики, в натуре, – громко сказал белобрысый, – нам идти нужно!

Тут над бревнами показались головы и туловища врагов. Но не успел первый еще перекинуть ногу через частокол, как напоролся на клинок горшениской косы. Дзюба с хрустом всадил кайло в бок ближайшего противника.

Белобрысый распахнул полы дождевика, выхватывая два тупоносых мясницких тесака. Трое его товарищей вытащили скрытые под телогрейками топоры и ножи и ринулись в схватку. Впрочем, азарт не подкреплялся достаточным мастерством Резкий штыковой выпад Кручины пронзил живот нападающему, тот с воем рухнул, поджав ноги. Рывнула Найда, смыкая челюсти на горле упавшего Сверкнула шашка Дежнева, и на песок шлепнулась рука с топором, обрубок длинно хлестнул кровью, словно кто-то выплеснул из стакана недопитый чай Подранка сразу проткнули рапира Тани и пика Озерова

Через стену перекатывались все новые бойцы Дзюба дробил кайлом хватающиеся за края частокола пальцы, и враги с воем срывались еще с наружной стороны Двое повисли бездыханными на бревнах, раскинув руки, точно рубахи на бельевой веревке, третий, чье туловище перевесило, ополз почти до земли, зацепившись голенищами сапог за острия частокола Кого-то уже приговорил взмахами молота подоспевший Николай Тарасович

Мне пришлось схватиться сразу с двумя противниками. Я размахивал клевцом, стараясь не подпустить опасные топоры на короткое расстояние В запале казалось, что эти двое лишь отбивают удары. Трусливая тактика совершенно распалила, выгнала остатки осторожности. Наконец, мой клевец с пустым гончарным звуком приложился к вражеской голове. Дернувшееся лицо сразу покрылось кровью Эйфория третьего в моей жизни убийства была короткой На мне повис второй мужик, свалил с ног, но вместо того, чтобы зарубить, стал стягивать Книгу Он хрипел матерщиной и душил меня цепью от стальной шкатулки. Я вгрызся зубами ему в руку, пытался раздавить колющий кадык, скользкий хрящ не хотел ломаться Мой рот заливала кровь, соленая, как старый огуречный рассол, и я захлебывался в ней. В глазах помутнело Враг неожиданно рывком высвободил руку и несколько раз ударил меня по лицу, так что я почти лишился сознания. С меня стащили Книгу, выдрав попутно клочок волос, и отпустили Я, задыхаясь, вытолкнул изо рта мягкий кусок мяса, и меня окатил страх, что я откусил себе язык Я закричал, вместо слов вышли розовые пузыри

Мужик, отобравший у меня Книгу, валялся на земле, а Сухарев вскидывал и обрушивал цепь с подвешенными на ней гроздьями амбарных замков на дрожащее в агонии тело

Я, стоя на четвереньках, судорожно шарил пальцами во рту, чтобы нащупать язык Онемевшие нечувствительные пальцы сразу вымазались в крови, и я ничего не мог понять Я в ужасе потер огрызок об рукав Похоже, это все-таки был не язык, а часть откушенной кисти Меня сотряс рвотный кашель, и я минуту плевался кровью – то ли своей, то ли чужой. Потом ко мне подбежали Гаршенин и Дзюба и подняли, а Сухарев протянул шкатулку с Книгой, которую я снова повесил на шею

Новые бойцы уже не лезли, а последний враг не выдержал неравного поединка на два фронта с Анной и Маратом Андреевичем и угодил под болванку цепя.

Там, где двор прикрывала кирпичная стена, неожиданно прорвались свежие силы – еще шесть человек. У ворот в живых оставался только сам белобрысый главарь. Он

уже не пробивался к засову, а, искусно увиливая от лопат Возгляковых и штыка Кручины, отступал вдоль забора «Да быстрее же вы, блядь!» – хрипло звал он подельников

Подмоге наперерез бросились Луцис, Вырин, Озеров, за ними едва поспевал Тимофей Степанович

Белобрысый предпринял отчаянную контратаку Лопата Светланы переломилась под сокрушающим ударом тесака, сама же она чудом избежала смерти Второй тесак пришелся на Кручину. Я услышал, как дико взревел Игорь Валерьевич, зажимая ладонью место у виска, где у него секунду назад было ухо. Лопата Вероники с хрустом погрузилась в грудь главаря Он заорал. Вероника навалилась на черенок, пригвозждая врага к стене частокола Белобрысый обмяк и повис на лопате, точно марионетка, над которой оборвались сразу все нити.

Гибель вожака не прибавила мужества нападавшим. Из шестерки кто-то сразу угодил под саперную лопатку Вырина, второму размозжил череп кистень Тимофея Степановича Пика Озерова пробила брюшину третьему. Метко брошенный подшипник Луциса угодил убегающему в затылок, мужик с воплем схватился за голову и упал, а Николай Тарасович хрустко добавил сапогом по треснувшим шейным позвонкам

Один из оставшихся в живых бойцов метнул топор в Озерова. По счастью, удар пришелся топориком в подбородок, Озеров опрокинулся, не увидев, что его противника настиг и зарубил Марат Андреевич Шестой героя не ломал и, не теряя драгоценного времени, перемахнул через стену

– Там... Всего четверо... – зашептал, тыча за частокол, Гаршенин. – На вылазку надо, добить...

Иевлев, Кручина, Сухарев, сестры Возгляковы, Таня и Дзюба, разделившись, стали по обе стороны ворот, Гаршенин вытащил крест, а Кручина и Иевлев потянули на себя тяжелые скрипучие створки.

В проем сразу рванули четверо Пробежав пару шагов, они остановились. Изумление сменилось оторопью Они попятились и, не долго думая, бросились наутек. Длинное острое косы Гаршенина пронзило самого медленного врага, тот по инерции еще смог сорваться с лезвия, но, пробежав пару шагов, выдохся и рухнул Анна швырнула над землей лопату, завертевшуюся мельницей Второй беглец с перебитыми ногами рухнул в траву, и его в два прыжка настиг Иевлев.

Предсмертный крик товарища придал двум уцелевшим захватчикам сил. Оторвавшись от запыхавшейся погони, эти двое достигли леса и скрылись за деревьями Их не преследовали Бой закончился.

Меня колотил озноб. В затылке и барабанных перепонках стучал оглушительный пульс Адреналин схлынул. На месте выдранных волос словно горел ожог. Подбитый глаз затек, саднили бровь и веко Занудливая боль, похожая на зубную, крутила распухшую скулу Я стоял посреди двора и смотрел, как Иевлев закинул на плечо труп настигнутого врага, второго за ноги волокли Сухарев и Озеров Возвращались и остальные широнинцы

Возле меня остановился всклокоченный Гаршенин:

– Виктория! Поздравляю! – Глаза его светились ликованием.

– Вроде выскочили без потерь, – сказал Дзюба. – Слава те, Господи...

– Да нет, – процедил Кручина, – с потерями! – Он зажимал рану на голове, между пальцами просачивалась кровь. – Пол-уха лишился Черт! Придется теперь ходить как каторжному!

– Волосами прикроете, никто и не заметит, – утешала его Таня и лила из склянки на вату перекись

Кручина убрал от виска ладонь – на миг показался пунцовый, похожий на тюльпан, обрубок – и приложил ватный клочок

Пошатываясь, поднялся с земли Озеров, борода его была в крови Тимофей Степанович, прислонившись к забору, устало отирал носовым платком сиреневое, как у новорожденного, лицо

По двору валялось с десятков вражеских трупов. Пятеро нашли свою смерть у кирпичной стены. Трое так и продолжали висеть на частоколе, четыре штурмовика лежали у ворот, неподалеку корчился белобрысый главарь

– Допросить его, Алексей, немедленно допросить... – с натугой просипел Тимофей Степанович. – Выяснить, кто подослал... – старик едва переводил дух, словно после забега.

Белобрысый был совсем плох и, чтобы вытащить из него хоть какие-то сведения, следовало торопиться

Я приблизился к умирающему

– Послушайте, мы постараемся облегчить ваши страдания, насколько это в наших силах, – я обернулся. – Марат Андреевич, принесите срочно анальгину!

Главарь дрогнул мутными, точно у рыбы, глазами:

– Где Книга?

– Вот, – я постучал по стальному корпусу шкатулки. – А теперь ответьте, кто вас навел?

– Покажи Книгу... – он тяжело хрипнул.

– Хорошо, – я пристроил шкатулку на колене

Главарь терпеливо ждал, пока я найду ключ и открою замок, даже чуть приподнялся. Широкое красное пятно на продавленной груди блеснуло свежей подплывшей кровью, тусклой и масляно-жирной, как нефть

– Вот, пожалуйста... – я показал лежащую на бархате Книгу. – А теперь скажите, откуда вы про нас узнали?

– Не та!... – он бессильно откинулся и с глухой уставшей ненавистью посмотрел на меня. – Другая!

– Что же вы ожидали увидеть?

– Книгу Терпения! – гневно рявкнул белобрысый, из ноздрей хлынули свекольные ручьи.

– А кто вам сказал, что у нас есть Книга Терпения?!

– Старуха...

– Какая старуха?!

– Умная!... Мы первыми жребий вытянули... Три года очереди ждали, и тут такой шанс...

Не получилось... – он слабо пошевелился. – Больно... Книга Терпения...

– У нас только Книга Памяти

– Врешь, – равнодушно прошептал белобрысый

– Нет, это правда...

Раненый, с горловым бульканьем, засмеялся:

– Значит, обманула старуха... Я же говорю, умная... Но вы все равно сдохнете. Никто не уйдет. Старуха решила...

– Прояснилось? Кто они такие? – подсел к нам Дежнев. Он держал шприц с обезболивающим раствором, похожим на слюну

– Не понятно... Похоже, это не Совет. Про какую-то старуху говорил. Запугивал...

Марат Андреевич поймал иглой бледную вену белобрысого

Тот равнодушно проследил за движением поршня, спросил:

– Вы всех моих убили?

– Трое сбежали

– Повезло...

Больше он не сказал ни слова. Вскоре закрыл глаза Сквозь сжатые губы пробивался шелест уходящего дыхания, словно в хрупком фарфоровом горле бил крылышками залетевший мотылек Слипшиеся от крови ноздри шевелились, как жабры, а потом застыли

– Алексей! Марат Андреевич! – вдруг пронзительно, срываясь на визг, позвала Таня.

Я вздрогнул и оглянулся К частоколу уже спешили перепуганные истошным криком широнинцы Когда мы подбежали к месту суеты, увидели Тимофея Степановича Старик по-прежнему сидел, прислонившись спиной к бревнам Кудлатая голова, как подрубленная, свесилась на грудь Правая нога поджата, левая распрямлена, так что виднелась сбитая подошва пыльного сапога.

Сухарев и Вырин уложили Тимофея Степановича на землю. Марат Андреевич цепко сжал стариковское в черных жилах запястье, напряженно вслушиваясь, не дрогнет ли под кожей жизнь, затем, словно не веря своему немыслимому диагнозу, произнес:

– Девять сатисфакций, Невербино – все прошел без единой царапины А тут сердце не выдержало...

– Что за херня! – взревел Иевлев. – Какое сердце?! – он навалился ладонями на костлявую грудину: – Дыши, старик, дыши! – сотрясал он бездыханное тело

Внутри Тимофея Степановича зашумело скрытое брожение, из посиневшего полуоткрытого рта на Иевлева обильно плеснуло сукровицей Он вскрикнул и отшатнулся, торопливо вытирая с лица и одежды посмертную слизь. Тогда мне окончательно стало ясно, что Тимофея Степановича больше с нами нет, а скорбный список потерь широнинской читальни увеличился еще на одного человека

Сухарев, Кручина и Луцис за полчаса вырыли старику неглубокую тесную могилу Глинистая земля с трудом поддавалась лопатам. То были суетливые похороны, без речей и поминальной закуски. Вражеских мертвецов снесли в овраг и закидали хворостом – на основательное погребение не оставалось времени.

Как попало, лишь бы успеть до захода солнца, мы загружали прицеп и автобус вещами, припасами и оружием

Иевлев тем временем возился с бензопилой, точно алхимик мешал бензин и масло Пропорции жидкостей не сходились, подержанный агрегат барахлил, и Николай Тарасович, посылая проклятья изобретателю двухтактного двигателя, снова разбирал мотор, отлаживал магнето, чистил карбюратор, опорожнял бак и заливал новую смесь – и так, пока «Тайга» не начала кудахтать с первого рывка заводного троса В этот вечер бензопила не имела права заглохнуть.

Поставленная задача была совсем не из простых. Мы собирались пробиться сквозь завал и уйти из западни. Если верить предсмертным словам белобрысого, угодили мы в серьезную заваруху. В лесу сновали озлобленные ватаги читателей-терпил, желающих разжиться у изгоев редкой и ценной Книгой. Непонятно было, что за таинственная старуха натравила всю эту обиженную свору.

Весь наш отчаянный расчет строился на надежде, что недавние беглецы из разгромленной банды разнесут по лесу пережитый ужас и охладят воинственный пыл других мародеров Кроме того, мне была в общих чертах ясна стратегия грабежа Ватаги не могли объединиться Поделить Книгу между временными компаньонами было нереально Победитель мог быть только один Наверное, именно это имел ввиду белобрысый, рассказывая мне о вытянутом жребии Его людям предоставилась возможность заполучить Книгу, они проиграли, и теперь свои силы испробует новая команда Мародеры соблюдали очередность

Солнце клонилось к закату, когда транспортный кортеж в полном вооружении двинулся в рискованную неизвестность. Отряд возглавляли Сухарев, Вырин, Луцис и Гаршенин, зорко высматривая в ветвистых сумерках малейшие признаки опасности, рядом с ними бежали собаки Сразу за дозором тархтел мотоцикл, ведомый Анной, в коляске сидел Иевлев с бензопилой, а следом медленно ползли автобус и «Нива» За рулем автобуса был Марат Андреевич По бокам «Лаза», оберегая его колеса, шли Вероника и Светлана. «Ниву» вел Озеров Я вместе с Таней разместился на прицепе Последними были Кручина и Дзюба, прикрывая тыл

Судя по голосам в авангарде, мы достигли завала. Мотор «Тайги» взревел, как вставший на дыбы мопед Жужжащее стальное полотно вонзилось в древесину Густоголосая пила взывала фальцетом, расправляясь с деревянной породой. Снова вонзилась, сорвалась на визг

Уже спустя пару минут в непроходимом завале обозначился будущий коридор. Рядом с Николаем Тарасовичем лежали вороха веток Я попробовал оторвать от земли отпиленный, размером с небольшую мясницкую плаху, брус. Сырое дерево оказалось каменно тяжелым Я покатил его к придорожным кустам и скорее почувствовал, чем увидел, за спутанными ветками терновника притаившиеся фигуры.

В омуте лесных сумерек, словно ожившие черные дыры, возникли крадущиеся согбенные тени. Надежно заглушенный натужным харканьем пилы, по лесу шел смутный гомон. Те, кто притаились за спутанными копнами терна, еще не поняли, что обнаружены Враг, подавая знак ближним, засипел: «Ссс...» – потом щелкнул залиистой птичьей трелью, раскатившейся по кустам. В ответ хрипло каркнул ворон и затюкал дятел.

Одновременно с моим пронзительным криком: «Засада!» – сквозь ветвистую паутину просунулось быстрое, как язык хамелеона, древко с длинным и тонким наконечником

Слабое острие не смогло просадить крепкий, точно дубовая доска, протектор. Из кустов напролом ринулась косматая туша Я рубанул клевцом. Нападавший раскинул руки и повалился спиной на куст

Бесноватый хор примешался к реву пилы. Я оглянулся. Через завал лезли верещащие малорослые существа. В меховых одеждах, с нашитыми поверх ребрами крупного скота, в шапках с костяными наверху конских, оленьих или рогатых бычьих черепов Круглые, узкоглазые лица, прямые смоляные волосы обличали принадлежность звероголовых к вымирающим расам Крайнего Севера. Они вопили, потрясая дедовскими острогами, гарпунами и рогатинами Этих, в причудливых скотских доспехах, было десятка полтора. Перед атакой они еще раз завизжали и, наставив оружие, устремились вниз. Скульнувшую Латку сразу подцепили медвежьей рогатиной и, как облезлый полшубок, отшвырнули в сторону

На бревнах завязался ожесточенный бой Сухарев, Вырин, Луцис и Гаршенин мужественно отбивали троекратно превосходящего числом противника. Николай Тарасович продолжал орудовать пилой, торопясь закончить коридор, достаточный для габаритов автобуса.

Луцис сочно вогнал верхний угол топора в кобылий лоб, просек шлем и череп до подбородка Мелькали, как два черных крыла махаона, саперные лопатки Вырина.

Гаршенин перехватил острогу, резко потянул к себе. Вдоль древка скользнуло длинное лезвие косы – прямо в налитое натугой горло Сухарев раскрутил над головой кистень, обрушил на рогатую голову так, что брызнула костяная пыль

Кто-то безрассудный полез на бензопилу Николая Тарасовича, сунул меховой рукав прямо под бегущие по эллипсу резцы. Пила выплюнула рваный сноп кровяных лоскутков и вдруг захлебнулась. Плотный ворс забил цепь, рассчитанную на древесину Иевлев отбросил бесполезное оружие, ссутулился, вытянув вперед руки. Даже пригнувшись, он был вдвое выше своих приземистых соперников и рассчитывал на бесспорное преимущество в мышечной силе и росте. Первого он достал чугунным кулаком, ловко увернувшись от полуметрового шербогatego острия. Лицо звероголового залило кровью из расколотой надбровной дуги Второй прыгнул сверху, Иевлев на лету поймал его за щиколотку, шмякнул с размаху о землю и пнул сапогом в висок Оброненную рогатину он сразу обломил об колено, превращая колющее средство в двуручный тесак.

На дорогу, как рассыпавшиеся бусины, выкатилась вторая ватага. Эти вышли на бой в ватных строительных шлемах с круглым металлическим наголовьем, в самодельных накидках грубой кожи, часто обшитых бляхами. В лобовое стекло «Нивы» хрустко ударила булава Озеров выскочил из машины, покатился по земле, чудом увильнул от шишковатой дубины, взрыхлившей землю у его головы, вскочил. В руке у него сверкнул топор

Кручина, Дзюба и Таня отступали треугольником. На них наседали, тыча рогатинами, кружили, выискивая бреши в обороне, старались подсесть ногу, ткнуть в шею или незащищенный бок. Двое, не рассчитав дистанцию, уже поплатились, напоротившись на полутораметровый клинок Таниной рапиры Звонко столкнулись, меняя траектории ударов, топор и булава Озеровский топор, целивший в голову, упал наискось, в ключицу Раздался треск, словно кто-то надвое перекусил крупную кость

По автобусу метался Марат Андреевич. Я заранее передал ему Книгу Теперь он не знал, как поступить: ввязаться в битву или сидеть в относительно безопасной кабине, ожидая, пока Иевлев расчистит бензопилой путь.

Бородатый мужик с вилами наперевес рвался к автобусному колесу На его пути встала Вероника. На помощь сестре спешила, размахивая цепом, Анна

В следующую секунду в спину и в грудь мне воткнулись легкие копьца. Вреда они

не принесли, а вот голень раскаленной плетью захлестнула боль. Я с криком выдернул небольшую острогу, напоминающую метлу, только прутья были стальными, увязанными проволокой спицами.

Выбежали люди в лыковых жилетах. Эта нехитрая легкая защита заменяла им панцири. Вооружены они были так же просто – кольями с обожженными на концах остриями. У некоторых были ивовые, на манер корзин, выпуклые щиты.

Появление этой компании почему-то ошарашило остальных нападавших. Мужик с вилами позабыл про автобус и с ревом: «Суки! Куда?! Без очереди!?!» – пронзил корявыми длинными зубьями бездоспешного.

– Сюда, сюда! – гневно орал бородатый. – Ульяновские без очереди лезут!

Заслышав пронзительный клич, часть бойцов из второй ватаги оставила схватку у прицепа и кинулась на чужаков. Те, чтобы не пятиться от удара, побежали навстречу.

Благодаря случайной междоусобице я получил передышку и, прихрамывая, ретировался поближе к завалу. Иевлев метал тяжелые, как валуны, бруски распиленных стволов, опрокидывая изрядно поредевшее звероголовое воинство, круша головы и туловища.

Луцис, отбиваясь топором, на котором заклинило рогатый череп, кричал:

– Алексей, давай к автобусу!

Среди деревьев оранжевыми точками вспыхнули факелы. Появился еще один, четвертый за этот вечер отряд, шел он плотным строем так, что было не понять, сколько там человек. Мерцали полированным металлом нагрудные пластины панцирей и островерхие шлемы с опущенными дырчатыми, похожими на печные заслонки забралами. В руках, защищенных наплечниками и наручами, было в основном клинковое оружие. У предводителя левый кулак прикрывала округлая, как боксерская перчатка, стальная форма. Этим кастетом воин отражал удары и сам наносил сокрушительные апперкоты и хуки. Его отряд обрушился на бездоспешных, когда те, как муравьи, волокли в чашу своих раненых. Расправа минуту металась между деревьев и в зарослях ольховника. Горстку бездоспешных вытеснили на дорогу. Дрались они отчаянно. Даже поверженные, они хватили за ноги латников, валили на землю, чтобы вогнать в противника кухонный нож и умереть.

Из леса с двух сторон ринулось подкрепление. Бойцы сжимали грубые короткие пики, багры с тройными крюками, усыпанные гвоздями дубины и топоры. Новые силы наступали двумя независимыми группами, действующими по слаженному плану. С разбегу они вклинились между автобусом и разгромленной «Нивой». Еще секунду назад рядом со мной стояли Анна и Вероника, поодаль изготовились Таня, Кручина, Дзюба и Озеров, и вдруг нас раскидало, точно нахлынул штормовой вал.

Я видел пикирующий топор, затем отлетевшее от удара моего клебца железное наличье шлема. Корчился в крике чей-то оскаленный рот, заливая кровью рыжую бороду. Жалил в давке штык, сновала зазубренная рогатина.

Кистень железным бугристым яблоком ухнул меня по шлему. Я на миг оглох от пронзительного медного гула, боль стрельнула в шею, будто между позвонков вогнали шип. Рухнув на липкую землю, я уже ничего не воспринимал, кроме мучительного звона, затопившего уши. Я стащил с головы шлем, словно он был единственным источником невыносимого шума. Чей-то сапог перевернул меня лицом вверх. Я разглядел Анну, двумя руками направлявшую тяжелый цеп. Ястребиная пьсть строенного багра с размаху воткнулась в подбрюшье Вероники.

Меня схватили за шиворот, потащили. Я трижды сглотнул воздух. Резко и болезненно включился слух.

Черный силуэт склонился и отчетливо спросил визгливо-бабым голосом евнуха:

– Фамилия?

Из всего лица виднелся только тонкогубый рот и жирный с ямочкой подбородок. Остальное закрывала маска с поперечной щелью для глаз.

Причин скрытничать не было, и я ответил, скосив глаза на железную боксерскую култью, которой оканчивалась левая рука говорившего: – Вязинцев

– Живи, – человек поднялся, и надо мной закачалось темное решето листвы

– Николай Тарасович, здесь Алексей! – прокричал рядом Луцис.

Удалявшийся человек ловко принял железной перчаткой лязгнувший топор и сам обрушил саблю.

Кто-то закинул меня на плечо и понес. Раскачивалась колоколом земля. Пронзительной сверлящей трелью, словно роженица, верещала женщина Ползла с перебитым хребтом издыхающая Найда Звероголовый китобой с расстояния трех метров бросал гарпун. Сухарев с неповоротливым удивлением силился рассмотреть широкое острие, вылезшее вдруг из его спины...

Дежнев втащил меня внутрь автобуса:

– Ты как?

– В порядке... – я упал на сиденье.

Рядом на полу лежала Вероника, с задраным ватником и спущенными до лобка ватными штанами Она зажимала натрое распоротый низ живота С каждым вдохом сквозь скрюченные пальцы плескало мутной, почти синего цвета, кровью Обезумевшая Анна затыкала чудовищную рану тряпичным комом.

Гаршенин пытался заволочь в автобус обмякшего Сухарева Гарпун, пробивший тело насквозь, застревал в узких дверях, и поникшая Сашина голова вздрагивала от толчков

Автобус дважды сильно накренило и тряхнуло. Снаружи орали чужие голоса В окна полетели камни, посыпались осколки. Следом за Гаршениным и Выриным запрыгнул на ступеньку Иевлев.

– Да быстрее же! Быстрее! – надсадно кричал он отставшим широнинцам.

– Садитесь в машину! – сорванным шепотом подсказывал Гаршенин

Я видел, как остатки двух первых ватаг, словно расслышав совет Гаршенина, загнали деревца под днище «Нивы» и опрокинули ее. Бронированный отряд, тот самый, что умело и жестоко расправился с обряженными в желтое крестьянское лыко ульяновскими терпилами, теснил наших товарищей, не давая пробиться к автобусу

– Не успевают! – бесновался Вырин

С каждой секундой они отдалялись – Луцис, волокущий Светлану, Таня, крестьящая пространство рапирой Прощально махнул Кручина, предлагая нам продолжать бегство. Озеров и Дзюба срослись спинами в единый неприступный организм боя, жалящий кайлом и рубящий топором Дорога свернула, и они исчезли из виду...

– Марат Андреевич! – заорал я. – Задний ход!

Визгнули задавленной свиньей тормоза. Инерция скорости сначала вжала меня в кресло, потом швырнула на залитый кровью скользкий пол Голова Вероники соскочила с колен сестры, посмертно освобожденный от гарпуна Сухарев слетел с сиденья и покатился.

– Марат Андреевич! – надрывался Вырин. Высунувшись в разбитое окно, он указывал на дорогу, где прямо по курсу притаилась новая опасность Впереди, метрах в ста от буксующего автобуса высился новый завал Вдвое шире прежнего Возле массивных, как музейные колонны, стволов копошились вооруженные люди Спустя мгновение они бежали плотной, ревущей сворой – не меньше пятидесяти разъяренных бойцов...

– Марат Андреевич, давайте обратно! – завопил я. – Подбираем наших, и к сельсовету! Разворачиваемся!

Выпуклое автобусное рыло с разгона врезалось в спины врагов. Могучий удар выплеснул на лобовое стекло распластанное тело, как бык подбросил в воздух второе, взмахнувшее тряпичными руками

Гаршенин на манер весла выставил в разбитое окно косовище. Черное лезвие рассекло панцирное туловище Николай Тарасович и Анна высадились парным десантом и теперь гвоздили противника направо и налево Вырин, держась за дверной поручень, до брызг рубил саперной лопаткой Строй рассыпался, враги в панике метнулись к обочинам Тут я увидел широнинцев. Их было всего четверо Кручина в иссеченной кирасе и мятой пожарной каске, из бедра торчал тонкий дротик, похожий на дрожащую антенну Танины волосы срослись в кровавые жесткие косицы, рваная точащая рана перечеркнула бледный лоб Дзюба опустил кайло и прикрылся рукой, как если бы ему в глаза бил ослепительный луч. Озеров отшатнулся, будто увидел запрещенное диво.

– Зачем?! – спустя миг простонал Игорь Валерьевич. – Теперь же все подождем!

В Таниных глазах читался укор. Она тоже не желала нашего возвращения Залитые кровью, точно с них содрали кожу, лица Дзюбы и Озерова изобразили отнюдь не радость, а недоуменное отчаяние. Ни на что не надеясь, не осуждая, они готовились ценой своих жизней подарить нам возможность спасения, а мы помешали их плану

Потом я увидел распростертого Луциса Он замер в движении, будто полз по-пластунски. Поодаль лежала Светлана, головой в тусклой кровавой луже, похожей на нимб...

Приближались нечеловеческие рев и топот. Казалось, исполненные рыком гортани оседлали обезумевший табун. Возле обочины одинокий воин с железной культей созывал разбежавшихся ватажников. На высокой ноте протяжный крик перешел в пение, лунное, волчье. Хриплый голос завывал о Книге, о пережитом ужасе терпения, о близком избавлении от мук. Импровизация без рифмы и размера, как бабий похоронный плач, летела через лес. И люди возвращались, полные смертной решимости довести начатое до конца...

– Все в автобус! – я очнулся от завораживающей жути. – Приказываю! – затем взвалил на спину Луциса, спотыкаясь, поволол к дверям. Иевлев поднял на руки Светлану. Захлебнувшуюся новым горем Анну почти силой тащил Кручина

В борта дробно застучали скрежещущие удары. Взревел мотор. Хлопнули вспоротые камеры. Изрешеченный копьями «Лаз» разорвал оцепление и, набирая ход, понесся из леса.

Так навеки и запомнились те стремительные секунды: дорога, трупы, дребезжащий, проседающий автобус Последние метры мы уже катились на одних ободах, вязнущих в земле...

Сельсовет охранялся небольшой группкой. Они едва успели прикрыть ворота, когда автобус, брызнув осколками лобового стекла, вышиб тяжелые бревенчатые створы, втиснулся корпусом между бревнами частокола и намертво стал, сам превратившись в ворота. Из-под взрывшего землю бампера торчала лишь окровавленная половина туловища в телогрейке, с неестественно вывернутой башкой.

Через минуту двор был снова наш. Этот бой оказался самым коротким. Маленький якут с широким приплюснутым носом ловко уклонился от кайла Дзюбы, нырнул под косу Гаршенина, вскользь прободал пикой ногу Иевлева, но и сам не избежал разящего молота и беззвучно погиб, словно и не почувствовал смерти. Саперная лопатка Вырина крутанула в полете гибельное сальто, хрустко и глубоко впилась в лицо третьего охранника так, что у того прыснул кровью рассеченный глаз. Четвертый попытался бежать, протиснувшись между автобусом и частоколом, застрял и был настигнут беспощадной Анной

ПЕРЕДЫШКА

Мне помогли вскарабкаться на автобусную крышу. С возвышения я оглядел дорогу, пересекающую, как патронташ, сумрачный луг – погоня давно сменила бег на походную трусцу, малые ватаги просачивались из леса воровской россыпью, но на штурм не торопились.

Враги заняли дальние избы на околице деревни. На лугу запылали костры многочисленных биваков, застучали топоры. Тогда я понял, что объединенное воинство устроило привал, в ближайшие часы ничего не предвидится, и можно спускаться.

Приземлившись, я почувствовал, как хлюпнуло в ботинке натекающей кровью. Боевой азарт постепенно спадал. Под протектором вспыхнули ранее не ощутимые жгучие ушицы. Лоб горел, словно к нему приложили повязку с толченым стеклом.

Иевлев вытащил из ноги длинный осколок обломившегося наконечника якутской пики. Вырин осторожно, чтобы не причинять себе лишней боли, скинул куртку, свитер и футболку. На спине и боках пунцовыми клеймами отпечатались рубли Дзюба смотрел одним глазом, а второй почти исчез под набрякшей синевой. У Озерова на левой руке вместо пальцев – мизинца и безымянного – шевелились какие-то кожные лохмотья и куриные обглодыши. Когда это с ним произошло, Озеров не заметил. Кручину смазали по челюсти булавой, острые шипы глубоко вспороли щеку и подбородок. Марат Андреевич расплатился за таран сломанным об руль ребром и множественными ссадинами...

Перепачканные кровью, чужой и своей, истерзанные, уставшие, широнинцы приходили в себя. С физической болью возвращалось горькое осознание невосполнимых потерь. Неудавшийся прорыв обошелся нам дорогой ценой. Погибли Сухарев и Луцис, истекли кровью Светлана и Вероника...

Мне, точно колючей петлей, перехватило горло, когда Анна повалилась на трупы сестер и заголосила. Плакала Таня, всхлипывал суровый Игорь Валерьевич. Едва сдерживал слезы Гриша. Окаменел лицом, стиснул зубы Марат Андреевич. Отвернулся Николай Тарасович, чтобы никто не увидел его глаз. Понурия стояли Озеров, Дзюба и Гаршенин...

Увы, на скорбь времени не было. Мы снесли наших мертвых товарищей в дом, затем Марат Андреевич приступил к врачеванию. По везению, все запасы медикаментов оказались в автобусе Озерова сразу отняты раздробленные пальцы. Он мужественно, без единого стоны, перенес ампутацию. Больше часа Марат Андреевич обрабатывал и штопал рваные раны, останавливал кровь, накладывал на треснувшие кости шины, бинтовал, втирал мазь в отшибленные плечи, бока и спины.

Неутомимая боль ковыряла цыганской иглой между шейными позвонками, раздувала

тлеющие угли под повязкой на пропоротой острой ноге Я жадно склевал пачку анальгина, потом выпросил еще одну. Вскоре тело потеряло всякую восприимчивость.

Пока хватало сил и лекарственной анестезии, мы укрепляли двор, выкатывали жестяные бочки, ранее не нашедшие в хозяйстве применения, расставляли по периметру стены. На жестяное дно клали дощатый настил, чтобы иметь возможность подняться над частоколом и отбивать подступающего врага сверху вниз Булыжники, которыми мостили дорожки, были выковыряны из земли и сложены в кучи Задние окна автобуса законопатели бревнами Лишь подготовив сельсовет к штурму, мы позволили себе небольшую передышку Дозорными вызвались нестигаемые Иевлев и Гаршенин

В сенях я свалился от усталости на топчан, сунув под голову первую попавшуюся сумку На висок давил острый угол Изучив неудобство, я вытащил деревянную рамку с фотографией Маргариты Тихоновны. Перечел дарственную надпись и безучастно отметил, что носитель «доброй памяти» вряд ли переживет следующий день. Надежд не осталось, как не наблюдалось и привычного уныния.

Следуя укоренившейся житейской традиции, перед смертельной опасностью следовало бы привести в порядок свои земные дела Поразмыслив, я быстро пришел к выводу, что таких, в общем, нет. Страх перед грядущим сражением тоже не было.

Для приличия я вспомнил отца, мать, сестру и племянников, но почему-то не испытал ни любви, ни умиления. С удивленным равнодушием я вглядывался в лица моей семьи Они казались мне бледными слепками прошлогоднего сна Нелепо и смешно было испытывать какие-либо родственные чувства к этим призракам. Город, где я прожил без малого тридцать лет, школа, два института, бывшая жена, работа – все сделалось игрушечным, глупо-ненастоящим, словно скучная бытовая кинолента, просмотренная много лет назад в летнем крымском кинотеатре

Прилипчивый морок заставил открыть глаза. Проще всего было списать непонятную сердечную холодность на анальгин, приморозивший не только тело, но и эмоции, но я знал иное объяснение. Я слишком часто перечитывал Громова. Книжный имплантант, полный искристого счастья, активно захватывал пространства памяти, одновременно обесценивая мое собственное детство Мне пришлось сделать нешуточное мозговое усилие и окончательно убедить себя в том, что череда блеклых портретов, выдохшихся событий, мутных пейзажей была когда-то моей реальной жизнью.

Я долго плескал на лицо студеной водой из ведра, и наваждение, сдавившее дыхание, ослабило хватку. Честно говоря, я уже и сам не понимал, чего испугался По большому счету, самосознанию Алексея Вязинцева ничего не угрожало, он всегда оставался собой, вне зависимости от природы воспоминаний.

Я лишний раз напомнил себе о строжайшей умственной дисциплине, без которой Книга наверняка загонит в резервацию забвения подлинные события моего детства. Впрочем, такая трогательная забота тоже была абсурдной Стоило ли опекать это заурядное прошлое, сострадать его угнетаемым теньям, если скоро не станет настоящего, а заодно и будущего?

Во дворе бушевал костер Вокруг огня собралась вся читальня Иевлев напевал фронтовую песню про темную ночь. Озеров задумчиво пробовал пальцем лезвие топора Кручина размашисто правил на ремне штык Дремал Вырин, прислонившись к плечу Марата Андреевича Таня точильным бруском доводила острие на рапире Анна застыла сгорбленным истуканом Гаршенин с биноклем прохаживался по периметру крыши сельсовета – сторожил окрестности

Далеко за лесом ударил гром, точно кто-то пробежал по гулкой жестяной кровле. В черном небе вздулись и погасли лиловые вены, но дождевые капли так и не упали

– Как самочувствие, Алексей? – заботливо спросил Марат Андреевич

– Нормально... Поспал немного

– Что ж, сон – это хорошо, – согласился Марат Андреевич. – Возьмите, давно хотел передать... – он протянул футляр с Книгой

Я принял атрибут библиотечарской должности, накинул цепь и сел между Дзюбой и Таней, оглядел притихших широнинцев. Иевлев оборвал песню, отложили оружие Кручина и Озеров. Приподнялся Вырин Все они чего-то ждали от меня, возможно, прощального напутствия

– До рассвета осталось пару часов, – сказал я, раскрывая стальные половинки футляра. – Другого случая уже не будет Я предлагаю прослушать Книгу...

Я откашлялся и начал без интонаций и выражения, словно перечислял напечатанные слова. К концу чтения голос охрип и совершенно потерял всякую звучность. Затекала спина, строчки расползались графическими мошками, но это не имело особого значения Многие абзацы я давно знал наизусть, и стоило только прикоснуться к тексту, как он сам выскакивал наружу. Я дошептал последнюю страницу и захлопнул обложку

Со стороны оврага, куда мы сутки назад снесли посеченных врагов, тянуло духом гангрены и смерти. Ветер гнал седые тучи, белым хлорным пятном дымила стремительная луна. На длинном клинке воткнутой в землю рапиры высыпала роса. Такие же искристые водяные блестки сверкнули на топоре Озерова, штыке Кручины и вдруг обернулись мерцающими елочными шарами – стеклянным выпуклым волшебством, в котором отразился Новый год и весь праздничный ослепительно счастливый мир моего детства Калейдоскоп памяти совершил поворот, выбрасывая узорные кристаллы нового воспоминания...

ШТУРМ

Откуда ни возьмись налетели вороны, предвкушая падаль, они кричали отвратительными голосами, похожими на рвущиеся с треском тряпки Воспоминания сразу помутнели, утратили яркость

Я поднялся Встали и широнинцы Судя по многолюдному гомону за частоколом, противник начал подготовку к штурму. Объединенное войско насчитывало без малого шесть десятков и делилось на три самостоятельных отряда Каждый стоял поодаль от соседа. Общая претензия на Книгу не позволяла им вести совместную стратегию. Они были одновременно и союзниками, и соперниками, что существенно облегчало нашу задачу Нам предстояло биться не с целой громадой, а с отдельными группами Другое дело, противник всякий раз вбрасывал в бой свежие силы, а мы и так валились с ног от усталости.

В первом самом большом отряде преобладало крестьянское вооружение – вилы, топоры и ножи Эти читатели явно еще не принимали участия в битве и горели нетерпением. Бог знает, каких профессий и судеб были эти люди, но сейчас все сделались воинами Они пристально смотрели на нас, и в каждом взоре была одержимость

Второй отряд представлял сборную, сколоченную из вчерашних знакомцев. Виднелись строительные ватные шлемы, обшитые поверху бляхами, и рогатые звериные черепа. Охотничьи гарпуны, рогатины и остроги мешались с баграми, арматурой и дубинами

Костяк третьего отряда составляли заметно поредевшие латники. После боя у завала их осталось всего четверо Зато к ним примкнуло подкрепление – полтора десятка человек. Выглядели они совсем не воинственно, без каких бы то ни было доспехов Вместо оружия у бойцов были странного вида гнутые желоба с ковшеобразными углублениями и надетые через плечо широкие сумки Латники возились возле устройства, похожего на передвижной строительный компрессор, устанавливали какие-то ящики, тянули шнуры. Всем заправлял воин с железной культей

Ко мне подошел Гаршенин и тихо доложил:

– За кирпичной стеной еще один отряд Человек двадцать Думаю, это для того, чтобы мы не смогли оврагом уйти...

Вырин сложил у моего ботинка артиллерийской пирамидкой подшипники, сам вскарабкался на настил. Зажав в каждой руке по увесистому булыжнику, я напряженно следил за маневром противника.

Воин с культей завершил приготовления и визгливо объявил:

– Музыка Пахмутовой! Слова Добронравова!

Командир первого отряда отдал неслышный приказ. Шеренги дрогнули, вышли вперед, развернулись широким строем. Шесть читателей подхватили обтесанный ствол, напоминающий гигантский карандаш.

Враги, выдерживая линию, походным шагом двинулись к сельсовету, наставив топоры и вилы Каждый третий боец тащил на плече кувалду.

Раздалось странное потрескивание, как если бы занялся огнем пересохший хворост, потом оглушительно взревели симфонические фанфары, грянул утробным взрывом барабан, скрипки взвыли реактивными соплами Рокочущий баритон накрыл голосом обозримое пространство:

Неба утреннего стяг.
В жизни важен первый шаг.
Слышишь, реют над страной
Ветры яростных атак!

Будоражающее пение неслось сразу в нескольких направлениях. Я увидел сдвоенный репродуктор, прикрепленный к покосившемуся столбу электропередачи. Вторая пара иерихонских ратубов была установлена на компрессоре

Напевный клич советского скальда стелился над лесом, вел на штурм Я совершенно не задумывался, откуда противнику известна технология отваги Скорее всего, музыкальный стимулятор, заглушающий страх, не был открытием Маргариты Тихоновны или покойного Оглоблина

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

Я вдруг ощутил небывалый душевный восторг. Величественная песня, бессонница, дурманящие лекарства, воспоминания, ежесекундное ожидание смерти – все это накопило чувства до клокочущего экстаза, до мускульного бешенства.

Из-за частокола полетели камни вперемишку с подшипниками Шквал был настолько силен, что враги даже не донесли таран к стене, растеряв по дороге необходимую скорость, выронили тяжелую лесину и разбежались, пытаясь увернуться от прицельной смерти.

Пел громоподобный голос, в бревна стучали разрушительные кувалды, летела щепка, но прочная древесина не поддавалась. На отчаянных молотобойцев сверху обрушились длинные пики защитников сельсовета. Юркие острия ловили каждый взмах, чтобы клонуть в открывшуюся шейную артерию, вонзиться под ключицу, распороть мышечные

ткани, донырнуть наконечником до сердца...

Кончилась песня, умолк скальд Но еще раньше захлебнулась кровью атака, и отряд отступил Под частоколом остались восемь распростертых тел

В невозможной ледяной тишине снова прокричал пронзительный евнух в шишаке:

– Музыка Пахмутовой! Слова Добронравова!

Заиндевший воздух наполнили хруст и шорох Трескучая игла невидимого проигрывателя опять кружила по пластинке. Летящим перестуком вагонных колес отозвалась оркестровая медь, взвились пронзительные архангельские трубы. Хор взмыл и пролился сотней юных хрустальных голосов:

Звени, отваги колокол!
В дороге все, кто молоды!
Нам карта побед вручена!
Отчизне в дар останутся
Рабочей славы станции
Запомните их имена:
Любовь, Комсомол и Весна!

Песня вдохновила потрепанный отряд, погнала на очередной штурм Враги, не давая себе ни секунды отдыха, вскинули на плечи запасной таран и новой волной устремились к селсовету. Этот обезумевший субботник с каждой секундой приближался

Второй приступ оказался недолгим, но более кровопролитным. Строй живым щитом прикрыл таран, и лишь перед самой стеной рассыпался, уступая место решающему удару

Я чувствовал, как всякий раз рвется на части локтевой сустав, когда гладкий булыжник вылетает из моих скрюченных пальцев Я задержался взглядом и проследил траекторию камня С глухим шмяканьем снаряд вмялся в щеку врага, словно бы влип в мокрую землю Человек стукнулся головой о ствол, поник. Массивный таран, лишившийся пары ног, резко качнуло, повело в сторону. Кто-то запутался сапогами в мертвец, споткнулся. Ослабевший таран не ударил, а упал на частокол и вышиб бревно. В образовавшуюся щербину полез командир отряда На него сверху обрушился Марат Андреевич Свистнула шашка, и осатаневшее от злобы лицо вспорола косая багровая нить, раскрылась, вывернулась глубокой мясной изнанкой. Командир отпрянул Дзюба точным взмахом кайла выбросил из бреша второго бойца Больше охотников не нашлось.

Непрекращающийся град камней продолжал сыпаться на головы, разбивал каски, ломал руки, дробил колени Вдруг Гаршенин, Дзюба и Кручина перемахнули за стену. Там никак не ожидали такой дерзкой вылазки. Прежде чем противник опомнился, кому-то уже рассекло шею черное лезвие косы, точно рогом боднуло до самого позвоночника кайло, пырнул в живот штык. Проведя стремительный рейд, защитники селсовета отступили в брешь, и снова со стен полетели камни Наступавшие не выдержали и в панике побежали, без строя, вразброд, подгоняемые звенящим хором.

И снова вьюги кружатся,
И песня учит мужеству,
Вы с нами на все времена —
Любовь, Комсомол и Весна!

Царапающий акустический коготь резанул по ушам из всех репродукторов Хор заглох Остались натуральные звуки смерти

Озерова, сунувшегося за частокол, чтобы вернее колоть неприятеля пикой, подцепили на гнутые зубья вил Наколотый в животе, он надрывно кричал, его, как трофей, поволокли прочь.

Желая отыграться за потери, враги кинулись на распростертого Озерова, еще живому вспороли грудь, затем, дружно взявшись с краев, выломали, точно доски, ребра Мы с бессильным гневом следили за спектаклем бесноватого живодерства, творящимся под гнусные матерные выкрики. Чтобы выплеснуть душевную ярость, Вырин, Иевлев и Кручина, прежде чем заделать пролом в стене, выскочили за частокол и несколькими ударами лопаты, молота и цепы без жалости прикончили оглушенных недобитков

Разгромленный отряд переживал свою трагедию. Читатели исчерпали силовой лимит Обессиленные, злые, они уступали место новым претендентам В бой вступал второй сборный отряд. Над жухлой травой поднялись сооруженные из фрагментов забора щиты, за которыми надежно укрылись звероголовые люди, виднелись верхушки шлемов да стальная щетина гарпунов, острог и рогатин.

Вырин грохнул об доски булыжником:

– Последний... – с тихим отчаянием произнес он. – Чем отбиваться будем?

– Вот этим, – сказал Иевлев, раскладывая топоры мертвецов. – Метать можно...

Фырча натруженным мотором, по дороге катила наша «Нива», уже преобразованная в агрегат осады Заточенный могучий кол проходил через салон машины, на метр опережая капот тесаной балдой

Едва «Нива» заняла боевую позицию, «щиты» начали наступление. В следующий момент подкрепление третьего отряда построилось в свободную с широкими интервалами линию. Люди приготовили свои гнутые желоба, вложили что-то в круглые углубления ковшей

– Музыка Баснера, слова Матусовского... – объявил страшный евнух-диджей.

Низкий, исполненный подземного трагизма бас затянул похоронный мотив:

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте

Побежали «щиты», рванула с места «Нива», выбросив облако бензиновой гари. Руки с ковшми одновременно взлетели вверх и упали, словно хлестнули нагайками Мне показалось, что рядом прогудел рой майских жуков Что-то врезалось в край частокола, разлетелось на куски, острый осколок впился мне в щеку.

Снова сорвались ковши Взмыла жужжащая насекомья орда Спустя миг новый шквал обрушился на частокол, расшибая бревна в щепки. Прежде чем я догадался, что нас обстреливают, каким-то хрустким шлепком скинуло Вырина.

– Пращники! – отчаянно завопил Марат Андреевич. – Ложись!

Я припал к доскам На земле корчился с разбитой головой Вырин Лица у Гриши уже не было, каменное ядро расшибло его всмятку.

Частокол сотрясло, опрокинулись бочки и настил. В пролом вломился дубовый форштевень «Нивы», покатались расшатанные бревна. Часть стены, лишенная опоры, рухнула. Вслед за машиной в брешь неудержимым потоком устремились враги.

Сброшенные на землю тараном, широнинцы все же успели организовать оборону. Первый неприятельский ряд с разбегу напоролся на пики, угодил под лопаты и топоры. Натиск дрогнул, откатился, снова хлынул вперед. Звероголовые упрямо лезли в пролом, хрипя и рыча, готовые ценой жизни свалить, разорвать, задушить.

Я бросился туда, где рубились мои товарищи. У бреши образовалась кровавая давка, растоптанная ногами земля была скользкой и топкой. В мучительной тесноте не получалось как следует размахнуться. Я тыкал клевцом, глядя на искаженные яростью спитые сибирские лица, гаснущие, но по-прежнему беспощадные, ненавидящие глаза, оскаленные рты в клочьях пены...

– Как будто сно-о-ва вместе с ни-и-ми стою на огненна-а-й черте! У незнакомого поселка, на безымя-а-нной высоте... – тоскливо басил голос слова рефрена. Музыки не стало. Захрипела игла, что-то шелкнуло. В проломе показались латные воины и пращники. Менять пластинку было некому. Усиленные подмогой, враги напирали. Бойню вынесло на середину двора. Через кирпичную стену проворно лезли бойцы четвертого засадного отряда, спеша обогреть оружие.

Брызжущая кровью, стрекочущая железом, орущая, стонущая круговерть раскидала нас. Копейщики теснили меня к дальней стене частокола. Быстрые выпады словно очертили невидимый, но четкий полукруг, в пределах которого я оставался неуязвимым, лишь наблюдал, как тает моя читальня.

Таня вогнала рапиру в глазную прорезь железного наличья – отточенный прут насквозь просадил задник шлема. Рапиру намертво заклинило. Резко осевшая грузная туша обезоружила Таню. Падающую булаву она уже парировала рукой, сразу обломившейся под калечащим ударом. Подоспевший топор рассек сито фехтовальной маски, вынырнул крюкастым обухом, подбросил ворох кровавых брызг.

Дзюбу подстерегли со стороны заплывшего глаза, подняли рогатинами, он задрывал ногами, точно подтягивался из последних сил на турнике. Гаршенина издали забили камнями пращники, причем под убийственный град угодило и несколько бойцов второго штурмового отряда – они рухнули с пробитыми затылками, так и не поняв, откуда их настигла смерть.

Анна сшибла цепом шишак с головы наступающего крикливого евнуха. На миг открылось обрюзгшее бабье рыло с пережженными перекистью волосами и размазанной на губах жирной фиолетовой помадой. Второй взмах цепы вмял пегую прядь в хрупнувшую кровью височную кость. В следующий миг когтистый багор впился Анне в шею. Она упала, не выпустив верный цеп, а на ее поверженное тело вспрыгнул лохматыми унтами звероголовый воин и стал истоиво колоть пикой. Его вопящую харю вдребезги размозжил пудовый молот Иевлева.

Кручина вклинился в толпу зазевавшихся пращников. Ловко орудуя штыком и трофейным тесаком, он наносил быстрые удары, губительные для легко снаряженных бойцов, неискушенных в тонкостях ближнего боя. Смертоносные ковши и сумки, полные каменных ядер, оказывались бесполезными против стремительных клинков. Пращники, не выдержав неукротимой поножовщины, бежали беспорядочной гурьбой. Драпающим стрелкам пришлось бы совсем худо, если бы бойцы засадного отряда не прикрыли их.

Я все пытался прорваться за кордон призрачной неуязвимости, но тычки копий отбрасывали меня обратно. Я видел, Марат Андреевич пытался к сельсовету, устилая путь посеченными врагами. Вот слетела на бурый песок рогатая башка. Распластанный, повалился боец в ватном с круглыми бляхами шлеме. Брошенная кем-то тонкая острога чиркнула Марата Андреевича вдоль щеки, высекла алые искры.

Один из осадивших меня копейщиков вздрогнул сокрушенным хребтом Молот Иевлева отбросил второго Третий копейщик обернулся и побежал прочь Но испуг этот был направлен отнюдь не в сторону Иевлева и его губительного молота

Открывшаяся картина окончательно вышвырнула меня из яви В проломе частокола чудовищным фантастичным виденьем возникла исполинская баба. На ней был грязно-оранжевый жилет, надетый поверх безразмерной вязаной кофты, похожей на закопченную стекловату, и синие штаны, заправленные в сапоги. Раздувшиеся носорожьи плечи покрывал цветастый платок Отечно-краснолицая, с выпавшими из-под каски локонами желто-курчавой химии, напоминающей свалывшуюся овчину, баба волокла на длинном ржаво-скрипучем тросе огромный крюк. Могучая рука несколькими взмахами раскрутила исполинский кистень до такой скорости, что трос слился с воздушной колеблющейся рябью, а крюк приобрел прозрачность

Помраченным умом я не сразу понял, что в роковые минуты мне воочию предстала легендарная воительница клана Моховой, грозный мифологический реликт громовского мира – Ольга Данкевич Попирая слоновьими ногами трупы, она шла в неприступном трехметровом радиусе своего кистеня, высвистывающего то мертвые петли, то восьмерки.

Я видел бледный ужас, внезапно поразивший штурмовиков Они прильнули спинами к частоколу, чтобы их по ошибке не приняли за врагов

Марат Андреевич примерил в ладони тяжелые вилы, метнул в Данкевич. Но еще раньше у гудящего пропеллера появился крен Крюк пронесся в метре над землей, взметнул песок, невидимый трос лучше всякого щита легко отбил словно потерявшие тяжесть вилы и зашвырнул за частокол Следующий оборот крюка подхватил Дежнева, закружил, как спутник на орбите, и с костяным хрустом впечатал в бревенчатый угол скита. У Марата Андреевича ртом хлынула кровь, а глаза застыли открытыми.

Двумя ювелирными витками кистеня Данкевич сначала вышибла у Кручины штык, превратив сжимавшую оружие кисть в лохмотья, потом расплющила пожарную каску. Игорь Валерьевич, точно его окатили из ведра кровью, упал Данкевич перехватила свободной рукой трос, ловко перевела кистень в плоскость вертикали. Крюк врыл уже поверженного Кручину в песчаный грунт, оставив труп и глубокую воронку.

Закричал от гнева и боли Иевлев Из пронзенной груди змеей выползал широкий, длинный, как меч, наконечник рогатины, просадившей Николая Тарасовича со спины. Он опустил на колени, уперся в землю руками и острием

Одинокий, скованный черным отчаянием, я видел моих погибших товарищей и десятки побитых ими врагов Читальня истекла кровью, и я, как истинный библиотекарь, покидал ее последним

Выставив клевец, я ступил под сень центробежной смерти. Невидимый трос со свистом стриг воздух над шлемом. Данкевич вдруг улыбнулась железнозубым ртом Сиплый водочный голос подзывал: «Иди», «Не трону», – звучали похожие на ветер кокетливые слова: «Ближе, маленький», «Стань под титеху», «Уведи...»

Я ждал, когда вслед за раскалывающим ударом обрушится темнота, но трос взмывал надо мной все выше...

Воинский долг и преданность подняли умирающего Иевлева В несколько стремительных шагов он приблизился к Данкевич, как подкравшийся пылкий любовник, прижался к ней, так что погубившее его острие полностью погрузилось в тучное бабье мясо

Данкевич покачнулась, пьяную улыбку сменила недоуменная гримаса Она отпрыгнула слюну, чуть окрашенную пурпуром. Рука с крюком осталась вздетой, но трос опадая, с каждым витком уменьшая радиус кистеня. Данкевич тяжело, по-бульдोजьи дышала,

кровь текла с жирного подбородка, капала на жилет Трос остановился, крюк зарылся в песок. Два сросшихся туловища грузно рухнули. Николай Тарасович к этому моменту умер, так и не узнав, что победил Данкевич

ЯВЛЕНИЕ ГОРН

Я вдруг испытал приступ иррационального страха, будто каким-то непостижимым образом в горячке сражения не заметил, что давно убит Происходило непонятное. И не то чтобы я перестал существовать для врагов, просто они смотрели без хищной алчности, словно уже заполучили вожака Книгу. Я на всякий случай коснулся холодной крышки футляра – Книга была при мне. И стоял я на обеих ногах, и даже не был сколько-нибудь серьезно поврежден Никто не пробовал разоружить меня Я был отчужден, как объект табу Все поведение недавнего противника было вынесено за скобки боя, и, может, поэтому я понял, что штурм действительно позади Ярость обернулась мутной усталостью и равнодушием, я лишь созерцал полную мук и крови суету, памятную еще с первой сатисфакции

Подворье превратилось в настоящую свалку мертвецов Стонали раненые Их было много, с порубленными конечностями, обезображенными лицами, кто ворочался на земле, кто, обезумевший, ползая на коленях, прикрывал затылок руками. Выжившие бойцы хлопотали над увечными, сортировали убитых по отрядам. За частокол выкатили чадящую «Ниву», растащили поваленные бревна

Появились суровые женщины в камуфляже дорожно-строительных работниц – синих телогрейках, стеганых ватных штанах, солдатских кирзовых сапогах На головах были косынки или цигейковые ушанки цвета замшелой бронзы. Как и Данкевич, каждая носила оранжевую безрукавку Женщины были вооружены молотками на длинных рукоятях, ломami и штыковыми лопатами. Вскоре они заполонили двор. С уборкой не помогали, только наблюдали или, лучше сказать, надзирали.

В действиях штурмовиков сквозила нервозность Они торопились, тихо переругивались между собой Чувствовалось, все совершается с тревожной оглядкой на каменные лица работниц. Наконец, во двор заволокли компрессор, тяжелый и громоздкий, точно броневик. На нашем самодельном столе расставили коробки – усилитель и портативный проигрыватель.

Люди разбились по отрядам и выстроились у сельсовета, словно для военного смотра. Воцарилась какая-то немая торжественность Баба в безрукавке опустила стрелу звукозаписывающего аппарата на диск. Из репродукторов с примесью кипящего на сковородке масла заиграл «Марш энтузиастов»:

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!

Во двор через расчищенную брешь в частоколе вступала старуха Она опиралась на палку, но было видно, что вспомогательная опора нужна ей только как атрибут возраста Шла старуха легко, с величавым благородством прямоходящей рептилии, древнего человекоподобного завра Маленькую голову обрамлял серебристый пух, тщательно уложенный в прическу На морщинистом безгубом лице, покрытом пигментной чешуей, выделялись внимательно-неподвижные, выпуклые и тусклые, точно нарисованные на скорлупе, глаза. Острые нос и подбородок вместе создавали ощущение разверстого черепашьего клюва. Морщинистый, мягкий, как у игуаны, зоб уходил под кружевной белоснежный воротник блузы. Остальная одежда была черной – строгий твидовый пиджак, длинная юбка, туфли. Локтем она прижимала к боку старомодный кожаный ридикюль с крупной застежкой в виде шариков.

Старуха остановилась возле меня, сделала почти незаметный знак – даже не рукой,

а костяными в синих прожилках веками, просто недовольно шевельнула ими, и музыка прекратилась

– Алешка... – ласково произнесла старуха. – Не бойся... – неожиданно улыбнулась.

Ветхий трескучий голос смешал чувства в моей голове.

– Народу положили... – мелкими шажками она обошла сцепленные тела Данкевич и Иевлева.

– Олька... – прокомментировала старуха. – Тоже подохла... – змеиный взгляд парализовал мои глаза. – Нехорошо...

Говорила она коротко, уместя мысль в минимальное число отцеженных слов, как будто ей не хватало воздуха на длинные фразы. Исчезли или стали незначимыми блеющая гортанная дрожь, хрипотца Колоссальная властность сквозила в каждом жесте, повороте маленькой головы. Благородная старица с чертами избранности на прекрасном гордом лице снизошла до меня. С радостью я понял, что она не злится, а журит – властительная праматерь своего нашкодившего внука. Я завороженно внимал ей.

– А, – махнула рукой. – Не жалко! Надоела Олька... Мнила о себе...

Затем старица оглядела Иевлева. Уважительно сказала:

– Кавалер...

Снова посмотрела на меня, снисходительно и удивленно

– А ты слабый... Легко поддаешься... – сжалась и одарила лучезарной улыбкой. – Познакомимся? Полина Васильевна... Фамилия – Горн. Слышал?

Я кивнул.

– Ритка тебя хвалила... Дай-ка... – она воткнула палку в землю и протянула освободившуюся руку.

Я безропотно снял с себя футляр

– Как открывается? Ключом? Или механизм? Сам открой... – разрешила Горн.

Я поспешно вытащил из кармана ключ, отпер футляр

Горн обернулась к штурмовикам:

– Накладка... Ошиблась! Что взять? Старуха!... Тут Книга Памяти!

Прошелестел вздох разочарования. Предводитель засадного отряда выступил вперед

– Как же так, Полина Васильевна? – каркающий сорванный тембр явил слух, изнеженный бархатно-певучими речами Горн. – Вы же обещали Книгу Терпения! За что мы кровь проливали?!

– Еще недовольные? – только спросила Горн. – Шаг вперед... Смелее... Смелее, – подбодрила она

– Полина Васильевна! Я прошу вас! – предводитель тряхнул головой, стиснул виски.

– Оставьте эти штукарские трюки. На меня Книга Власти все равно не подействует! Товарищи, – он обратился к своим людям, – и вы проснитесь! Не дайте себя облапошить! Мы требуем нашу Книгу Терпения!

Большая часть воинов засадного отряда точно опомнилась от гипноза Поколебавшись, десяток человек последовали за командиром Четверо не поддались на уговоры и остались в строю вместе с одиннадцатью бойцами первого штурмового отряда Там же стояли и семеро бойцов второго отряда и десять пращников.

Бунтовщик, ободренный поддержкой, уверенно добавил:

– Полина Васильевна, мы выполнили ваш приказ Теперь ждем, что и вы сдержите обещание...

– Вот... заговорил... – неожиданно проскрежетала Горн. – Он требует... Каков...

Очарование голоса куда-то улетучилось Преобразился и облик Я смотрел на Горн, но видел не гордый поворот головы, а родимое с синими бородавками пятно, просвечивающее сквозь редкую шевелюру на тощем темени. Это родимое пятно выглядело довольно-таки гадко. Я сморгнул наваждение. На короткий миг мне предстала плюгавая старушонка с розовыми проплешинами на трясущейся высушенной башке

Горн, видимо, поняла, что ее обаяние померкло

– Подожди, Алешка... Я разберусь... Проблема... С эгоистом... – тембр снова набирал очарование и силу. Уродливое пятно было не то чтобы незаметно, а скорее визуально не значимо. – Жаль... – громко сказала Горн, обращаясь к отрядам, – Книги Справедливости нет... Однорукий позабыл написать... Кое-кому... не мешало бы... Прочесть... – она ткнула ридикюлем в кучку заговорщиков. – Все захватить хотите? Себе они требуют! – Горн необыкновенно воодушевилась. – А они? – ридикюль указал на понурившиеся ряды. – Не сражались? Друзей не потеряли?

Мне, как, наверное, и понурому уставшему большинству, смысл был не особо важен. Покоряли уверенный голос, мимика, нервный посыл, жестикация. Горн уговаривала, объясняла, повелевала. Я испытывал радостный трепет, потому что видел, какой чудодейственный эффект производят на собрание речи Горн. Засадной отряд действительно не сыграл решающей роли в битве. Они вмешались последними и сохранились лучше остальных. Но дает ли это особые привилегии на завоеванный всем войском трофей?!

И словно не погибла полчаса назад широнинская читальня, не приняли мученическую смерть дорогие моему сердцу люди! Я опять позабыл, что меня бессовестно морочат Книгой Власти Момент же умственного усилия, в который еще возможно было остановить наваждение, был упущен.

Горн искушала, подтачивала волю сомневающимся читателей

– Обделить товарищей хотите? – грозно стыдила она смутьянов. – Ограбить?!

Отравленные ядовитым красноречием, гневно перешептывались бойцы трех первых отрядов. Никто уже не помнил о нарушенном слове и Книге Терпения Еще бы! Горстка мерзавцев собиралась отнять выстраданную награду.

– Не слушайте! – жалко гундосил предводитель засадников. – Она хочет нас стравить!

Тщетно, ему не поверили. Бабыя гвардия закрыла Горн плотным кольцом. Из-за спин Горн прокричала:

– Это предатели, воры и провокаторы! Бей провокаторов!

Началась бойня Отступники отчаянно сопротивлялись, но силы были неравными

Небольшой участок перед сельсоветом на несколько минут снова превратился в арену смерти.

Горн с улыбкой созерцала расправу.

– Правильно... Будут знать... Надо же... «Штукарские трюки...», – все-таки невосприимчивость к книжным чарам задела Горн за живое.

– Готово, Полина Васильевна! – радостно сообщил звероголовый боец, потрясая гарпуном над свежими трупами. – Нет больше провокаторов!

– Поздравляю с победой! – крикнула Горн и хитро подмигнула мне. – Ура!

Отряды не ощутили насмешки и простодушно подхватили клич. Они действительно были счастливы и смотрели на Горн преданными глазами.

Бабы в ватниках расступились, выпуская Горн вперед. Она оглядела потрепанное воинство, сжавшееся за сутки до двадцати пяти человек.

– Товарищи, – сказала Горн, – кровь и Книга сплотили вас... Что может быть крепче? Ничего! Оставайтесь одной читальней... Мой совет... Кто у вас главный? Ладно, сами разберетесь. А теперь... Держу слово... Натё! – она швырнула Книгу Памяти, точно кость с обеденного стола Книга порхнула в воздухе, трепеща страницами, упала. На нее кинулись сразу несколько человек.

Горн доверительно шепнула:

– Спорим... К вечеру... Их останется вдвое меньше... Плевать... Да, Алешка? Пойдем в дом... Поговорим, дело есть... Куда собрались?! – это уже адресовалось наемникам. – Умники! А убирать за собой!? Взяли лопаты... И роем могилы...

Горн вытащила из земли свою трость Я увидел, что она заканчивалась не резиновым набалдашником, а острием, как на альпенштоке Старуха развернулась и зашагала к сельсовету. Я послушно двинулся за ней

Увязавшуюся за нами свирепого вида немолодую с обожженной щекой бабу Горн называла Машей. Эта особь, видимо, была у старухи денщицей Она несла туго набитую дорожную сумку, из расползшейся змейки торчал железный колпачок термоса.

Стража осталась снаружи – две крупных работницы с молотками замерли у порога С нами в комнату вошла лишь денщица Маша. Оценив скромное убранство, она сразу выбрала для начальницы единственный стул с высокой спинкой и подлокотниками и заботливо положила на жесткое фанерное сиденье плоскую, как блин, думку. Мохнатый пуфик она сунула Горн под ноги. Из той же сумки Маша извлекла телескопическую подставку На круглом подносе поместились термос и чашка с дымящимся, пахнущим мятой настоем, маленькая сахарница, полная рафинада, и ложка

Клевец вместе с панцирем и шлемом был отнят на входе охраной, тем не менее бдительная Маша еще раз обыскала меня В кармане штанов обнаружилась золингеновская бритва. Денщица продолжила досмотр с особым пристрастием, бесстыдно шаря цепкими пальцами в паху и ягодицах После обыска Маша укутала зябкую Горн пледом – старуха принимала заботу, так и не выпустив ридикюль, опасную трость она прислонила к подлокотнику Растопив печь, Маша удалилась

Горн с обещанным разговором не торопилась. Вначале долго размешивала сахар. Внезапно спросила:

– Может, чаю хочешь? Полезный, мятный... – не дожидаясь согласия, она взяла железный колпачок термоса и щедро плеснула туда кипятку, бросила два кубика рафинада, помешала. – Возьми...

Тонкий металл нагрелся за секунду. Словно нарочно, Горн налила чаю до краев. Я чуть не выронил раскаленный стакан, умудрился поставить его на пол, обварив ладонь, и присел на низкую лавку. Подушечки пальцев вздулись красными волдырями.

Горн криво улыбнулась:

– Как на Украине говорят... Горячий – дуй, дураче! Обжегся? Нет? Спросить хочешь?

– Да, Полина Васильевна. Почему меня не убили?

– Вопрос интересный... Потому что нужен...

– Кому? – как ни пытался я сохранить мужество, голос дрогнул. – Моховой вашей?

– Лизке? – Горн пожевала бескровными губами, мелко вздохнула. – Нет больше Лизки... Ритка убила... Селиванова... Большое горе... Утрата невосполнимая... Месяц скорбим... – Впрочем, особой печали в голосе не слышалось. – Я теперь за старшую...

– Селиванова? – ошалело переспросил я. – Маргарита Тихоновна?! Она убила Мохову?

– Ну да, – нетерпеливо подтвердила Горн. – Ритка-Маргаритка. Гнида такая. Пришла к Лизке... Поговорили... А затем заколола Спицей в горло... Сказала: «Лизка идеалы предала»... – тут Горн всплеснула руками. – Какие идеалы?!

– И что теперь с Маргаритой Тихоновной? – спросил я, заранее догадываясь об ответе.

– По законам военного времени... – Горн посуровела. – Все ясно?

– Кажется, да. Вы считаете, что читательница широнинской читальни могла убить Мохову только по приказу библиотекаря. И теперь решили отомстить...

Горн, растеряв серьезность, фыркнула:

– Аналитик... Ритка наша была! Всегда! – она добродушно рассмеялась. – Селиванову еще до Невербино внедрили. За год... Не одну Ритку. Многих. Они задание имели. Информацию собирать. Докладывать...

Я понимал, что Горн говорит правду, но представить себе принципиальную, кристально честную Маргариту Тихоновну ловким резидентом моховского клана так и не смог.

– Дело-то плевое, – продолжала Горн. – Мы шарашку местную хлопнули. Полностью... Чтобы без свидетелей. Книжку забрали... Ритка прибежала к соседям: «Примите, Мохова разорила»... Беженка Ее и взяли. Пожалели... Видишь, как просто... А Селиванова – наша, моховская.

Все это с трудом укладывалось в голове. Я не осуждал Маргариту Тихоновну за двуличную жизнь. Память отказывалась предать наши долгие беседы летними вечерами, старые пластинки, чай из электросамовара, бисквиты, наконец, страшный хаос сентября, когда только моральная поддержка Маргариты Тихоновны помогла мне остаться библиотекарем и не потерять душевное мужество.

– Понятно, привыкла к вам, – словно читала мои мысли Горн. – За пять-то лет! Обжилась... От рук отбилась. Своевольничала... К тебе привязалась. Но долг не забывала. Книгу Смысла привезла... – Горн щелкнула замком ридикюля. – Вот Книга Редкая. Уникальная... Самая главная. А не действует! Догадываешься, почему? Там в конце вкладыш был. С печатками... – она резко развернула Книгу задним форзацем и чиркнула ногтем по надорванной полосе со следами клея посередине листа. – А

теперь нет вкладыша... Пропал... Был и исчез! – Зрачки Горн вспыхнули оранжевым мартеновским пламенем. – Ритка сказала... – повелительный страшный голос навалился на мозг давящим гипнотическим объемом. – Вкладыш у тебя Отдай Добром прошу... И тебя не убьют Обещаю... Слово чести Где вкладыш? Отдай! – повелительно повторяла она.

В тот момент я исполнил бы любую просьбу Горн. Скованный преданной униженной робостью, я отвечал:

– Полина Васильевна, у меня ничего нет. Клянусь вам!

– В глаза смотри, выbleянок! – сверлила ужасом Горн. – В глаза! Правду говори! Или убью! Люто!

– Клянусь, Полина Васильевна, – раздавленно шептал я Ледяной пот мешался на щеках со слезами. Страх полчищами вшей шевелил волосы

– Нет у меня ничего!

Горн вдруг умерила накал гнева Властительный голос потух По моему телу прокатилась горячая волна озноба. Клацая зубами, я почувствовал мокрый жар в спине и словно бы очнулся от изнурительного малярного бреда

– Ладно, ладно, не трясись, – угрюмо сказала Горн. – Вижу Не виноват... Это Ритка, сволочь, хитрит...

Я поднял трясущимися пальцами опрокинувшийся стаканчик. Сердце стучало гулко, будто из цистерны. Воздух с трудом просачивался в скомканное страхом бумажное горло

– Ритка, Ритка... – досадливо бормотала Горн. – После смерти пакостишь, подруга... Вот что, Алешка, – она задумалась, – порассуждаем логически... Первое. У Ритки идеалы были. По Смыслу... Потому Лизку и убила Той только власть подавай... Второе Ритка бы вкладыш сберегла... Любой ценой И третье Насчет тебя, Алешка... Планы у нее были. Грандиозные Любила... Поэтому и живешь еще... Ритка верно рассчитала Ты теперь единственная ниточка... Сдохнешь, и пропал вкладыш... Пропал Смысл... Ты все знаешь... Подсознательно, конечно... Раз с Риткой дружбу водил...

Горн с любопытством оглядела меня:

– Ритка говорила... Ты Книгу Смысла прочел... Так?

– Прочел.

– С вкладышем?

– Да.

– Значит... – голос старухи прозвенел мелкой дрожью, как заверченная волчком монета, – тебе известен Смысл?...

Горн резко отвернулась, словно ей закатали пощечину На выщербленных скулах вздулись злые желваки. Кажется, самолюбивую старуху задело, что Смысл открылся не ей – великой прозорливой Горн, повелительнице жестоких старух, а никчемному существу, Алексею Вязинцеву, библиотекарю уничтоженной широнинской читальни...

– Алешка, – почти жалобно попросила она. – Расскажи про Смысл... Сядь ближе

Книга Власти еще действовала, и я не скрытничал

«ВНУЧЕК»

– Столько думала... – шелестела Горн. – Какой он будет... Смысл... Вечный труд... И личное бессмертие... Говорят... Когда Моисей переписывал Тору... Ангел смерти не мог взять... его душу. – Горн двинула рукой. Из рукава показался тонкий золотой браслет часов Старуха протяжно закричала: – У-у-у-фф-у-фу-охх...

Моего лица коснулся пованивающий гнильцой дух нечистых зубов и больных кишок Я не заметил, как Горн преобразилась Точно вылезли наружу крючковатый шелушащийся нос, непропорционально большие дряблые уши На усохшем лобике и щеках налились гречневым пигментом родимые пятна и многочисленные старческие бородавки.

– Засиделись мы, Алешка... Читать пора. Книгу Силы Два раза в сутки читаю... Мне ведь... девяносто шестой год... Натуральная жизнь закончилась Лишь Книга держит... Э-э-э... – Горн скорчила ехидную гримасу. – Не нравлюсь? Старая? Страшная? Не царица больше? Не владычица? Поправимо... Вот Книгу Власти прочту... Опять зауважаешь...

Я испытывал ни с чем не сравнимые стыд и омерзение за пережитые минуты гнусного угодничества перед этим ветхим существом, чьей злобной волей были приговорены мои друзья...

– Я здесь при чем? – проницательно воскликнула Горн. – Деревню Ритка сдала... Убивали вон те... – она указала за окно. – Мне Смысл был нужен... Ненавидишь? Отомстить хочешь? Зря... – узловатые пальцы стиснули прислоненную к стулу трость. – От смерти его спасла, – перечисляла заслуги Горн. – Настрога запретила... Пальцем тронуть... Что? Не веришь? Интересный ты... Все читатели подошли... Он почему-то живой... И где благодарность?... – хриплый, растерявший краски очарования тембр умел убеждать. – И не стыдно?... Старую бабку... Убить... Алешка... Ай-яй-яй... – Из трости вдруг выпорхнул тонкий длинный клинок. Острие замерло в сантиметре от моего лица Я даже не успел отшатнуться. – Видишь? – насмешливо осведомилась Горн. – Я ловчее Рукой двинуть... и тебя нет...

– Не убьете вы меня, – сказал я, осторожно отодвигая ладонью шпагу, – вам Смысл нужен.

– Да не особенно... – она нарочито зевнула. – Подумаешь... Покров советской Богородицы над страной...

Я понял, что Горн маскирует эмоции, и уверенно сказал:

– Зато и бессмертие дает! А вам, Полина Васильевна, даже Книга Силы не помогает...

– Люблю жить... – призналась Горн. – Умирать не люблю... – клинок, чуть покачавшись перед моими глазами, с шелканьем нырнул в трость. – Все равно... Вкладыша нет... Какой в Смысле прок? Какой в тебе прок? – Звучало это, впрочем, вполне дружелюбно. – Забавно... Ритка – дура... Как она сказала?... Э-э-э... Ага, вот... «Я завещала Алексею Смысл... На добрую память...» – Горн скрипуче хохотнула. – А ты не помнишь... Хороша память!

В этот момент я уже знал, где находится вкладыш из Книги Смысла Стараясь не выдать себя волнением, я уставился в пол

– Не грусти, Алешка, – по-своему истолковала Горн мои поникшие плечи и опущенную голову. – Пока не трону... Месяц даю... Испытательного срока... Но торопись. Не расслабляйся Шевели мозгами... У меня терпение не резиновое... Лопнет...

– Полина Васильевна, – я на ходу сочинил вопрос, чтобы успеть взвесить все перспективы моего неожиданного открытия, – а это вы придумали музыку во время боя ставить?

– Не я. Риткина идея... Плацебо. Но помогает Не всем. От характера зависит Возраста... Склада ума... Темперамента... Надо еще... С песней подгадать... Выкручиваемся помаленьку. Одному пластинку заведем Другому астматический сбор заварим Траву из аптеки Тоже бодрит... Разные способы Но согласись... Выдавать Книгу Ярости... Или Силы... Всяким шушерам, – Горн презрительно кивнула на окно. – Обойдутся Без Книги больше передохнет... Правильно?

– А давно вы познакомились с Маргаритой Тихоновной?

– Давненько... – нахохлилась Горн. – Риткина мать... Валентина Григорьевна... Соседкой была... по палате... В доме престарелых. С ней все начинали... С Валентиной Григорьевной... Можно сказать... У истоков стояли... Она привела Ритку. Когда ж это?... Восемьдесят шестой год... Четырнадцать лет назад... Ритке пятидесяти еще не стукнуло... В самом соку...

– А что с матерью Маргариты Тихоновны? Жива?

– Жива... Только в маразме Она раньше магнитогорский регион курировала... Теперь наказана. Не переживай За ней ухаживают... – Горн хитро улыбнулась: – Зубы заговариваешь?

– Нет, Полина Васильевна. Просто спросил.

– Что еще интересует?

– Вот, допустим, найдется вкладыш... Что тогда со мной?

– Не умрешь

– Понятно... – я набрался решимости. – Мне гарантии нужны, Полина Васильевна.

– Гарантии? – весело удивилась Горн. – Тебе?!

– Вы, только вкладыш получите, сразу же меня ликвидируете...

– Не убью Обещаю... Моего слова тебе мало?

– Маловато, Полина Васильевна

– Наглеешь, Алешка... – Горн напряглась К тонким выцветшим губам прилила синева.

– Вы извратите свое обещание или же истолкуете, как вам выгодно. Может, лично вы и не убьете, так ваши подопечные Не они, так наемники...

– Странный ты, Алешка... – укоризненно сказала Горн. – Смешной... Жизнь на волоске... Торгуешься, как жид... А товара-то и нет.

– Я вспомню, где вкладыш, Полина Васильевна Обязательно Это вопрос времени. Чем надежнее гарантии, тем быстрее вспомню... И еще одно...

– Ну, – Горн подалась вперед. – Внимательно слушаю...

– Не воздействуйте на меня больше Книгой Власти Очень унижительное ощущение остается

Горн хмыкнула:

– Книга не нравится... И воля моя унижает... Скажи, пожалуйста... Гордыня тебя одолела, Алешка...

– Это у вас гордыня, Полина Васильевна Ничем поступиться не хотите Из-за чванливого самодурства готовы Смысла и бессмертия лишиться...

Горн издала странный звук, словно бы у шкафа открылась и закачалась скрипучая дверца. Старуха, отсмеявшись, сказала:

– Ритка была права... Что-то в тебе есть... Я понимаю... Могу устроить... Даже мой приказ... Не заставит тебя убить... Наоборот, меня разорвут, бедную... Нравится, Алешка? Главным будешь... Старшим... Но мне тоже... Гарантии нужны... Ты много просишь... А взамен... Пшик Пустые обещания. Разве справедливо?

Я встретился взглядом с Горн и понял, что попался, как гоголевский Хома. В серых зеркалах моей оробевшей души сразу же отразилась умственная суета, полная страха и хитростей.

– Алешка! Сопля зеленая! – Горн в восторге откинулась на спинку стула. – Ай, молодчина! Умничка! Ну, выкладывай, не стесняйся... Видишь... Как ты просил... Без Книги Власти... По-хорошему... А вздумаешь упрячиться... Кликну моих девок... Они мастерицы пытаться... Уж поверь... – Горн вдруг посерьезнела. – Вот, Алешка... И где сейчас... Твои гарантии?

Горн я ненавидел, а себя презирал Еще утром я был готов погибнуть в бою и вдруг за какой-то час растерял нажитую за полгода решительность. Все объяснялось просто: я не был отважным по природе, и главным мотивом моих поступков всегда был стыд перед окружением Читальня погибла, я остался наедине со своим истинным нутром, и это нутро не желало умирать ни в бою, ни от пыток, заранее соглашаясь на все условия, лишь бы выжить.

Я попытался аккумулировать в себе стыд. Он появился, и стало еще противнее Меня посетило не мощное созидательное чувство, поднимающее труса в атаку То было слезливое утреннее раскаяние пьянчуги, пропившего деньги на хлебушек детям, – колики вялой совести, тающие с похмельным стаканом

Напрасно я убеждал себя отбросить уловки и глупые надежды, говорил, что отсрочки только продлят мучения, призывал к достойной смерти: «Тебя в любом случае убьют. Пока не поздно, сверни старухе шею и умри достойно!»

Книга Власти основательно надломил меня. Я отказывался внимать голосу мрачной правды, наперед зная, что отдам Горн вкладыш, спрятанный Маргаритой Тихоновной в портрете, а потом буду кланяться, юлить, выкручиваться...

– Ладно, Алешка... – сказала Горн. – Я бабка незлая... Душевная Вот как мы сделаем... Будешь «внучком» Отныне ты не Вязинцев. Ты – Мохов Имя прежнее оставим – Алешка. Чтобы не путаться. Сколько тебе лет?

– Двадцать семь...

– Выглядишь моложе... На двадцать три... Алешка Мохов... Семьдесят восьмого года рождения... Легенда следующая... Лизка тебя младенцем отдала В детдом... А я нашла... Ты – законный наследник... Оцени гарантию! – Горн многозначительно шевельнула вылезшими бровями. – И давай... Раз и навсегда... Все точки расставим... Чтобы без недоразумений. За своих читателей... обиды не держи Не я бы, так Лагудов... или Шульга... Вы обречены были... По-любому... Смирись... Тебе у нас... Хорошо будет. Спокойно. Загрустишь – подружку найдем Старушку хозяйственную. Одногодку мою Шучу... Разыщем тебе молодуху... Лет пятидесяти... Не нервничай. Опять шучу... Повторим. Твое имя?

– Мохов Алексей... – сказал я, ощущая шкурой промозглый и необратимый брод очередного Рубикона. – А если документы понадобятся?

– Будь спок... остались знакомства Пачпорт тебе справим... Не отвлекайся. Как звали

твою мать?

– Татьяна Андр...

– Алешка, не тупи! – прикрикнула Горн. – Елизавета Макаровна ее звали Хорошенько запомни... Твое детство прошло... Ну?! Отвечай!

– В детдоме.

– Правильно Институт закончил?

– Два. Политехнический и Культуры...

– Хватит Политехнического. Талантливый сирота... Алешка Мохов... Вырос в детдоме. Выучился... В люди выбился... Путевка в жизнь... Славно. А теперь подскажи... Куда Ритка заныкала... вкладыш от Книги?

– Я думаю, он за рамкой портрета Маргариты Тихоновны...

– Портрет, разумеется, потерялся...

– Нет. Он здесь

– В хате что ль? – Горн нервно осмотрелась. – Где? На стенку повесил?

– В сумке Среди личных вещей В сенях, возле топчана Такая большая, клетчатая...

– Найдем.

– Но я не уверен на сто процентов. Это предположение...

– Машка! Машка! – вдруг пронзительно позвала Горн В дом, шваркнув дверь, с ревом вломила денщица

– Машка! Стоять! – Горн, насладившись моим испугом, продолжала уже спокойным тоном. – Поищи в сенях... Сумка клетчатая была...

– Там их штук десять, – хрипло прогудела денщица. – Чисто как у спекулянтов...

– Тащи сюда, – приказала Горн и задорно подмигнула. – Уважил, внучек!

Часть III

Хранитель Родины

БУНКЕР

Во мне более чем достаточно драматического таланта и художественной выдержки, чтобы, заведомо зная финал, держать тайну до последнего. Все, что у меня есть в настоящий момент, это замкнутое кубическое пространство вокруг – комната восемь шагов в длину и ширину Высокий трехметровый потолок, плафон, тихо рокошущий молочным неоном. Солнечный свет не проникает сюда На двух смежных стенах макеты оконных рам – декорация, обрамленная тяжелыми синими порттьерами. В просветы вклеены фотообои, изображающие фальшивые виды из этих оскорбительно-несуществующих окон: один на утреннюю Красную площадь, другой – ночной проспект большого города с трассирующими огоньками машин. И живописной форточкой, мартовским слуховым окном висит репродукция картины «Лед прошел»: промозглый изгиб серой речушки, небо цвета студеного свинца, земляной берег, охра проталин, снег, березы, заречное поле, рыжее, как коровья шкура, и далекая кайма леса

Дверь в комнате настоящая, из клепаного оружейного металла, с круглым глазком и

двумя мощными засовами – может, поэтому комната напоминает военный бункер. Засовы выдвинуты, но дверь все равно не открывается. Слюдяной глазок всегда черен, его окуляр закрыт шторкой, причем с недоступной мне обратной стороны, – глазок спланирован для удобства тех, кто находится снаружи. Раньше я просиживал у двери в ожидании, что черная оптическая глубина колыхнется светом, означающим, что, запертый, я остаюсь под наблюдением. Увы. Ничто не дрогнуло в бездонной заволаживающей мути. Боюсь, за мной просто нельзя подсматривать. Все-таки я фигура сакральная

В одной из стен проложена шахта пищеподемника Наружу выглядывает лишь квадратная заслонка, похожая на печную. Подъемник оживает четыре раза в сутки Я говорю «сутки», но это условное определение У меня нет часов, чтобы определить время Если в подъемнике, кроме прочей пищи, оказывается тарелка супа, я считаю, что наступил обед, а за пределами бункера день, и ставлю в тетради галочку Их сто шестьдесят девять, хотя, допускаю, несколько суток могло выпасть – я не сразу вел календарь моего заключения. Я взаперти больше пяти месяцев, и на дворе март-апрель две тысячи первого года.

Не могу пожаловаться на качество кормежки – нормальная столовская пища. Стандартный завтрак – вермишель с котлетой, салат, чай. Обед – перловый (гороховый, рисовый) суп, пюре и сарделька, хлеб, компот Полдник – какао, ватрушка Ужин – картофельная зраза со сметаной, вариант – оладьи с повидлом, чай. Гарнир иногда меняется: вместо пюре бывают каши – гречневая, пшенная, вместо супа – бульон или щи В условный четверг сардельку сменяет жареный хек. Еды мне хватает.

Я регулярно клал в подъемник сопроводительные записки с просьбой увеличить питьевую норму, но никто не отреагировал на мои просьбы. В бункере есть батарея. Тронутая ржавчиной труба чуть мироточит кипятком, что, впрочем, не отражается на отопительной функции Я присвоил стакан и теперь ставлю его под редкие ржавые капли. Примерно за «день» он наполняется доверху

Месяца два назад я стал делать запасы. Конечно, хранить мясные продукты не получается, они протухают. Я откладываю только хлеб, и у меня скопилось до килограмма сухарей...

Помыться в бункере невозможно. Проблему личной гигиены решает большая упаковка ваты и пятилитровая канистра со спиртом Раз в три «дня» я обильно смачиваю вату и обтираю тело. Иногда подливаю спирт в компот – балую себя коктейлем Утром и вечером на подносе, кроме прочего, прибывает пахучая полоска жевательной резинки – заменитель зубной щетки

Для оправления большой и малой нужды имеется фаянсовое судно. Ниша подъемника разделена перегородкой. Сверху – поднос с тарелками и стаканом, снизу – судно. Это в самый первый раз было стыдно, когда смятение духа незамедлительно сказалось на кишечнике Сейчас все неловкости позади.

В бункере превосходный письменный стол – натуральный дуб, вековая канцелярская конструкция, обтянутая поверху сукном Один его угол разбит и выкрошен – я пытался использовать стол как таран и долбил им дверь. Есть настольная лампа с зеленым абажуром. На сукне разложены Книги Их пока шесть

Примерно через два «месяца» мне спустили Книгу Силы, всколыхнувшую дикие надежды – бесценный раритет громовского мира не могли просто «похоронить» Я даже отваживался в записках шантажировать тюремщиц, что уничтожу редчайший, вероятно, единственный экземпляр.

Пришли Книги Власти, Смысла, Радости, и я содрогнулся. Неоновый свет померк, и воздух бункера разом окостенел в горле колючим рыбьим хребтом – я понял, ради чего заперт библиотекарь Алексей Вязинцев-Мохов. С небольшими интервалами я получил Книги Ярости и Терпения...

Всякий раз, поднимая заслонку подъемника, я молюсь, чтобы там не оказалось Книги Памяти, хоть и знаю – однажды это произойдет. Такова воля Полины Васильевны Горн.

В ящике стола валялось с десяток шариковых ручек, три простых карандаша и точилка Кроме прочего, у меня шесть общих тетрадей – четыре в клетку и две в линейку Одна тетрадь ошпана с конца – поначалу я вел со старухами бурную переписку. И в самый первый раз я подтерся клетчатыми листами из тетради, а потом тюремщицы сжалились и спустили туалетную бумагу

В первую неделю прислали вату и спирт, расческу и электробритву «Харьков», со следами использования. Под ножами было полно седой, грубой, точно кабаньей, щетины – наверно, старухи подбрасывали свои гормональные усы

Я долго не расставался с одеждой, но к концу месяца она насквозь пропахла потом Я не выдержал и сложил ее в подъемник. Взамен мне дали больничную пижаму, халат и растянутые шерстяные носки.

Для сна у меня тахта – прочная, довоенная Вместо подушки – матерчатый валик под голову Простыни нет, зато имеется серое больничное одеяло Кроме стола и тахты, в бункере есть кресло Прекрасное кресло с мягкой спинкой Правда, оно немного шатко, но это моя вина Я разбил его о дверь, а затем снова сколотил

Устройство пищеподемника не позволяет проникнуть в шахту. О том, чтобы поместиться в самой нише подъемника, вообще речь не идет. Как ни сворачивайся калачиком, места мужчине ростом метр девяносто в ящике размером с духовку нет

Я внимательно изучил стенки ниши. Она вырезана в цельнометаллическом бруске, который на манер лифта движется внутри шахты Когда ниша совпадает с заслонкой, та открывается, и я могу достать пищу В остальное время заслонка хитроумно прижата гранями бруса Пользуясь Книгой Силы, я чуть отогнул заслонку и увидел за ней глухой металл

Неоднократно я пробовал ломать стену. За кирпичом начался бетон, и я оставил всякие попытки скоблить его щепкой. Вскоре в моем распоряжении появились маникюрные ножницы, но мне было жаль тупить их Сейчас ритуал «подкоп» я формально исполняю пластиковой одноразовой ложкой, уже наполовину сточенной

Мой распорядок прост Я пишу или читаю Книги – Терпения, Радости – по настроению Два раза в день я прилежно скребу ложкой стену – делаю подкоп Поужинав, укладываюсь на тахту и сплю, пока не заскрежешет подъемник

Я свыкся с видами из «окон». У «ночного проспекта» я обычно читаю А пишется лучше возле «утреннего Кремля» – там письменный стол В сути ничего не изменилось с тех пор, как Полина Васильевна Горн впервые привела меня в бункер – бывшее книгохранилище. Тогда я еще мог выходить отсюда...

Я гляжу на унылый пейзаж в деревянной рамке, и передо мной встает берег иной мутной реки со скользкими берегами. Если повернуться к воде спиной, пройти минут десять руслом оврага, то можно подняться к обугленному частоколу Ничто не напомнит о недавнем поселении, героической обороне сельсовета, крови и смерти. Стал пепелищем сельсовет, а глубокий овраг – братской могилой, навсегда укрывшей тела тринадцати широнинцев и без малого семидесяти читателей-терпил...

Упершись руками в низкий подоконник, словно исподлобья смотрел я, как под надзором хмурых работниц победители уносили с подворья трупы К вечеру умерли все тяжелораненые – днем стонали, просили пить, метались, а на закате успокоились, затихли. Этих тоже снесли в овраг.

Горн, отпустив денщицу Машу, самостоятельно выпотрошила сумки В одной

обнаружился портрет Горн с хрустом его взломала, в нетерпении раздавив стекло каблуком. Ударами о стол выбила осколки Выпала фотография и закружил над полом легкий бумажный листок с надписью «Опечатки»...

В ДОМЕ ПРЕСТАРЕЛЫХ

На следующий вечер «уазик» с красным крестом на борту домчал нас к Дому престарелых. Дороги я не запомнил. Всю ночь и полдня я проспал. Невзрачный облупившийся кузов скрывал вполне комфортабельный салон, оборудованный лежанкой, креслом и откидным табуретом Горн великодушно уступила мне лежанку, сама заняла кресло, а денщица Маша пристроилась на табурете. Горн сразу принялась за Книгу Силы. Бдительная Маша продолжала меня сторожить Я перестал бороться с усталостью и отключился.

Очнулся днем. Горн снова читала Я тайком понаблюдал за ней, потом задремал, пока не был разбужен звонкой болтовней – Горн общалась с бессонной Машей После Книги Полина Васильевна явно ощущала необычайный прилив сил. Какое-то время старуха развлекалась небольшими кружочками фольги, которые с увлечением сминала вдвое или вчетверо, в зависимости от размера, и выкладывала рядком на широком подлокотнике кресла Потом крутила в руке мягкий, точно из пластилина, стержень, похожий на крупный гвоздь, податливо принимавший формы каждого нажатия узловатых пальцев. В ридикюле заиграл дурашливый марш. Горн вытащила мобильный телефон и ликующе сообщила:

– Везу!... Сюрприз!... Не угадала!... Внука!...

Отодвинув шторку, старуха долго смотрела в окно Краем глаза я видел летящую ровную белизну, напоминавшую надоблачный полет

– Намело за ночь... – заключила Горн. – Зима...

– Проснулся, – вдруг хрипло сказала Маша.

Горн сразу повернулась Лицо ее озарила улыбка:

– Алешка! Хорош дрыхнуть!

Она склонилась к подлокотнику, прицелилась и щелкнула ногтем, точно играла в «чапаева» Слетевший комок фольги, ощутимо врезавшийся мне в щеку, оказался сплюсненной монетой

– Вставай, поднимайся, рабочий народ, – обстреливала меня расшалившаяся старуха.

– Огонь, батарея, пли!

– Прекратите, Полина Васильевна, – сердито сказал я. – Больно же!

Горн залилась радостным смехом:

– Жрать хочешь? Машка, подай ему! Не жадничай! Это такой парень! Сокровище наше! Кровиночка!

Денщица протянула мне бутерброды в промасленном пакете и налила из термоса стакан чаю. Голода я не испытывал, но послушно сжевал кисловатый хлеб с жилистой копченой колбасой

– В туалет надо? – заботливо осведомилась Горн

Я подумал и кивнул.

– По-большому, по-маленькому? – она подмигнула денщице, та стукнула кулаком по

перегородке, разделявшей кузов и кабину: «Люся, притормози!»

«Уазик» вильнул к обочине и остановился.

– Только не убегай, – попросила Горн. – Все равно догоним... И накинь что-нибудь... Похолодало... Ты не ответил... Дать бумажку?

– Не надо... – процедил я.

– Ну, как знаешь... Маша, сопроводи...

Заснеженная степь окатила студеной волной. Маша пропустила меня вперед и вылезла следом. Я, чуть покачиваясь на шатких спросонья ногах, пристроился возле заиндевелых зарослей репейника

Маша, не отводя оцепеневших сторожевых глаз, одной рукой подобрала полы ватника, второй приспустила штаны и присела неподалеку Между грубых подошв ее сапог с журчанием потекло желтое сусло Маша вдруг спросила:

– А ты, это... Правда, Мохов?

– Да, – не моргнув сказал я. – Алексей Мохов.

– На Елизавету Макаровну похож... – голос денщицы как-то сразу подобрел и утратил злобную хрипотцу. Она подтянула штаны и оправила ватник. – Пойдем, родненький... А то не ровен час застудишься...

Со священным трепетом ожидал я увидеть кипящий грозной жизнью Вавилон, несокрушимую крепость ветхих амазонок, а мне открылась запустелая советская богадельня – длинный трехэтажный барак красного кирпича, опоясанный бетонными плитами забора с облезшими тюремными воротами.

Дверцу «уазика» распахнула толстая баба в дубленке, накинутой, как бурка, поверх медицинского халата. Лицо у толстухи было вполне красивым, но непропорционально маленьким, словно изящная карнавальная маска, надетая на свиное рыло с множеством подбородков и оплывшей шеей

– Добрый день, Полина Васильевна! – радостно выдохнула она. Меня удостоили осторожным поклоном. – Как дорога, Полина Васильевна?

– Нормально, Клава... Нормально... – Горн оперлась на протянутую ей руку и вылезла из машины. – Докладывай, как вы тут... Поживали...

Я от души порадовался, что наш приезд не вызвал ажиотажа. Меньше всего я желал оказаться в центре ликующей или, наоборот, мрачно-насуспенной толпы престарелых фанатичек, о жестокости которых слагались легенды...

А толпы, собственно, и не было По дорожкам небольшого парка между присыпанными легким снежком клумбами шаталось с дюжину старух в одинаковых старомодного покроя каракулевых шубах. За ними приглядывали няньки-надзирательницы. Всего я насчитал около двух десятков боеспособных обитателей, включая приветственный эскорт из восьми молчаливых охранниц Гарнизон был невелик даже по меркам самой заурядной читальни.

Мы двинулись напрямик к дому, впереди Горн и одышливая Клава Денщица Маша и я шли следом за ними Клава перечисляла новости:

– Прислали годовые отчеты по Новосибирску, Чите, Иркутску, Красноярску. Печальные известия из Хабаровского края – на семьдесят девятом году жизни скончалась староста региона Шипова Пришли тверская, владимирская, липецкая и

рязанская корреспонденции И самое главное. Вот... – Клава протянула Горн увесистую пачку листов. – Стенография и конспект. Записывали Пискунова, Белая, Шведова...

– Не сейчас, – отмахнулась Горн, – позже посмотрю... Или ладно... Давай сюда...

Эскорт поравнялся с каракулевой отарой. Какая-то старуха отделилась от своих и заковыляла к нам, протолкалась через охрану:

– Поля... Поля, – жалобно проскулила она. – Ты где была?...

– Резникова! Красота моя! – Горн остановилась и ласково обняла старуху за плечи.
– Ты замужем?

– Поля... Поля... – старуха поймала Горн за руку и прижала ладонью к своей щеке. – Так долго... Где была? – зрячий слезящийся глаз Резниковой светился радостью узнавания, второй глаз с густой молочной каплей катаракты отливал безумием. – Поля... Где была? – плаксиво повторяла она.

– Потом расскажу...

Внутри старухи образовался жидкий кишечный звук

– Резникова... Золотце... – умилилась Горн. – Надявалягалятоня! – крикнула она нянькам. – Всех по палатам! Подмыть, переодеть, накормить... И готовить к чтению Начало в пятнадцать часов...

Резникову увели Она отчаянно сопротивлялась и вопила что-то бессвязное. Остальные старухи тоже впали в беспокойство Одна попыталась обнажиться, другая, улучив момент, подхватила что-то с земли и запихнула в рот, исторгнув истошную петушиную трель, когда нянька попыталась вытащить у своей подопечной из-за щеки гадость Перепуганные воплями, старухи бросились врассыпную.

– Девки! – раздраженно обратилась Горн к эскورتу. – Что смотрите? Ловите! Маша! Тебе особое приглашение?!

Охранницы и денщица побежали на помощь нянькам Впавшие в маразм старухи не отличались особой прытью. Их быстро согнали в кучу и повели ко входу в левом крыле дома

– Слушай, Клава, – вдруг спросила Горн. – А как Руденко?

– Нормально, – отозвалась толстуха. – Что ей сделается? Опять говном стены обмазала, – она хохотнула. – Эту бы энергию, да в мирных целях...

– Хозяйственная! – восхитилась Горн. – Живучая. Даже зависть берет. В палате прибрались?

– Так точно, Полина Васильевна Дежурили Комаровская и Погожина. Они и стены побелили, ругались, правда, на чем свет стоит...

– Эй, вы! – прикрикнула вдруг Горн на охранниц, удерживающих престарелых беглянок за каракулевые воротники. – Повежливей там! Распустились, гниды! – Горн проводила старух хмурым взглядом, вздохнула: – Вот, Алешка... Мотай на ус... Деньги есть – Иван Петрович... Денег нет – горбата сволочь... Такая вот gloria мунди... Только стоило ослабнуть... И никакого уважения... Ни к возрасту, ни к званиям... Просто они третью неделю... без Книги Силы... Вот и сдали мозгами...

Клава, опередив нас, взбежала по ступеням крыльца, потянула стеклянную дверь:

– Милости просим...

Мы прошли сквозь похожий на аквариум вестибюль в раскинувшийся на обе стороны коридор. По центру поднималась широкая из крапчатого камня лестница с гипсовыми перилами Пролет между этажами украшал витражный полукруг, изображающий небесную синеву, два склоненных пшеничных колоса и малиновую звезду. Солнечный свет, отфильтрованный разноцветными стеклами, стелился радужной бензиновой дымкой.

Справа от лестницы за плексигласовым окном с надписью «Администрация» сидела женщина в белом халате Она прижимала к уху телефонную трубку, видимо, сообщая верхним этажам о прибытии начальства.

– Клава... – сказала Горн. – Иди... Готовь аппаратуру...

– Слушаюсь, Полина Васильевна, – толстуха кивнула и припустила наверх по лестнице. Я остался с Горн наедине

Коридор был действительно мрачен, полутемный, длинный, как тоннель метро, и в каждом направлении он заканчивался тенями и сумраком. Под потолком лучилась череда матовых шаров, неведомая планетарная система тусклых одинаковых лун, но освещали они лишь самих себя, а не сумеречное пространство бесконечного коридора

– Пошли, – сказала Горн и повела меня по этажу. Затертый синий линолеум противно поскрипывал, будто я не шел, а меня катили на больничной койке. С дальней лестницы доносились голоса няnek и частое наждачное шарканье множества чьих-то медленных подошв.

– Что, Алешка, разочарован? – спросила вдруг Горн. – Ожидал большего?

– Странно, что народу так мало...

– За последнее время... многое изменилось Из старой гвардии... всего пятнадцать душ осталось... Ты видел... Те, что во дворе гуляли... Бывшие воеводы, старосты регионов, мамки-сотницы... Раньше у каждой было... по триста-четыре человека... под началом... Куда там твоему Лагудову... – Горн понизила тон до полупшепота. – Я уже второй год... пытаюсь их окончательно... на заслуженный отдых спроводить... Не получается... Будь предельно осторожен... Это они сейчас дрова... После Книги Силы... снова придут в себя Эти дамы крайне опасны... и все еще влиятельны... Боюсь, на туфту про... обретенного внука... не клонут... Те, что помоложе, – поверят... А старых не проведешь... Бог знает... что им в головы взбредет... По Дому не шлейся... Я к тебе... на всякий случай... Машу приставлю. Без нее ни шагу... Она хоть и тупая... зато силы не занимать... Да... Не вздумай кому-нибудь... ляпнуть про Книгу Смысла... И вообще... До инициации постарайся... никому на глаза не попадаться...

– Какая еще инициация?

– Во внуки тебя... посвятить надо... Срочно... Без четкого статуса... ты – пустое место... Никто не вступится... А старосты по-любому... будут против всяких «внуков»...

– А может, пока не читать им Книгу Силы...

Горн шутливо нахмурилась:

– Ты что же... уморить предлагаешь? Альцгеймером и Пиком? Боевых товарищей?

– Вы меня не так поняли, Полина Васильевна, – поспешно сказал я.

– Не оправдывайся... Я все правильно поняла... Пришли, – Горн остановилась перед дверью с табличкой «Директор», повозилась с ключами. – В общем, ты мыслишь... в верном направлении Я в свое время... Лизке идею подкинула... У меня серьезные подозрения имелись... Что кто-то из старост... как сказала бы моя Маша... крысятничает...

то бишь... утаивает найденные Книги. У каждой фактически была... собственная агентурная сеть, шпионы, добытчики... боевики, теоретики, курьеры, смертники... Как узнать? В голову не залезешь... Все же опытные, хитрые... На откровенный разговор не вызовешь...

Кабинет Горн впечатлял тяжеловесной роскошью. Стены были облицованы медовым полупрозрачным материалом, напоминающим янтарь. Сверкающий паркет украшали вставные узорные фрагменты. Большая часть мебели была под стать вычурной внешней отделке. Старинный письменный стол, увенчанный мраморной плитой, помпезное, как трон, кресло, резной барочный секретер, напольные, похожие на дорогой гроб часы, раскидистая люстра в гирляндах хрусталя, бархатные портьеры, пальма в кадке. Несколько диссонировали с этим барским великолепием канцелярские шкафы, снизу доверху забитые бумагами, черный кожаный диван, стеклянный журнальный столик, телевизор, двухкамерный сейф, печатная машинка и телефон.

Горн швырнула на стол полученные от Клавы бумаги.

– Ты проходи, располагайся... – она указала мне на диван. – Скрытность – это интеллектуальное усилие... Когда личность деградирует... контроль утрачивается. Как говорится... что у трезвого на уме... у пьяного на языке. А пьяный или дурной... по большому счету... одно и то же. Надо было... чтоб коллеги вдруг поглупели... Как сделать? Да элементарно. Под каким-нибудь предлогом... лишить Книги Силы... Уже через неделю... отсутствие подпитки сказывается на мозгах... Все происходит конфиденциально... К подозреваемой приставляют стенографистку. Та документирует каждое слово... Разумеется, не обошлось... без невинных жертв. Лес рубят, щепки летят... Несколько ветеранш очоурились. Инсульт, почки отказали, сердце... Но главное, Алешка... «крысу»-то мы изловили. Точнее, сама попалась. И знаешь, кто? Валька Руденко... мать вашей Селивановой. Давно еще... лет пять назад припрятала... пару весьма ценных экземпляров. Валька принципиально с нами... не жила, говорила – здоровья хватает... У нас как заведено... Кто без Книги Силы... самостоятельно существовать может... проживает отдельно в регионе. Я теперь догадываюсь... Валька до последнего хотела... оставаться в тени... А месяца два назад... перебралась в Дом... С диагнозом «церебральный атеросклероз». Подлечиться Книгой хотела... Валька была вне подозрений... специально никто бы не проверял... но раз выдалась оказия... – Горн усмехнулась. – Слава Богу, вся стенография... мне лично на стол ложилась. Вспыли чудовищные факты. У Вальки была... Книга Смысла... а она ее подарила... Кому именно, не успели выяснить... У Вальки крыша совсем поехала... двух слов связать не могла... Я Лизке всего... не докладывала – зачем расстраивать... Лизка и так рассвирепела... Памятуя о былых заслугах... присудили Вальку отлучить от чтений... Пускай умирает сама собой... Потом Ритка Селиванова объявилась... с Книгой Смысла... И пошло-поехало... Вкладыша нет, Лизка убита... По крайней мере, узнали... кому послали Книгу Смысла. Не скрою, Алешка... меня заинтриговало... отчего Валька именно тебе... Книгу отправила... Чем это ты... такой особенный. Ну и вкладыш... у тебя был... Наши подсустились... Отыскали вашу деревню... Людей для штурма организовали... Вот и вся история... Лизки месяц в живых нет... Валька собственным говном... стены красит... Жуть... Но с другой стороны... она бы за Ритку обиделась. Отомстила... А в безумии... даже имени своего... не вспомнит... Потом, если захочешь... можешь ее навестить... – Горн, пока говорила, просматривала листы.

– Никакой крамолы... Чисты, аки горлицы...

– Что это?

– Стенография...

– А кого записывали? Снова Руденко?

– Нет... остальных красавиц...

– Которых вы на произвол судьбы бросили?

– Не ехидничай, – рассердилась вдруг Горн. – Это вынужденная мера... – Она

поспешно сложила документы в стопку, поднялась из-за стола. – Мне отлучиться было надо... Они лишь в маразм впадут... Я без Книги умру... – Горн открыла верхнюю камеру сейфа и спрятала распечатки Затрещал телефон. Горн подняла трубку и коротко ответила: – Через пятнадцать минут начинаем... Черт... Перебили мысль... Забыла, что хотела рассказать...

– Полина Васильевна, можно я домой позвоню?

– Куда? – изумленно спросила Горн

– Ну, домой. Своим Родителям или сестре От меня месяц ни слуху ни духу... Они там волнуются...

Лицо Горн словно накрыла деревянная маска жестокости:

– Твоя мать... Елизавета Макаровна Мохова... умерла, – с безжалостной расстановкой проговорила старуха. – И библиотекарь Вязинцев умер... Есть только Алексей Мохов... У него нет сестры... А если Мохов считает... что он еще немножко... и Вязинцев... то Алексея Мохова тоже не будет в живых... Другие вопросы?

– Да... – сказал я пониженным голосом. Грубоватая отповедь Горн в который раз напомнила мне, в какую опасную авантюру я ввязался. – Когда инициация?

– Думаю, седьмого ноября Совместим два праздника... Ты пока попривыкнешь, обживешься... – Горн поглядела на часы. – Я буду... часа через четыре... Запрись хорошенько... Никому не открывай... Чем бы тебя занять?... Кстати, ты однорукого видел?

– Кого?

– Ну, Громова...

– Почему однорукий?

– Ты что... не в курсе? Ну, даешь... Ритка не рассказывала? Нет? Странно... Громов правой руки... на фронте лишился. Творил левой... У нас имеется... его фотография Дать посмотреть? А то в «Дорогах труда»... только карандашный портрет Ах, да... ты ж всего... две Книги читал...

Горн подошла к полкам, плотно забитым многолетним архивом Наружу торчали похожие на клавиши рояля лакированные корешки тетрадей, папок, пухлых журналов.

– Кажется, здесь... – Горн разлепила сросшийся пластик обложек, вытащила плотный конверт. – Кто тут у нас?... Э-э-э... Здравсьте-пожалуйста... – она обернулась. – Лагудова видел? Нет? – Она протянула мне вылинявшее от времени когда-то цветное фото с обломившимися уголками и длинной белой трещиной через глянец. На снимке был изображен небольшой коллектив, дружно сгрудившийся, точно камышинные свирели

– Лагудов и приближенные? – наугад спросил я

– Нет. Это восемьдесят первый год. Юбилей в редакции...

– Откуда это у вас?

– Секрет фирмы... – Горн улыбнулась, махнула рукой. – Никакого секрета... Нормальная работа агентуры... Выцыганили у жены Лагудова... Мы от нее... много чего полезного почерпнули...

– И который тут Лагудов?

– Третий справа... Там баба в синем платье... с рюшами... а он рядом примостился...

Прямо оперный певец...

Лагудов оказался статным упитанным дядькой с густой седеющей шевелюрой Драматический облик портили обрюзгшие щеки и маленький, как пельмень, подбородок.

– А вот и Громов, – сказала Горн. – На этой карточке... ему уже под семьдесят... У дочери позаимствовали Хотели сначала ее... к нашему делу приобщить... а потом передумали... Лизка испугалась конкуренции...

С черно-белой фотографии на меня уставился выразительный тонколицый старик, больше похожий на физика, чем на лирика, в очках, с костистым, словно граненым, лбом, усиленным крутыми залысинами Жидкая седина была зачесана назад Роговая оправа съехала вниз по переносице, тонкие дужки поднялись над ушами, и Громов как бы смотрел одновременно через очки и поверх стекол – двумя взглядами. Это производило странное впечатление.

– Хороший портрет, – сказал я, возвращая Горн фотографию.

– Мне тоже нравится... Такой же... на его могиле

– А где он похоронен?

– В городе Горловка... на городском кладбище... Ну-ка, Алешка... Узнаешь?

На следующем снимке был я В легком расфокусе из-за того, что меня подловили в движении – рука в отмашке вообще походила на бесплотный голубиный пух В кадр попали также Кручина и Сухарев, но они были совсем облачно-размытые, как призраки.

– Наша фотокор сработала, – пояснила Горн. – Снимали еще в июне... Для архива... Кто бы мог подумать... – она покачала головой. – Новый библиотекарь широнинцев... Пешка... Ничто... Винтик малый... – Горн сложила у себя перед носом щепотью пальцы, словно силилась разглядеть нечто микроскопическое. – И Книга Смысла... До сих пор... не верится... Ну да ладно... – она встрепенулась. – Пойду... Ты помнишь, да? Запрись... В коридор ни ногой... Не скучай... отдохни... телевизор посмотри... только тихо... не привлекая внимания...

Едва за Горн закрылась дверь, я повернул ключ на два оборота, но спокойствия не прибавилось. Напротив, я словно очутился один на один с едким, как изжога, ощущением опасной неизвестности. Сверлила мысль, что я обязан использовать предоставленную мне паузу в аналитических целях. Я бестолково мерил шагами кабинет, повторяя про себя, как заклинание: «надо все хорошенько обдумать». А обдумывать было нечего. То есть мыслей было много, но они не нуждались в анализе Все и так было предельно ясно. Я не имел ни малейшего влияния на ситуацию и самостоятельно мог только ухудшить свое положение

Я вдруг спохватился, что давно собирался в уборную, а теперь уже было поздно, Горн ушла. Я не мучил себя и отлил в кадку с пальмой Потом уселся за стол. Несколько минут меня искушал телефон, но, поразмыслив, я решил не нарушать запреты. Может, линия прослушивалась, а портить отношения с Горн я не хотел

Я заметил на столе позабытую Горн распечатку. «Супрун Наталья Александровна 1915 г. р. Анамнез 17-ти дней.

Первая неделя С. обеспокоена отсутствием чтений. Раздражительна. Большую часть времени проводит в постели, старается не двигаться и не говорить Полагает, что таким образом доводит до минимума трату энергии организма и тем самым продлевает свою жизнь

Начало второй недели. Воскр. – Четверг. Настроение эмоционально приподнятое.

Возбуждена Прожорлива Сразу после приема еды забывает об этом и требует новой порции. Одержима идеей, что соседка по палате Кашманова Т. А носит ее тапки Скандалит. Берет тапок и вслух зачитывает Кашмановой якобы специальную надпись на подошве: «Это тапок Супрун Кашмановой надевать строго воспрещается»

Конец второй недели Птн. – Пнд. Утрачены навыки опрятности Плохо ориентируется в помещении Суетлива, груба Часто впадает в гневливое состояние. Ходит семенящей походкой, хватает все, что попадется под руку. Скрежещет зубами, насильственно хохочет. Охотно сидит у телевизора, ведет беседу с дикторами Вкус извращен. Подбирает на улице мусор, землю и запихивает в рот. Забывает названия предметов Вместо слова «будильник» говорит – «временное», вместо «карандаш» – «письменное», вместо «стакан» – «питьевое»

Начало третьей недели Не понимает обращенную к ней речь, выражение лица застывшее. Активна. Движения размашисты Боится менять одежду, поднимает крик. Задаёт один и тот же вопрос: «Почем?» – не дожидаясь ответа, убегает. Бесцельно бродит по коридорам. Перебирает складки на платье Выкладывает спички из коробка на стол и обратно. С определенной мелодией и ритмом поет одинаковый набор слов: «Шары, вары, народные пары, чудесные шары, народные дары»...

Мое внимание привлёк доносящийся со двора гомон хищного птичьего гнездовища Я подошел к окну, и в глазах зарябило от столпотворения оранжевых безрукавок и телогреек Сколько их было – может, полторы или две сотни галдящих баб. В ворота медленно вползал грузовик, тянувший за собой компрессор Еще один грузовик исторгал из брезентового брюха новых работниц Полувымерший Дом в течение часа налил мощью

Телевизор я, конечно, не включал Мне казалось, что за дверью кто-то ходит, – я прикладывал ухо и слышал, как мерным маятником поскрипывает линолеум. Невидимые шаги действовали на нервы, и я старался производить поменьше шума

Мраморная плита была завалена почтой Некоторые конверты уже были распечатаны, и пока не стемнело, я коротал время за чтением корреспонденции – в основном скучных хозяйственных отчетов.

Горн появилась, как и обещала, спустя четыре часа Она была не одна. Из-за двери выглянула мордатая Маша. Наверное, денщица и сторожила меня в отсутствие Горн.

– Как все прошло, Полина Васильевна? – бодро спросил я. – Успешно?

– Алес гут... – кивнула Горн. – Хотя одного прочтения... не достаточно. Сил у девушек прибавилось... хоть отбавляй... а мозгов не очень... Через пару дней восстановятся... Тогда и познакомитесь... – Горн изучила стол и повернулась ко мне. – Любопытной Варваре... – в голосе старухи задребезжал укор, начавшийся на ласковых нотках, он вдруг резко съехал на жесткий хруст, словно наступили ногой на просыпавшийся сахар, – нос оторвали...

Я оскорбился:

– Ничего я не трогал, Полина Васильевна. Проверьте сами...

– Много будешь знать, Алешка... скоро состаришься... Впрочем... – Горн скорчила приветливую гримаску. – Ты у нас кто? Правильно... Внук. Будущий наследник... самого крупного клана... Будем тебя образовывать... – Она подошла к стеллажу, потянула ногтем широкий матерчатый корешок. – Вот... Полистаешь на досуге. Много полезного...

– Что это? – я принял из рук Горн рыхлый самиздатовский фолиант.

– Хроника Дома. Ну, и не только... Про всех понемногу...

Я открыл картонную с красными уголками обложку. Убористый машинописный текст был отбит на кальке. Размытый от копирки, шрифт пушился как шерстяная нитка

– Ну, пойдём, Алешка, пойдём... – поторопила Горн. – Определим тебя на ночлег. Ты небось проголодался. И поешь заодно...

В коридоре мы столкнулись с запыхавшейся толстухой Клавой:

– Полюночка... Васильевна, – пролепетала она, захлебываясь дыханием, – комната нашему... э-э-э... уважаемому гостю... – толстуха поклонилась мне, – готова... В лучшем виде... Тахту поставили, стол такой шикарный, кресло, лампу...

– Спасибо, Клава, – сказала Горн. – Дуй на кухню... к Анкудиновой... Распорядись насчет ужина...

– Слушаюсь, – Клава по-военному поднесла ладонь к кудрям и во весь дух помчалась по коридору. Возле центральной лестницы она свернула и пропала из виду.

– Запоминай, Алешка, – рассказывала Горн, тыча пальцем в чередующиеся двери. – Администрация, бухгалтерия... зубной и физиотерапевтический кабинеты... манипуляционная... дальше бельевая комната... комната сестры-хозяйки... гардероб... подсобка... Верхние два этажа – палаты...

От парадных ступеней и гипсовых перил вниз вела более скромная лестница. По ней мы спустились в гулкий цоколь.

– Тут склады... Кухня... – Горн потянула носом воздух и брезгливо поморщилась. – Смердит... как в общепитовской забегаловке...

В цоколе колыхалась теплая луковая вонь. За кафельной стеной раздавался боевой лязг посуды и свиный хохот поварих.

– Просто на обед рассольник был, – встряла Маша, – не выветрилось еще.

– Просто на обед, – передразнила Горн, – помои варят... Что за народец?... За три недели обленились... А чего стараться? Старухи в маразме... и так все сожрут... Анкудинова совсем совесть потеряла... Разжалую к едрене фене!

– Полина Васильевна, напрасно вы так, – пробасила Маша. – Вкусный был рассольник, я сама пробовала, и зразы тоже вкусные...

– Нашлась, нашлась заступница... – не унималась Горн. – Спелись, кумушки... Не разлей вода... И Клаву еще... черти носят...

Я чувствовал, что брюзжание Горн напускное. Она явно нервничала, непонятно почему. Мне вдруг сделалось до того тревожно, и незримая ледяная рука взъерошила дыбом волосы на загривке.

– Куда мы идем, Полина Васильевна? – спросил я с деланным безразличием.

– В бункер.

Цоколь закончился широким пандусом, утекающим вглубь на несколько пролетов.

– Раньше там бомбоубежище было, – поясняла по ходу Горн. – Потом Книги хранились... Теперь твой личный кабинет...

Мы еще минуту петляли бетонными катакомбами. Путь внезапно закончился похожей на бронированный вход в банковский сейф внушительной металлической дверью с поворотным колесом, как на подводной лодке.

– Право руля... – Горн крутанула колесо, лязгнул отпирающий механизм, старуха толкнула тяжелую дверь, стальная плита медленно поплыла внутрь. Горн прошла первой, включила свет. – Заходи Алешка, располагайся

Бункер оказался нормальной жилой комнатой, не затхлой, вполне уютной на вид, чему весьма способствовали декоративные окна в обрамлении темных бархатных портьер. Были также обещанные Клавой стол, тахта и кресло, затянутое белым чехлом. Из стены выступала труба то ли вентиляционной шахты, то ли мусоропровода.

Мне сразу почудилось, что я уже видел этот интерьер, только не мог вспомнить, когда, может быть, даже во сне.

– Здорово оборудовали... Молодцы... – похвалила бункер Горн. – Номер люкс... Интурист, – она с гордостью похлопала по стене. – Толщина три метра. Авиационной бомбой не просадить. Самое безопасное место в Доме. Пока здесь поживешь... до инициации. Никто не побеспокоит. Смотри, какие засовы...

Я огляделся:

– А окна такие зачем?

– Для красоты... – произнесла за моей спиной подоспевшая Клава. Она держала поднос с тарелками. – Рассольник ленинградский. Зразы мясные, рубленые. Компот грушевый. Приятного аппетита...

– Спасибо

– Вам тут не понравилось? – искренне огорчилась толстуха. – Мрачновато, да?

– Плохо, что ни туалета, ни умывальника...

– Сантехнику за день не провести, – Клава вздохнула. –хлопотно. Уборная рядом. По коридору немножко пройти...

– Не капризничай, Алешка, – вмешалась Горн. – Добежишь небось до унитаза... не расплескаешь.

– Вы же сами предупреждали, Полина Васильевна, чтобы я никуда не выходил

– Верно, говорила. Вот и не шлейся. Оправишься, и назад... в бункер.

– На ночь можно и «уточку», – предложила Клава, – я сейчас принесу.

– Ну, а насчет помыться?

– Маша тебя завтра... в душевую отведет. Она за тебя... персонально отвечает... – Горн смирившая денщицу строгим взглядом. – Башкой, яичниками... и прочей своей тубухой... – Маша и Клава засмеялись.

– Не горюй, Алешка... – ободряюще сказала Горн. – Конвой – это временная мера. Станешь начальством... будешь разгуливать, где захочешь...

СМОТРИНЫ

Следующие три дня мало чем отличались. Я провел их взаперти, покидая бункер только по нужде. Пищей и всем необходимым меня регулярно снабжала Маша, иногда ее подменяла Клава. У Горн были какие-то дела, связанные с моей будущей инициацией. Возможно, она подготавливала почву среди очнувшихся от безумия старух.

Я подолгу спал – сказывалась накопившаяся за минувшие недели усталость, кроме того, бункер, лишенный естественного освещения, располагал к продолжительному сну. В остальное время я штудировал хроники Труд был написан преимущественно сухим протокольным слогом В однообразной манере перечислялись события и фамилии, кто, когда и где нашел такую-то Книгу, образовал библиотеку или читальню, погиб или, наоборот, уничтожил конкурента. Если достоверность события ставилась автором под вопрос, то приводились различные источники с версиями спорного эпизода. Попадались таблицы и даже карты, на которых стрелками указывались пешие маршруты канувших в небытие былых распространителей Книг, бродячих апостолов. В конце каждой главы имелись множественные примечания, сноски, приложения и комментарии

Летопись Дома резко выбивалась из общего стиля, выдавая эмоциональную авторскую пристрастность Текст пестрел красочными метафорами, часто сбиваясь на откровенные здравицы Горн. Местами создавалось впечатление, что не фармацевт Елизавета Макаровна Мохова, а именно Горн была истинным руководителем По всей вероятности, так оно и было Еще на заре становления клана Горн оттеснила молодую начальницу, отдав ей внешне яркую роль сакрального лидера. Истинная власть сосредоточилась в руках Горн и нескольких десятков старух Я уже понимал, что мне в лучшем случае уготовят такую же формальную должность «внука». Зачем Горн это было нужно, я не знал Меня тогда не занимали такие глобальные вопросы. Я с пристальным отвращением прочел описание «удочерения» Я не хотел, чтобы, по задумке Горн, меня подвергли какой-нибудь отвратительной негигиеничной процедуре помазания. С Горн стало бы ради пушнего эффекта извлечь из могилы труп Моховой, чтобы наглядно для нескольких сотен баб инсценировать мистерию моего рождения. Я сказал себе, что поговорю с Горн и попрошу максимально упростить обряд инициации

Благодаря хроникам, к концу третьего дня я был довольно сносно подкован в истории громовского мира Вспомнив подхалимские рекомендации Дейла Карнеги, я выучил фамилии всех ныне живущих «мамок»: Аксак, Назарова, Сушко, Резникова, Волошина, Супрун, Фетишина, Кашманова, Харитонova, Гусева, Колычева, Емцева, Цеханская, Синельник

Вечером за мной пришла Маша Обычно она держалась расслабленно, я бы даже сказал, кокетливо, насколько это было возможно для матерой бабы с татуированными мужицкими лапищами, которые она стеснительно прятала в рукава, как в муфту На этот раз Маша была предельно серьезна, не балагурила

– Старшие позвали, – тихо и значительно сообщила Маша.

– Что передавала Полина Васильевна? – энергично поинтересовался я. – Инициация?

– Не... Смотрины. Знакомиться будут Они сейчас в столовой возвращение отмечают. Полина Васильевна поручила по такому случаю тебя приодеть Для солидности...

Маша привела меня на склад с вещами, оставшимися от уничтоженной когда-то мужской половины Дома На перекладинах, похожие на исхудавших висельников, болтались сотни костюмов, в большинстве своем старомодные и ветхие.

– У тебя какой размер? – спросила Маша, вооружаясь длинной палкой с крючком на конце

– Пятьдесят шестой...

– Не стариковский размер... – Маша сновала между одежных рядов, цепляя крючком все, что ей приглянулось, а затем выкладывала передо мной. – Ты не думай. Здесь не обноски Это они себе на смерть запасли, в гроб Все ж чистое, ненадеванное

От рубашек я наотрез отказался из-за их поговорочной близости к телу и ограничился темно-синим свитером Маша подыскала мне два добротных костюма, от

черной пары впору пришелся пиджак, от серого костюма – брюки. Затем мы отправились на смотрины.

Помню, с каким волнением я поднимался по широкой лестнице, опираясь рукой о прохладу перил, выпукло-белую, словно вымерший костяной остов. Уже на ступенях я услышал гармошку или аккордеон – для баяна переборы были слишком визгливы. Тренькала гитара, доносилось неразборчивое хоровое пение, мешаясь с заливистыми подголосками смеха.

– Разгулялись, – одобрила звуки Маша. Тем не менее, мы прошли мимо резонирующей голосами и музыкой столовой. Маша открыла соседнюю дверь.

– Это раздаточная, – пояснила она. – Полина Васильевна так поручила. Хочет остальным сюрприз устроить. Я пойду, скажу ей потихоньку, что привела тебя.

Гул праздника находился слева за тонкой неощутимой перегородкой с широким квадратным окном, неплотно прикрытым оцинкованной ставней. В стене зашумел внутренностями встроенный шкаф.

– О, Анкудинова десерт прислала... – озабоченно сказала Маша, открыла створки, вытащила четыре противня и расположила на столе. В комнате приятно запахло яблочной выпечкой.

– Ты подожди несколько минут, я скоро, – пообещала Маша и убежала.

Я прильнул в щели между ставней и раздаточным окном.

Вытянутую, как вагон, столовую освещали елочные гирлянды. Россыпь крошечных светильков, густо покрывавшая потолок и стены, мерцала, точно глубоководный океанский планктон. Перед моими глазами двигались черные силуэты. Они звякали бутылками, исторгали взрывы шакальского хохота. Совсем рядом по тарелке длинно царапнул нож, и от этого фарфорового скрипа мне свело оскоминой скулу. Между расставленными подковой столами шло гулянье. Я видел толстуху Клаву с посаженным на колени аккордеоном. Она играла «Синий платочек», а вокруг стульев водили настороженный хоровод с полдюжины старух. Во главе застольной подковы в окружении широкоплечей свиты находилась Полина Васильевна Горн. Подперев рукой подбородок, она внимательно слушала Резникову, чуть морщась от назойливого шума.

Прежде чем я разгадал смысл забавы, Клава неожиданно оборвала мотив, сплющив ревущие мехи. Старухи с визгом кинулись занимать стулья. Какой-то не досталось места, она беспомощно потыкалась и отступилась, разведя руками.

– Гусева вылетела! Слушаем про Гусеву! – радостно верещали более проворные, топоча ногами. Они до комичного напоминали расшалившихся на перемене девочек, и даже обращались друг к другу по фамилиям.

– Что читать про этого фанта? – громко спросила у общества Клава.

Гусева пригрозила подругам:

– Если возьмете из третьей недели, я обижусь...

Победительницы посовещались и объявили: – Восьмой день!

Клава взяла протянутую стопку бумаг, отыскивала нужный лист, откашлялась и огласила:

– Письмо от Гусевой старосте Максаковой... «Женечка пришли мне гребешок, я очень прошу тебя гребешок, а то Цеханская взяла мой гребешок и потеряла, и теперь у меня нет гребешка, а новый гребешок не дали, так что мне гребешок, ну что тебе еще»

писать чувствую себя хорошо только мне гребешок утром не могла причесаться так что обязательно мне гребешок ну что тебе еще писать у меня все хорошо Поля уехала отчетов не присылайте но очень тебя прошу гребешок ну что тебе еще писать приезжай в гости и мне гребешок не забудь а больше писать нечего еще Вере Юрьевне поклон и будь добра мне гребешок...»

Гусева отволокла в сторону лишний стул Клава начала «На сопках Маньчжурии», и хоровод вокруг стульев возобновился. Клава нарочно играла томительно долго, так, что и старухи, и зрители вскоре начали изнывать от волнения Кто-то даже крикнул: «Да что ж ты издеваешься, Клавка!» – как аккордеон резко умолк, и старухи кинулись к стульям Выбыла Кашманова Этой присудили стенографию пятнадцатого дня безумия.

Кашманова обиженно ахнула, всплеснула руками

До того выбившая из игры Гусева с легким злорадством зачитала:

«Избыточно пользуется губной помадой, тушью, румянами и пудрой Выщипала брови. Не растает с флаконом лака, постоянно подкрашивает ногти Украшается бусами, брошками, клипсами. Кокетничает с воображаемым кавалером, обнажается Стенографистку и няnek принимает за своих соперниц. В эти минуты становится агрессивна. Сексуально расторможена Постоянно говорит о половых отношениях, открыто мастурбирует. Хочет поехать на Кавказ „вкусить винограда и радостей“. Полагает, что ей двадцать лет и она должна выйти замуж С одинаковой интонацией повторяет: „И тогда я, стоя на коленях, сделала ему по-французски...“«.

Столовая сотрясалась от смеха.

– Вот дуры! – защищалась Кашманова, изображая невозмутимость. – И что тут такого?! Нормальное женское поведение! А вы все дуры! Особенно Аксак и Емцева!

Две старухи на стульях довольно захихикали.

Клава начала «Осенний вальс». Я увидел Машу. Обойдя сдвинутые столы, она шла напрямик к Горн. Маша наклонилась к уху начальницы и что-то сообщила

Клава сменила тактику измора, и аккордеон рявкнул через короткий промежуток времени. Опростоволосилась старуха по фамилии Цеханская.

– Стенография, девятый день, – с выражением зачитала Кашманова. – «Забыла, как называются пальцы на руках Указательный палец называется „большим“, а остальные – „которые поменьше“ При виде шприца говорит: „О, хрусталь понесли!“. Если ей возражают, что это шприц, удивленно переспрашивает: „Шприц? А тогда что такое хрусталь?“. Уверяет, что иностранная разведка наложила ей на язык свои слова Она думает „кофта“, а произносится „солнце“ Жалуеться, что из глаз читают мысли, особенно днем. Просит запереть ее в темную комнату. Неопрятна мочой и калом...».

Несколько столов под нестройные гитарные аккорды затянули песню:

Жили-были не тужили четверо друзей!
Баб снимали, водку пили, пиздили хачей!

– Клавка! – радостно всполошились старухи. – Утром молодежи нос! Давай про вечера на Оби!

– Поля! – собеседница Горн стукнула кулаком по столу. – Ты не понимаешь! Если правильно читать, то никакого освещения не нужно. Свет образуется сам из чтеца!

– Резникова! – повысила голос Горн. – Это бездоказательно!

В куплет о похождениях четырех друзей, как грузовик, врезались пропетые бойким хором строчки:

Хороши вечера на Оби, —
Ты, мой миленький, мне подсоби:
Я люблю танцевать да плясать —
Научись на гармошке играть!

Баб снимал Иван Иваныч!
Приводил Иван Степаныч!
Раздевал Иван Кузьмич! —

выкрикивала хриплым речитативом запевала

Столбы подхватили: «А всех ебал Иван Фомич!», — но смех потонул в «Вечерах на Оби»

Буду петь да тебя целовать!
Научись на гармошке играть!...

Посреди этой музыкальной вакханалии в раздаточную вернулась Маша:

— Идем, — сказала она. — Тебя ждут.

Я переживал мучительное состояние школьника-новичка, выставленного на позор всеобщего обозрения перед чужим и враждебным классом. С нашим приходом в столовой воцарилась болотная тишина Завитые, вычурно покрашенные и разодетые старухи, плечистые охранницы со звериными челюстями, испытymi глазами, татуированными руками — все это опасное сборище настороженно изучало меня

— Вот, коллеги, — сказала после долгой паузы Горн. — Алексей Мохов... О котором... я вам говорила... Правда похож... на Лизавету Макаровну?

— Ага, — хмуро усмехнулась Резникова. — Как свинья на коня...

Старухи заулыбались. Интрига забавляла их.

— Поля, — хрупкая Цеханская пригладила стриженные модными завитками виски, — сходство с Лизой очень относительное. — Воробыная голова «мамки» сидела на такой же чуткой птичьей шее.

— Бледненький он какой-то, — насмешливо сказала Кашманова Засалившийся крепкий ее нос смахивал на желтый лакированный каблук, щеки покрывала родимая крошка. — Не подходит нам...

— Откормим, — хмыкнула Горн

— Это ведь не так-то просто внуком у нас быть, — обратилась ко мне краснощекая, с пунцово напомаженным ртом старуха, в цветастой юбке и зеленой вязаной кофте. — Не всякий справится.

— Он парень способный, — сказала Горн. — Освоит

— Проверить его надо, — выступила худая старуха с распущенными по платью пышными фиолетовыми седидами. — Проэкзаменовать.

— Дело говоришь, Харитонова, — поддержала Гусева. — Возьмем с испытательным

сроком...

Было очевидно, что никто из четырнадцати не воспринимал всерьез легенду о новообретенном внуке. Я не заметил впрочем в старухах и открытой агрессии Меня беспокоили охранницы. Они как-то характерно, по-мужицки, потирали руки, глумливо переглядывались, скаля нержавеющие коронки, грубой пятерней почесывали промежность раздвинутых ватных штанин, заправленных в кирзовые сапоги.

Даже стоящая рядом Маша почуяла что-то неладное и сказала медленно сатанеющим бабищам:

– Тихо, тихо Без глупостей...

– Что-то вы, девушки... не приветливые, – мелко вздохнула Горн. – Уйдем мы от вас...

– Уводи его в бункер, Поля, – подтвердила Резникова. – От греха подальше...

Признаюсь, я испытал огромное облегчение, когда в сопровождении Горн и Маши наконец-то покинул столовую

– Поздравляю, Алешка, – как мне показалось, лицемерно сказала Горн. – Произвел хорошее впечатление

– Не думаю, – я оглянулся на идущую поодаль Машу и украдкой шепнул Горн: – Они вам не поверили Насчет внука.

– Разумеется, не поверили Они же... не полные идиотки... – Горн притянула меня к себе за рукав. – Алешка... чудак... их не волнуют... вопросы родства... Лизка была... своеобразным фактором... стабильности... Она умерла... и Дому понадобился новый... источник властного баланса... Своеобразный амулет... Часто на свадьбах... рядом с невестой находится... посаженный отец Вот ты и будешь... таким же ритуальным родственником... с формальными обязанностями Не сложными, но очень важными Я потом тебе... подробно объясню суть... Так что не волнуйся... Все договорено...

Вместо того чтобы спуститься вниз, меня почему-то повели на боковую лестницу, ведущую на третий этаж

– Хочу представить тебя... еще одной особе, – повернулась на последних ступенях Горн. – Она, конечно... не заслужила этого... Но мы проявим великодушие... Да, Алешка?

– Полина Васильевна, – заартачился я. – Я устал от встреч Может, завтра?

– Не упрямься... Трудно навестить пожилую даму?... Пришли... – Горн остановилась перед дверью и выудила связку ключей. – Завтра, Алешка... будет поздно. Мы ей специально... Книгу Силы прочли... чтобы она смогла... с тобой поговорить. Через несколько часов... она снова сойдет с ума. Больше ее реанимировать не будем Используй момент... Маша подождет в коридоре... потом проводит до бункера...

Тяжелый синий свет выстелил на полу симметричные ромбы оконной решетки. В сумрачной палате находилась лишь кровать с высокими металлическими спинками На простыне лежала старуха в задравшейся ночной рубаше. Разведенные руки крепились широкими ремнями к металлическим штангам кровати. Точно так же за щиколотки были обездвижены ноги

– Вынужденные... меры предосторожности, – вздохнула Горн. – Мало ли... что ей в голову взбредет...

Она приблизилась к кровати:

– Как себя чувствуешь?

Старуха пошевелилась:

– Лучше всех

– Извини за ремешки. Действие Силы закончится... и тебя развяжут...

– Заранее благодарю Позже ведь не получится, все слова позабуду, – старуха снова качнула панцирную сетку, зашелестевшую плетеным металлом

– Догадываешься... почему я пришла?

– Вязинцева показать, – просто сказала старуха

– Я подумала... тебе было бы интересно... лично с ним познакомиться Подойди, Алешка...

– Горн поманила меня пальцем. – Она не кусается. Пока что...

Я сделал несколько шагов к кровати, стараясь не смотреть на одутловатые, в сосудистых кляксах ноги, запретную курчавую тень в глубине ночнушки Я уже понял, что прикованная к кровати старуха – мать Маргариты Тихоновны

– Сколько тебе нужно, Валя? Десяти минут хватит?

– Хватит.

– Только не запугивай его...

– Иди, Поля, иди Празднуй воскрешение соратниц. Это у них развлечение такое экстремальное, – язвительно пояснила старуха, – специально отказываются на время от Книги Силы, а потом друг другу зачитывают, кто чего натворил

– Без риска игра не игра... – Горн кивнула нам и вышла.

– Здравствуй, Алексей, – властное лицо старухи покрывали глубокие, точно прорезанные нитками, морщины Зачесанные наверх пегие волосы слиплись в нарост, напоминавший древесный гриб-чагу. Дряблые уши заканчивались крупными мочками, похожими на размокший хлебный мякиш

– Здравствуйте, Валентина Григорьевна

Услышав свое имя, старуха удивленно подняла вылезшие седые брови:

– Это Полина тебя просветила?

– Она рассказала, что это вы утаили Книгу Смысла.

– Точно, утаила, – с удовольствием подтвердила старуха. – Что еще?

– Ваша дочь в моей читальне была... – сказал я и сразу пожалел Старуха могла не знать о гибели Селивановой, и горькая новость была бы для нее ударом

– Мне сообщили, что Марго нет в живых. Я не переживаю. Скоро я потеряю всякий ум и возможность скорбеть. Но я бы не хотела, чтобы ты держал на нее обиду. Это ведь я посоветовала Марго оставить тебя библиотекарем у широнинцев... – Старуха поежилась, словно от холода. – Наплывает. На мысли, – пожаловалась она. – Душное, белое, как вата Скоро совсем накроет... Болезнь берет свое... Будь добр, – в голосе старухи прозвенело раздражение, – не косись так на мои тела! Мне неприятно...

Я поспешно отвернулся к стене и спросил:

– Валентина Григорьевна, ведь это вы прислали мне Книгу Смысла?

На распятых руках под желатиновой трясущейся кожей вспухли и погасли напрягшиеся мускульные желваки.

– Книга нашлась в девяносто четвертом. На меня работал довольно большой штат непосвященной агентуры Обычные наемники Им ничего не объясняли, так было удобнее и безопаснее Катерина Черемис, работник московского архива, позвонила: «Валентина Григорьевна, для вас есть Громов. „Дума о сталинском фарфоре“. Счастливая находка, весь тираж был пущен под нож, а этот экземпляр чудом сохранился в типографском музее». Я была уверена, что это не тот Громов. Книги с таким названием не было в библиотечных списках. Все равно, приехала в Москву. И такой сюрприз – старуха беспокойно зашевелилась Глаза, почти лишенные ресниц, горели недоброй влажной искрой, тонкие бескровные губы налились венозной муťou, вывернулись, как перетянутые жилы. – Ты прочел Книгу и знаешь, что она искушает. Я тоже не удержалась и прочла А вместо откровения мне назвалось одно-единственное слово... – дыхание старухи участилось. Схваченные ремнями запястья вспухли от подкожных импульсов бесноватой энергии. – Представь, столько смертей, пролитой крови, ради звуко сочетания, похожего на купеческую фамилию – «Вязинцев». Не густо, правда? Совсем не то, чего ожидала я и полторы тысячи верующих «мамок» Нет, я не решилась уничтожить Книгу. Я устранила опасную свидетельницу Черемис. А потом занялась преобразованием клана Он слишком обрюзг Почти всех лишних «мамок» удалось положить под Невербино. Уже после битвы Марго доставила списки новых читален, в том числе и той, где обустроилась она. Я наткнулась на библиотекаря Вязинцева... – плененное тело натянуло ремни, в отвисшей рубашке показалось пергаментное устье давно иссохших мумифицированных грудей. – Я не сообщала Марго о Книге Смысла, она должна была только следить за событиями в регионе Долгие годы меня съедала досада Почему какой-то Вязинцев?! А если пойти наперекор Смыслу и убить его воплощение? Что тогда? Как извернутся Книги?! – Желтые высохшие ноздри трепетали, словно старуха взяла след, тонкая кожная перепонка на горловой впадине колебалась как чувствительная мембрана. – Вязинцева убрали А Книга снова называет эту фамилию. Марго мне докладывает, что появился племянник... Я ей сказала, что к тебе надо присмотреться... – старуха вдруг двинула крупом в сетку, резко подалась вперед, и только ремни удержали ее. – Дело не в тебе! Сучонок! Даже то, что ты получил Книгу, – это чистая случайность! Со мной помрачение было! Видимо, я начинала сходить с ума! Ты не особенный! Ты просто часть иных обстоятельств! – Если бы не произносимые речи, я бы сказал, что она просто щелкает пастью, норовя впиться мне в горло алыми, как у овчарки, деснами. – Книга вольна выбирать претендентов! Тыкать на каждого, вовлеченного в радиус ее воздействия! Не станет тебя, назовет другого! – Старуха вдруг обессилела, упала на подушку, прикрыв до половины глаза. – А Марго этого не понимала Она испугалась, что Лизка тебя убьет... – Старуха благодушно зевнула: – Все теперь Я устала Закончилась Уходи.

ВЗАПЕРТИ

Наутро я встал, а дверь бункера уже не открывалась. Не веря случившемуся, все аукал: «Эй, кто-нибудь!», «Маша! Тут засов заклинило!». Никто не пришел. Тряс дверь, но вскоре бросил – сотрясался только я.

Накатила мучительная желудочная паника. Я выхватил из-под тахты «утку». Присел на корточки. В лихорадочных поисках бумаги вывернул ящики стола Посыпались тетради. Я отщипнул из подвернувшейся несколько листков, утерся.

Полегчало Взялся за освобождение с новыми силами С разбегу штурмовал телом неподатливую дверь Надрывно, не щадя связок, кричал: «Полина Васильевна!». – Вначале грозно: «Я требую!», – затем жалобно: «Прошу вас!», – и снова грозно: «Приказываю, откройте! Я Алексей Мохов!»

Тщетно. Я сорвал голос, расшиб оба плеча Обессилев, лег на спину и колотил ногами

в дверь Прекратил, когда отбитые ступни спеклись от боли.

Осенило: все подстроено, за мною тайно наблюдали! Конечно же! Это и был экзамен на должность «внука», а я сделал максимально возможное, чтоб провалить его. Бесноватые вопли, спущенные штаны, расстройство кишечника, корчи на полу. Ужасно. На свободу и власть мог рассчитывать только отважный узник Трус и ничтожество не заслуживавшее снисхождения – так решили старухи. Я чуть не застонал от осознания непоправимости

Нужно было срочно исправлять позорное впечатление, которое я произвел на тайных соглядатаев. Причем, чтобы они не поняли, что я раскусил эту игру.

Я призвал на помощь бывшее актерское мастерство. Устало рассмеялся, приосанился, сплюнул на пол, произнес: «Вот, сволочи...», – кажется, прозвучало хорошо. Крепко, с презрительной хрипотцой Мужественный веселый человек ради собственной забавы покривлялся перед дверью и перестал. Подумаешь, ну, справил нужду – дело-то обычное. А теперь наружу вылез истинный негнимоемый характер. Эдакого парня разве испугаешь одиночной камерой. Он сейчас отожмется от пола, потом за стол сядет и начнет тетради листать...

Их было шесть – черная, голубая, серая и три коричневых, – древние, из незапамятных советских времен тетради, в клеенчатом переплете. Таких я давно уже не видел. Они исчезли с прилавков много лет назад.

Черная оказалась початой. На обложке от руки кто-то написал: «Для кулинарных рецептов». Внутри тетрадь была разделена на главы «Первые блюда», «Блюда из мяса», «Блюда из рыбы», «Десерты», «Салаты», «Напитки». Рецептов не было, сразу после заглавия шли чистые листы.

Коричневые тетради были нетронутыми, но я тщательно их просмотрел до самого типографского верлибра на заднем форзаце:

Понинковская КБФ

ТЕТРАДЬ ОБЩАЯ

Арт. 6377-У 96 листов

Цена 84 коп.

ГОСТ 13 309-79

В серой тетради цена была перечеркнута и написана новая, чернилами – 1,65 коп. Ниже стояла подпись того, кто зачеркнул старую цену.

В голубой тетради лежал лист отрывного календаря за девяносто девятый год, четырнадцатое октября, четверг. На лицевой стороне была какая-то астрологическая чушь:

«Солнце в Весах, Управитель Юпитер. Восход 7.57. Заход 18.33. Следите за словами и эмоциями, рекомендуется помолиться и проговорить позитивные настрои и установки. Не увлекайтесь сладким. Нельзя воздействовать на печень, желчный пузырь, кровь и кожу. Можно лечить болезни легких, бронхов. Камень Солнца – лабрадор. Камень Луны – гиацинт»

Из любопытства я перевернул клочок, и мое сердце будто рванули вниз, распарывая внутренности. Вот что было напечатано крошечно-муравьиным шрифтом:

Покров.

Этот праздник уходит корнями в глубокое языческое прошлое, когда наши предки отмечали встречу осени с зимой. Народные верования связывали название Покров с первым инеем, который «покрывал» землю. С приходом на Русь христианства этот праздник отмечался в честь пресвятой Богородицы и ее чудесного плата – покова или мафория, который она распростерла над молящимися в храме людьми, защищая «от врагов видимых и невидимых».

На Руси с Покрова дня начинались свадьбы Девушки, веря в силу Покрова содействовать брачному союзу, спозаранку бежали в церковь и ставили свечу празднику. Существовало поверье: кто раньше поставит свечу, тот раньше и замуж выйдет.

В старину говаривали:

На Покров до обеда осень, а после обеда – зимушка-зима.

Покров, натопи избу без дров!

Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня женишком!

Опосля Покрова заревет девка, как корова.

Кровь горячими спазмами окатывала голову Я склонился пониже над столом, опасаясь, что на лице проступила гипсовая маска ужаса Долго не мог отдышаться. Воздух перехватило, словно окунули в прорубь Слава Богу, я полагал, что за мною наблюдают, и ничем себя не выдал, сдержался Я слишком хорошо знал, что означает в громовской терминологии слово «Покров»...

Листок, залетевший из прошлого тысячелетия Он всегда передо мной Черная метка и бессменный календарь. В бункере с первого дня застыло 14 октября, вечный Покров...

Утихли кровяные пульсы в голове, восстановилось дыхание И колотящееся сердце потащилось назад, застегивая на болезненную змейку второпях разорванное нутро Я заставил себя поверить, что календарный лист не изощренное послание Горн, а глупая случайность, недоразумение.

Меня отвлек зарокотавший в стене невидимый механизм. Я стремглав подбежал к заслонке В нише стоял поднос с едой и чистое фаянсовое судно, пахнущее хлоркой.

Я для порядка покричал в подъемник: «Откройте, откройте!», – лишь ойкнуло жестяным эхом в шахте.

Вытащил поднос: пюре с котлетой, салат и чай Голода не было, но я поел Спокойно, с достоинством, позируя наблюдателям.

Затем поставил в нижнее отделение ниши «утку», полную разжиженного страха, а на верхнюю половину – поднос с пустыми тарелками Прикрыл заслонку В стене заскрежетали шестеренки, скрипнул трос...

Я еще долго играл на публику – хорохорился, вслух дерзил, чуть восстановились связки, горланил песни – словом, изображал бесшабашного удальца. Разве что спал при включенном плафоне. Я попробовал без света, но космическая темнота бункера сразу превращалась в безвоздушный страх. Это было выше моих сил

Я украдкой изучил потолок, стены, фальшивые «окна», клеенные фотообои и нигде не нашел скрытых шпионских устройств. Кроме дверного глазка, ничто не смотрело внутрь бункера, поэтому «спектакли мужества» я ставил перед дверью

Катились одинаковые дни, разнящиеся лишь гарниром. Никто не восхищался отважным узником, не посылал ответных сигналов, из которых он бы мог предположить, что

его поведение оценено Лишь безучастный подъемник исправно, четыре раза в сутки поставлял мне пищу и судно

Более календарного листка, найденного в голубой тетради, меня подкосили лампочки. Их присылали с каждым обедом Достаю поднос, а на салфетке – лампочка. Матовая, на шестьдесят ватт Вначале я был рад. Потом порядком струхнул, хоть и не подал виду, что догадался: меня хотят впрок обеспечить светом Ради эксперимента отправил одну обратно, так на следующий день прислали две. Пытка прекратилась, когда этих лампочек накопилось штук сорок или больше.

Однажды я понял, что тюремщиц не интересует мой характер, и перестал корчить храбреца. Единственное, я еще долго не мог смириться, что брошен на произвол судьбы Подъемник был хоть и односторонним, но все же средством коммуникации. Я настойчиво пытался наладить диалог, писал развернутые жалобы на имя Горн, неизменно начиная: «Уважаемая Полина Васильевна»

Убедительно и вежливо просил объяснить причины моего заточения, стыдил за нарушение слова, хоть и осознавал, что косвенно Горн свое обещание сдержала – я получил жизнь и неприкосновенность.

Между упреками и требованиями я кланчил мелкие поблажки То мне еще одно одеяло подавай, то витамины и телевизор, то парацетамол и свежие газеты. Ничего не получил

Впрочем, я не могу утверждать, что на меня совсем не реагировали У Горн было особое представление о потребностях заключенного Ведь прислали же мне без всяких напоминаний вату, спирт И электробритву дали, маникюрные ножницы, о которых не осмеливался просить.

Каждый божий день я строчил письма и клал в подъемник рядом с грязными тарелками Ответа, разумеется, не дождался. Нет, вру. Один раз ответили. Но не в виде письма

Дело было так Я как-то сорвался и отправил Горн очень грубое послание. Начиналось оно словами: «Горн – ты блядская сука и сраная пидараска!». До завтрака я излил на бумагу весь свой матерный арсенал. Я очень надеялся, что беспрецедентное хамство подвигнет Горн на ответную реакцию.

И не ошибся. Мне, как обычно, прислали обед, и в стакане с компотом плавал густой смачно-зеленый плевок Вот и вся, с позволения сказать, переписка Впрочем, допускаю, что плевала в компот не Горн, а повариха. Она тоже могла обидеться за начальницу

Я извинялся на нескольких листах, мол, нервы сдали. Мне никак не дали понять, что я прощен, но в компот больше не плевали И на том спасибо.

Я почему-то укрепился в ложной уверенности, что меня засадили в бункер не для того, чтобы уморить. Кормят, ухаживают – стало быть, нужен живым. А если жизнь Вязинцева представляет ценность, то, в свою очередь, смерть Вязинцева невыгодна. Проверить это допущение можно было единственным способом – разыграть самоубийство и выманить тюремщиц в бункер. В лучшем случае, они заявятся спасать «внука». В худшем – забрать бездыханное тело.

Я не знал, что даст мне появление охраны в бункере – сбежать-то вряд ли получится, а разоблаченный, я превращусь в посмешище. Нужно было все хорошенько обмозговать Перебрав множество вариантов, я выбрал голодовку Во-первых, смерть была удобно растянута во времени, да и Горн могла сжалиться раньше критического срока Во-вторых, меня было сложнее уличить в симуляции – поди разберись, насколько я истощен и обезвожен в действительности

Я потихоньку делал запасы хлеба и прятал в одеяле Скопив буханки полторы, написал прощальное письмо

Завтраки, обеды, ужины нетронутыми отправлялись обратно Я питался в темноте сухарями, и тогда же ползал к батарее на водопой, от души надеясь, что Горн не прознала о дополнительном источнике. Утолив жажду, зажигал свет и демонстративно на всеобщее обозрение чахнул. Первые три дня я пользовался судном – дескать, организм еще вырабатывает остаточные ресурсы. Потом и судно уплывало наверх пустым – а откуда ему быть полным? Гордый заключенный не ест и не пьет

Я соорудил специальный насест из бумаги и опраивался туда А мочился под батареею, в естественный сток между полом и плитинусом Все это в полной темноте Батарея давала в сутки максимум два стакана, так что я в какой-то степени страдал от недостатка жидкости Кроме того, концентрированная моча скверно пахла канализацией. Слава Богу, скудная хлебная диета сказалась положительно на плотности стула, он был сухим и почти без запаха

Тянулся пятый день голодовки Никто не спешил меня провести Чтобы усилить внешний эффект, я кашлял, как туберкулезник, хватался «высохшей» рукой за живот, точно затыкал рану – голодные муки, все больше втягивал щеки, изображая крайнее истощение, ходил, придерживаясь за стену, – спектакль, достойный отпрыска Института культуры Затем улегся на тахту, прикрылся одеялом и затих в притворной спячке Я безумно надеялся, что вскоре щелкнет засов и в бункер войдет Горн Я бы поднялся на слабых руках, разлепил пересохшие губы – я с горя доел под одеялом весь черствый запас сухарей и теперь страшно хотел пить – и сказал бы: «Подите вон... Я хочу умереть...», – и изможденно повалился бы впалой грудью на тахту

Возможно, меня подвело отсутствие часов, и я начал кончаться слишком рано Замкнутое пространство порождало иное ощущение времени. Позже я изводил себя мыслью, что слишком поспешил, но, с другой стороны, у каждого организма свои лимиты, и старухи должны были это учитывать

Засов не щелкнул. Горн не пришла. Прижала малая нужда. Я не выдержал и сполз на пол. Загрохотал подъемник – привез обед Мне вдруг стало противно: я лежу на боку под батареей, сцеживаюсь короткими – чтобы успело стечь – струйками, бункер смердит, как общественный сортир. А наверху никому нет дела до меня.

Я, взбешенный, поднялся, включил лампу, открыл заслонку. Достал судно, поссал, как белый человек. Вывалил туда заодно и весь насест. Мне было наплевать, что подумают старухи, увидев трехдневную кучу.

Я вытащил из ниши поднос и жадно похлебал супа. На второе были шницель с пюре – казалось, ничего вкуснее я сроду не ел. На этом голодовка закончилась Я сложил вылизанные до блеска тарелки в подъемник. Заскрежетали шестеренки механизма. Эхо шахты жестоко исказило технический шум до каркающего хохота

Рецидив, второй и последний, случился через месяц. Я опять решился на суицид – вскрытие вен. «Кровь» изготовил из воды, тертого кирпича и порции клубничного джема Требуемые ингредиенты развел в стакане.

Полуотправил письмо, стал перед дверью – тюремщицы должны были видеть мое римское харакири – раздавил подошвой лампочку, взял с пола тончайший лепесток стекла и полоснул себя (даже не царапнул) по венам. Быстро отвернулся. Загодя я набрал полный рот кирпично-джемового эрзаца, который выплюнул на руки, продемонстрировал глазку уже залитые «кровью» запястья и сел за стол умирать – спиной к двери. Я помаленьку подливал из стакана свежей «крови», чтобы она стекала на пол тонким убедительным ручейком, и «слабел» На мой взгляд, картина была реалистичной.

Требовалась большая выдержка, чтобы показательно истечь силами, истаять,

медленно, как снеговик Я прилег щекой на тетрадь, замер И начался устный отсчет: один, два, три, четыре, пять... и до шестидесяти – минута Шестидесят минут – час Каждый новый часовой круг я уговаривал себя потерпеть и побыть еще немного умершим... Минула ночь. Как ни в чем не бывало, проснулся подъемник. Но престарелые мрази и не подумали явиться! Даже если они раскусили мою потешную голодовку, то с венами они не имели права сомневаться! Я ведь действительно почти умер!

Истина была тяжела Никто за мной не следил. А если и следил, то плевать он хотел на позорные инсценировки! В припадке гнева я расколотил о дверь кресло, но потом снова собрал – сидеть на чем-то надо. С того дня я твердо знал, что если подохну, то бункер просто зарядят новым «внуком».

У неприятного открытия неожиданно обнаружились и позитивные моменты Круглосуточный театр чудовищно утомил Я наконец-то смог расслабиться От нахлынувшего одиночества я не опустил. Ел аккуратно, обтирался спиртом, причесывался, брился, делал зарядку За месяц показушного актерства гордая осанка засела в плечах как судорога Приступы страха случались со мной все реже. Так неопытный ныряльщик в первые секунды чувствует в груди дискомфорт погружения А нужно лишь перетерпеть позыв к вдоху, до настоящего удушья еще весьма далеко...

Чтобы отвлечь ум, я изобрел занятие. Ведь неспроста мне подложили чистые тетради и вязанку шариковых ручек.

Еще в незапамятном школьном детстве, по примеру комсомольцев шестидесятых, отправлявших приветственные капсулы в коммунистическое будущее, я тоже слал себе письма Бывало, пишешь, заклеиваешь конверт и договариваешься, что распечатаешь лет через десять. Так я неожиданно узнал, что почерк старится вместе с человеком. Частенько я надрезал ключом мягко-голубую кору тополя, представляя, что когда-нибудь, спустя годы, повзрослевший, я прикоснусь пальцами к древесным рубцам и вспомню мальчика в дутой синей куртке и вязаном «петушке», царапающего ключом ствол, и это будет переданным через года приветом.

Работа с видом на Кремль увлекла, я совершенно не чувствовал себя обезумевшим Нестором, кропающим повесть своих временных лет. Я писал, в паузах гасил лампу и без света отдыхал Кромешная темень превращала бункер в черный ящик, и я был пишущей начинкой, которую однажды отыщут и прослушают Подошла к концу серая тетрадь, я взялся за коричневую...

Первой мой унылый досуг летописца скрасила Книга Силы – «Пролетарская» Сюжет ее был таков. Пять лет как отгремели бои Страна перестраивает экономику на мирный лад. В военные годы план достигался нечеловеческим напряжением, сверхурочными сменами Новая жизнь требует не только энтузиазма, но и новаторской мысли Много трудностей встает на этом пути, в том числе и консерватизм некоторых руководителей предприятий. Непростая ситуация сложилась на шахте «Пролетарская» В центре повествования инженер Соловьев Бывший фронтовик пытается сломать устоявшиеся порядки, добивается механизации в забое. Соловьеву противостоит начальник шахты Басюк Он одержим стереотипами военного времени – любой ценой, хотя бы штурмовщиной, выполнить план. Басюк не в состоянии понять, что грандиозные перспективы мирного строительства требуют иных темпов и производительности, которых не достичь на устаревшем оборудовании. Отказ от своевременной модернизации систем безопасности приводит к несчастному случаю Басюк пытается свалить всю ответственность за случившееся на Соловьева. Понадобилась вся решительность, суровость и прямота таких закаленных войной людей, как парторг Чистяков, бригадир забойщиков Личко, чтобы заслуженное наказание понес истинный виновник...

Начитавшись Книги Силы, я пытался выломать дверь Напрасный и болезненный труд. Переизбыток дурной мощи чуть не оставил меня калекой Я не заметил, как надорвался, поднимаемая тяжеленный дубовый стол, которым таранил неподатливую броню.

Дверь не шелохнулась, прежде начал крошиться дуб. Действие Книги прошло, и меня скорчило от жуткой боли в животе и спине Не мудрено, Книга Силы активизировала потайные физические резервы конкретного читающего индивида В тот момент я был максимально сильным лишь в пределах моего организма, а дверь бункера не просадил бы и гранатомет.

Мне удалось, ободрав пальцы, слегка отогнуть заслонку пищеподавника, заодно я убедился, что через шахту не сбежать, – стальной блок практически без зазоров перекрывал окно подъемника.

По всей видимости, я нарушил герметичность поврежденной заслонки, потому что в бункер лучше стали проникать звуки невидимой кухни: позывные радиостанции, музыка, перекликающиеся голоса поварих, лязг посуды в мойках.

В одно и то же время, между завтраком и обедом, на ретро-волне крутили советскую эстраду. Передача шла около получаса, и я не отказывал себе в удовольствии отвлечься и послушать Пахмутову, Крылатова или Френкеля

Я предпринял очередную попытку переписки, отправил две цидулки шантажного толка: угрожал уничтожить Книгу Силы А мне спустили Книгу Власти «Счастье, лети». Повесть на двухстах с небольшим страницах воспевала подвиг целинников По зову партии молодежь со всех концов Союза двинулась осваивать невозделанные земли Евгений Лубенцов недавно окончил сельскохозяйственную академию, его оставляют на кафедре аспирантом Перед ним открывается заманчивая перспектива: защита диссертации, жизнь в большом городе Однако Лубенцов принимает корчагинское решение поехать на целину агрономом Он специально выбирает самую отсталую МТС. Лубенцову приходится проявить большие организаторские способности, чтобы наладить работу станции Постепенно Лубенцов учится разбираться в людях Дома он был влюблен в Элину Заславскую, девушку внешне эффектную и, как ему думалось, возвышенную и одаренную. Но на целине он почувствовал цену коллективизма, товарищества, что помогло ему раскусить мещанскую сущность Элины. Для нее героический, благородный труд во имя народа и страны – романтическая глупость. Лубенцов понимает, что Элина не может быть верным другом на всю жизнь. Новую любовь он находит в прицепщице Маше Фадеевой...

В художественном отношении повесть была намного слабее «Пролетарской». Отрицательные персонажи были выписаны излишне гротескно, как карикатуры в «Крокодиле». По тексту неистребимым газетным пигментом проступал очерково-популярный стиль: «Они радостно воспринимали величие и красоту природы, ее мудрость и щедрость, и не жалели сил, чтобы на пустовавшей земле заколосилась золотая пшеница»

Увы, мне не на кого было воздействовать Властью. Никто не видел царственную мимику, не внимал повелительным модуляциям голоса Я вхолостую метал взгляды-молнии на стены, дверь и подъемник

Третьей прислали уже знакомую Книгу Смысла с аккуратно подклеенным вкладышем, четвертой – Книгу Радости «Нарва», военную повесть о зенитчиках Если опустить небольшие лирические притоки с описанием судеб главных персонажей, сценки прифронтового флирта и прочие пасторальные вставки в начале повести, сюжет развивался в пределах нескольких героических суток Февраль сорок четвертого Зенитно-пулеметный взвод лыжного батальона закрепился на западном берегу реки Нарва При поддержке танков гитлеровцы атакуют позицию советских воинов Оборону возглавляет лейтенант Голубничий Основные силы батальона ведут упорный бой с танками и пехотой противника вдоль небольшого плацдарма за рекой Переправить пушки с восточного берега на западный невозможно – лед на Нарве взорван К исходу дня в строю пулеметчиков остаются всего трое – Голубничий и двое рядовых, Мартыненко и Тишин. Вечером к ним пробирается ефрейтор Скларов, он доставляет патроны После сильного минометного налета гитлеровцы вновь наступают Убит Мартыненко Раненые Голубничий и Скларов снаряжают ленты, Тишин перебегает от пулемета к пулемету, чтобы враг не догадался, что невредимым на позиции

зенитчиков остался один боец. Когда фашисты врываются в расположение взвода, Голубничий сигнальной ракетой вызывает огонь нашей артиллерии на себя. Над позицией бушует пламя разрывов, гитлеровцы в панике бегут. Прибывшие подразделения гвардейской стрелковой дивизии форсируют реку Нарва...

Радость в чистом виде не содержала сорных примесей веселья и смешливости. Одно торжество и ликование духа. И тем горше был перепад настроения, когда ощущение ослепительного восторга сменил отходняк, полный беспросветного отчаяния.

Я не сомневался, что прагматичная Горн с самого начала уготовила мне роль жертвенного «чтеца». Как же горько я пожалел, что не погиб у сельсовета вместе с остальными широнинцами. Тот, кому суждено быть повешенным, должен молиться на свою веревку и причащаться кусочком мыла, потому что если он вздумает утопиться, он будет тонуть так, что не приведет Господи. Славную и быструю смерть от крюка или топора я променял на бегущую по замкнутому кругу трудовую повинность.

На протяжении многих дней Книгой Радости, как водкой, я глушил страх, дважды за сутки погружая себя в радужное состояние экстаза. Я старался подгадывать с чтением, чтобы финальные страницы совпадали с музыкальным ретро-эфиром. Так эффект от Книги длился почти вдвое дольше.

От беспробудного «пьянства» со мной пару раз случались галлюцинации. То за дверью слышались чьи-то шаги, ржаво скрипел открываемый засов, или же в шахте подъемника раздавался далекий голос покойной Маргариты Тихоновны, обсуждающей с кем-то мое обеденное меню. Она убеждала, что «Алеша с детства ненавидит курицу».

Я понимал, что меня дурачат слуховые миражи, но все равно кричал ей, просил вытащить из бункера. И словно назло, на обед давали макароны и пупырчатую куриную ногу...

Это продолжалось, пока не прислали Книгу Терпения. Подаренное Книгой от мороженое безразличие устраивало меня куда больше – терпение в отличие от радости практически не имело чувственного «похмелья».

Книгу Ярости – «Дорогами Труда» – я намеренно прочел без соблюдения Условий. Я не хотел приводить себя в состояние берсерка. Сражаться было не с кем, кроме того, я боялся повредить себя в слепом бешенстве.

Коротко скажу, что Книга повествовала о рабочей династии Шаповаловых, как из небольшого завода по ремонту сельхозтехники вырос металлургический комбинат с автоматизированным производством, а поселок Высокий разросся в город...

Я ждал седьмую и заключительную Книгу Памяти. В том, что она появится, я не сомневался. Подъемник из кормильца превратился в орудие мучительной пытки. Каждый раз я обмирал, открывая заслонку. После изнурительных волнений кусок в горло не лез, случалась и нервная рвота. Только искусственное терпение спасало.

Я не задавался вопросом, каким, собственно, образом старухи засадят меня за Книги. Механизм принуждения был очевиден. Когда заглохнет подъемник, перед Алексеем Вязинцевым встанет достаточно простой выбор: околоть от голода или сделаться оберегом Родины. Я лихорадочно набивал ящики стола хлебом.

Разумеется, я создавал: сколько ни запасайся, сухарям придет однажды конец. Части чтеца-хранителя было не избежать, я мог лишь оттянуть время, уповая на немислимый спасительный «авось». Вдруг Книга Силы все-таки оказалась в единственном экземпляре? Что если ослабевшая Горн и четырнадцать старост уже давно умерли? Следовательно, наверху рано или поздно сменится руководство. Новая атаманша пожелает вернуть из подземелья ценнейшие Книги. Им придется договариваться со мной, а я уж поторгуюсь...

Подвешенное состояние было хуже приговора и исполнения А меня, как нарочно, оставили в покое на три месяца Закрома ломились. Как скряга, я складывал сэкономленные куски хлеба в кирпичики-буханки – их получалось четырнадцать с половиной. Этого запаса мне хватало до лета, а ленинградским пайком и того больше

Я скучал Письменный труд был в сути завершен. Я начал с краткого обзора громовского универсума на основе материалов, почерпнутых из хроник Горн, описал и мой короткий библиотечарский век, славную гибель широнинской читальни, и даже первые месяцы в бункере Повествование ухватило себя за хвост Больше откровенничать было не о чем, разве что дополнять уже написанное...

Апрельским или майским утром я открыл заслонку. Сверху на подносе лежала Книга Памяти, внизу судно. Пищи и воды не было

ХРАНИТЕЛЬ РОДИНЫ

«Мы все в неоплатном долгу перед Родиной. Бесценны ее дары Каждому светят рубиново-красные кремлевские звезды, согревая лучами свободы, равенства и братства Что еще надо для счастья?! Родина добра и щедра, долгов не считает. Но случается, напомним о них Значит, Родина в опасности, и долг вернуть ей необходимо мужеством, стойкостью, отвагой, подвигом.»

Этот отрывок я вызубрил наизусть в третьем классе Наша школа имени Ленина готовилась к майским торжествам Ожидалось райкомовское начальство Перепуганная директриса под присмотром завотделом районо самолично вышибала дух из малолетних декламаторов, допущенных к смердящим мастикой подмосткам актового зала Избранных в последние дни освободили от уроков и натаскивали с утра до вечера Меня и сейчас можно поднять ночью, и я отбарабаню без запинки: «Мы все в неоплатном долгу...» Этот отрывок выжженным тавром остался на шкуре памяти

Я уже был пионером с 22 апреля, но ради праздника с меня и еще нескольких третьеклассников галстуки сняли, чтобы заоблачные гости из райских сфер могли поучаствовать в ритуале и по второму разу принять нас в ряды пионерской организации.

«Если сравнить страны с кораблями, то Советский Союз – это флагман мирового флота Он ведет за собой другие корабли. Если сравнить страны с людьми, то Советский Союз – это могучий витязь, побеждающий врагов и помогающий в беде друзьям. Если сравнить страны со звездами, то наша страна – путеводная звезда. Советский Союз показывает всем народам мира путь к коммунизму.»

Сперва мне дали именно этот отрывок, а потом заменили на «Мы все в неоплатном...». Я очень тогда переживал. Торжественные слова о флагмане, витязе и звезде нравились мне больше. Даже не сами слова, а я, звонкий, как корабельный колокол, произносящий их

В сценарии произошли изменения, завотделом переставил «Союз» в самый конец, и отрывок передали какой-то старшей девочке, чей отец был председателем райисполкома А чувственный абзац про Ленина: «Вечно будет течь людская река к Мавзолею», – читал гордый сын первого секретаря райкома партии.

Дурманящий запах мастики мутит взвинченный донельзя рассудок. Я вступал после: «Нашу страну омывают двенадцать морей, а еще два моря разлились на ее землях», – прокричал в зал мой текст, не слыша голоса, оглушенный биением сердца. Нам аплодировали. Секретарь райкома комсомола повязала мне галстук и приколотла на белую рубашу пионерский значок...

И вот канувшая страна из небытия предъявила затертые векселя о долге, в которых столько лет назад я опрометчиво расписался, потребовала стойкости, отваги и

подвига.

Все было справедливо. Я хоть и с запозданием, но получил обещанное советской Родиной немислимое счастье. Пусть фальшивое, внушенное Книгой Памяти. Какая разница... Ведь и в моем настоящем детстве я свято верил, что воспетое в книгах, фильмах и песнях государство и есть реальность, в которой я живу Земной СССР был грубым несовершенным телом, но в сердцах романтических стариков и детей из благополучных городских семей отдельно существовал его художественный идеал – Союз Небесный С исчезновением умственных пространств умерло и неодоушевленное географическое тело

Даже когда ненависть к собственной стране и ее прошлому считалась в обществе признаком хорошего тона, я интуитивно сторонился разоблачительных романов, орущих прожорливыми голосами чаек о всяких гулаговских детях Арбата, идущих в белых одеждах Меня смущала литературная полуправда, и в особенности ее насупленные авторы, колотящие о стол гулкими черепами жертв минувшей социалистической эпохи. Этот костлявый перестук ничего не менял в моем отношении к Союзу. Повзрослевший, я любил Союз не за то, каким он был, а за то, каким он мог стать, если бы по-другому сложились обстоятельства И разве настолько виноват потенциально хороший человек, что из-за трудностей жизни не раскрылись его прекрасные качества?

И был еще один ключевой момент, важность и парадоксальность которого я осознал лишь через годы Союз знал, как сделать из Украины Родину. А вот Украина без Союза так и не смогла ею остаться...

Страна, в которой находились одновременно два моих детства – подлинное и вымышленное – была единственной настоящей Родиной, которой я не мог отказать. И лежащая на подносе Книга Памяти была ее повесткой...

Я, конечно, не сразу в подобной философской манере рассуждал Вначале, едва я Книгу увидел, ноги, как говорится, подкосились, и страх так лягнул кровью под дых, что несколько минут толком вдохнуть не получалось, только рот открывал. Странно, я готовился почти три месяца, а роковой день все равно застал меня врасплох Потянулся было за Книгой Терпения, но бросил – я не одолел бы и страницы. Клацаю о стакан зубами, я выпил уже собранную воду, налил доверху спирту и опрокинул залпом. Обуглились горло и пищевод. Огненный столб ударил в голову...

Помогло. Я понял это, когда схлынул удушливый жар Словно навсегда перегорела деталь, отвечающая за страх. Мне больше нечем было бояться. Я навсегда успокоился.

* * *

Шла вторая неделя моего поста. Сухарей было навалом, и голода я не испытывал В батарее подозрительно шумело, удои чуть сократились. За последние сутки набежало полтора стакана Видимо, отопительный сезон подходил к концу, и воду вскоре могли вообще отключить.

Наутро в подъемнике оказалась моя личная одежда и – неожиданный сюрприз – куртка покойного Гриши Вырина Наверняка, кто-то из бабьей дружины Горн тогда у сельсовета позарился на необычный трофей и стащил с безликого мертвеца панцирь

Ничто во мне не дрогнуло. Я просто с удовольствием натянул поверх свитера пахнущую дымком куртку и почувствовал себя вполне защищенным.

Прислали зольингеновскую бритву Я воспринял это как шуточный намек на мои «вскрытые» вены и не обиделся. Сунул бритву в карман и выпил ржавого «чаю» вприкуску с сухарями

Наверное, это были самые безмятежные дни с момента моего заключения. Я даже сумел бы покончить с собой, если бы только захотел. Изначально, от природы, я не боялся смерти. Более того, почти до третьего класса я был уверен, что когда вырасту, то стану военным, однажды погибну, и над моей могилой прогремит торжественный салют. Чаще всего я представлял смерть с гранатой. Я отстреливаюсь от наступающих врагов. Замолчал автомат, кончилась обойма в пистолете. Я прячу последнюю гранату за пазуху так, чтобы легко дотянуться до предохранительной чеки. Я поднимаю руки, вылезая из укрытия и говорю, что у меня важное сообщение для их командира. Он подходит, самодовольный враг, его солдаты окружают меня. И тогда я дергаю зубами чеку и ухожу в вечность, в гранитные контуры монумента и золото букв на мемориальной доске: «Старший лейтенант Алексей Вязинцев пал смертью храбрых...». В минуты фантазий мои глаза горели от выступивших слез, и щеки пылали жаром мученического пламени той, еще не разорвавшейся гранаты...

Повзрослевшему, мне упростили задачу – предложили облегченный вариант подвига. Даже погибать было не нужно. Наоборот, вечно жить на благо Родины – чего же тут было бояться?

Меня не особенно волновало, что будет со мной, если я вдруг прерву чтение спустя, допустим, год? Выйду ли как медведь из спячки или же рассыплюсь прахом, сработает ли вообще пресловутый механизм бессмертия, заложенный в Книги...

* * *

Мне вдруг стали сниться убитые мной люди. Это были отнюдь не кошмары, а ровные эпические сны. В одном я перенесся в унылый пейзаж, что украшал мою стену. Бродил среди берез, дышал сырой прохладой, жевал талый снег, поглядывал за реку. На противоположном берегу сновал белесый, точно сотканный из паутины, павлик, что-то кричал, размахивая гипсовыми рукавами, но ветер уносил невесомые слова.

В другом сне ко мне пришел гореловский библиотекарь Марченко. Принес для институтской команды КВН переделанную песню: «В тоске и тревоге, не стой на пороге, я найдусь, когда растает снег». Я возражал, что про трупы – это чернуха, и редактор по-любому песню вырежет. А вокруг сидели широнинцы и говорили, дескать, я не прав и пародия смешная...

Я старался поменьше вспоминать о родных. Слишком тяжело было думать, что довелось им пережить за последнее время. Наверное, первый шквал горя уже утих. Полгода – большой срок. Они смиряются с утратой. Плодовитая Вовка родит третьего мальчика, его назовут в мою честь – Алексеем.

* * *

Убаюканный Книгой Памяти, в темноте я задремал, прислонясь ухом к подъемнику, и прозевал начало музыкальной передачи.

«... из фильма „Москва-Кассиопея“, – с радостным придыханием произнесла дикторша, микшируя слова с колокольно-скрипичными волнами оркестрового вступления.

Ночь прошла, будто прошла боль,
Спит Земля, пусть отдохнет, пусть.
У Земли, как и у нас с тобой,
Там впереди
Долгий, как жизнь, путь.

В непроглядной бездне потолка вдруг зажегся вселенский планетарий, звездный покров космической вечности, магическая запрокинутая круговерть крошечных светил, словно далекое отражение спящих городов, наблюдаемое из быстрого окна поезда, что несется мимо безымянных лунных полустанков, таинственных нечеловеческих

жилищ, манящих оранжевыми осколками электричества, мимо фиолетового неба с мигающей алой бусиной ночного самолета, чугунных перил над антрацитовыми реками, мимо запаха прогретого солнцем промышленного железа, черных султанов тополей с павильными сполохами семафоров.

Я возьму щебет земных птиц,
Я возьму добрых ручьев плеск,
Я возьму свет грозových зарниц,
Шепот ветров, зимний пустой лес.

С болезненной, всхлипывающей лаской прислушивался я к простому разговорному напеву, лишенному всякой фальши и манерности. Слова о расставании и дальней дороге трогали до глубины души. Голос, как заботливый наставник, расторопно набивал мой вещевой мешок всем необходимым, что может понадобиться в походе, из которого не суждено возвратиться...

Я возьму память земных верст,
Буду плыть в спелом густом льне,
Там вдали, там возле синих звезд,
Солнце Земли
Будет светить мне

Я возьму этот большой мир,
Каждый день, каждый его час
Если что-то я забуду,
Вряд ли звезды примут нас...

Что-то родное, сотканное из тополиного пуха и июньских лучей коснулось щеки, наполнило постную слюну грушевым ароматом дюшеса, вязким дурманом гематогена, повернулось юным лицом и взмахнуло на прощание рукой.

В глазах остывали счастливые теплые слезы. Я знал, что сухари и ржавая вода, по капле точащая стакан, мне уже больше не понадобятся...

* * *

Который нынче год на дворе? Если свободна Родина, неприкосновенны ее рубежи, значит, библиотекарь Алексей Вязинцев стойко несет свою вахту в подземном бункере, неустанно прядет нить защитного Покрова, простертого над страной. От врагов видимых и невидимых

Мне хочется думать, что летним вечером кто-то идет по загородному шоссе, мимо вишневых садов и сверкающих жестяных крыш Закат растекся над горизонтом густой свекольной патокой. Шелестят придорожные шелковицы, роняют ягоды в пыль. Обочина сплошь в чернильных тутовых кляксах. Медленный грузовик с разболтанным кузовом мазнул по воздуху теплой бензиновой гарью, за дальней насыпью простучал стальными подошвами товарняк, ветер поднял за чубы высокие травы...

Это еще не произошло, но так будет.

Я допишу последние слова Уложу тетради – черную, серую, голубую и три коричневых – в нишу подъемника Прикрою заслонку.

Потом я сяду за стол. Соберусь с духом Открою первую Книгу. Начну в хронологическом порядке, с Книги Силы

* * *

Я не умру никогда. И зеленая лампа не погаснет